

ЛЮБИТЕЛЯМ ДЕТЕКТИВА

КЛУБ  
"ЗОЛОТОЕ  
ПЕРО"

# САН-АНТОНИО

Стендинг  
или

*Правила приличия по Берюрье*



---

ЛЮБИТЕЛЯМ ДЕТЕКТИВА

---



КЛУБ  
"ЗОЛОТО  
ПЕРО"



КЛУБ  
"ЗОЛОТОЕ  
ПЕРО"

---

## ЛЮБИТЕЛЯМ ДЕТЕКТИВА

---

Английское слово *standing* так же труднопереводимо, как и слово *джентльмен*. В данном случае оно могло бы быть переведено как *светскость*, *изысканность*, *шик* и т.д., но я предпочел оставить его таким, как есть, ибо любое из слов перевода неизбежно сузило бы его значение. К тому же, будучи произнесенным с мягким «т» в традициях русского произношения, оно как раз передает простонародный оттенок названия оригинала (*стан-дэнж*), как впрочем и простонародность самого героя.

(Прим. переводчика)

***САН-АНТОНИО***

***Стендинг  
или***

***Правила приличия по Берюрье***

*Перевод с французского*

**МОСКВА  
«ТОПИКАЛ»  
1994**



**ББК 84.4  
С18**

Оформление серии  
*Владимира Катина*

Оформление обложки  
*Сергея Меркулова*

*Перевод с французского*  
**Геннадия БАРСУКОВА**

## **Сан-Антонио**

Стендинг или правила приличия по Берюрье: Роман/  
Пер. с фр.—М.: Топикал, 448 с., ил. (Клуб «Золотое  
перо»; любителям детектива).

**ISBN 5-85256-022-7**

Всякое упоминание о Сан-Антонио вызывает у французов улыбку. Чтение его книг сопровождается неудержимым смехом. Смехом, который вызывает слезы, очищает души и даже излечивает болезни. Франция и Сан-Антонио неразделимы. Более того, они почти неотделимы, ибо Сан-Антонио считается непереводаемым писателем. Язык Сан-Антонио — это игра слов, каламбуры, арготизмы, сан-антонионизмы и вообще всякая алхимия слов, звуков и чувств. Здесь все необычно. Необычен и сам жанр: комический детектив. Но самое главное для самого Фредерика Дара (настоящее имя) — это крик души, обращенный к людям. Люди! Будьте людьми!

**ISBN 5-85256-022-7**

**ББК 84.4**

© Художественное оформление серии,  
оформление обложки «Топикал». 1994.

## *Предисловие к французскому изданию*

### **ПОЧЕМУ Я ЛЮБЛЮ САН-АНТОНИО**

Останется ли Сан-Антонио в литературе? Я думаю, у него нет такого намерения, и я рад за него. Быть скоропортящимся продуктом ширпотреба, ежедневно доставляя радость десяткам тысяч хороших людей, у которых не так уж много удовольствий в жизни — такая судьба ничуть не хуже тех консервов, которые открывают по великому случаю, стараясь показать, что это вкусно, потому что дорого. Я сомневаюсь, что когда-нибудь будут писать диктанты по Сан-Антонио на аттестат. Хотя, кто знает, со всеми этими реформами?

Если Сан-Антонио останется, это произойдет по-другому. Он останется подобно «*Канар Аншенё*»\*, потому что он уже внутри нас, потому что он уже прочно вошел в наш язык; потому что уважаемый господин уже говорит по-санантониювски, не подозревая об этом, благодаря нити, которая тянется от его детей

---

\* Фр. сатирическая газета. Дословно: «Закованная Утка» (здесь и далее с пометкой \* прим. переводчика).

и внуков. Я хотел бы, чтобы когда-нибудь изучали язык Сан-Антонио. Со времен Рабле мало писателей так умело манипулировали словом как он. Его личное аргю иногда восходит до поэтического творчества. Я хотел бы, чтобы он никогда не поддался соблазну стать интеллектуалом, подбирающим слова лишь потому, что они послушны мыслям, которые в них сидят. Я хочу, чтобы он продолжал стычки и скачки с этой веселой братией с постоянного двора, которая зовется синтаксисом, морфологией и стилистикой. Я хочу, чтобы он никогда не отступался ни от игры слов, ни от вульгарного каламбура, если такова у него фантазия, лишь бы он сохранял радость словесного изобилия, польки и кадрили слогов, двойного смысла, синонимов, паронимов и антонимов.

Есть люди, которые надевают на свой стиль презерватив, боясь, как бы чего не вышло. Сан-Антонио относится к тем, кто делает детей языком своих предков, незаконнорожденных конечно, но бойких малых, которым я желаю острого глаза, быстрых рефлексов и нелегкой жизни.

*Робер Эскарпи*

## ВВЕДЕНИЕ (без боли)

*Папа встречает маму.*

*Хорошего не ждите!*

*И впрямь, как-то вечером Мама ласково зовет Папу на совещание в верхах по вопросу Вас касающемуся...*

*А вот Мама уже вся в расстроенных чувствах. Она держит в руках почтовый календарь с иллюстрациями, изображающими: укрепления Каркассоны, котят в корзинке, какой-то эпизод с рыбалкой на берегу Уазы; но в ее намерения вовсе не входит любоваться этими красотами, тряся календарем перед папиным носом.*

*Кроме восходов солнца и лунных серпов, они находят самое главное: даты и имена. Даты полны коварства. От имен веет небольшим утешением. На миг остолбенев, Папа наконец задает вопрос:*

*— Как мы его назовем?*

*Вот тут-то совершенно определенно у вас все и начинается.*

*Ибо с вами только что приключилось нечто невероятное: жизнь! Есть две разновидности жизни. Ваша и чужая. Сложность состоит не в том, чтобы прожить свою (если вы неприятельны, это удается), а в том, чтобы вытерпеть чужую. Для этого приходится осваивать очень сложную науку, называемую прави-*



лами хорошего тона. Самое простое в этой науке, по правде говоря, это ее название.

Что же такое правила хорошего тона?

Может быть, это вовсе не наука, а искусство? Искусство человеческой комедии? Комедии, которую человек играет с большим или меньшим успехом на протяжении всей своей жизни, чтобы немного расширить едва заметный ров, что отделяет его от животного.

Правила хорошего тона начинаются до рождения и продолжаются после смерти, ибо есть такие плоды, которые совсем не умеют себя вести, и покойники, которые от них смердят (простите за выражение).

И наоборот!

Однажды человеку стало совестно кушать мамонта руками, и он принялся за составление катехизиса приличий. Шли века, таковой сорганизовался и стал щепетильным и требовательным; да так, что сегодня индивид попал в жесткий хомут обычаев и превратился в хорошо воспитанного робота, умеющего целовать ручки, счищать кожуру с персиков и уверять в глубоком уважении королеву Англии, при всем при этом все более теряя связь с действительностью.

В общем так: чтобы уметь себя хорошо вести (или уметь себя хорошо ввести), нужно более всего остерегаться вести себя как нужно.

Руководствуясь этим убеждением, я подумал, что было бы интересно поведать о злоключениях и размышлениях моего дражайшего Берюрье, который предпринял попытку преподать здесь Кодекс хороших манер; снабдив его всеми коррективами, продиктованными его простой и великодушной натурой, и обогатив его опытом самого интимного свойства.

Эту книгу можно было бы назвать «Подноготная Берюрье».

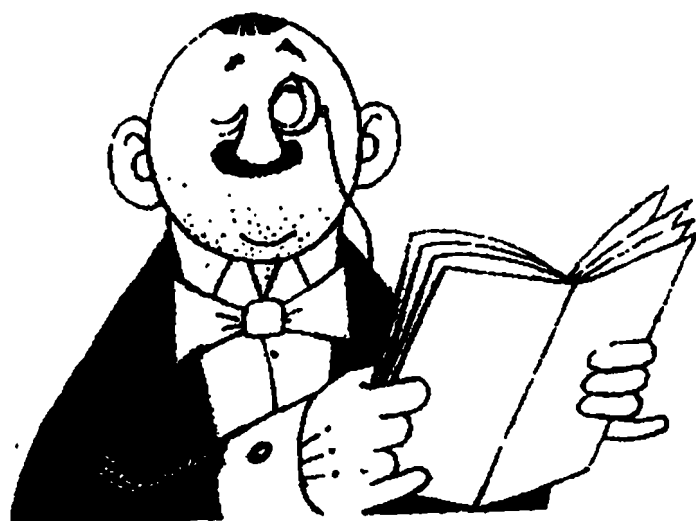
Очень честно говоря, я не питаю надежд, что после этой публикации кто-нибудь из нас

двоих будет назначен Шефом протокольного отдела в Елисейском Дворце\*, что весьма жаль, ибо мы внесли бы немного фантазии и веселья в тот дом, где не положено хохмить каждый день. Тем не менее, я убежден, что эти страницы будут полезны молодым людям, поскольку они подскажут им как не стать учтивой мумией, опутанной приличиями.

Грубоватый здравый смысл Берюрье это настоящая реформа понятий о вежливости, это способ раздвинуть границы обычаев, встряхнуть условности, в общем помочь современному человеку освободиться от мещанских предрассудков и светскости, что и позволит ему посадить семена своего стендинга (или засадить по нему!).

Так что не возмущайтесь и следуйте за гидом! Для начала выплесните воду из вашей чаши для омовения пальцев в декольте соседки и наполните ее красным вином, чтобы чокнуться с нами за шаловливое здоровье всех напыщенных, утонченных гурманов, именуемо-сослагательных, монокленосцев и всех тех салонеров, которые пытаются отдалиться от животных, но в конце концов принимают облик обезьяны, которая произошла от человека!







## ГЛАВА I

### *В КОТОРОЙ БЕРЮРЬЕ ПРИОТКРЫВА- ЕТ ЗАВЕСУ НАД МОТИВАМИ, ПРОБУДИВШИМИ В НЕМ ИНТЕРЕС К ИЗЫСКАННЫМ МАНЕРАМ*

Наипервейшая вежливость заключается в том, чтобы нравиться ближним, поэтому я всегда стараюсь одарить их своей ухоженной физиономией.

— Височки оставим? — спрашивает мой цирюльник, бросая в меня из зеркала взгляд одновременно учтивый, озабоченный и вопрошающий.

Я отвечаю, чтобы он укоротил на сантиметр, и собираюсь продолжить завораживающее чтение журнала *Иси Пари* в кружевном стиле: «Между Тони и Маргарет все рвется», как вдруг знакомый голос врывается в салон, где прежде царило благопристойное мурлыканье.

— Как бы нам сестричку, чтоб оформить грабли?

В тот же миг я оставляю бедняжку Маргарет с ее супружескими невзгодами и шарю перископом вокруг себя.



Я без труда засекаю Берюрье, который развалился в кресле словно свежесловленный кашалот в барке. Его светящаяся рожа подсвечена василькового цвета пеньюаром, в который облачили нашего Толстяка.

— Месье желает маникюр? — наконец-то перевел парикмахер.

— Йес, кореш,— парирует Громила и поясняет: «Мне бы клешни как у барона, глядишь — подойдет!»

— Маникюр! — тавкает напoмаженный изумительным голосом евнуха-севшего-на-раскаленную-плиту.

Маленькая прыткая брюнетка нарисовывается из подземелья с несессером в руках.

— Обслужите месье! — указывает чудик, едва скрывая гримасу отвращения.

Безропотно малышка садится возле берюрьевых колен. И тут Монстр предъявляет ей свою длань изысканнейшим жестом вроде: «Людовик XIV отсылает просителя!»

— А это, детка, предмет! — объявляет он.

Узрев выставленную непристойность, бедняжка делает подскок, и на лбу у нее выступают капельки пота. Надо заметить, такие заготовки увидишь не часто. Представьте темную массу шириной с тарелку, толщиной с дюжину эскалопов, покрытую шерстью и изборожденную шрамами. Пальцы короткие и широкие: каждый сустав расцвечен кровавыми ссадинами как следствие недавнего избиения, но верх ужаса это ногти. Твердые как кремь, в широком траурном обрамлении и зазубринами хуже, чем у пепельницы в бистро.

Малышка-маникюрша озирает руку, затем ее обладателя и бросает взгляд S.O.S. в сторону парикмахера, чтобы призвать его на помощь. Но подлый притворщик делает вид, что

ничего не видит. Неоказание помощи в беде, это ему зачтется!

— Ну как, сердечко, можно ли тут что-нибудь сотворить? — вопрошает Берю с легкой тревогой в голосе.

Француженка есть француженка: немного ветрена, быстро закипает и прочее, но уж если говорить о героизме, она не боится никого, вспомните Ивонну де Гайар. Одним словом, вместо того, чтобы лишиться чувств или удрать, мамзель Лапуш хватает антрекот Толстяка и окунает его в чашу с жидкостью.

— Что вы делаете? — вопит Махина, у которого отношения с водой весьма натянуты.

Она объясняет, что вода нужна, чтобы размягчить. Берю хмур. Если бы он знал, он не пошел бы на эту авантюру. Вода в чашке быстро меняет цвет и становится иистой.

Маникюрша, собравшись с духом, протестует:

— Вы могли бы сначала руки помыть!

— И кое-что еще, — веселится Пухлый, — может, надо ванну принять, коль вы мои когти кромсать будете?

Мужественно она принимается за работу. Эх, тут не пилку бы, а наждак. Рога, друзья мои, настоящие рога зубра.

— У вас явно нет недостатка в кальции! — стонет малышка.

— Я его сбрасываю в часы досуга, — шутит Его Величество, у которого юмор растет на подоконнике.

Ну и сеанс! Пилка стонет как ржавая пила в полене. Напомаженный перестал поливать лосьоном своего клиента, чтобы сечь на сеанс в полном комфорте. Остальные коллеги тоже подходят ближе. Зрелище, я вам скажу, достойно внимания. Есть что-то величественное в этой рубке сучьев. Малышка-маникюрша просто бесподобна в схватке со здоровен-

ной ручищей, созданной для того, чтобы крушить, рвать, вбивать, выбивать, месить, глушить, вздувать, сокрушать, уничтожать, рубить, врубать, вырубать и побеждать. Пилочница же олицетворяет хрупкость. Стиснув зубы, напрягши ноздри, с оскалом как у атлета в решающем рывке, она рашпилит когтевидного со знанием дела, силой и мужеством. Неописуемая, возвышенная, божественная! Вот он, французский жар во всем его величии! Браво! Иоанна д'Арк! Ломается крупная пилка номер ноль-ноль-ноль-один (точно такой пользовался Бальзак, когда пилил ногти на своих ходулях). Даешь! И тут же ей дают другую.

Серый дождь сыплется на сиреневый халат! Уже целая гора стружек вот таких размеров вырастает на полу. Но нужно видеть, что происходит с пальцами Берю! Один за другим его ногти, вот уже расчищенные, округленные, лакированные, полированные выплывают из гнойного шлама словно только что очищенные от кожуры фрукты, впервые явившиеся во всем своем сиянии на свет божий! От всего этого Берю потрясен, сбит с толку, да и обеспокоен тоже. Он осматривает новую руку, совершенно ему чужую, подозревая, что это ему не принадлежит, пытается примерить ее, как примеряют перчатку, разминая кожу в суставах.

Когда правая рука закончена, он сравнивает ее с левой и качает головой.

— Без булды, витрину сменили, — шепчет он.

Одна рука трубочиста, другая нотариуса. Одна ассенизатора, другая массажиста. Правая рука хирурга, а левая шахтера! Присутствующие издают возгласы восхищения. Кто-то аплодирует! Малышка-маникюрша, воспользовавшись паузой, выпивает чашку чая.

Мальчик обмахивает ее салфеткой. Хозяин заведения звонит по телефону, чтобы заказать для нее фиалки (какое совпадение, он уже давно хотел преподнести ей пучок).

— Очень устали? — спрашивают у бедняжки.

— Нет, нет, — отвечает она, трясая головой.

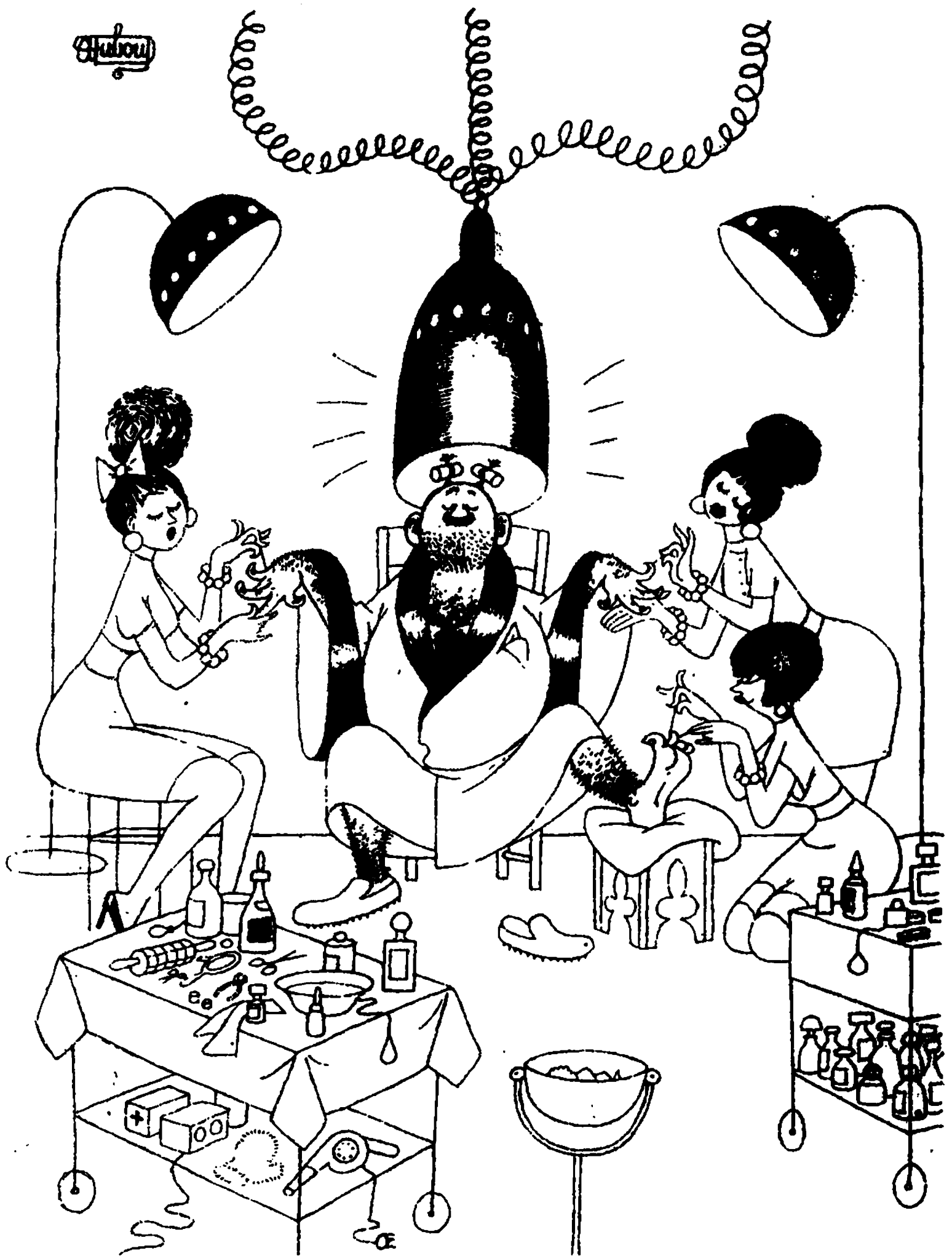
Словно храбрая козочка месье Сегена, вот она снова бросается в бой, предварительно припудрив руки тальком и понюхав ароматической соли. Ах, отважная малышка! Парень, которому она достанется, найдет в ней боевую подругу, это я вам говорю. Какое благородство в ее порыве! Какое самообладание и мужество! Какая профессиональная честность в неблагодарном деле, которое ей досталось, какое упорство в работе! Это невиданно, это прекрасно, это огромно, это выше понимания, это так высоко, это сбивает с толку, это потрясает! Нужно быть йогом или законченным голлистом, чтобы быть способным на такую самоотверженность.

Какой-то старый щеголь в старой замше, которого приукрашивают румянами и массажем, разрыдался под стягивающей маской. Да так, что его мастер-волшебник хватается за голову и вопит, что если вдруг водяной пузырь образуется в маске, месье будет иметь мешки под глазами величиной с кузнечные меха.

Вторая рука появляется медленнее. Роже-ницу сковывает физическое изнеможение. Несмотря на всю ее волю и храбрость, силы неизбежно идут на убыль. Пилка как бы увязает. Бедняжка в двух шагах (вернее, в двух пальцах) от того, чтобы выйти из строя. Обморок ее подстерегает. Патрон спрашивает, не дать ли ей подмену, но куда там, в гневе она отвергает. Она заканчивает мизинец, са-

мый маленький, но самый мерзкий из-за выгребных функций в медовых сотах Толстяка. Затем она переходит к безымянному. Великолепнейший из пальцев, этот безымянный, да и обручальное кольцо придает ему благородства. Щетина его лоснится, шарниры на нем не так подраны, как на других кореньях; видно, что ему он отдает предпочтение, это его любимчик. Именно он оповещает общество о том, что Берю супруг, и это дает ему статус благоприятствования. Толстяк его бережет. Не сует он его ни в уши, ни в полости носа, ни в пупок. Не окунает его в похлебку, чтобы проверить, горячая она или нет. Не пускает его в исследования какого-либо неизведанного отверстия. Не пользуется им для охоты за перхотью, давки бубонов или создания переполоха в лесных гнидовьях. Этот левый безымянный, это его протеже. Ноготь этого бравого пальца он грызет в минуты тревоги; на ногте этого пальца он выполняет действия умножения шариковой ручкой, когда платит налоги.

Украшать его, доводить до ума, придавать ему блеск новизны, работа относительно легкая. Это дает возможность благородной деве восстановить силы. Немного придя в себя, она бросается в атаку на средний палец. А этот вот пахарь! Исследователь с печатью исследований. Похоже, ему пришлось поработать больше, чем его друзьям по несчастью. Это типичный берюрьевый палец! Храбрец! Затежник! Всегда готов свернуться, чтобы нанести удар! Зверь в работе! Весь в следах от работы! Резаный, драный, растресканный, обмороженный. Гордый обломок! Он был поломан и запаян в два счета! Он выдержал все панариции! Все удары молотком! Все огни зажигалок! Вечно выживающий! Такие пальцы, сколько бы их ни прищемляли, сколько бы их ни



Перевоплощение Берю.





затягивало ремнями трансмиссий, все же выживают несмотря ни на что! К тому же, воинственный и шаловливый (Берю с одинаковой ловкостью владеет и правой и левой)!

Пилка грызет и грызет в отчаянном стоне со свистом. Она урчит и хрумчит, и точит, и формирует! Ноготь округляется и начинает — о волшебство! — походить на ноготь. Когда мисс Бархатная-Лапка заканчивает его, она вытирает пот на бледнеющей мордашке.

— Давай, девочка, — подбадривает Махина, — еще один и закрываем дело!

— Да нет же, еще два, — поправляет она умирающим голосом.

— Большой не надо, я его оставлю как есть. Нужен свидетель, чтобы показать, на что были похожи мои клешни раньше.

Радуюсь удаче, маникюрша дербанит малозаманчивый указательный. Указательный, на который можно указывать!

Выгребная операция завершается наилучшим образом в мире (и его окрестностях). Я нахожу, что момент удобен, чтобы объявиться и, освободившись от нескольких миллиметров волос, направляюсь к Его Величеству.

— В следующий раз, когда ты пожелаешь заняться ногтями, обратись к кузнецу, — советую я.

— Сан-А! — орет мой собрат, — ты здесь!

— Скорее твое присутствие здесь выглядит необычным, — уверяю я, — откуда в тебе такая неожиданная тяга к элегантности?

Он мне подмигивает.

— Я тебе все объясню, подожди, когда меня кончат. Если ты спугнешь моего цирюла, он может не сфурычить по отделке.

Но педокль протестует. Мол, с его мастерством это не причина, чтобы запороть месье.

Мол, даже при землетрясении он сможет сделать стрижку бритвой, таков он.

Продолжая возмущаться, он устанавливает фен на рожу Толстяка, вызывая у того бурю негодования.

— Он мне мозги сварит своей воздушкой,— голосит мой товарищ.

Он трясется, крестится, чихает, негодует.

Он говорит, что этот салон — пристройка тюрьмы Синг-Синг; застенки гестапо. Он багровеет, он плюется. Наконец сеанс закончен, и его освобождают от кресла, пеньюара, слюнявчика. Он свободен и великолепен. Полит лосьоном, присыпан тальком словно попка новорожденного, надушен, натуалечен, прилизан, превосходен.

— Бе-есподобно,— bleю я, увидев наряд словно при падении полотна на открытии памятника.

На нем безукоризненный голубой костюм внахлест, белая рубашка, галстук серого цвета, отливающий перламутром. Его новые черные туфли скрипят словно он давит сухое печенье.

— Бруммель! — восклицаю я ошеломленно.

Его эlegantность благородна, но нескромна. Он крутит аппаратурой, выставляет ноги в стиле Людовика XV и часто мигает веками над гипсовыми глазами.

Никогда за всю свою жизнь не видел я его таким разодетым, с такой изысканностью и таким вкусом. До сих пор его гардеробные запросы оставались очень гротескными, его слабостью были здоровенные квадраты (предпочтительно, зеленые и красные). Чем больше квадраты, тем больше он от них балдел, мой Берю. Бывало, он даже носил квадраты с квадратами!

— Ты приглашен в Елисей? — спрашиваю я на выходе из салона после раздачи солидных чаевых.

— Хуже! — отвечает он интригуяюще.

— О! Неужто королева Англии?

— Почти!

Неразговорчивый отец сворачивает самым естественным образом к бистро и оседает на скамью, обтянутую молескином.

— Сдаюсь, — объявляю я.

Будучи лукавым от природы, он плюзует содержимое своего стакана прежде, чем пролить свет в мой мутный фонарь.

— Это целая история, Сан-А. Представь, что я теперь гастролирую в высшем свете.

От этого сообщения у меня начинается покалывание в спинном мозгу.

— Ты!

— Я!

Он вытягивает перед собой наманикюренную руку, поблескивая лакированными ногтями в неоновом свете забегаловки.

— То бишь, я уже несколько дней один во всей Панаме\*.

— Твоя Берта тебя бросила?

— Она уехала лечиться в Брид-ле-Бэн, чтобы вернуть себе осиную талию.

— Так это же великое семейное потрясение! — восклицаю я, — семья вновь в разъезде!

— Так надо, — оправдывается Берю. — Представь себе, что Берти стала такой объемной, что на гражданский прием к ней можно попасть только при наличии маршрутных указателей! В то утро она взгромоздилась на весы и давай вопить, мол, чего это нету стрелки! Ничего себе! Эта бедная стрелка обезумела от ее веса и скрылась по ту сторону циферблата,

---

\* Париж (арго).

бедняга! Весы показывают до ста двадцати, дальше все покрыто мраком! Когда тебе уже не удастся узнать, сколько ты вешишь, Сан-А, нужно объявлять срочные сборы, верно я говорю? Иначе ты потеряешь связь с самим собой!

Сказав эти сильные слова, мой товарищ-философ призывает ко второму турне высокую благословенность гарсона.

— Все это не объясняет мне твое совокупление с аристократией, Толстяк.

— Сейчас. С утра, значит, загружаю я Бертю в поезд и кидаюсь ловить мотор. Открываю дверь такси в тот момент, когда одна персона открывает другую, и мы хором кричим: «Улица Помпы!». Смотрим друг на друга, следует взрыв смеха. С первого взгляда я определил, что это светская дама. Тогда я, а ты знаешь, как я галантен, вместо того, чтобы ее послать, а у меня на это были права, прикинь, во-первых, я мужчина, во-вторых, я полицейский, короче, я ей говорю бархатным голосом с пневматической подвеской: «Дорогая Маам, раз уж нам надо в одно место, покатаем вместе». Она колеблется, потом просекает, что имеет дело с джентельманом, и наконец соглашается.

— От Лионского вокзала до улицы Помпы мы пилим через весь Париж. В час пик, накинь еще часок. В общем, у меня было достаточно времени, чтобы влупить ей весь сеанс очарования, можешь не сомневаться. Я уж не помню, что я ей наплел, но когда мы въезжаем на улицу Помпы, она сама меня приглашает пропустить глоточек в ее гнезде. Я тут же заплатил за пол-дороги! А дом у нее, это надо видеть! Колотый камень, окна такой высоты, что если бы они были на первом этаже, из них можно было бы сделать ворота! На

лестнице ковер, в лифте бархатная скамейка для тех, у кого головокружение. Ну как?

Он выпивает второй стакан и оставляет красный шлейф на сером галстуке.

— И вот мы перед ее дверью: единственной на весь этаж, с циновкой гран люкс с инициалами дамы. Вместо того, чтобы вытащить ключи, она звонит. И кто же нам открывает? Слуга в полосатом жилете.

— Здравствуйте, госпожа графиня, — говорит этот раб.

— Я секу на даму, слегка ошарашенный. Она мне улыбается.

— Графиня Труссаль дю Труссо, — представляется она. И вводит меня в салон, где вся мебель выглядит так, будто только что слезла с лошади. Каким бы ты ни был республиканцем снизу доверху, тебя всегда впечатляет благородство и стиль Людовика XV. Это надо признать. Кликуха на ящиках производит эффект даже в наш век ракет и слабосоленых сырков. От всего этого я даже забыл выложить ей свою родословную, и графиню это терзало.

«С кем-таки имею честь беседовать?» — шепчет она, изнемогая от нетерпения.

Я чуть было не подавился, тем более, что на стенах была целая выставка портретов, нарисованных маслом (Сир вам их дарит). Они злобно сверлили меня глазами, точно консержка при виде щенка, который справляет нужду на ее парадный коврик. Дятлы без тени фривольности с острыми носярами и колючими глазами. Вот это и характеризует свет, дружище: он колкий.

Я чувствую, что попал в квашню, и думаю: «Ты влип, Толстяк. Конвоировать графиню в ее конуру и не назвать себя, это лажа». Поэтому я складываюсь пополам в

направлении длины и выдаю чарующим голосом номер оан:

«Александр-Бенуа Берюрье, Маам». Вот в таких обстоятельствах, приятель, ты испытываешь благодарность папуле за то, что навесил тебе сложное имя. Это чуточку компенсирует сухость твоего фамильного герба. Какое-то тире, это так немного, а в то же время, это как троюродный братишка какому-нибудь титулованному, ты согласен?

Я охотно соглашаюсь и даю ему возможность продолжить, так как он явно в ударе.

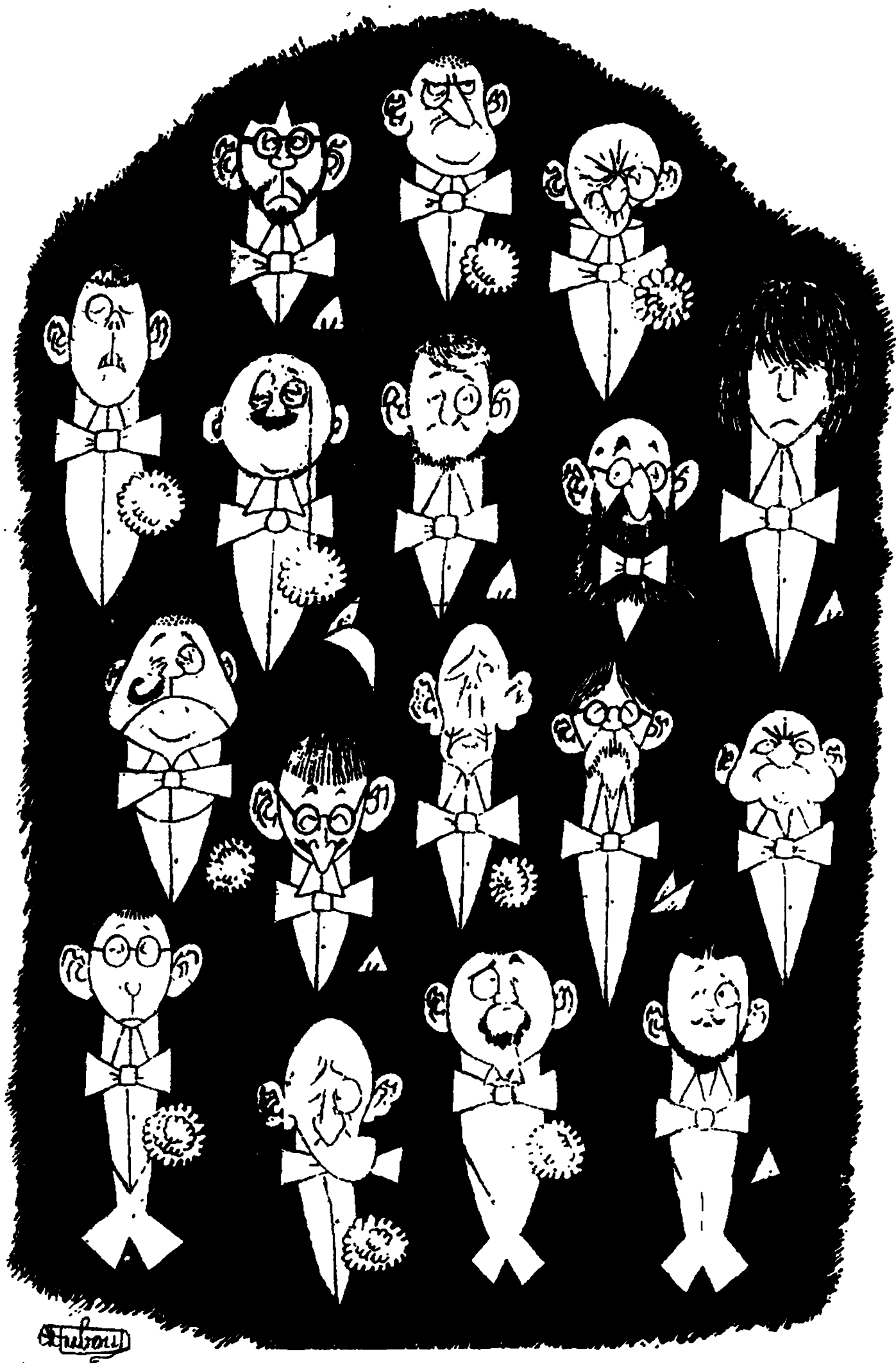
— Берюрье, Берюрье,— стрекочет она, не в родстве ли вы-таки с Монглот дю Берюрье Эскалоп по младшей ветви?

Представь, как я ухватился обеими руками за эту возможность.

«Точно, графиня,— подхватываю я.— Я, вроде бы, как внучатый племянник егеря из замка». Ты понимаешь, Сан-А, я все же должен был соблюдать дистанцию. Немного голубой крови, это не страшно, это отдает плутовством. Но захватить всю приставку полностью я не решился. Идея насчет егеря пришла мне в голову из одного британского фильма «Любовник Леди Тэтчерли». Графиня, похоже, почувствовала себя в расцвете на закате расы.

«Господи, как романтично,— закудаhtала она.— Как бьется мое сердце». И знаешь, что она сделала? Она взяла мою клешню и сделала себе компресс, опять же, чтоб доказать, как долбал ее трепыхальник. Я, конечно, воспользовался, чтобы ощупать упаковку и убедиться, что ее буфер не был продукцией фирмы «Шины Данлоп». Но мои страхи не подтвердились: Все было искренне. Со всеми приличиями.

«Действительно, трепыхается, графиня,— пожалел я ее,— не надо так волноваться. Вы рискуете подцепить нехорошую штучку вроде



Головки членов графского сословия.





инфартка миокарпа». И не прекращая беседовать, я ей играю гуляющего краба. Для нее, то есть для графини, это был праздник. До сих пор ей приходилось встречаться с типами, которые крутили ей любовь от третьего лица единственного числа, да еще со знаками препинания. Тити-мити, это пойдет, когда ты на обеде у супрефекта, но если это тэт-а-тэт, такое ограничивает, неизбежно. Есть такие деликатные моменты, когда работать должен только зверь и даже зверушка; иначе чувства пропадут. Как только ты продекламировал даме: «А не позволите ли Вы мне Вас поцеловать?» — вместо того, чтобы круто завернуть ей многообещающий засос, это уже фальшстарт. Ты должен приподнимать мизинец, когда держишь чашку с чаем, но не в тот момент, когда наносишь визит подъемному механизму какой-нибудь мышки. Любовь, ее надо творить, засучив рукава, иначе это не что иное, как светская беседа в салоне!

На этом Берюрье заказывает третье турне.

— Она красивая, твоя графиня, Толстяк?

Он издает утробный смешок.

— Если тебе ее описать, ты мне неверишь, Сан-А. Кстати, сделай милость: давай пообедаем у нее вместе, и ты сможешь оценить своими собственными средствами!

— Мне неудобно, — говорю я. — Высадиться столь внезапно у персоны такого ранга, это, наверное, не принято.

— Погоди, — шепчет Берю, извлекая из кармана измученный том в сафьяновой обложке.

Он яростно листает. Я наклоняю голову, чтобы прочитать название с обратной стороны.

— Энциклопедия светских манер, — читаю я по слогам. — Где ты ее раскопал, Толстяк?

— Это мне моя графиня всучила.

Он тасует свою новую Библию и закрывает ее с резким хлопком.

— Пожалуй, — говорит он, — лучше предупредить, пойду звякну по тюрлюфону, чтоб она разрешила тебя взять с собой.

Он встает, требует жетон и отправляется на переговоры со своей благородной дамой. Во время его краткого отсутствия я листаю справочник приличий. Имя автора Гислен де Ликатесс, 1913 год. Мне попадает на глаза раздел «Детское белье». Описание начинается с белья по 25 франков (1913 г.) для бедных детей и заканчивается бельем по 2000 франков для богатых детей. Дальше я нахожу главу «Искусство монолога», а еще дальше перечень подарков, которые можно делать священнику. Сдается мне, друзья мои, если Берю сможет все это одолеть, он кончит на Ке д'Орсе\*! Эта графиня напоминает мне столь известный Пигмалион. Во всяком случае, она взялась за титанический труд! Воспитание Толстяка, это все равно, что крестовый поход!

— Ва-банк! — ревет мой подчиненный, возвращаясь от болтофона, она нас ждет.

Он бросает на меня критический взгляд и качает головой.

— На тебе Принц Уэльский\*\*, но для обеда, пожалуй, сойдет, — заключает он со знанием дела.

---

\* Министерство иностранных дел

\*\* Костюм в клетку

## ГЛАВА II

### *В КОТОРОЙ БЕРЮРЬЕ ВВОДИТ МЕНЯ В ХРАМ ИЗЫСКАННЫХ МАНЕР, И КАК ОН ТАМ СЕБЯ ВЕДЕТ*

Пока мы едем с ним в направлении улицы Помпы, Берю продолжает плести панегирик своей благородной даме сердца.

— Понимаешь, Сан-А,— обращается он ко мне, грызя спичку,— эту пташку мне подкинуло само Провидение. С тех пор, как она меня зацапала, я вроде гусеницы, которая превращается в бабочку.

Он ввинчивает большой палец в слезу, застывшую в нерешительности на его веке.

— Ты знаешь, она меня заставляет соблюдать диету!

Я думаю о трех порциях Божолé, которые он только что принял, и выпускаю недоверчивое «Не может быть!», что тут же вызывает в нем высокое напряжение.

— Слово мужчины! Когда я у нее хаваю, жратва только в стиле гриль-лимон-сухарик, сам увидишь.

Он массирует мяч рэгби, распирающий его штаны.

— Надо признать, мне уже пора было спохватиться. С моим пасхальным яйцом, которое все растет и расцветает, через несколько лет мне понадобилось бы зеркальце заднего вида, чтобы наводить справки о кокетке!

— Она замужем, твоя графиня?

— Вдова! Ее старик подцепил миксоматоз\* в Индокитае, где он был полковником.

Берюрье приглаживает края своей шляпы большим и указательным пальцем.

— Ведь вот что интересно, — шепчет он, — как это, лицо из высшего света может быть до такой степени подкованной в интимае. Вот дама, которая родилась с гербом в пеленках и которая ставит контргайку лучше, чем профессионалка.

Я слушаю, и мое любопытство разрастается словно японский бумажный цветок на воде. Мне не терпится выразить уважение сей распутной госпоже графине. Чтобы увлечься Толстяком, надо иметь отклонение от нормы в самой основе. Возможно, он от меня скрывает что-то достойное сострадания, иначе я не нахожу объяснения. Она, наверное, хромая, страдает конвергентным косоглазием, горбатостью и неаполитанской болезнью в довесок к программе, не иначе. Или же она столетняя, и он забыл об этом упомянуть. Если только она не искательница приключений. Бесстрашная особа, которая вместо эмоций дорогостоящего сафари берется за дрессировку Берю в высоком стиле; почему бы и нет? Все мерзкое есть плод природы, стоит только припустить, и получишь сполна!

— Как ее имя? — спрашиваю я снова.

---

\* Медицинский термин, который использует Берюрье, означает кроличью болезнь.

Он пожимает плечами.

— Она не сказала, — сознается Опухоль.

Я чуть было не давлюсь собственным кадыком.

— Ты играешь экстаз-партии с этой кралей и ты не знаешь ее имени?

— Текстуально, дорогой.

— Но как же ты ее называешь в блаженные минуты?

Он смотрит на меня удивленным взором.

— Ну... госпожа графиня, едят ее мухи. А какой смысл дружить в высшем свете, если ты графиню называешь мой голубой лоскуток, как первую попавшуюся жену приятеля!

—:—

В самом деле, дверь нам открывает холуй в полосатом жилете. Старый, довольно высохший, довольно угловатый, довольно мумифицированный, с бакенбардами, желтым лицом и незафиксированным штaketником (вроде на зубника боксера). Полосы его жилета следовало бы расположить наискось, так он лучше бы походил на скелета.

— Салют и братство, Фелисьен! — бросает Толстяк, чтобы показать, что он тут свой, ну свой в доску.

Лакей изображает что-то вроде изгиба. Ни один мускул на его пергаментном лице не подает признаков жизни, их уже нет. Когда он сковырнется, это будет самый живой жест за всю его жизнь. Мир полон таких людей, которые едва повзрослев, начинают сознательно угасать. Они скручиваются, скрючиваются, обезвоживаются, тихо и пристойно бальзамируются. Череп выступает на поверхности. В день «Ч» уже никаких отходов не остается.

Поименованный Фелисьен явно не одобряет фамильярности Толстяка. Этих бесцере-

монных манер он уже не приемлет! Он служит аристократии со времен Филиппа Красивого; так что поневоле перейдешь на сторону голубой вены, это неизбежно! Не считая предков кучеров, кастелянш, кухарок или садовников, которым сам бог велел совокупляться с титулованными, не так ли? К примеру, пока Рыцарь Иерусалимский где-то шлялся, представьте, сколько лакеев пытались взять Бастилию страстей в альковах.

Нужно быть объективным и не отвергать очевидного под предлогом, что оно шокирует. Кто больше всего напоминает члена Жокей-Клуба (кроме другого члена Жокей-Клуба), если не его лакей? Поменяйте жилет одного на монокль другого, и вы увидите! Братаны! Вся разница лишь в том, что они от разных коек. Когда я пишу это, я теряю свою моноклевую клиентуру, но что делать, жизнь коротка, и у меня уже не остается времени, чтобы молчать о том, что думаю!

Походкой стойка-ревматика Фелисьен ложится в дрейф, увлекая нас к двойной двери, орнаментированной под сыр. Он тихонько стучит указательным пальцем, сустав которого, ясное дело, ороговел.

— Да? — слышится сильный и одновременно густой голос.

Фелисьен открывает и объявляет:

— Господин Берюрье и еще одна персона!

Толстяк взволнован, немного бледен, то есть его фиолетовый цвет убавился на полтона. Он тычет мне локтем в бок. Мы чувствуем себя гладиаторами, выходящими на арену... *Ave Caesar, morituri te salutant\**.

Мы входим. Толстяк пропускает меня первым, но передумав, вламывается вместе со мной. Классическая сцена, Мельес исполнил

---

\* Здравствуй Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя! (лат.)

ее раньше него. Он цепляет карманом ручку двери. Страшный треск — и карман висит, это означает, что он снял с себя обязанности кармана. Теперь это просто клок ткани и дыра.

Берю изрыгает проклятья хуже, чем Карл VII (святая Иоанна д'Арк, молитесь за него).

— Дорогой мой, вы забываетесь! — негодует голос.

— Есть отчего, графиня, — оправдывается Толстяк, — прикид совсем новый, и я заплатил за него целое состояние!

Я направляюсь к глубокому креслу (Людовик XV), в котором пребывает подруга Масто-донта. Я нахожу персону вполне приятной наружности. Графиня Труссаль дю Труссо представляет собой пятидесятилетнюю особу в свои пятьдесят лет, как сказал бы сочинитель плеонастических выражений. В меру полная. Взгляд ясный, волосы бело-голубые. На губах намек на губную помаду, а на щеках только классическая рисовая пудра. Она озирает меня и с улыбкой протягивает руку, которую я спешу поцеловать. Мое недоумение достигает кульминационной точки. Как эта дама могла увлечься моим другом Берю, вот тайна, которую неплохо бы прояснить.

— Представляю тебе мою госпожу графиню! — горланит Толстос, который, забыв о своем несчастном костюме, вновь обрел сияющее лицо.

— Мой друг, — протестует дама, — похоже, вы еще не изучили в вашем учебнике главу о представлениях. Иначе, вам было бы известно, что даму представляют господину только в том случае, если она очень молода, а господин в годах.

Его Величество краснеет.

— Понял! — догадывается мой товарищ.— Следовательно, имею честь представить вам комиссара Сан-Антонио с плотью и костями, всеми зубами и лицом цвета персика.

Затем, поворачиваясь ко мне:

— А раз уж я имел честь и авантаж сделать это импульсивно, вот значит, еще раз, графиня Труссаль дю Труссо. Как ты сам можешь заметить, это не какой-нибудь набор до востребования, а женщина-класс, воспитанная со всех сторон. Ты видел реакцию Маам только что? А? Она не лепит этикет вместо этикеток на банках с вареньем, клянусь!

Я улыбаюсь даме. За строгим выражением лица она прячет снисходительный взгляд.

— Нежный друг Берюрье,— наставляет она,— ваши языковые излишества досадны. Настоящий дворянин должен изъясняться сдержанно, знать меру и рассудок.

— Да будет так! — заключает Толстяк.— Я полностью с вами согласен, графиня. Только если дворянин хочет слепить что-нибудь по делу, он не должен открывать свой рот часто. Я не знаю, заметили вы или нет, но в жизни только две вещи действительно кое-чего стоят: «Я тебя люблю» и «Я хочу пить». Все остальное это слюнявые кружева!

Она снисходит до улыбки и, грозя пальцем, шепчет:

— Вы это нечто, милый друг! Известно ли вам, что еще нужно сделать, чтобы быть мне приятным?

Берю вне себя.

— Откуда, курочка! Монолог с усами, что ли? А потом бешеную Молочницу и Мальчика в лифте, как вчера вечером? Я так понял, вам это по нраву!

Бедняга едва не лишается чувств. Она восклицает возмущенно: «О!» и «А!»



— Месье! — протестует она. — Месье, это слишком!

Он дает ей щедрый шлепок по ляжке.

— Без паники, графиня. Перед Сан-А никаких тайн; он знает своего Берю, и он догадывается, что я прихожу сюда не жемчуг нанизывать!

Пока она не пришла в себя, он продолжает:

— Кроме деликатесов, о которых я толкую, чем могу быть вам приятен, моя прекрасная?

— Я бы хотела, чтобы вы развели немного огня в камине столовой. Мой Фелисьен так стар, что он уже не может нагибаться.

— С радостью и удовольствием, — усердствует Толстяк.

Перед тем как покинуть комнату, он объявляет, качая головой:

— Я не к тому, чтобы вам советовать, но вам надо поискать другого лакея. В качестве лежащего инвалида Фелисьен имеет право на войлочные тапочки и липу с мятой. В один из этих дней вы его обнаружите заплесневевшим на полочке.

С этими прекрасными словами он исчезает. И вот я один на один с дамой его туманных мыслей.

— Каков феномен! — улыбается она.

— Мадам, — заверяю я ее. — Вы взялись за благородное и великое дело, пытаюсь воспитать этого людоеда.

Милая графиня изображает скептическое лицо:

— Вот только удастся ли? — вздыхает она. — Этот мальчик не лишен здравого смысла, но, похоже, свою жизнь он провел в свинарнике.

— Значительную ее часть он провел в полиции, — вступаюсь я в его защиту. — Изви-

ните меня за прямоту, мадам, но сквозь его речевые вольности мне показалось, что вы питаете к нему определенный интерес.

Она розовеет, ее ясный взгляд на мгновение выражает смущение.

— Он меня забавляет. Это большой добрый пес, которого хотелось бы выдрессировать. Нужно меня понять, господин комиссар, я так одинока.

Она изображает вздох и строит мне взгляд, смысл которого уходит столь далеко, словно Транссибирская магистраль, в область жалостей и желаний. Если бы я не был верным другом, и в особенности, если бы дама меня прельщала, мне осталось бы только руку протянуть, чтобы заполучить.

— Он хороший полицейский? — спрашивает она.

— Самый эффективный во всей французской полиции после вашего покорного слуги, мадам. Берюрье не Шерлок Холмс, не Мэгре, но как вы только что заметили, он добрый пес, отличающийся нюхом и храбростью. В связи с этим я сомневаюсь, что вы из него сделаете джентльмена, и, кстати, не будет ли достойно сожаления, если вы этого достигнете!

Мысль о жеманном и манерном Берю приводит меня в веселое расположение духа. Какая метаморфоза! Графиня была бы достойна награды чистой воды за услуги перед миром приличий! Может быть, Орден Почетного Легиона? Ведь действительно, красная лента сейчас в немилости. Теперь его заменил Орден Социальных Заслуг. К тому же, поверьте, нужен большой блат.... чтобы от него отвертеться! Если вы знакомы с кем-нибудь, кто высоко сидит, ну хотя бы депутат ЮНР, тут еще есть шанс. Иногда удается добиться отсрочки. На время угроза исчезает. Вас дей-

ствительно отодвигают от группы награждаемых. Но очаг остается скрытым. Эндемичным! И стоит зазеваться, бац! На вас уже висит голубая лента как на покойном *Норманди*\*! Зачастую вас награждают врасплох. Вот, к примеру, год назад, Жак Анкетиль. Его уделали на этапе Тур де Франс\*\*. Он давил на педали и ни о чем больше не помышлял, как вдруг его догоняет мотоциклист и объявляет новость: «Тебя наградили по Заслугам, Жак». Что он мог сделать в свое оправдание верхом на велосипеде, наш чемпион? Но все же это не помешало ему выиграть Тур, только настроение у него уже было не то, и он чуть было не сошел с трассы!

Так-то оно так, но ведь есть же и любители, в особенности, коллекционеры медалей, которые просто счастливы навесить себе на афишу еще одну. Вам это знакомо? Те, что одеваются в бронзу и ленты для парадов. Когда они шествуют, слышится «динь-динь». *Тройка На Санном Пути*. И когда они склоняются перед славным стягом, можно подумать, что опускают поломанную железную штору какого-нибудь магазина. Скоро ли придет конец этим церемониям в память о том или о сем? Мох на каменных плитах. Речи одни и те же! И огни, которые называют священными! Какие там священные! Газ свиный (т. е. производные углерода). Газ кипящий, вонючий, огнеопасный, со всеми трубами и кранами. Подумайте об этом, дорогие мои: краны со священными огнями. И это не мешает господам-боровикам плясать вокруг своих колдовских штучек.

А после этого им наплевать на негров! Стыд! Осмелюсь даже сказать, стыд в полный

---

\* Корабль «Нормандия»

\*\*Велосипедные гонки, устраиваемые ежегодно с 1903 г. на дорогах Франции.

рост, от подвала до чердака, сынки мои! Среди тех, кто меня читает в эту минуту, есть такие, кто когда-нибудь станет во главе страны, это математически. Нужно, чтобы те, о ком я толкую, не забыли восстановить достоинство человека, упразднив культ избиения и избиваемых. Пусть они уже сейчас завяжут узелки для памяти на своих утирках. Когда наступит час, они вспомнят друга Сан-А, который к тому времени будет больше напоминать гравюру Бюффэ, чем Люс Тюкрю\*. И если у них есть то, на что я надеюсь там, где нужно, и то, что нужно там, где я надеюсь, они скажут, довольно, пляска со скальпами окончена, отныне и навек. Не стоит торговаться насчет забытья для героев, они его давно заслужили! Одна минута молчания время от времени, это скудно, смехотворно. На полное молчание имеют они право, уверяю вас. И пока одна бомбочка еще не плюнула огнем, тяните дорогу к экономически слабым. Обещаете? Может быть, я кое-кого шокирую, но сказать об этом должен. Имею я право или нет? Если да, то я его использую. Если нет, то я прикидываюсь ньюфаундлендом и бегу его ловить на озере Невшатель. А те, кто легко пускают бульбу, сразу скажут: «Да этот Сан-А, он же анарх». Это неправда. Просто объективен. Вполне спокоен, вполне здраво-мыслящ. Может, даже слишком?

Однако тут я ни при чем, просто мои Ходики функционируют! Если это кроваво-красное, я говорю, что это кроваво-красное. А если это серобуромалиновое, я говорю, что это серобуромалиновое, вот и все. Это что, криминал? Может быть, мне надо поступать как другие: надеть очки с синими стеклами и громко

---

\*Популярный глуповатый персонаж (в песенке «Мамаша Мишель»).

вопить, что все лазурного цвета и все так прекрасно, как небеса в ясную погоду? Да, да, надо. Философия домашних тапочек, это хорошо, это выгодно; только она убивает желание смотреть на себя в зеркало. А человек, который этого избегает, поверьте, это уже не человек!

Вот уже некоторое время Г-жа Труссаль дю Труссо и я сам слышим из соседней комнаты треск разбиваемого дерева. Поскольку Важному было поручено разжечь огонь, мы прислушиваемся к этому шуму с некоторым равнодушием; но вот вбегает лакей с видом, который выходит за пределы случившегося.

На его пергаменте появились трещины. Он что-то бормочет, и его острая глотка торчит словно живот у старого кюре, работающего священником в родильном доме.

— Госпожа графиня, я полагаю, Госпоже графине следовало бы вмешаться.

Он показывает подбородком точь-в-точь как у щуки в сторону комнаты, где свирепствует Толстяк. Мы бежим туда. Я следую за дамой, при этом мне открывается необозримая панорама на ее вальсёр. Между нами говоря, и между скобок тоже, Его Величество Берю I-ый не должен томиться скукой.

Зал для хавки Труссаль дю Труссо имеет внушительные размеры. Монументальный камин занимает одну из стен. Что же мы находим перед очагом? Конечно же, Берю, йес, но Берю-вандала, Берю-святотатца, который доламывает ударами каблука кабинетный стол в стиле Ренессанс. Хрупкие ящики с перламутровой инкрустацией уже горят.

Толстяк засучил рукава, взмок, но это так непротивоестественно.

— А, падаль! — мычит он, — мало его долгоносик точил, он еще сопротивляется!

— Несчастный, что вы делаете! — говорит графиня.

— Развожу огонь, мадам, — отвечает Хогромный, расправляясь с мебелью завершающим ударом подошвы.

Вот он вытирает лоб великолепным круговым движением и заявляет:

— У Фелисьена больше не было дров, так что я обработал эту рухлядь из коридора.

— Старый кабинет! — надсаживается благородная персона криком девушки, которую насилуют.

— Кабинет?\* — удивляется Мастодонт.

Он пожимает доблестными плечами.

— Я не заметил. Я уже видел мелкие сортиры, но такого никогда.

— Этот человек потерял разум! — плачет дама Труссаль дю Труссо, припадая мне на грудь. — Мебель эпохи Возрождения, которая стоила два миллиона!

На миг Маэстро приходит в замешательство.

— Две тонны за гнилую коробку, которая уже на ногах не держалась! Не хочу раздолбать вам настроение, графиня, но торговец насадил вас как утку. Да я-те вам за сотню приволоку с Базара Муниципалитета мебель покрепче и поудобнее.

Он бросает стойки кабинета в огонь.

— Поверьте, сердечко, новое всегда лучше старого!

Это предел. Графиня бросается в сторону наманикюренного Аттилы\*\*.

— Дорогой мой, — цедит она ему. — Вы просто дурак и хам. Я запрещаю вам входить

---

\* Это слово имеет также значение «туалет», и Берю понимает его соответственно.

\*\* Предводитель гуннов (с 434 г.). Возглавил опустошительные походы в Восточную Римскую Империю, Галлию, Сев. Италию.

в этот дом, пока вы не станете настоящим Джентльменом.

На этот раз подавлен Важный.

Он в отчаянии трясет своей винной башкой.

— Да что вы, графиня, не будем рвать друг другу паклю из-за сортира Ренессанс! Раз уж вы любите старье, я прочешу Блошинный рынок, опять же, чтоб поменять эту конуру с червями. У меня там есть кенты, которые как раз работают по трухлявому!

Она непреклонна:

— Выйдите вон, месье!

Бедный, дорогой мой Берю напяливает свою куртку. Как он несчастен, какое отчаяние! Мне его жалко.

— Госпожа графиня, — осмеливаюсь я, — может быть, вы смогли бы простить...

Она качает головой.

— Я просила его воспитаться, образоваться, короче говоря, стать таким, с которым можно было бы общаться. Увы, он по-прежнему на той же точке.

На этот раз Берюрье восстает и распаковывает свою злость, которую держал для особых случаев, злость бурную и столь же пылкую.

— Не стоит трогать честь мужчины, дочка, — взрывается он. — Это я на той же точке? С прикидом Бодиграф и белой рубашкой! На той же точке с граблями, за которые Филипп Английский раскошелился бы своим стульчаком, чтоб оторвать такие же! На той же точке, когда я напичкал себя уже несколькими главами из вашего учебника! Не хочу вас обидеть, но вы вроде вставной доски для стола! Когда вы делали бай-бай, припомните, вы не очень заботились об изысканных манерах, взывая к маам вашей матушке под скрип животов!

— Я умираю! — декламирует графиня.

— То же самое вы утверждали в случае, который я имею в виду,— скалит зубы Берю.

Он шагает к двери и восклицает, потрясая своим учебником.

— Я принимаю вызов, графиня, о кей, ва-банк, я стану светским и вернусь сюда с такими манерами, что рядом со мной граф парижский будет иметь вид торговца ракушками!

Он вытягивает левую руку над энциклопедией светских манер как над библией.

— Клянусь,— оглашает он голосом как в Комеди Франсэз.

— Госпожа графиня уже просила вас выйти! — скрипит слуга.

Берю надвигается на него носом вперед.

— Ты, мумия, заткнись! — изрекает он.— Потому как я еще не стал джентельманом, и может случиться, что с тобой я поступлю, как с кабинетом Ренессанс. В твоём состоянии ты как раз сойдёшь за вязанку хвороста!

Затем, с поворотом ко мне он добавляет.

— Сан-А, у меня не было времени зубрить Кодекс, следовательно, я не знаю, может, я забрасываю приличия в лопухи, но я не хочу, чтобы ты оставался хавать у мадам. Как бы она меня ни мордовала, у меня к ней все же слабость, и если ты останешься с ней тэт-а-тэт, я буду ревновать.

Предписание категорично, и я склоняюсь перед графиней.

— Мадам, перед таким ультиматумом мне только остается просить вашего разрешения удалиться.

Она сухим жестом протягивает руку.

И также сухо я ее целую.

— Конечно,— брызжит Толстяк, когда мы попадаем в лифт,— ты знаешь, что и как де-



лать. С твоим мастерством лизать фаланги и твоей гибкостью хребта; никелированной речью с учеными словами и глаголами, которые не дают осечки в корреспонденциях. Тогда как я...

На его краснеющих глазах появляются крупные толстые слезы.

— Я рос среди коровьего навоза, пахан клюкал. Это же не открывает ворота в Букингам!

Я даю ему дружеского тумака.

— Не визжи, Толстуха, ты само естество, и в этом твой шарм. Доказательство: все тебя любят. Закинь ты этот дебильный учебник в первый попавшийся канализационный люк и оставайся самим собой.

Но он качает головой.

— Похоже, ты не знаешь Берю, парень. Клятва есть клятва. Я поклялся стать кадром с манерами-три звезды, и я им стану. Когда наступит этот день, моя графиня уже не попросит меня развести огонь, черта с два!

— Ладно, идем перекусим у меня, — предлагаю я.

Он отказывается.

— Нет, пойду к себе отрабатывать реверансы; учитывая мое увечье, мне нельзя терять ни минуты.

Мы выходим из дома и, высоко подняв голову, он удаляется в геральдическое будущее.

### ГЛАВА III

## В КОТОРОЙ ПОВЕСТВУЕТСЯ ОБ ОДНОМ ДРУЖЕСКОМ ВИЗИТЕ С СЕРЬЕЗНЫМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ

Все еще в волнении от событий, которые так перетряхнули самого Берюрье, я появляюсь у себя дома, чтобы перекусить. Для маман это будет сюрпризом. Она словно птичка на ветке, моя Фелиси. Все время в ожидании, перебирая молитвы в адрес более или менее аттестованных святых ради того, чтобы я припылил.

Наибольшее предпочтение моя Фелиси отдает сестре Малыша Иисуса, Терезе. Похоже, что с малышкой Мартэн она добивается наилучших результатов. Видимо, те, кто причислен к лику святых, имеют качества сродни горничным: чем они моложе, тем выше производительность! Я думаю, что Фелиси пребывает под впечатлением от дождя роз. Когда я был короедом, маман рассказывала мне, как они сыпались дождем в честь юной кармелитки. Это же показатель, дождь из роз, разве нет? Для всех остальных-то дождь льет только в виде дождя!

Я хмурю брови, замечая перед решеткой нашего особнячка Сен-Клу Рено-8 с номером 69. Визит прямиком из Лиона? Что это может быть?

Я иду вверх по аллее, усыпанной гравием (не так сильно, как моя писанина), по направлению к дому. Осень прочистила дымоходы сада. Теперь, как сказал тот самый, деревья деревянные и земля грустит. Однако, это не деморализует нашу хижину, которая по-прежнему нарядна со своим девственным раскрасневшимся виноградником, зелеными ставнями и цветастыми шторами на окнах. Радио включено, и Беко надрывает свои связи.

Я толкаю дубовую, и вот я в уютной прихожей, обтянутой полотном Жуйи, на котором изображены шалунишки Людовика XV среди зонтиков и поцелуйчиков. Зеркало-трюмо возвращает великолепие моей улыбки Колгейт\*. От всего этого исходит покой, будничность, пахнущая теплым хлебом. В общем, Фелиси!

Дверь салона приоткрывается, и, вся сияя, появляется моя милая матушка.

— Да, да, это он! — восклицает она.

Гость застал ее в разгар стряпни. Она только что сняла свой сиреневый передник, моя Маман. На руках еще следы муки.

Через ее плечо я замечаю Матиаса, короля лаборатории. Рыжий покинул нас несколько месяцев назад, он обженился в Лионе с одной телкой, которую встретил на зимнем спорте, и попросил перевода по службе, поскольку его дама отказалась жить в Париже. Как справедливо гласит пословица, известная между Ронем и Соной: «Кто Лион покидает, тот разум теряет», а она не хотела пролететь впустую, молодая Мадам Матиас.

---

\* Марка зубной пасты.

— Какой приятный сюрприз, старый изменник! — восклицаю я.

Никогда еще я не видел его таким рыжим. Или просто время начинает его облондинивать в моей памяти. Настоящий пучок морковки! С тех пор, как он принял лионское гражданство, он носит шмотки на серьезный лад. Темно-серый костюм-тройка, белая рубашка, галстук цвета бутылочного стекла (для Лиона это то, что надо). Зеленое хорошо вписывается в фон его горелки. Он держит на одном колене шляпу, на другом перчатки цвета прогорклого масла. Сразу видно, парень на пути к завершенности. Раз и навсегда вылетел на свою орбиту.

— Как я рад вас видеть, господин комиссар, — изливается он.

— Как супружеская жизнь, в порядке?

Каким образом ему еще удастся краснеть, это тайна, или скорее, чудо.

— Привыкаем, — улыбается он.

Маман уже налила ему портвейна, а теперь наливает мне, и незаметно исчезает, радуясь своей репатриации, на кухне. Я догадываюсь, что там томится жаркое с корочкой из тертого сыра.

— Детишки в перспективе?

На этот раз он принимает цвет кирпича.

— Да, к январю.

— К Волхвам, — шучу я, пытаюсь представить себе, на что будет похож маленький волхв Матиаса.

— Как лионские ребятишки, гостеприимны?

— Очень милые люди.

Почему-то вдруг тень набегает на живое воплощение Ван Гога. Его рыжеватый взгляд затуманен. Он нервно шарит пальцем между шеей и воротничком рубашки.

— Ты там в лаборатории работаешь?

— Нет, уже два месяца, как я учитель в Полицейской школе Сен-Сир-О-Мон д'Ор.

Я издаю восхищенный свист.

— Ты на пути в Институт, человек. И чему же ты учишь будущих комиссаров?

— Оpoznанию по пулевым отверстиям.

— Учитель пулевых отверстий, такое не часто встретишь,— восхищаюсь я.— На визитной карточке это должно звучать. Слушай, я надеюсь, ты перекусишь с нами?

— Я бы не хотел вас беспокоить.

— Не лицемерь! Ты приехал без жены?

— Да. В ее положении... сами понимаете.

— Тебе нужно было уладить какие-то дела?

Он прочищает горло и объявляет:

— Я приехал к вам.

Мне становится не по себе. Я предчувствую неладное.

Я глушу свой портвейн, ибо я сродни Берю: полный стакан меня раздражает.

— У тебя что-то случилось?

Он смотрит на меня мрачным взором. Прядь цвета сухих листьев свисает перед его лобными конопушками. Он пахнет рыжим; это мощный и прекрасный запах, способный разбудить аудиторию. Сколько докладчиков могли бы иметь успех, будь они ржавыми.

— Мне страшно, господин комиссар.

Это слово звучит совершенно нелепо в устах Матиаса. Каким бы он ни был лаборантом, как бы он ни возился со своими лупами, пробирками и фотоувеличителями, у него нет ничего общего с трясогузкой.

— Говори!

— Все началось на вторую неделю после моего появления в полицейской школе. Однажды вечером я задержался в лаборатории. В тот момент, когда я выходил, слышался крик с верхнего этажа. Какая-то темная масса

пронеслась передо мной в лестничный проем и шлепнулась вниз. Это был курсант-комиссар. Почему-то у меня создалось впечатление, а вернее уверенность в том, что его кто-то толкнул через перила. Как бы то ни было, вместо того, чтобы спуститься вниз по ступенькам, я взлетел, перепрыгивая через четыре сразу.

— Ментовский рефлекс, это хорошо! — одобряю я. — И что же дальше, дитя мое. Говори все!

— Я не увидел ничего необычного. Последний этаж, это кабинеты связи. Никого не было, некоторые двери были закрыты на ключ! Тогда я спустился вниз.

— А чемпион по нырянию?

— Мертвый. Проломил черепную коробку.

— Ну, а следствие?

— Пришли к заключению, что это самоубийство. Депрессия.

— Я что-то не пойму причину твоего страха.

— Меня уже два раза пытались убить, господин комиссар.

На лице Матиаса небольшой тик: одна щека дергается.

— Ты уверен?

— Еще бы! Первый раз это было на следующий день после самоубийства. Когда я собирался сесть в свою машину, какой-то автомобиль вихрем сорвался с места и рванул прямо на меня. Я едва успел нырнуть на свой капот. Вы увидите, на моей R-8 еще осталась царапина. Вторая попытка была в лаборатории школы. Во флакон для порошка шоболдона подложили селитрум дрибадана. В тот момент, когда я стал им манипулировать, произошел ужасный взрыв.

Он показывает мне ладонь левой руки. Она вся черного цвета.

— Это еще чудо! Я должен был там и остаться!

Мы молчим. Все это действительно очень тревожно.

— И что же ты обо всем этом думаешь, Матиас?

Он выглядит как большой умненький мальчик. Этаким тип всегда-первого-в-классе. Хорошие отметки, доски почета и похвальные грамоты созданы для ребят этой породы.

Не гениальность, а высокая поглощающая способность серого вещества. Не воображение, а огромное прилежание. Он ждет от жизни только то, что она может дать: стабильное положение, чтобы жена была небесплодна, загородный домик и академические пальмы. Он и сам академичен. Довольный жизнью, тем, что он рыжий и может быть полезен.

— Я думаю, господин комиссар, вот что. Ученика кто-то убил. Этот кто-то подумал, что я его заметил или догадался о том, что это было убийство. Сейчас он меня опасается и хочет ликвидировать. Вы считаете, что я не прав?

— Гипотеза веская, Ваша Честь! Ты все это рассказал лионцам?

— Нет.

— Почему?

Он тянет с ответом, но я уже понял. Он осторожничает. Он знает, что все смехотворное губительно для карьеры и хочет избежать риска прослыть остолопом, изображающим героя из черной серии. А вдруг он опростоволосится? А если он станет жертвой своего мудрствования? А? Он предпочитает рисковать своей шкурой втихаря, с оглядкой по сторонам, подобно обывателю, ставящему три франка на трех лошадей, когда он в чужом, а не в своем районе.

— Я предпочел сначала рассказать об этом вам, — лукавит он.

— Ты правильно сделал, — одобряю я, — мы расскажем все это Старику после обеда.

Мучает его, раскаленного, все это. Он боится последствий. Надо сказать, что удары из-за угла внутри Большого Заведения, это нежелательно. Есть каменщики, которые строят себе дома сами, но не так уж много полицейских, которые занимаются расследованием для себя лично. Мент, это прежде всего функционер, нужно быть благонаправным и спокойным, нужно, чтобы его физиономия смешивалась с серым цветом стен. Государственный материал, одним словом! Премии в конце года, почести в конце карьеры, посмертные хвалы для самых больших хамелеонов.

— Вы думаете, что господин директор...?

— Полуофициально, мой маленький. И ему польстит то, что ты пришел поскулить в лоно Материнской Фирмы. У него всегда найдется щедрое вымя для тех, кого он вскормил своей грудью.

Тем временем возвращается Фелиси и сообщает, что обед готов. Блики от ее «фортепьяно» еще пляшут в ее добрых глазах.

Земные радости, это по ее части. Маман их распространяет. В ее присутствии забываешь о припезнутых, которые считают себя обязанными садиться на кол или пудрить ноздри ради ощущений. Что такое кокаин рядом с антрекотом Берси? А содомия по сравнению с выдержанным Мерсо, а? Все дело только в дырках! Жизнь, в сущности, это газон для игры в гольф, полный дыр по всему маршруту. Впрочем, дырой она и заканчивается: большой ненасытной черной пастью в земле, которая поглощает все.



Королевская жратва у Маман! Запеченные почки. Цыпленок в кúрри\*. Я должен был догадаться. Курри плавал в воздухе кругами. Этот запах чарует и создает внутри вас волнение. Сугубо внутреннее средство!

За столом мы с Матиасом меняем тему. Как положено городским жителям (и передовой пожарной команде). Рыжий спрашивает о новостях: Пино, Берюрье, другие, Ментовка. Он немного раскаивается несмотря на свою брюхатую суюсюню и R-8 с номером 69. Учитель пулевых отверстий, это захватывающе, это почетно и все прочее, но... в Панаме тоже был шарм. Воспоминания накатываются, щекочут сердце. Глаза у него становятся словно окна зимой, как бы запотевшие. Я прогоняю его мысли рассказом о злоключениях Толстяка. Я приукрашиваю. Матиас хватается за живот. Маман давится от смеха. Берюрье в схватке с изысканными манерами, это спектакль высший класс, согласитесь! В один прекрасный день Кокатрикс\*\* подпишет ему контракт на предъявителя, когда его жонглеров хватит ревматизм.

А вот появляется наша домработница. Ее зовут Мадам Согреню\*\*\*.

Кажется, я вам уже что-то наплел о ней в предыдущем шедевре. Она похожа на обезвоженный сморчок. Ей пришлось столько скулить в течение своего существования, что в этой ее засушенности нет ничего удивительного. Печали, горести, унижения — у нее их целая коллекция!

Поскольку у Маман всегда найдется доля сочувствия, это облегчает ей путь в долину слез. Они плачут вдвоем, пытаюсь искупить

---

\* Индийская пряность.

\*\* Известный антрепренер, владелец кабаре *Фоли Бержер*.

\*\*\* Буквально: Несуразная.

последнюю невзгоду мамыши Согреню. Перелом руки у мужа, сынок «черный кожан» над ним глумится, дочку закадрил один джентльмен, полный гонококков, кота задавили, а певчая канарейка скончалась в расцвете лет прямо на зерне, которое тоже незадарма достается. Затем был визит судебного исполнителя в той связи, что за ТВ была неуплата, потом какой-то хлюст из электробытовой лавки приперся, чтобы забрать преступный телевизор, видите ли, ему надоело делать бумажных голубей из неоплаченных квитанций. Это был жестокий удар для тетушки Согреню, которая теперь вынуждена обходиться без Зитрона\*, вот так, с бухты-барахты. Вечером, возвращаясь домой, она спешит прилепиться к витрине ближайшего магазина *Фея Люмьер*, в котором одновременно фурычат дюжина телевизоров. Двенадцать Зитронов враз, хорошо, а? Это успокаивает. Он заслужил эту повсеместность, Толстяк Леон. Как только она заявляется, чтобы пройтись тряпкой по задкам наших кастрюль, она тут же врубает ящик. Фелиси ей разрешила, и теперь это происходит автоматически. *Голос Его Хозяина\*\**, это же наша марка. Что же нам терять.

Сегодня без осечки. Едва развязав свою черную косынку, она сразу же залепила весь соус. Телевизор находится в столовой. Старая оставляет двери полуоткрытыми, чтобы сечь из кухни. Негордая, она наводит блеск в проеме. От стола ты вправе лицезреть только тыльную часть Пате Маркони\*\*\*. Фелиси просит Матиаса простить ее, ибо его это может смутить. Он понимает. Он тоже без ума от маленького экрана. Передачи *«Напрямую с...»*,

---

\* Популярный диктор телевидения.

\*\* Товарный знак с изображением собаки, которая слушает патефон.

\*\*\* Французская фирма, выпускающая патефоны.

это его страсть. Он всегда испытывал слабость к болезням, дружище Матиас. В особенности, к скрытым, которые черта с два обнаружишь. Те, что начинаются с малостей типа мигрени или невинных прыщиков. Вначале этих тварей еще можно удивить аспирином. А потом они снова принимаются за свое, и вот уже человек в белом вскрывает вам мясо, сопровождая всеми комментариями, которые месье Лалу дает со знанием дела.

Будет жаль, если рыжего шлепнет его таинственный убийца. Его голубая мечта (он, конечно, никогда в этом не признается), это усопнуть от совершенно новой болезни, которую нарекут «Болезнью Матиаса».

Он представляет свою печень, свою селезенку, свои потроха или свои легкие на вставной цветной иллюстрации с каким-нибудь неизвестным разражением или меандрирующей изъязвленностью. Стрелками будут показаны пораженные участки, и весь талмуд будет повествовать о том, как это с ним случилось, и как он сыграл в ящик, каковы причины, следствия, симптомы и инфекции. При всем понимании того, что человечество со времен своего существования, очевидно, испытало все возможные кончины, он надеется откопать еще одну. Весь медицинский корпус будет мобилизован для исследований. Да, он отдал бы свое мясо какому-нибудь микробу с планеты Марс. Он хотел бы, чтобы его клетки продемонстрировали какую-то причудливую экстравагантность, умопомрачительное расстройство. Его бы устроило, если бы селезенка начала, к примеру, выделять ртуть, или его печень — янтарь, подобно кишечнику кашалота. Одним словом, он желал бы явить собой случай, настоящий и до смерти интересный, а затем быть инвентаризованным снизу доверху во имя спасения встревоженного чело-

вечества. Телевидение все-таки прорубает окно, это надо признать. Оно позволяет упиваться всем, чем доволен и недоволен. Благодаря 819 строкам сегодня умирают в соответствии с его склонностями и наклонностями. Хотя никто никогда не сможет вам объяснить, что же сделал для ближних Лалу тем, что устанавливает операционные блоки в жилищах и делает вас на короткой ноге с профессорами, у которых руки как у феи, и которые разгуливают у вас в мозгах или в ваших желудочках как в городском саду.

В данную минуту ТВ не занимается медициной. Время новостей, и оно рассказывает об аварии на железной дороге. Естественно, покойный машинист был отцом шестерых детей, надо полагать, это одно из обязательных условий, чтобы претендовать на такую трудную работу.

Все это выжимает у мамыши Согреню несколько слез, самых последних. Вместо того, чтобы эгоистично хранить их для ближайших горестей, она льет их на алтарь общества. Великая гражданка в своем роде! Этот сход с рельсов придает ей решимости, она пересекает коридор, чтобы сменить проем, приблизиться к катастрофе, осмотреть ее поудобнее. Она жалуется, что нет очков. Вчера вечером ее старик вернулся в стельку и запулил их в окно в тот момент, когда они собирались хватать мерлан\*. Гестаповские манеры, как вы думаете? Маман говорит, что да. Тогда Согреню принимается вещать параллельно с телевизором. Ее бедствия приведут к тому же, что и авария на железной дороге. Она уже на контрапункте. Брызгая белыми слюнями, Согреню лопочет о своих драмах за неделю: соседка сверху насыпала ей на половик из мусорного

---

\* Сорт рыбы.

ведра, потом была свара между Жюльеном (ее стариком) и консьержем по поводу клозета, в котором унитаз треснул так давно, что запах г... стал запахом их жилища. А потом было еще что-то и еще, и все время жалобным голосом. В уголках ее губ пена. В один из этих дней она пойдет в комиссариат жаловаться на своего сына. Это нелегко для матери, но раз он такая сволочь, надо быть выше сантиментов, ведь так? Иначе, что такое мораль, скажите на милость. Мы согласны. Это будет доброй услугой для Мориса, если упечь его в тюрьму за неуважение к своей старухе. К тому же, он шляется с велосипедной цепью в кармане, ведь она же никоим образом не может служить в качестве носового платка.

«Спикер» меняет пластинку. Он говорит, что еще одна девица, достигшая половой зрелости, сиганула через парапет Эйфелевой башни, со второго яруса. Мадам Согреню утверждает, что эта вышка, это общественное зло, что на «их» месте она бы ее живо снесла. Диктор перебивает ее, чтобы брякнуть такое, отчего пакля рыжего начинает потрескивать, а у меня останавливается жевательный процесс. Зарегистрировано новое самоубийство в Высшей полицейской школе Сен-Сир-О-Мон д'Ор. Не эпидемия ли это? Один из учеников, офицер полиции Бардан, отравился стрихнином вчера в своей комнате. Никакой записки он не оставил.

— Вы слышали? — бормочет Матиас.

Когда на ваших глазах рыжий становится бледным, это впечатляет. Кроме конопушек, что-то более значительное проявляется на его лице, маленький трепещущий млечный путь.

— Ты его знаешь, этого Бардана? — спрашиваю я.

Матиас пожимает плечами.

— У меня более двухсот учеников, и я работаю всего несколько недель, господин комиссар.

Мы воздерживаемся от комментариев перед Фелиси, и, едва проглотив свой крем, мы уже на пути в Большую Хаверу. Маман сокрушается из-за нашей спешки, так как мокко теперь останется нетронутым. Я объясняю, что нам надо срочно решить кое-какие вопросы.

Она понимает, но продолжает сетовать по поводу нашего поспешного ухода.

Мокко это же не солянка: его не подогреешь.

## ГЛАВА IV

### *В КОТОРОЙ ОДНО ОСОБОЕ НАЗНАЧЕНИЕ ПРИОБЩАЕТ БЕРЮРЬЕ К ПЕДАГОГИКЕ*

Орденская ленточка Старика искрится. Сидя за своим министерским столом, он внимает с равнодушным видом словно психоаналитик, выслушивающий пациентку. Его тонкие руки покоятся на кожаном бюваре, кажется, что они скроены из такой же кожи. Когда мы наконец умолкаем, он потягивает манжеты, слегка поправляет медную линейку, которая лежала не совсем параллельно с бюваром и как бы выходит из мечтательного состояния.

— Мой маленький Матиас, — шепчет он, — я тоже считаю, что тут дело нечистое, но что я могу?

От разочарования Рыжий вянет словно поздний цикорий от заморозка. Матиас простодушен, он плохо знает Пахана. Ему неизвестно, что в щекотливых случаях Биг Босс любит сгустить искусственные облака.

Тщательно избегая наших взглядов, директор продолжает нежным голосом:

— Все это нужно рассказать нашим друзьям из лионской сыскной полиции, дорогой Маттас.

Так, начинаются маленькие невинные репрессии в стиле: «Ты от нас ушел, теперь выкручивайся сам».

Ржавый бросает на меня отчаянный взгляд, это флаг бедствия. Нужно оказать ему помощь, иначе он потонет в собственной квашне.

— Мсье Директор,— вступаюсь я,— Маттас проделал путь, чтобы попросить у нас помощи и защиты, у тех, кто был его начальством, остаются его друзьями и кто обучил его. Обстоятельства заставили его покинуть нас временно (я делаю ударение на «временно», чтобы умаслить Старика), но сердцем он остается с нами, что он и подтверждает.

Неплохо, а? Если когда-нибудь я отчалию из Большого Вольера, я попытаю счастья в политике. Мне кажется, этот салат я смогу культивировать. Люди нуждаются в вибрирующем, в тремоло. Стоит прочиркать им на языке сердца, они сразу сыреют, особенно если вы отточите ваши флексии, инфлексии и преклонофлексии. Убеждайте людей в том, что они велики, благородны и великодушны, и они постараются стать ими, это магически. Я встретил немало подонков в своей жизни. Всем им я старался говорить, что они исключительные люди, ангелы добра и терпения, рыцари добродетели, образцы, примеры для подражания, что они вызывают дрожь восхищения, зажигают, ошеломляют, очищают, на-путь-истинный-наставляют, обновляют и перевоплощают. Из всего этого сброда



кое-кто мне не поверил, и я вломил им по челюсти. Но большинство клюнуло на мою флуоресцентную наживку. Они стали лучше, клянусь! Протяните кому-нибудь ореол, и лишь в одном случае из десяти из него делают сиденье для унитаза, в остальных девяти превратят в головной убор. А тип, который носит световую рекламу, он уже на пути к тому, чтобы стать святым. По моему убеждению, наша Матерь Церковь неправа в том, что мало причисляет к лику святых. Она слишком скупа на неон. Это обескураживает; места обходятся чересчур дорого, ждать нужно слишком долго, лишать себя слишком много. Гражданские повышения в наши дни происходят так быстро, что не захочешь тянуть с религиозными. Вот если бы Ватикан ежемесячно публиковал бюллетень святых, какое было бы соревнование, братья мои! Помимо прочего, заинтересованных лиц нужно канонизировать при жизни, иначе только семья сможет пощупать права на Возвышенность. Папе надо бы руководствоваться такими методами. Возьмем к примеру нашего Генерала: при жизни он получит свои улицы, свои медали, свой культ на комоды и своего личного Мориака! Это же не только слава, которую покупают на одну жизнь! Это же не иллюзии! Хорошо, таблички с наименованиями улиц отвинчиваются, это тем более говорит о том, как силен Сен-Бэн де Съеж своей Сен-Сюльписной продукцией\*, когда увековечивает и лепит гипс напропалую. На переплавку идут только бронзовые статуи, с гипсовых же лепят копии. Можно поломать, это недорого! Святым вас сварганили, святым вы

---

\* Религиозные произведения искусства, торговля которыми ведется в парижском квартале Сен-Сюльпис.

\*\* Папа Римский.

и останетесь; на века и с золотым обрезом. Если Павел VI\*\* так ловко устроился, все тоже захотят принадлежать большому святому семейству. Все будут рядиться под апостолов, распевать патер, почитать мазер, изображать Б.А.\* и аббатов. Мысль о том, что подштанники Его Преосвященства после использования могут стать реликвией в позолоченной раке, это же допинг для человека. И вот все устремляются плотным стадом к сказочному улучшению породы. Ближе к раю, наперегонки, окуривая друг друга ладаном и отвешивая друг другу поклоны, а в конце — жизнь на коленях во всеобщем экстазе и глубоком уважении к ближним. На улице Предместья Святого Антуана\*\* теперь изготавливают только скамеечки для молитв и первоклассные исповедальни! Баб они водят только к алтарю. Вместо духов у них Святой Дух, а Бога они поминают только в молитвах. Черт! Я увлекся, пардон, давайте же вернемся к нашим ментам.

Похоже, босс тронут моей торжественной речью. Он качает своей великолепной головой, кожа которой напоминает оципленную гузку.

— Что вы предлагаете, Сан-Антонио?

— Чтобы мы занялись этим делом, патрон.

— На каком основании?

— Полуофициально.

— То есть?

Я вижу, его глаза блестят. Он сейчас скажет «да». Он страшно этого хочет.

— Если позволите, мы отправимся в полицейскую школу вместе с Берюрье. Я в качестве учителя, а он в качестве ученика. Я

---

\* Благие Акции

\*\* Квартал, издревле славившийся мастерами-мебельщиками.

надеюсь, вы сможете нам быстренько устроить зачисление.

Он остается безучастным, осторожно выжидая конца.

— Как только мы там появимся,— продолжаю я,— мы основательно проведем съемку на местности, без толкотни, и самое главное, без игр в следователей. Поскольку мы будем принадлежать заведению, обследовать его будет сущий пустяк, вы понимаете, господин директор?

Матиас не может сдержать молящего сто-на, звук его напоминает скрип флюгера, под-дразниваемого легким бризом.

Что касается меня, я уже не настаиваю. Я жду, когда мое предложение осядет в котелке босса. Он посматривает на свои атласные пальцы, покусывая тонкую нижнюю губу.

— Сложно,— говорит он.— Чему же вы будете учить?

— Да чему угодно,— говорю я,— стрельбе из лука, прыжкам с шестом или изысканным манерам...

Меня разбирает смех. Это неудержимо. Мне в голову только что пришла идея.

Идея века, друзья мои.

Консьержка Толстяка метет в подъезде, когда я появляюсь газелевым аллюром.

— Вы не знаете, у себя ли мсье Берюрье? — спрашиваю я у хозяйки метлы.

Она потягивает шерсть своих усов, затем поглаживает пальцем великолепную бородавку на подбородке, прежде чем проворчать голосом, напоминающим звук прочищаемой раковины.

— Я думаю, это слышно, разве нет?

Я оттягиваю мочку уха и, действительно, слышу необычный гвалт. С этажей доносится музыка, затем крики и топот.

— Он дает кок-тайль, — язвительно объясняет мне мадам О'Седар\*, — и эта свинья меня даже не пригласила. Эти менты, они же все борзота и компания.

Я приберегаю свое мнение при себе и устремляюсь на лестницу. Дубовая Берю открыта, и на площадке толпится народ: сосед сверху — глухопер; г-н Альфред — парикмахер (который так долго был любовником Берты Берюрье) и его супруга; маленькая домработница галантерейщицы, ее жених-военный и еще угольщик снизу.

Я приближаюсь к группе, и тут моим глазам открывается совершенно невообразимая сцена.

Берю надел черный свадебный костюм (который на нем уже не застегивается), на нем белые перчатки курсанта сен-сирского военного училища. Он стоит в вестибюле навтыжку, безукоризненно, тогда как его домработница объявляет о прибывающих шепелявым голосом.

— Мефье Дюрандаль, фифет фверху!

Кто-то вталкивает глухопера. «Это вас!» — вопят ему в акустическую трубу, чтобы пояснить насильственные действия.

Он входит к Берю, щекоча свой раструб.

Толстяк устремляется к нему с вытянутыми руками и лучезарной улыбкой, похожей на ломоть дыни посреди физиономии.

— Мой дорогой Дюрандаль, — щебечет он, выставляя губу словно для дегустации рахат-лукума, — я выражаю вам кучу признательности за то, что вы сооблаговостили удостоить меня счастьем пропустить глоточек в моем доме.

---

\* Марка изделий, выпускаемых фирмой, которая в отличие от других веники вяжет!

Он снимает перчатку со своей правой руки и пылко жмет руку глухому, настоящий «шейк-хэнд» для Гомон-Актюалите\*.

— Уже намного лучше, спасибо,— отвечает на всякий случай Дюрандаль.

— Дрейфуйте в столовую, буфет вас ждет,— орет Берю.

— Да и меня уже никто не ждет,— соглашается сонотонизированный\*\*.

— Первая дверь налево! — ревет Светский.

— По правде говоря, меня заносит вправо,— утверждает Дюрандаль.

Берю становится апоплексичным.

— Освободи проход, приятель,— говорит он.

Он показывает в сторону столовой. Затем большим пальцем, возвышающимся над остальными, свернутыми в кулак он изображает бутылку, которую прикладывает ниже носа.

На этот раз сосед просекает и удаляется.

Домработница, светловолосая-слегка завитая-бледная-и-некрасивая, объявляет с великолепной торжественностью:

— Мфье Альфред и его фупруга!

Манеж возобновляется. Берю точно президент Третьей Республики. Он вновь обретает порыв руки, изгиб позвоночника, бархат взгляда. Он протягивает руку не выше гюльфика.

— Дорогие друзья,— распаляется он,— ну как вам выразить мою благодарность за то, что вы ответили на мое приглашение!

Он берет руку парикмахерши.

— О, нет, я вам сломаю кисточку. Когда подваливает случай лизнуть витрину такой красивой женщине, как вы, вопрос уже не

---

\* Киножурнал.

\*\* Сонотон — слухательный аппарат.

встает, упускать его или нет. Ты позволишь, Альфред?

Его двойной поцелуй отдается мяуканьем в лестничной клетке.

— По какому поводу фиеста? — спрашивает брадобрей.

— Я тебе объясню.

Парочка скрывается в квартире.

Теперь очередь проникать за угольщиком. Он не стал тратить время на туалеты, кабацкая душа. Он ограничился тем, что подобрал подол своего синего фартука. У него трехдневная щетина, воротник его рубашенции противного свинцово-серого цвета, переломленный козырек фуражки засален до блеска.

— Дорогой Помпидош! — восклицает хозяин дома. — Бросить свою лавку — какая любезность! Как я всем этим тронут.

— Мемен на кофеварке, — успокаивает его угольщик. — В этот час, как говорится, пьют кофе и разбавленное пиво. Но я не задержусь, потому что мне сейчас подбросят.

Он черпает в огромном переднем кармане своего фартука и извлекает оттуда бутылку.

— Если позволите, мсье Берю, это новое. Я так думаю, это лучше, чем цветы.

Нос Толстяка трепещет.

— Вот это мысль, дорогой!

Угольщик откупоривает флакон.

— Вы его понюхайте, мсье Берю.

Толстяк закрывает глаза. Это экстаз, настоящий. Деликатес женского рода во множественном числе. Он не может удержаться и вливает себе порцию, отчего уровень значительно падает. Он причмокивает, он пускает пузыри, он проникается чувством, он всецело пропитывается этой порцией божоле.

Я не знаю, где вы его откопали, мсье Помпидош, — заявляет он, — но это что-то

настоящее. Какой розлив! Вот так узнаешь, что Боже Праведный не такая скотина, как кажется.

У Помпидоша накатываются слезы под густыми бровями.

Передо мной остаются только домработница галантерейщицы и ее казак. Она — брюнетка, полная и глупая, круглая со всех сторон; он жизнерадостный здоровяк.

— Рад, что вам выпало увольнение, зайчик, — уверяет Толстяк. — Я бы поцеловал вам ручку, но это запрещено для молодых девушек согласно моему руководству.

И тут он замечает меня. Его морда зависает от удивления.

— Сан-А! Если б я знал... Надо же!

— Так, значит прием без непосредственного начальства? — говорю я, стараясь придать своему лицу огорченный вид.

Берю поворачивается к своей прислуге.

— Идите, подайте гостям дринк, Марта.

Затем хватает меня за руку и шепчет, закрывая дверь ударом каблука.

— Это пробный вечер, Сан-А, не обижайся. Я подумал, что нет ничего лучше практики, поэтому организовал прием, пока моей Берты здесь нет!

Он отступает на шаг, чтобы дать мне полюбоваться его нарядом.

— Как мое одеяние?

— Десять очков из десяти, Толстяк.

— Согласись, что если б я был на ступенях замка Людовика Надцатого, меня бы запросто приняли за графа?

— Еще бы! — отвечаю я.

Он качает своей великолепной башкой с прослойками жира.

— Что бы там ни говорили, а на ком клобук, тот и монах. Внутри моего черного прикида я чувствую, как в меня вселяется

довольство. Топай сюда, от того, что ты сейчас увидишь, не скоро придешь в себя.

И вот я оказываюсь за порогом столовой, да-а, от такого действительно не скоро отойдешь. Он вставил в стол раздвижные доски. Он отодвинул его к стене. Он устлал его газетами. И он соорудил буфет собственной конструкции.

Красное для господ, шипучий сидр для дам! Колбаса с чесноком! Филе селедки! Камамбер\*, намазанный на куски хлеба толще телефонного справочника (Париж-пригород).

— Мне пришлось подумать обо всем, — комментирует он. — Так как у меня не было скатерти, я положил газеты, но минуточку: только *Фигаро*, чтобы как в лучших домах.

Он выпускает вздох.

— Чего только не сделаешь, когда влюблен! Если бы моя графиня была здесь, у нее бы глаза повывпадали, ты согласен?

— С ней мог бы произойти обморок, Толстяк. Твой прием, это Версаль великих времен. Пышный провокатор революций! Если ты будешь часто практиковать такого рода церемонии, начнутся социальные бури, это неизбежно!

Он смотрит на меня мрачным взором.

— Ты меня подкалываешь? — спрашивает он.

Я принимаю *in extremis\*\** самый невинный вид.

— Может быть, просто незаметно, что я ошеломлен до мозга костей. Честно говоря, такой размах, такая помпа, такой класс, я не ожидал, Берю, у меня опускаются руки!

— Кстати, — спрашивает он, — что тебя привело ко мне?

---

\* Сорт мягкого сыра из коровьего молока. Имеет специфический запах.

\*\* В последний момент (лат.)



— Я должен объявить тебе сногшибательную новость, Толстяк. Я только что добился для тебя кафедры в Высшей национальной полицейской школе.

Для него это как удар в солнечное сплетение, он едва сдерживает болезненную гримасу.

— Ты пришел поиздеваться надо мной в моем собственном доме? протестует он.

— Все как нельзя серьезно. Ты назначен преподавателем в В.Н.П.Ш. Более того, ты вступаешь в должность через 48 часов! Зайди к Старику, он тебе подтвердит. Ты все еще думаешь, что я рассказываю байки; и все же бывают случаи, когда нужно говорить по делу, не так ли?

Я хотел бы, чтобы вы присутствовали при этой метаморфозе, граждане! Как будто его осветило изнутри дуговой лампой. На его сморщенном лбу расправляются морщины, его глаза увеличиваются, его торс выпячивается. Он ударяет в ладони, чтобы призвать к тишине.

— Друзья,— декламирует Его Величество,— я должен вам сообщить, почему я организовал этот прием. Представьте себе, что меня только что назначили преподавателем в Высшую национальную полицейскую школу!

Иступленный восторг. Все аплодируют. Все устремляются для комплиментов в упор. Дамы целуют его. Мужчины хлопают по плечу.

— Учителем чего? — спрашивает Альфред напомаженный.

Берю поворачивается ко мне.

— Да, кстати, учителем чего? — волнуется он.

— Хороших манер,— отвечаю я.— Комиссары полиции становятся все более и более воспитанными людьми. Государство хочет сде-

лать из них истинных джентльменов. Я подумал о твоём драгоценном учебнике. Я так рассудил, что для тебя было бы полезным преподать его другим, потому что, видишь ли, это наилучший способ заставить тебя самого изучить его.

Он соглашается.

— Ты умен, Парень,— должно воздаёт он мне.— Действительно, это разумное решение.

Он сжимает меня своими кулаками.

— Никогда не забуду.

Глухопер, который ещё не в курсе, приближается к хозяину дома.

— Мне попалась порченная селедка,— предъявляет претензию человек с завядшими барабанными перепонками.

Берю пожимает плечами.

— Каждому то, что он заслуживает, приятель,— заключает новоиспеченный учитель хороших манер,— и если эта бедная селедка с душком, знай, что она гораздо свежее, чем ты!

## ГЛАВА V

### *В КОТОРОЙ МЫ С БЕРЮРЬЕ, КАЖДЫЙ В ОТДЕЛЬНОСТИ, КЛАДЕМ НАЧАЛО НОВОЙ ЖИЗНИ*

В трудной профессии, которой мы принадлежим, нужно быть дьяволом, поэтому, взвесив все за и все против, не прибегая к помощи моего товарища Роберваля (Жиль Персонье де)\*, я решаю отправиться в школу инкогнито.

Для начала моя подружка делает мне сеанс инфракрасного облучения, чтобы придать коже великолепный темнокоричневый цвет, я начинаю отпускать отвисающие усы а ля Тарас Бульба и водружаю на свой тонкий нос здоровенные роговые очки с затемненными стеклами.

Неузнаваем, ваш Сан-Антонио, мои милые! Он превратился в офицера полиции Нио-Санато родом из Тринидада Мартиники, и если вы его повстречаете на пуховой, то сможете признать его лишь в последнюю минуту (да еще: только там, где я думаю!).

---

\* Французский математик и физик (1602-1675). Изобрел весы с коромыслом и чашками.

Через два дня мои усы уже более рельефны, достаточно подкрасить их карандашом, чтобы придать сочности.

Я беру напрокат кроваво-красную MG\*, и вот я уже на пути в Сен-Сир-о-Мон д'Ор, куда прибываю во второй половине дня.

Это очаровательный населенный пункт в лионском предместье, пристроившийся на холме. Школа размещена в бывшем монастыре, но несмотря на прежнее назначение, она вообще лишена какой-либо строгости.

Что поражает сразу по прибытии, это ее пышный и почти радостный вид. Ничего общего с обычной ментовкой, и ничего общего с интернатом.

Маленькая асфальтовая дорога взбирается на холм между домами персонала, и выходит на земляную площадку, обсаженную деревьями. По левую руку простирается огромная лужайка, с которой открывается безмятежная и ласкающая взор панорама. Дома цвета охры с крышами из римской черепицы томно гнездятся в местечке, которое напоминает некоторые места Италии, а горизонт обрамлен двумя колокольнями, которые как раз начинают всю трезвонить, будто приветствуют мое появление.

В осеннем солнце от больших домов исходит тишина. Чистый свет конца сезона осветляет серые камни и воспламеняет стекла окон. Птицы еще щебечут в поблекших деревьях. Все это умиротворяет. Когда вырываешься из парижской суматохи, впечатление такое, будто ты нежданно-негаданно высадился на природе.

Внутри все просторно, светло, чисто, цветуще. Современные кинозвезды украшают стены, и где-то по радио слышится *адажио* Аль-

---

\* Марка спортивной машины.

бинони. Прекрасное творение, ребята, этот инкубатор ментов.

Это вам не сапоги с гвоздями! Комиссары, которые выходят отсюда, могут явиться миру с высоко поднятой головой: это уж точно, они там не растеряются.

Меня встречает служащий. Обо мне сообщили из Пантрюша\*, и меня здесь ждали. Для меня уже подготовлены регистрационная карточка, кровать, место за столом. Мне вручают розовый талмуд, содержащий учебную программу, часы занятий, наименования учебных предметов и кликухи преподавателей; затем меня проводят по помещью. Я восхищаюсь этими оснащенными помещениями. В тренировочных залах, кабинетах связи, тирах, лабораториях и общезитии с индивидуальными боксами — всюду царит приятная атмосфера.

Бар декорирован фреской, выполненной известным лионским художником. Есть телек, библиотека и даже музей полиции, где можно полюбоваться сумкой Вашё, которую Д-ру Локару удалось обнаружить на блошином рынке, где по счастливой случайности она продавалась одновременно с кухонной плитой Ландрю\*\*. Удача, правда?

Мое внимание привлекает объявление, вывешенное рядом с дверью столовой. Я читаю:

*«С 26 ноября, каждый вечер в 20 ч. 15 мин. в большом актовом зале будут читаться лекции о хороших манерах старшим инспектором А.Б.Берюрье из парижа. Лекции факультативны, но дирекция настоятельно рекомендует 2-ам стажерам посещать их.»*

---

\* Париж (арго).

\*\* Ландрю (дело) — крупный уголовный процесс (1921 г.). После того, как были найдены обугленные человеческие останки в его вилле, он был обвинен в убийстве десяти женщин и одного мальчика. Казнен по приговору суда.

Вот так, дети мои, началось!

—:—

Забавно находиться в пансионе среди взрослых людей. Ибо господам ученикам от двадцати двух до тридцати годков. По существу, это школьная жизнь, переживаемая вновь в зрелости. Мечта да и только! Все мужчины, когда они становятся мужчинами, начинают грустить о школе. Все, кроме меня, ибо я в ней намучился как никто. Я еще встречаю иногда бывших однокашников. Сразу же сырость в сетчатке, когда видят меня. И сразу, как бревном в голову: *Ты помнишь, Антуан...* А, кретины! Как они цепляются за черную доску! Забыты притеснения, задержки после уроков, сочинения, задания, противные, неожиданные контрольные работы, о которых коварные учителя объявляли в разгар урока, когда в мыслях ты уже за пределами постоянного двора. Забыта злобная сирена, возвещавшая о начале учебного года; сволочная математика; предательские дневники, некоторые из которых — и мой среди прочих — были похожи на стены общественного сортира. У них ностальгия по всем этим штучкам, они ее культивируют с благоговением, эту школьную грусть. Конечно, в те времена они не были ни женатыми, ни рогоносцами, ни подконтрольными, ни облагаемыми, ни обираемыми, ни призываемыми, ни инвалидами, ни в схватке со S.M.I.G., P.M.U., U.D.T., S.S., A-F\* и тещей. И все же, ребята, припомните хорошенько: уже тогда все это было. Мы были опутаны расписаниями, мы терпели удары линейкой, унижения! Нас подталкивали, нас

---

\* Межпрофессиональный гарантированный минимум заработной платы, Городской тотализатор, Демократический союз труда, Социальное обеспечение, Налоговые штрафы.

изводили, нас опережали, нас оценивали, нас классифицировали, нам выговаривали! И степень бакалавра еще не была в свободной продаже в Призюник\*, как теперь.

Уже тогда из-за баб шла свара. Друг другу наставляли рога, как взрослые, может быть, даже с большей жестокостью! *Ты помнишь, Антуан?* А чего ради помнить эти мерзостные утренние хождения в школу как на эшафот, с сожалением расставаясь с моей кроватью, моим теплом, моей мамой, моими игрушками, моим детством, которое хорошие учителя отрывали от меня словно пух от утенка!

Ах, как они ощипывали мою молодость! Выдергивали мою беззаботность, чтобы пропитать меня концентрированным, тиражированным знанием. Было отчего невзлюбить Монтеня, возненавидеть Цицерона и хором помочиться на Пифагора!

*Ты помнишь, Антуан...* Это о своем детстве они горюют, чудак! Разумеется, я тоже. Но прежде всего, я сожалею о том, что не упивался им полностью, без остатка, свободно. У меня оно было только одно, и невольно я принес его в жертву Обществу! Я задушил его в классных комнатах, оно иссохло в учебниках. Заскорузлое, тщедушное, обруганное, наказанное — вот что с ним стало, потому что так хотел установленный Порядок. У меня были назначены свидания с природой, и я повесил чайник (если так можно сказать) лесам и полям, цветам и бабочкам, весне и девочкам. Ладно, согласен, Нил — самая длинная река в мире, формула этиловой кислоты  $\text{CH}_3\text{COOH}$ , а Гренландия относится к Дании, ну и что? Разве это заменит мне мои золотые дни, утерянные навсегда при всех

\* Магазин с многочисленными филиалами первоначально с единой ценой на группу товаров.

этих знаниях? Заметьте, к моим учителям я зла не питаю. Они делали свое дело. Никто, кстати, не делает его так хорошо, как они, не хуже почтовых работников и жеребцов-производителей. Да, никто как они! А их заслуги с сегодняшними классами по пятьдесят сорванцов! Нужно иметь в себе священный огонь, поклон вам! Вместо благодарности с вами обращаются посредством рогаток! Вы герои, это я вам говорю! И ведь продолжают размножаться. Кучкуются, тусуются, топчутся словно сардины в хорошем оливковом масле образования. Уже идут поиски разных средств, потому что школы растут медленнее, чем шпроты. Обучают по радио, по телевизору, по почте, азбукой морзе, шрифтом для слепых, но все новые массы поднимаются в атаку на разрозненные группы. Наступит день, когда придется подбрасывать бомбочки во время перемен, чтобы сократить состав; или же объявить образование ненужным и отпустить их наконец рвать маргаритки, этих бедных деток, производство которых поощряют, но для которых так мало делают. В общем, я появился на свет слишком рано!

Все это для того, чтобы окунуть вас в эту славную полицейскую школу, уютную, украшенную, радостную, в которой вновь чувствуешь себя школьником. Приятно ходить на урок, когда тебя бредут прежде, чем туда идти, а не во время оно! Под таким углом учеба парадоксально напоминает каникулы.

А потом еще товарищи по учебе, это же так хорошо. Их около двухсот в Сен-Сире. Определенно, святой, который носит это имя, создан для того, чтобы покровительствовать великим школам. Этот самый Сир не такой уж скучный сир.

Насчет меня можете не волноваться, я ищу друзей по делу о самоубийцах. Это ни-



сколько не трудно, так как в школе разговор только об этих двух драмах. Первого покойника звали Кастеллини, его занесло с острова Красоты. В начале учебного года он был таким жизнерадостным, а потом вдруг стал настолько безучастным, что его друзья стали волноваться, все ли у того в порядке с карбюратором. «Что с тобой? — спрашивали они у него, — не сердечные ли муки?» Но он ни гу-гу: скромный, скрытный! Он держал свою боль в себе. Поначалу, каждую среду вечером, он ездил с другими в Лион, чтобы использовать свой талон на случай. Но вскоре бросил это дело и окопался в пансионе Приди-Цыпуля\*. Его смерть никого не застала врасплох. Зато вторая, Бардана, озадачивает и волнует больше. Настоящий зяблик, судя по разговорам. Просто в день самоубийства, вечером, когда он уезжал из Школы, произошло неизвестно что, отчего он вернулся назад. Он уже был в автобусе, на конечной остановке Сен-Сир-о-Мон д'Ор. Вдруг, однокашники, которые были с ним, увидели, что он вышел из автобуса перед тем, как тот тронулся с места. Его спросили, не заболел ли он, но он покачал головой и ушел. Он поднялся в свой бокс и, часом позже, другой курсант обнаружил его застывшим в койке, а рядом лежал флакон со стрихнином. Надо признать, дело не фонтан, не так ли? Бардан приехал из Либурна. Так же, как и Кастеллини он был холост. Похоже, сыскная полиция ведет расследование в его краях, чтобы выяснить, не было ли у него сентиментальных мук. Знаменитый лионский психиатр, д-р Блондеплёр, уверяет, что это была типичная депрессия. Так вот оно обычно и бывает, внезапное помутнение. Небо голубое, птички поют *тра-*

---

\* Полиция (арготизм, основанный на созвучии).

*виату*, вы едете немного пофестивалить в праздничных трусах. И вдруг бац! Подайте губку, приправленную уксусом! Происходит какой-то мерзкий щелчок в вашей коробочке, и вас охватывает страшное желание умереть. Срочно, словно у вас колики. Быстро веревку, аркебузу, лужу с утками, газ или пузырек с отравой! Потусторонний зов, что-ли? Святой Петр вас соединяет с П.К.\*, как говорят дамочки с атээс. Приоритет машине, которая движется вверх! Вы тянетесь к люстре или совершаете прыжок через парапет первого попавшегося моста. Самоубийство, это единственный философский акт, помните об этом. Он все это объяснил, д-р Блондеплёр. Сам он никогда не испытывал желания сделать прыжок в иное место, чтобы удостовериться, там ли он. Он оптимист.

При первом ознакомлении с Делом выходит, что ни у кого факт самоубийства не вызывает сомнения. Всех волнует, почему Кастеллини и Бардан отправились подальше, не уплатив за пересылку, но никто не сомневается в том, что они это сделали.

—:—

На следующее утро у нас подряд занятия по ожегам, сейфам и сеанс опроса. Волнующе! Я думаю, не попросить ли сразу Старика освободить меня, чтобы пройти полную стажировку. Преподаватели — из самых лучших и образованных комиссаров. Это не какие-нибудь утомители, и мне особенно по нраву то, что они ведут занятия на дружеской ноге.

Естественно, событие происходит в час обеда. Слышится треск со двора. Все бегут к окнам, чтобы посмотреть, что там происходит.

---

\* Прямой канал.

Мы видим старую гнилую коросту Толстяка, вмазавшуюся в невинный платан. Или, вернее, платан разместился в машине на том месте, которое раньше занимал радиатор. Мы бежим туда. Директор школы, сидящий учительный муж уже на месте. Он наводит справки. Берю несколько смущен, он представляется и дает объяснения.

— Старший инспектор Берюрье. Я новый учитель хороших манер, о чем вы в курсе!

Он показывает на свой шарабан. Вместо переднего стекла старый многолетний картон.

— Витрина в трауре, так что никакого вида на море. Я хотел сделать дугу окружности таким фасоном и манером, чтобы скромно припарковаться по перпендикуляру перед входом, но этот дурацкий платан не услышал, как я въезжал.

Он наклоняется к пострадавшему автомобилю.

— Плевать! — говорит он. — Челита еще не такое видала: я ее свезу к кузовщику, так что подмарафетят ее болячки.

Он разодет как милорд, мой Берю. Серые габардиновые штаны, куртка с шашечным крестообразным плетением, серая тенниска. И поверх всего плащ зеленоватых тонов с погончиками почти военного образца и кожаными пуговицами из настоящей пластмассы.

Он отряхивается, прочищает слезистую и объявляет:

— Не забывайте, что на дорогах пощипывает!

Он очень громко смеется над своей шуткой и продолжает:

— Без булды, скоро зима, самый раз упаковать Кокетку, чтоб не простудилась.

Учитель хороших манер прибыл!

## ГЛАВА VI

### ПЕРВЫЙ УРОК БЕРЮРЬЕ: ОБЪЯВЛЕНИЕ О РОЖДЕНИИ. КАК ВЫБИРАТЬ ИМЯ. ИЗВЕЩЕНИЕ. ВЫБОР КРЕСТНОГО И КРЕСТНОЙ.

Новый учитель проживает в Школе, но я узнаю из разговоров, что он остановился в *Кафе Петуха и Божоле*, этаким умирительном деревенском заведении, которое совмещает в себе функции гостиницы, постоянного двора, забегаловки, бакалейной и табачной лавки. Само собой разумеется, Толстяк не знает о моем пребывании в Школе, поскольку сам он считает, что призван к высокой педагогической деятельности.

Его появление произвело сенсацию. Все недоумевают, что это за фанфарон с такой живописной речью, поэтому актовый зал, называемый «капитулярной залой» набит до отказа, и вот ровно в 20.15 Его Величество производит выход в высоком стиле. Но сначала о месте действия.

Стены обиты деревянными готическими панелями, и скамьи придают просторному помещению завершенность храма. Вот только обряд, который здесь будет совершен, далек от религии, поверьте! На широком помосте возвышается преподавательская кафедра. По обе стороны от нее стоят две черные доски (в настоящее время они зеленые), а демонстрационный зал занимает стену в глубине.

Вы за мной успеваете? Хорошо. Таким образом, в назначенный час, как никак точность, это скрипичный ключ приличий, старший инспектор Александр-Бенуа Берюрье (из Парижа) входит в зал. Он одет в свежее: голубой костюм, белая рубашка, черный галстук-бабочка, крокодиловая папка, выделанная из полиэстера. Его сопровождает директор. Александр-Бенуа немного бледен. Может, от холода? При появлении двух мужей мы встаем. Дир хитро смотрит из-за очков в золотой оправе. Я не знаю, что ему наплел Старик, наверное, объяснил, что эти лекции о правилах хорошего тона будут в действительности прекрасным отвлекающим средством для учеников. Как бы там ни было, посвящен он или нет, хозяин заведения играет свою роль.

— Господа,— начинает он,— современный полицейский все более и более призван играть важную роль в обществе, поэтому Администрация решила довести ваше воспитание до изысканности, предлагая вам заняться изучением хороших манер с помощью высококомпетентного преподавателя. Я очень рад вам представить старшего инспектора Берюрье.

Я делаю шлепок ладони, увлекая моих товарищей в чудовищную овацию, которая меняет цвет лица бравого Берю. Он изображает поклон, вынимает из кармана платок и промокает нос, забыв, что по дороге сюда он

уже пользовался им, чтобы почистить автомобильные свечи. Кончик его носа сразу становится великолепного черного цвета сажи. Затем Толстяк запихивает платок в нагрудный карман своего пиджака, как это делал на экране покойный г-н Жюль Берри.

— Спасибо, спасибо, — бормочет он, — не мечите, уже полный двор!

— Я надеюсь, что эти занятия будут вам полезны, — добавляет директор, — и благодаря старшему инспектору Берюрье, каждый из вас станет настоящим джентльменом во имя высокого престижа французской полиции.

На этом он незаметно удаляется. И вот наш Берюгор приперт к стенке. Из своего угла я слежу за каждым его движением. Это смачная минута, мои милые. Такие минуты нужно дегустировать.

Толстяк бдительно озирает нас тяжелым взором.

Затем он взбирается на помост и бросает свою папку на стол.

Прежде, чем сесть, он чистит ухо спичкой, кладет ее в коробок и начинает толкать речь.

— Парни, — обращается он к толпе, — я предпочитаю сразу предупредить, что я мужик покладистый, но суров по вопросу дисциплины. Предмет, который мне поручено преподать — тонкий, и я не могу себе позволить терпеть. Ясно? Хорошо, можете ее опустить!

Мы садимся. Мои однокашники обмениваются изумленными взглядами. Берю замечает и язвительно заявляет:

— Знаю: тут среди вас есть кое-кто, с точки зрения звания выше меня по иерархии: только здесь мне нечего добавить. Дело обстоит таким кальсоном, что в моем качестве

преподавателя я требую безоговорочного уважения.

Один из наших не может сдержать веселья. Это красномордый здоровяк с бородой. Берюрье устремляет в него безжалостный указательный палец.

— Эй, парень с ловушкой для макарон, — окликает он, — как ваша фамилия?

— Жан Уткин, мсье учитель, я русского происхождения, — издевается проказник.

— И сколько вам лет?

— Тридцать один год!

— С чем и поздравляю! В угол, немедленно! — приказывает Берю.

В зале смех. Но гнев Толстяка подобен землетрясению. Он вытесняет бородача с его места и толкает к классной доске.

— Руки назад! — уточняет он. — И если это повторится, я буду вынужден секционировать, понятно?

Восстановив тишину, Его Величество пытается открыть свою папку для бумаг. Увы! В разрушительном порыве несчастный блокирует замок. Несмотря на все старания, ему не удается сдвинуть ни на один миллиметр.

Чувствуя, что хохот вибрирует над классом, во имя спасения авторитета, он вытаскивает из кармана нож и вспарывает портфель словно живот кролика.

— Кожгалантерея в наше время не то, что раньше, — комментирует он. — Совсем новая папка, которую я купил вчера в лавке *Все За Один Франк* в моем квартале, и вот она уже объявляет неустойку!

Он вынимает из разрезанного отделения измученный учебник графини.

— Все здесь! — объявляет Ликующий, демонстрируя труд ученикам. — Когда вы одолеете эти двести страниц, ребята, вы сможете выходить на прогулку без няни!

Он слюнявит палец, листает предисловие и разламывает книгу на нужной странице.

— Нудкин, возвращайтесь на свое место вести конспект,— говорит он наказанному,— мне было бы не по себе лишать вас хороших манер, учитывая, что при их раздаче вы должно быть занимались подводным плаванием!

Пока безмозглый бородач возвращается на свое место, ошеломленный милосердием нового учителя, Толстяк поправляет бабочку, которая перевернулась, поглаживает уголок века и продолжает:

— В жизни, ребята, нужно уметь себя вести, чтобы никогда про вас не сказали, что вы гнилые, педокли, недоноски или кайфоломщики; короче, вам надо освоить класс. Мечта, конечно, когда его имеешь с детства, это облегчает задачу. Но мы где-то и как-то дети шлюкс и сыновья де Потаскунс, так что приходится догонять ушедшие поколения, и поверьте человеку, который опивается среди джентри\*, это не просто. Тут все надо брать с базы, и чтоб штанина не зацепилась за педаль!

Он сопит, читая параграф своей книги. Затем кладет ее на стол.

— Так что, начнем с начала, то есть с объявления о рождении. Как только у нее появились сомнения, женщина должна потолковать об этом со своим мужем, даже если она знает, что пахан не он. Она должна объявить новость ласково. Но не в таком стиле: «Эрнест, ты не знаешь, что это со мной такое?», да еще с удрученным видом. Надо наоборот, с радостью...

Берю делает рот куриной жопкой и воркует голосом озябшего евнуха:

---

\* Английское поместное дворянство.



«Эрнесик, у меня для тебя сюрприз, угадай...» Поначалу парень теряется в догадках. Это его настраивает, понимаете? Он предполагает: «Ты мне купила новую трубку?» или «Твоя старуха заболела?», наконец он просекает, о чем мечтал. Если он угадал, дама должна с ходу вlepить ему смачный поцелуй. «Браво, Эрнесик, ты попал в десятку! Я тебе обещаю, что он будет на тебя похож, ты меня отдела́л как принцессу, иначе и быть не должно!»

Если до него не доходит, нужно, чтобы подруга помогла ему расшевелить мозги, навела на мысль:

«Ты помнишь, Эрнесик, тот вечер, когда мы ходили смотреть Софью в *Фамилия-Палас*, и когда мы вернулись, у тебя появилось настроение?... Так вот, представь себе, мой волчище, что это был как бы многосерийный фильм...» А вообще, поскольку вы внешне не похожи на дам, не будем задерживаться на этой главе и займемся лучше реакцией Дятла.

Берю производит инвентаризацию своего портфеля и извлекает из него флакон божоле.

— Время смочить жернова, и я продолжу! — предупреждает достойный педагог.

Он залпом выпивает большой глоток из горла, цокает языком и испускает удовлетворение.

— Приятно преподавать в такой гостеприимной местности, где природные богатства облегчают жизнь человека.

Так я к тому, что мы сейчас займемся реакцией молодого папы. Самое главное, не возникать. Избегайте даже слова «б...», это может огорчить бедняжку и отразится на морде отпрыска. Часто возникает вопрос, почему все вокруг такие уроды. Чаще всего оттого, что мадам их маман сквасила свои соки их ожидаючи. Так что, знайте: побольше ласки,

слащавого. «Дорогая, ты уверена, что это не ложная радость?» Вот каким должен быть тон. Не показаться раздосадованным, даже если вы живете в маленькой комнатухе, даже если это торпедирует отпуск! И избегайте намека на Швейцарию, мой вам совет. Женщины знают, что в Гельвеции есть волшебники по шпилькам со шляпками, и мысль может им прийти в голову насчет того, чтобы сбросить груз в пике, что может вам изменить потомство. Генеалогические деревья, они вроде ореха, не нужно их трясти, пока кожура не сделает отрыв.

Он промокает рожу, оставляя на ней еще большие полосы сажи.

— Это, господа, для затравки. Но между радостным известием и счастливым событием (я подозреваю, что Берю почерпнул формулировку прямо из своей Библии) есть промежуток, в течение которого муж должен постараться быть предупредительным со своей законной. Как сказал поэт: *женщина, это скрипка, на которой мужики играют своими смычками*. К слову будь сказано, моя любимая больше напоминает контрабас.

Его Величество терпимо относится к волне смеха, сотрясающей аудиторию. Он допускает веселье, если провоцирует его сознательно.

— Так что, надо петь красивые арии для будущей мамы! — продолжает он. — Не стоит торговаться насчет деликатных знаков внимания вроде пучка роз на праздник, эскимо в антракте или сидячего места в автобусе, даже если оно одно! В случае семейной свары, а такое бывает даже в лучших домах, избегайте оплеух и, главным образом, ударов ногой в живот. И еще, вот что: Когда она начинает принимать формат *Нэльской башни*, не заворачивайте ей саргазмы вроде: «Уж не проглотила ли Мадам вишневую косточку?»

Или: «Похоже, Мадам питается осветительным газом!» Или еще: «Положи гирю в карман, а то улетишь, маманя». Я знаю, такое говорят в шутку, но есть обидчивые, которых это деморализует; так что, осторожнее!

Толстяк машет указательным пальцем, который превосходит в размерах тулузскую сосиску.

Счастье рожать, ребята, хочешь ты этого или нет, оно не столько мужское, сколько женское. Повторяйте это в тот момент, когда баба скулит над своими юбками, которые уже не налезают. Муж, вместо того, чтобы нервничать, должен искать утешительные слова. Например: «Хоть ты и выглядишь, словно проглотила дирижабль, это еще не причина быть в таком настроении, курочка, твоя манекенная талия к тебе еще вернется!» Еще пример: «Стоит ли делать такую несчастную морду оттого, что у тебя объем талии как у шестиместного писсуара, дуреха? Тебе не стыдно?» Потому что тут, ребята, вопрос темперамента: если он меланхолический, его нужно слегка встряхивать. Джентельман должен всегда жалеть. Если, например, бедняжку тошнит, остерегайтесь насмешек, взываю к вашему достоинству. И не ворчать. Я помню одного корефана, которого раздражал вид своей мамки в позе молящейся перед парашей, так этот скотина откалывал ей такие номера, вроде: «Ты скоро кончишь платить нам эти взносы?» Батон, о котором я толкую, был хамлюгой, с которым делать нечего. Зато другой месье был вполне приличным, я его встретил в деревне. Это надо видеть, какую атмосферу он создавал вокруг мадам! Он мыл посуду, ставил пластинки Тино Росси и носил ей кофе в постель.

Это было тем более деликатно с его стороны, что короед не мог быть от него, по-

сколько его кенгуру пребывал в полном трауре после того, как он неловко крутанул заводилкой от машины.

Так, по-моему, это понятно. Чем больше вы лелеете мать, тем красивее будет дитя, что сделает вам честь. Потому что, в конечном счете, ничто так не деморализует мужчину, чем быть отцом заморыша, который еще не выпил свой первый глоток божоле, а выглядит так, словно у него цирроз!

Он умолкает и с высоты озирает нас своим взглядом.

— Вопросы? — говорит он с властью председателя суда, обращающегося к присяжным заседателям.

Я щелкаю пальцами словно школьник, который просит разрешения выйти написать горячей струей имя своей подружки на грифельной доске клозета.

— Вы что-то имеете сказать, малыш? — благосклонно спрашивает воспитатель.

— Месье учитель, — обращаюсь я, изменив голос. — Вы нам рассказали, как должен себя вести мужчина со своей беременной супругой, ну а в случае, если будущая мама девочка, каким должно быть поведение?

Он вперивает в меня взгляд издалека и качает головой.

— Кажется, я вас где-то видел, — оттягивает он с ответом. — Не служили ли вы в Большой Хижине в Париже?

— Нет, месье учитель, я приехал из Пуэнт-а-Питр\*!

— Если вы работали в цирке, это другое дело, значит, я вас видел у Бульона. Ладно, вернемся к вашему вопросу. Вопрос интересный, и если хотите, — врет он, — я его ждал.

---

\* Название города в Гваделупе, которое Бержорье понимает дословно, как Тапочки Клоуна.

Анбон



Берю — преподаватель изящных манер.



Еще глоток. Уровень в бутылки понижается. Берю вытирает губы.

А вообще, мои лапочки, я кажется понял, что ему придает благородства, моему Берю. Ибо, несмотря на его речь и манеры, в этом человеке есть что-то такое, что вызывает уважение и симпатию. Так вот, его шарм исходит оттого, что он живой, действительно, по-настоящему живой. От розового рассвета до сумрачного вечера мы ковыляем среди кандидатов в покойники. Они уже почти холодные! Теплые, по крайней мере. Безропотные, застывшие, инстинктивно влекомые к могильной позе. Если гробовщикам будет не доставать клиентов, они смогут отложить их сколько угодно. Не надо сетей. Достаточно поставить гробы вертикально с распахнутыми крышками. Они войдут туда сами, не так, как крысы в клетку, нет, крыса идет туда, чтобы погрызть кусок сыра, но сознательно, как в постель. Мертвый час, столь желанный. Нос торчит в сторону голубой полосы неба, ноги стрелой, ракеты в потусторонний мир! Пять-четыре-три-два-ноль! Да, ноль, наконец-то! Спасибо, месье Сегало, вот это мебель! Добротный дуб, благородная сосна, великолепный скобяной товар — Борньюль сверху и по бокам. Я вам должен сказать, когда меня запакуют, не стоит рядить под Крестоносца мой мусорный ящик. Приклейте сверху фотографию Холидея или Албаладехо, портрет Бардо, вид Неаполя, рекламный проспект Мазерати, короче, что-нибудь в цвете, поживее, попестрее, чтобы не стояло на месте, чтобы согревало. Хоть это и конец в конце концов, пусть будет портрет Берю в полный рост и в исполнении Кодаколор. Берю с дырами, пятнами, фиолетовой рожей, Берю, протягивающий руки миру (но мир проходит мимо, не замечая).

— Так, говорит он, — займемся дочкой-матерью.

Он дует на свои ногти, лак которых местами облупился.

— Моя книга об этом умалчивает, — продолжает Доблестный, — в связи с тем, что лицемер, который ее снес, посчитал, что этому не место в энциклопедии хороших манер. По моему глубокому убеждению, это сознательное упущение омерзительно. Замужняя женщина, которая принимается вешать лапшу, что здесь особенного? Это, как сказал вещей, в порядке вещей. Но девчонка, которая стала носить в себе иждивенца, потому что слишком много танцевала на балу или приняла лишних висок на оргиизованной вечеринке, это достойно внимания. До меня не доходит, почему в современном Обществе быть матерью и одновременно незамужней, это неприлично. Продолжают бить битого! Я протестую!

Толстый поднимается. Он подходит к краю помоста, потрясая кулаком.

— Ведь можно же облагодетельствовать подружку и без намерения жениться, даже если бывают последствия, про которые я толкую. Но в таком случае нужно терпимо относиться к тому, что малышка может сбросить груз в открытом море. Граждане! Вместо этого ее принуждают нянчить до потери сознания! И к тому же над ней издеваются. Есть такие больницы, где монашки-акушерки причиняют худшие из страданий девочкам-матерям. Это их услаждает. Они от этого кайфуют, эти улитки. Если бы Всевышний не видел, они бы им еще перца молотого подсыпали, чтобы наказать бесстыдниц, чтобы отучить их от жизни, этих паршивок, которые не могут отыскать себе мужа!



Толстяк высмаркивает одну ноздрю на рукав, вытирает его об штанину, чтобы вытереть последнюю об стул. Он прекрасен в социальном гневе.

— Если бы мы все за это взяли, может, что-то и изменилось бы, не так? — бурлит он. — Если бы решили, что девочка-мать, это привилегированное положение? Если бы это давало право на льготы, на хорошие места в хороших местах, на квартиры, на талоны на бензин, на турпоездки, на награды, чтобы военные им отдавали честь, а? Если бы это обязывало к обязательному уважению за то, что ты непорочная дева и одновременно бабушка. Господи! Если бы об этом говорили как о ком-то, кто на скачках угадал три заезда подряд! Если бы старые перечницы шептали: «Вы знаете, а дочка Такого-то девочка-мать! Представляете, как им повезло. Им все время везет. Прямо какая-то счастливая полоса, они уже выиграли дом по конкурсу *Паризьен Либерэ...*» Да если бы к инциденту относились таким образом, дамочки сразу бы осмелели и воспользовались своей молодостью; они бы ничем не рисковали. Они бы похорошели. Ведь в конце концов, дрючка, это же как жрачка, просто наступает час, тело этого требует! Не надо думать, что пацанка шлюха оттого, что ей нравится сэндвич. А зачем отнимать у нее право трахнуть Дятла, если ее душит желание? Удовольствие ради удовольствия? Ерунда! Это потребность. Что это за бермуды, которые навесили стыд на потребность? Я хотел бы посмотреть на них, если бы им повесили замок на карфалыгу, чтобы показать им, что предмет уже не нужен, когда он не нужен!

Он вытирает сок эмоций, который выступает из второй ноздри.

— Сразу же, с сегодняшнего дня нужно поддержать их нашим уважением, девочек-матерей. А для начала, называть их девочками-мамами, это нежнее. Что вообще-то важнее: что они девочки, или что они матери? Дать им почувствовать наше уважение, ребята. Я понятно говорю? И даже прикинуться, что завидуем им. Как вам повезло, что у вас нет мужа! Быть матерью и оставаться свободной, какое счастье! Вот как надо с ними. Еще вопросы?

Мои однокашники медленно качают головой.

Берюрье садится.

— Отлично.

Он на некоторое время погружается в книгу.

— Я бы хотел теперь поговорить с вами о выборе имени. Это вроде бы просто, но, по моему мнению, нужно быть разборчивым, как и во всем остальном. Многие родители используют свою фамилию, чтобы сделать каламбур. Они на это положили, потому что расхлебывать придется не им, а пацану.

Послушайте, если вас зовут Зуймазер, не называйте своего шпрота Поль, и не надо ставить опыты с именем Ив, если ваша фамилия Сажу, с именем Жо, если фамилия Полиз или Полаз. Я знал одного г-на Терьер, у которого были близнецы. Он их назвал Алекс и Ален, но это же несерьезно. Это вроде того Гатс, который назвал своего сына Рене, или мой приятель Бон, которого старик назвал Ги. Еще совет, ребята: если ваша фамилия короткая, выбирайте длинное имя. И наоборот: длинная фамилия, короткое имя. Это компенсирует. Чудака, у которого кликуха Бездыркинемогю, нужно назвать Поль, Луи, Люк, этого ему вполне хватит. Он ничего не выигрывает, если ему дать сложное имечко в стиле

Люсьен-Морис или Максимильян-Шелл. И вот еще: если у вас простая фамилия, например: Дюран, Дюпон, Мартэн, ей нужно придать бойкости чем-нибудь вибрирующим: Гаэтан, Горас, Гонтран, Гислен, Магдален, Леонс, Альдбер, Ригобер, Ромуальд, Леандр, Фрюктюе, Пульхери, Сабин или Годфруа. И наоборот, если фамилия козырная, допустим, вас кличут Мурлом-Дубье или Ассамбью-Накукан, вы должны ограничиться простым Рене, симпатичным Жорж или скромным Эмиль. Это мой вам совет. Разумеется, если вы уже жертва папашиной проделки, как этот шалун Жан Мудкин, относитесь к этому с юмором. Мутный парень, как говорят арабы!

Господин учитель хороших манер расстегивает свой жилет, затем рубашку и начинает с остервенением чесать каракулевое брюхо. Сделав свое дело, он осматривает кончики ногтей и чистит их, потирая о волосы.

— Раньше, — говорит он, — новорожденным лепили кучу имен. Чудак, который навешивал вывеску во всей красе, должен был возить ее в багажнике. Теперь это уже в архивах, сейчас цепляют только грустную необходимость, два или три, не больше. Но самое смешное, среди принцев продолжают называть целую гирлянду! А ведь принцы-то уже не те! И ничего, если не признаешь в лицо. А вообще, я не хочу вмешиваться, это такой народ, Армия Спасения их опекает, и если не дать им поиграть в то, что осталось от традиций, мы будем просто свиньями! Высокая линия падает, ребята! Уже не стоит ее дразнить. С тех пор, как обрезали сигару Людовику XVI, голубая кровь продолжает краснеть. Принцессы кадрят бичей, а короли парикмахерш. Кстати, в настоящее время я сам фарширую одну пастушку с заглавной

буквы, и нате вам, в ее папиной усадьбе даже нет сливной трубы!

Он сливает остатки божоле в безапелляционную гортань, закрыв веки, во власти внутреннего наслаждения.

— Что ни говори,— междупрочит он, созерцая пустую бутыль,— этот нектар приводит слизистую в экстаз!

Он причмокивает два-три раза и продолжает для своей возбужденной аудитории:

— Итак, малыш появился на свет. Из двух одно: или это мальчик или девочка. Может случиться, что этот пункт выяснить невозможно, и у бедняги нерешительность застряла в нижнем этаже.

Нужно предоставить ему шанс сделать выбор так, как ему подскажет его собственное большинство. Чтобы не писать потом на конверте: Месье Жюль Дюран и его муж. Следовательно, встряхнитесь и назовите его Клод или Доминик\*, чтобы не давить на него и дать ему полную свободу действия!

Взглянем на вещи поближе. Вот вы в родильном доме. Вы только что выкурили две пачки Житан с фильтром в мольбах к бородатому, чтобы это был мальчик, а акушерка вам объявляет, что у вас де-е-е-вочка. Срочно ликвидируйте свое разочарование, иначе ваша дама, а она следит за вашей физиономией, рискует окончательно объявить молочную забастовку. Здоровье карапуза прежде всего! Утешьтесь тем, что ребенок не будет служить в армии.

Если вам откроют, что у вас близнецы, не буяньте; вы не первый, кто занимался любовью под копирку, к тому же, им это может пригодиться в будущем, особенно, если они будут работать в мюзик-холле.

---

\* Имена, которые могут быть и мужскими и женскими.

А если вам повезло сразу на пятерых, не падайте в обморок: ваше состояние обеспечено. Не теряя времени, причешитесь и ждите телевидение и журналистов. Не паникуйте, хорошенько приготовьте свои ответы. Вам придется выдержать натиск в связи с тем, что ни маман, ни короеды не в состоянии микрофонить. Сделайте вид, что у вас их двое (кстати, после такого никому не придет в голову доказывать, что у вас их меньше!), и в особенности, не бормочите: «Я не знаю, как это могло произойти». Журналисты этого не любят. Да и все равно они обработают, сделайте им приятность и придумайте за них, это им облегчит работу, и они вам будут благодарны. Скажите, например: «Я много изучал трактат Д-ра Годмауса о стимуляции гормонов в современной металлургии», или что-нибудь в этом роде. Что-нибудь ученое, замысловатое. И продолжайте так: «Согласно расчетам, над которыми я много работал, я пришел к тому, что если буду встречаться с сюнечкой через день после полнолуния, между десятью вечера и Вандомской колонной, у меня будет шанс сделать пятерых». Рассекаете? Мол, вы заранее знали, вас не застанешь врасплох. Человек, который управляет судьбой, как своими 2 лошадками Лимон\*. Публика все надеется, что существует некто способный сказать пару ласковых своему будущему и который манипулирует им по своему усмотрению.

Может произойти и такое, ребята: Мадам ваша супруга родила Негритенка, тогда как у вас белизна Персиль.

Я на секунду прерву лекцию Толстяка, чтобы открыть скобку, друзья. По поводу белизны Персиль. Некоторые считают, раз уж я цитирую марки продуктов, значит я хлебаю

---

\* Малолитражка «Ситроен».

из кормушки дядюшки Жан-Жака<sup>1</sup>. Протестую. Я никогда ни от кого не получал ни фигурки за то, что хвалю его продовольственные продукты. Когда меня будут толкать с молотка, я дам объявление в газетах. Редко-редко кто в знак признательности все же присылает мне маленький милый образец. В последний раз это были ножи от г-на Опи-неля. А еще г-жа Чинзано, конечно, на Новый Год. Потом брелок, не знаю от кого, и автоматический карандаш Ватерман. И все. За восемь десятков книг, это нерентабельно, не правда ли? Если я упоминаю торговые марки, это потому что мы живем в мире рекламы, который глупо игнорировать, он является неотъемлемой частью нашей жизни, он бросается в глаза на каждом шагу! Почему считается приличным петь дифирамбы г-ну Помпиду и неприличным, если ты упоминаешь Люстюкрю? А? Каково! И тот и другой фигурируют ежедневно в газете, особенно Люстюкрю, между прочим. Если упоминание о Гиббсе, Левитане, Персиле, Чинзано, корсете Скандаль или Астра, это не что иное, как реклама этим фирмам, тем лучше для них. Я им делаю подарок. Это из меня выпадает. Это видно невооруженным глазом. Остается только применить совок и веник, как под задницей ишака. Ясно? Продолжай, мой друг Берю, свою спасительную миссию.

Толстяк подмигивает.

— Конечно, цветной бэби, это несколько шокирует, но нужно сразу побороть разочарование. Продублировав вас с Черномазым, ваша дама внесла свой вклад в дело объединения рас, в конце концов. Когда-нибудь не

---

<sup>1</sup> Этот сан-автонионизм понятен только в том случае, если знаешь, что г-н Марсель Блештейн-Бланше, знаменитый директор *Публицис*, является дядей не менее знаменитого Жан-Жака Виталь.

будет ни Черных, ни Белых, ни Желтых, а один только серый цвет, я так считаю. Это уравнивает все, это же средство передвижения. До последней стычки каждый, можно сказать, сидел дома в своей шкуре. Благодаря передвижению, все больше и больше будут притираться и смешиваться. Расисты пытаются тормозить мир, совокупляясь с персонами своего цвета, словно подбирают шторы к обоям. И заметьте, чаще всего они же и бросаются к негритянке, когда приходят в бордель. У них ничего не выйдет. Когда вы мешаете яйца с маслом, это дает майонез. Мир вздувается как майонез.

На миг Берю задумывается и качает своей благородной башкой.

— Но продолжим. Вот вы и отец. Теперь нужно объявить новость родственникам и друзьям. Начиная с тройни бесполезно, в прессе уже есть сообщение. Если сразу четверо, ты вправе рассчитывать на фотографию. Если пятеро, как я сказал, ваша новость уже на первой странице газет всего мира! А вообще, поскольку случай не частый, рассмотрим текст обычного объявления.

Дойдя до этого деликатного места в энциклопедии хороших манер, он вновь берет свою Библию и лихорадочно ее просматривает.

— Тетрадки с собой? — спрашивает он поверх книги.

— Да, мсье! — отвечаем мы хором.

— Жокей! Тогда пишите...

Он начинает мямлить (он к этому расположен):

*«Месье и мадам Рене Де Ла Десант счастливы сообщить вам о рождении дочери Мари-Мишлин.*

*1-го октября 1910 г.*

*ул. Риволи, 105.»*

Он опускает труд.

— Конечно, вы замените Де Ля Десант вашим именем, и никто вас не заставляет называть девчушку Мари-Мишлин,— предупреждает Толстяк.— Что касается даты, она условна, равно как и адрес. Я думаю, это понятно? Но между нами говоря, формулировка суховата, вы не находите? Можно подыскать покрасивее. Сидеть!

Он закрывает один глаз рукой и погружается в светское раздумье.

— Я видал объявления, в которых сам короед сообщал о себе,— продолжает Информированный.— Это замышлялось примерно так: *«Ку-ку, а вот и я. Меня зовут Рири, и я сын мсье и маам Трикардетен»*.

Формулировка заслуживает внимания; но я вам вот что скажу: рождение, это радостное событие; значит, нужно объявлять о нем весело. Без сюсю, но с душой!

Он запикивает свою энциклопедию.

— Будь это я сам, и у меня появился бы ушан, я бы сделал такое сообщение.

Он зажимает верхнюю часть носа, сильно, как давят пустой тюбик из под пасты, чтобы выдавить последнюю каплю. Он начинает вещать гипнотическим голосом:

*«В силу того, что мы водим пуделя в цирк без намордника, а канарейку в клетке не держим, Берюрье подзалетели и счастливы сообщить, что утенка зовут Жюль-Феликс.»*

Он дышит широкой грудью и прогуливает по своей аудитории взгляд, облагороженный напряжением мысли.

— Это вам, ребята, для вдохновения.

Побольше открытку, и вас не обвинят в том, что вы маетесь дурью. Это просто, сердечно и со вкусом; короче, модерн!

Он смотрит в свою книгу, хребет познания.



— Конечно, кроме поздравительных, которые посылают, есть еще такие, которые получают. Поэтому, пример ответа таков: *«Желаем счастья ребенку и поздравляем счастливых родителей!»*

— Опять же, чего не хватает, это тепла. Неописуемый прыскает.

— Желаем счастья ребенку! Ничего себе, Шарль, с водородной бомбой ручной работы, на какое счастье он может рассчитывать, этот бедный ягненок! Его люлька на анатомном арсенале! Есть отчего призвать фею Маржолен, чтобы побрызгать крестовым лосьоном в четыре карты!

Он аристократично покашливает краешком слизистой в трубку своего кулака.

— Я не понимаю, как это в учебниках вроде этого, апробированных высшим светом, духовенством и Охотничьим Обществом Сен-Фирмен дают примеры такого напыщенного лепета. *«Поздравляем счастливых родителей»*, — давится от смеха Толстяк. Тут наверняка бастовал весь фосфорный завод.

Он вонзает в нас решительный указательный палец:

— Записывайте!

Мы склоняемся над тетрадами, свесив язык.

— Пример ответной открытки, — бросает он.

*«Мои шалунишки !*

*Ну что, кларнет с сюрпризом сыграл и с вами шутку, судя по всему? Ладно, не ногу же сломали! Надеюсь, что этот бандит будет таким же красавцем, как его маман, и не такой сволочью, как папаша! Если вам придет в голову накрыть прибор по-новой, чтобы оформить ему сестренку, дайте знак, берусь подготовить стройплощадку!»*

Он массирует свою трудовую мозоль.

— Чувствуете, насколько это милее?

Мы отвечаем: «О да, мсье!», в один голос. Это приводит его в восторг.

— В жизни, друзья мои,— философствует он,— никогда не надо упускать случая подогреть, даже чуточку подшутить над другом и подругой. Отвращение к жизни возникает от того, что люди недостаточно балагурят. Вот они и отравляют себе жизнь. Приглядитесь к ним! На улицах, в ресторане, в кино, везде мы видим одни унылые рожи, словно в трауре. Почему они закомплексованы и вечно недовольны? Почему они таскают свою шкуру словно падаль, изъеденную червями, а? Почему не радуются солнцу и красному вину, пока их ноги носят? Иногда я сам себя спрашиваю, не доходно ли занятие ассенизатора, когда вижу все эти злые рожи страдающих запором.

А может, это желчь, а? Может, они жрут мало артишоков? Только тут наверняка гнильца в самой основе! Ладно, закончим эту первую главу, поговорим о крестинах.

Он открывает двустворчатую скобку.

— Если среди вас есть ребяташки нека-толики, я разрешаю отчалить в связи с тем, что это особая глава о приличиях. Отметьте, мне лично было бы интересно, если б меня кто-то поднатаскал насчет арабской рамады\* или еврейского отрезания.

Поскольку никто и ухом не ведет, он принимает удовлетворенный вид.

— Хорошо, погружаюсь. Крестные отцы и крестные матери это люди, которых выбирают родители, чтобы они их заменили в случае необходимости, так говорит моя книга. Следовательно, они вправе залепить плюху или вломить хворостиной по заднице. Однако у

---

\* Берюрье имеет в виду Рамадан (пост у мусульман).

них еще есть и обязанности, и среди прочих, моя книга все время талдычит про обязанность идти навстречу их желаниям! Но вот вещь, о которой люди забывают: крестный и его крестница, или крестник и его крестная не имеют права обжениться между собой без разрешения Церкви.

Толстый облокачивается на стол с озабоченным лицом.

— Так что, не нужно брать крестного-крестную слишком молодых! Лично я, например, вспоминаю свою крестную, как будто это было вчера. Мамашина племянница с бампером шире, чем ворота у риги, да еще парочка таких герметичных кессонов, что в воде у нее не было никакого риска утонуть. Еще короедом меня уже тянуло на рубец. Так что, когда крестная вваливалась в казбу, я спешил позабавляться у нее на коленях. Мне открывался необозримый вид на ее декольте. Если бы вы видели этот дуэт поплавков, братцы! Однажды я не удержался и запустил лапу между ними, вопя, что хотел поймать храбрую мушку, которая туда залетела. Лапша, конечно! Кто-то заметил, что я очень услужливый для своего возраста, и прочее. А как же! Крестная кудахтала, что ей щекотно, но я не думаю, что эта прогулка в ее лифе так уж ей не нравилась! Наконец, я закричал: «Вот она!» Это я поймал один из ее сосков. Такой рифленый бугорок, я вас умоляю! Несмотря на свои шесть или семь годков, я уже имел твердое намерение устроить ей праздник, когда буду в рабочем состоянии. В свою очередь я преподнес бы ей подарок. Только жизнь... вы же знаете. Мои старики с ней повздорили из-за наследства. Всю малину обделали дедушкины стенные часы. Шикарные, с декором ручной работы, маятник, инкрустированный камнями, кстати, более или менее драгоцен-

ными. Короче, их оттяпала крестная, надо думать, в ее доме было бесчашье. Я не ишу ей оправданий, но ведь и такое может быть!

Как бы там ни было, мой детский замысел лопнул как пузырь. Когда я снова встретился с крестной, она была уже вдовушкой, высушенной солнцем. Она так похудела, что ее компрессоры свисали ей на живот! Как я ни старался зацепиться за воспоминания, сердце меня уже не слушалось.

Чтоб вскарабкаться на милашку, одних воспоминаний еще недостаточно, ребята! Все это к тому, что не стоит выбирать слишком молоденьких крестных. Но и слишком старых тоже не брать. Если вы выберете старого крестного, он может сойти с дистанции прежде, чем крестник вырастет, и в таком случае малышу придется покупать ему цветы на Праздник Всех Святых. Так что, идеал, это крестные среднего возраста. Да, вот еще: никогда не брать тех, с кем вы ложитесь в постель. Мой двоюродный брат, когда у него появился короед, поспешил провозгласить крестной свою подружку, которую драл во весь опор. Вывод, в один прекрасный день его женушка накрыла их на ложе преступления, и ребенку уже не суждено было вновь увидеть свою крестную. Скачки и семейные церемонии не уживаются под одной крышей. Никогда не путайте постель с купелью, ибо рано или поздно пацан за это пострадает!

Берюрье на миг умолкает. Он пожевывает вхолостую и спрашивает:

— Нет ли у кого-нибудь флакона с вишником к нашим услугам, я не прихватил достаточно амуниции для первого урока, и у меня язык до того разогрелся, что я боюсь поплавать себе подшипники.

Поскольку все молчат, он вздыхает.

— Не хочу вас обидеть, ребята, но вам не хватает организованности. Когда мне было двенадцать лет, в зимние дни я всегда брал в школу фанфурик, в результате я никогда не болел.

Он пожимает плечами, отгоняя собственное неодобрение.

— Еще немного о крещении, и я сливаю.

По моему мнению, никогда не надо затягивать с крещением. Предположим, у пацана хрупкие клапана, и он отпаялся, не успев стать христианином. Тут же святой Петр прикинется шлангом насчет того, чтобы отпереть ворота там наверху. Католическая религия непреклонна по этому пункту: некрещенные шкеты лишаются входного билета в Рай. Я представляю, какая толкотня вокруг в связи с тем, что из всего человечества католики представляют лишь малую часть. Интересно, а что лепят другие? Целую вечность дергать колокольчик на двери, это долго. Но не только поэтому я настаиваю на скором крещении, а по той причине, что маман еще не вышла из клиники, и можно по-солидному вмазать без бабьего визга!

Пребывание дамы в клинике зависит от ее социального положения. Чем богаче молодая мама, тем больше ей нужно времени, чтобы оклематься. Моя мать поднялась в тот же день, когда я родился, чтобы заняться хозяйством, и совсем другое дело, владелица замка из наших мест, ей понадобилось целых две недели, чтобы выкарабкаться. Голубая кровь не так вынослива. Передавать ее другому это испытание; этот продукт на учете, сие надо понимать! Странная вещь, у мужиков все наоборот. Мой врач мне сам говорил: если руку сломал какой-нибудь бич, ему надо три месяца, потому как Соцобеспечение берет его на свое довольствие, а вот если поломал

руку патрон, две недели — и она срослась. Но согласитесь, в патроне больше кальция, это неизбежно.

Толстяк удовлетворен нашими энергичными кивками головы.

— В церкви, — продолжает он, — ребенка держит крестная, пока священник его солит и намазывает. А крестный помогает ей, держа толстую свечу, и я так думаю, он может воспользоваться случаем, чтобы нацелить в нее пальчик с самонаводящейся головкой. В жизни нужно уметь пользоваться обстоятельствами!

После церемонии я рекомендую крестному хорошенько окропить священника. Не водой, конечно, а деньжатами. Я знаю, что Церемонс недорогой, но нужно помнить о рабочей силе. Не забывайте, что этот бравый служитель вместо того, чтобы выжимать из ребенка слезы (крещеный всегда плачет и, кстати, поэтому его держат над посудиной), мог бы спокойно заниматься сбором пожертвований. Чтобы восполнить убыток, ему надо воздать. Есть такие скупердяи, которые считают, что квиты, если сунут ему банку драже Марсьяль. Такой способ это западло, особенно если подкладывают несколько драже с шуточками. Однажды мы это сделали на крещении с моим другом Альфредом, парикмахером. Я без зла, подложил только драже с перцем в суму преподобного. Но этому наглецу Альфреду этого мало, он же экстремист по выдумкам. Он залепил в пакет горсть драже с возбуждателем.

Не смейтесь, такая шутка это засада. Особенно, если священник молодой, с упаковочной соломкой семинариста под сутаной! Похоже, после такой забавы ему запретили делать наставления маленьким девочкам. Так можно раздолбать все апостольство, уверяю вас.

У Берю противная хрипота. Он слишком много отдал сил на первый раз. Великодушный, чего там.

— И последнее, — отхаркивает он. — Можно ли петь гвардейские песни на крещении? Некоторые говорят «нет», другие «да», при условии, что с душой. Я вам отвечу, ребята. Можно!

Можно, в связи с тем, что бамбино слишком мал, чтобы понимать. Так чего стесняться? Когда ты уже взрослый, возможность рвануть песню представляется очень редко. И потом, соленая песня, по-моему, создана для крещения!

На этот раз он умолкает. Выдохшийся, возвышенный!

Это неудержимо: мы встаем, чтобы устроить ему овацию. Он приветствует, вытягивая руки буквой V. Он благодарно трясет головой. Он бормочет недоношенные «хорошо, хорошо».

Аплодисменты усиливаются, трещат, раскатываются в просторном зале. И тогда возбужденный Берюрье выкрикивает:

— От меня, Берюрье, большое спасибо этой толпе молодых, собравшихся передо мной. Да здравствует Высшая национальная полицейская школа! В общем, да здравствует полиция! И да здравствуют студенты!

В неописуемом восторге все собравшиеся ученики запевают знаменитый гимн:

*Да здравствуют студенты, мать.  
Да здравствуют студенты!  
У них есть жены, нет детей,  
Да здравствуют студенты!*

Весь дрожа от славы, Толстяк подбирает свою взрезанную папку, пустую бутылку и учебник. Он ретируется, галстук развязан, в

глазах экстаз, лоб фиолетовый, ширинка на-  
распашку. Отвешивая пылкие поклоны нале-  
во, направо, по центру! Величественный,  
ликующий, готовый расплавиться. Превоз-  
несенный высоким знанием, которое он толь-  
ко что выплеснул *а джорно*\*, и которое с ним,  
тем не менее, не рассталось.

---

\* В свет (итал.)



## ГЛАВА VII

### В КОТОРОЙ ПРОИСХОДИТ НЕЧТО ТЕМНОЕ

Я дрыхну в дортуаре старого здания. Мой персональный бокс находится в глубине помещения около окна. Он завешен шторой, перегородки из фанеры, в общем, коммуналка!

Из-за моего антрацитового личика друзья уже прозвали меня Белоснежкой. Мало что изменилось в мире насмешек. Украшают все теми же эпитетами. Людям не хватает воображения. Шутка лениво переползает из поколения в поколение. Любой *coloured man*\* это сразу же Белоснежка. С тех пор, как появился шедевр Диснея, изобретен пенициллин, сверхзвуковой самолет и атомная бомба, — ни одного нового прозвища, чтобы поддеть смуглого. Белоснежка! Во всей ее убогости. Не иначе, как юмороидная железа омертвела.

А вообще-то они ничего, мои коллеги! Ментовку любят. Призвание. Она для них так или иначе средство поиграть в Тарзана. Наша мифология скудна. У Штатников есть миф о

---

\* Цветной человек (англ.)

Краснокожих, миф о преступниках, да еще фольклор. А у нас, Французов, кроме мифа о генерале — голый вассар. Две маленькие звездочки в ночи горечи, это не безэф\* (черт, надо кончать с арабским, меня не так поймут!). Что толку драить их до блеска в проекторах телевидения, согласитесь, их живописность сомнительна! Ну хорошо, мы были героями для пантеона, но это же в прошлом. Связь прервали наиотвратительнейшим образом в 40-ом. И наши лидеры не хотят понять, что настоящая эпопея для наших ребятишек не в Наполеоне, а в Аль Капоне. Так что, тот кто тяготеет к беспокойной жизни, идет в менты, это логично.

Мой ближайший сосед по боксу именуется Ракрё. Его специальность — неприличность снизу. Стоит ему попасть в горизонтальное положение, он тут же начинает изображать «Нападение на Тихоокеанский Экспресс» в натуральном шумовом оформлении. Он не виноват: у него поджелудочная железа давит на толстую кишку. Ему даже врач выдал справку о том, что он имеет право дуть свои ветры во время официальных церемоний.

— Эй, Белоснежка! — зовет он меня. — Я слышу, ты не спишь...

— Я тебя тоже слышу, — отвечаю я.

— Хочешь перекинуться в белот?

Я не заядлый картежник и редко беру стирь в руки, но белот не требует напряжения для мозгов.

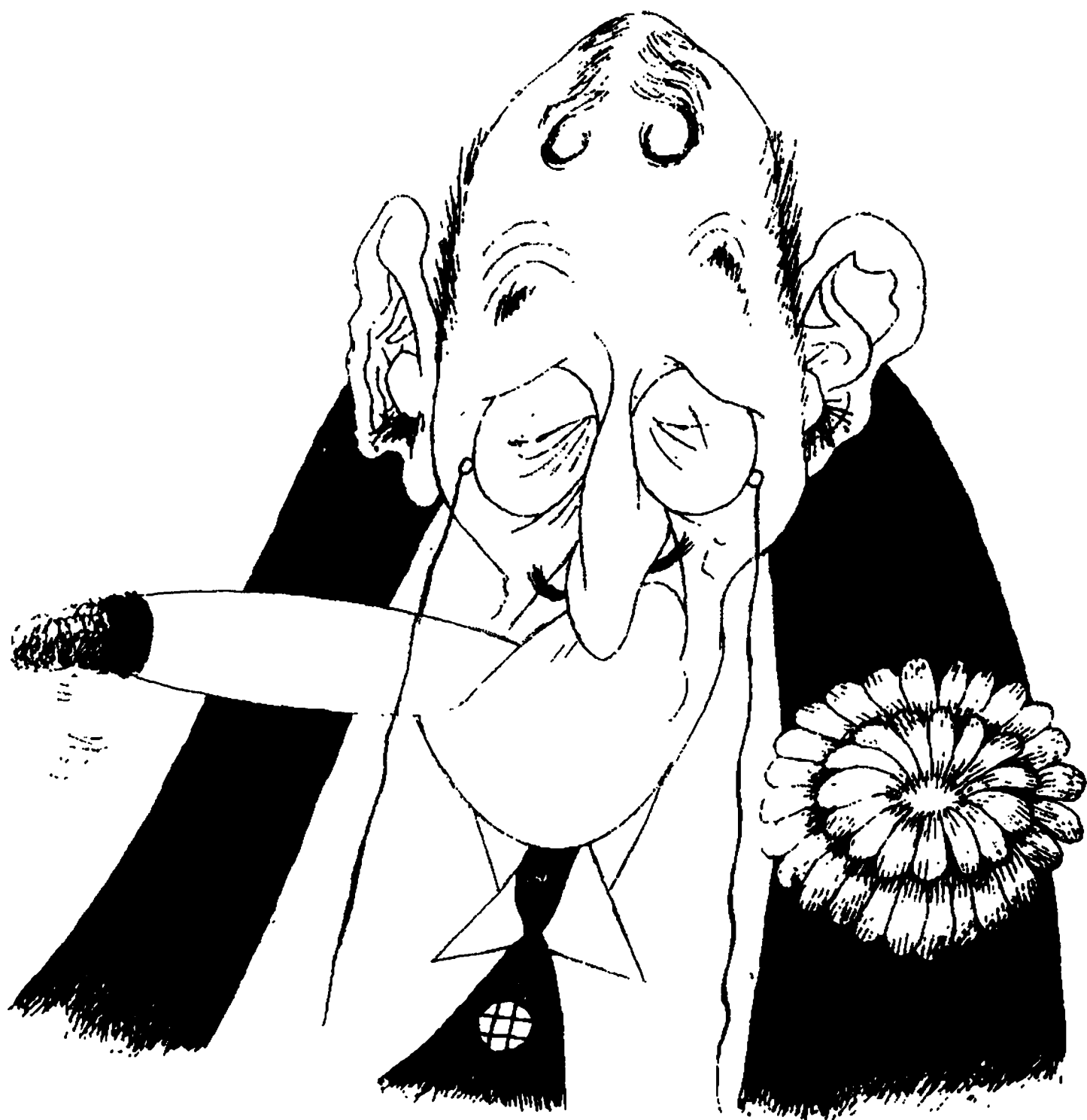
— Почему бы и нет? — отвечаю я.

Он появляется в моем боксе с колодой грязнее половой тряпки.

— Тебе сдавать, Белоснежка! — любезно объявляет Простейший.

---

\* Много (араб.) Созвучно французскому «бэзэ» (заниматься любовью).



Так выглядит граф.



Он снимает, аккомпанируя странными звуками, секрет которых ему известен.

— Макао, преисподняя игр,— шучу я, раздавая.

— Скажешь тоже,— выдает он на этот раз без трепета,— вот с беднягой Барданом я поиграл партейки.

Тут же мой коллега становится интересным. Такой здоровенный симпатичный дегтина, брюнет с очками и прыщами на роже.

— Ты его хорошо знал?

— Душа-человек,— вздыхает он.

Он разворачивает карты веером и улыбается с многозначительным видом.

— У меня каре бородатых,— объявляет он с триумфом.

От радости он дает орудийный салют. В спальне кто-то ворчит, советуя ему раз и навсегда поставить глушитель. Ракре пожимает плечами. Это движение также не беззвучно. Оно обязывает к повтору. Полное впечатление, что ты на массовой бойне в Солони.

— Этот Ракре,— говорит кто-то,— лучше бы он сифоны заряжал, а не в полицию лез.

Невозмутимо Ракре выкладывает мне четырех королей, мятых, грязных, засаленных, но с безмятежными глазами поверх своих бород.

— Смотри, какая конференция в верхах! — говорит он.

Я даю ему насладиться триумфом, затем невинно спрашиваю:

— Что ему такое могло запасть в котелок, этому Бардану, чтобы отправиться в глину малым ходом?

Вместо предисловия Ракре выдает несколько пришедшихся кстати созвучий. Ничего общего с Хиросимой, простые гаммы для настройки.

— Я бы много дал, чтобы узнать,— шепчет он наконец,— таких заводных, как он, больше нет.

— Может быть, какая-нибудь мамка его кинула,— гипотезирую я.

Он отвергает.

— Сразу видно, что ты не знал Бардана. Мышек у него была куча; целое стадо. Его сердце, это даже не артишок, а одуванчик. Дунь — разлетится.

— Выходит, здоровье?

— Скала! На гимнастике он помогал тренеру демонстрировать, а по гладкому канату влезал как ты по лестнице Оперного Театра. Врач говорит, что у него была глубокая депрессия. Это редкость, но бывает, вот и доказательство!

Он бьет мою десятку пик маленькой коварной трефой. Этот жест как будто раздирает его снизу доверху, как полотно.

— У него семья была?

— У Бардана? — рассеянно спрашивает Ракрё, выкладывая победного туза бубен.

— Да.

Мой коллега бросает на меня подозрительный взгляд поверх терца червей, которых он еще не успел пустить в оборот.

— Похоже, тебя это волнует?

Я пожимаю плечами.

— Ты смешной, приятель, мы менты и перед нами загадка, внутри нашего коллектива, это же естественно, не так ли?

Эмоции прорываются козлиным криком в его основании<sup>1</sup>.

— Не такая уж и загадка,— протестует он.

---

<sup>1</sup> Если вы находите, что я слишком раблезирую, можете подождать меня в следующей главе.

— А? Ты так думаешь? Молодой парень, веселый, крепкий, кавалер и энтузиаст выходит из автобуса, в который только что влез и, работая локтями, возвращается в пансион колибри, чтобы стереть свое свидетельство о рождении, и ты считаешь, что это обычная рутина, не представляющая интереса?

Послушай, тебе, надеюсь, пришлют мен-товские мозги по почте, прежде чем ты вступишь в должность?

Его взгляд коагулирует.

— Тихо, Белоснежка, тихо! — говорит он приглушенно. — Я не нуждаюсь в уроках угольщика.

Я сразу же чувствую себя черномазым. Мной овладевает тоска. В смысле настроения я похож на перечеркнутый чек. Злость, которую я испытываю, распространяется со скоростью гриппа, она перехватывает мое дыхание, повышает температуру, а жизнь и двуногие существа кажутся мне глупыми, отвратительными и эфемерными.

— Угольщик в твоём понимании соответствует чему, если точнее, Ракрё?

Он перемешивает карты с видом обреченного.

— Не сердись!

— Я не сержусь, я бы хотел, чтобы ты мне наконец объяснил это чувство превосходства, которое тебе придает бледность твоей кожи. У тебя действительно такое ощущение, что ты совершеннее с этой тусклой упаковкой?

— Да брось, говорю тебе! Давай, сними, так будет лучше!

Я снимаю. Я задумываюсь. И я разрушаю иллюзии.

— Ракрё, тебе никогда не приходило в голову посмотреть, как выглядит мир в космосе? Головка от булавки! Даже меньше... Мы

все уцепились за эту головку от булавки и несемся в неизвестно какое нечто, и вот месье Ракрё де Мудлон поддевает своих цветных братьев, потому что он преисполнен гордости за свою трупную белизну! Скажи, дружище, у тебя пыль туманности вместо мозгов или что?

Он сразу становится противным, великий газированный!

Под звук пулеметных очередей он засовывает в карман свои карты.

— Если б ты не был по-горизонтали, Негус, ты бы уже получил в десны,— объявляет он.

Но вы же меня знаете? Я выскакиваю из койки в пижаме.

— Готов, мсье Карнера!

Гражданин Ракрё становится в стойку. Стойка неправильная, как у всех пироманов. Он бросает правую, я ухожу. Двигает левой, но она натывается на мое плечо в связи с тем, что моя голова уже в его животе. Он делает небезопасный подскок и вмазывается в перегородку. Его внутренности грохочут! Его фары разбиваются. И поскольку они не безопасного исполнения, осколок стекла разрезает ему шнобель. Из него льет.

Моя злость сразу же умирает. Я помогаю ему подняться.

— Приехали,— говорю я ему.

Он больше не возникает. Злость у него тоже прошла. Он в общем-то симпатяга, хотя его южный полюс более рассудителен, чем северный.

Он вытирает рубильник с помощью платка, но из него льет как из ведра.

— Нужно идти в медпункт, чтобы обработать,— советую я.— Пойдем, я тебя подмарафечу.

Медпункт находится как раз на этом же этаже. К моему великому удивлению я вижу,



что под дверью просачивается тонкая полоска света.

— Смотри-ка,— комментирую я.— Санитар работает сверхурочно!

— Не думаю,— возражает Ракрё,— скорее, кто-нибудь забыл потушить.

Он толкает дверь и входит, я за ним.

Как только мы оказываемся в помещении, насыщенном запахом эфира, происходит небольшая суматоха. Узнать что, почему и как не дано. Пригвоздительный удар обрушивается на мой кумпол. Я вижу, как комната складывается вдвое, и все становится черным.

—:—

— Странно,— бормочет Ракрё плещущим голосом. Мы оба сидим на плиточном полу медпункта. Кроме паяльника, у него еще кровоточит лоб. Мерзкая резаная рана как на носу, будто кто-то пытался разрубить моего бедного однокашника надвое словно полено, в два приема.

— Что странно? — вздыхаю я, массируя шишку.

— У тебя белые ноги! — говорит он.

Я делаю гримасу. Нужно было намазать их заодно.

— Это из-за пигментации,— уверяю я.— Дерматолог говорит, что если делать натирания Черным Львом\*, это пройдет.

Он качает покоренной головой.

— Что с нами произошло? — спрашивает он.

— Учитывая, что время позднее, я не думаю, что это был солнечный удар.

Проницательный сыщик становится на ноги и устанавливает.

---

\* Марка сапожного крема.

— Должно быть, в медпункте прятался вор, и когда мы вошли, он нас приделал.

— Десять из десяти, Ракрё. Ты действительно Шерлок для нищих. Есть мнение, что ментовка растит в твоём лице незаурядного члена.

Он моргает, готовый к новой потасовке.

— Ладно, кончай болтать. У тебя что, другая версия?

— Нет, сын мой, другой нет.

Я направляюсь к эмалевому шкафу с медикаментами и отыскиваю флакон с ртутно-рохромовой жидкостью.

— Подойди, я тебе перебинтую раны, Байард\*!

Неохотно он садится на металлическую скамейку, и я прочищаю его раны. В голове у меня сильные внутренние завихрения. Будто здоровый шмель залетел туда и тщетно пытается найти выход.

— Объявим тревогу? — спрашивает Ракрё.

— Не стоит, завтра потихоньку предупредим дира. Зачем волновать вольтер, агрессор уже далеко!

Подняв ватный тампон, я внезапно умолкаю, вытаращив глаза шире, чем у филина, который на коленях блохам на развлечение отшебуршил каменья и видит украшенья в капустных насажденьях<sup>1</sup>.

— Что с тобой? — волнуется Ракрё.

Я показываю на умывальник.

— Смотри!

Под раковиной труба отвинчена и сифон лежит на кафеле рядом с новенькими прокладками.

---

\* Пьер Террайль, сеньор де Байард, французский капитан (1476-1524), покрывший себя славой в многочисленных войнах. За храбрость его называли Рыцарем без страха и упрека.

<sup>1</sup> Ни в склад, ни в лад, но забавно.

— И что? — спрашивает он.

— Мне кажется, я знаю чем нас заглушили, старина Пук-Пук,— уверяю я.

— Чем?

— Великолепным хромированным разводным ключом. Когда мы вошли, тип ремонтировал трубы.

С ошалелым видом святой Фома ввинчивает в висок презрительный указательный палец.

— Заливаешь, Белоснежка! Сантехника посреди ночи! Он что, лунатик?

— Скорее, злой дух! — поправляю я.

Он перебирает свои гороховые четки и возражает:

— Ничего не доказывает, что он ремонтировал умывальник. Это мог быть текущий ремонт.

Вместо ответа я показываю на кран. Из него капает. Очень медленно, но капает. Вода понемногу стекает из отверстия раковины, и на полу уже образовалась небольшая лужа.

— Ну и что? — спрашивает Ракрё.

— Если бы работа была прекращена вчера вечером, сейчас была бы большая лужа. Во всяком случае, слесарь поставил бы таз ведь краникус страдает недержанием. Как бы то ни было, завтра мы узнаем, был ли предусмотрен ремонт.

Будущий комиссар вне себя.

— Послушай, Белоснежка, я хочу понять, кстати, по этой причине я стал легавым. Объясни мне, на кой хрен злоумышленник будет отвинчивать трубу умывальника?

Поскольку я не отвечаю, так как не в состоянии дать ему веское предположение, он пожимает плечами:

— Ты слишком много читаешь, Белоснежка. Лучше бы ты писал!

— Спасибо за совет, я подумаю.

По пробуждении Ракрё и единственный любимый сын Фелиси выглядят не самым лучшим образом. Кореша интересуются, долго ли мы еще будем играть в Форт Аламо по ночам, потому что они предпочли бы сменить дортуар. Газированный и я огрызаемся Испанским Грандам; но вот, после хорошего живительного душа мы ломимся к директору, чтобы осведомить его. Он уже в тревоге, биг босс, так как ему просигнализировали о повреждении саноборудования в медпункте, и он теперь в поисках ответов по этому вопросу. Поэтому наши жалобы лишь добавляются к его тревогам. Он любезно выслушивает нас, вытирая запотевшие очки и сохраняя непроницаемую маску. Самообладание этого человека неплохо бы изобразить в красных тонах и поместить под стекло, чтобы показывать как образец. После того, как мы ему выложили план-схему и кровоподтеки, он вызывает ночного сторожа, старика по кличке Шлеп-нога из-за его ступней, широких как омлет из двенадцати яиц.

— Сегодня ночью вы дежурили? — спрашивает патрон.

Старина трясет головой.

— Вы ничего не слышали необычного на третьем этаже?

Новый трясок головы уважаемого Шлеп-ноги. Вот один из тех, кто залепливает свои ушные раковины Нарбонским медом, чтобы хилить под часового. Вы можете распустить у него на пижаме его инициалы, и он не почувствует! Он являет собой целую эпоху, Шлеп-нога. Эпоху, которая осталась в прошлом, оф корс.

— Дверь внизу была закрыта, когда вы закончили последний обход? — любопытствует директор.

— Да, на два оборота и на засов.



Николай

Великий член графского сословия.



Босс отсылает жестом живое воплощение упряжной лошади.

— Приходится заключить, что никто не проникал в школу и вашим обидчиком был один из воспитанников! — говорит он. — Господа, я готов провести небольшое расследование; тем временем, рекомендую вам хранить самое полное молчание.

В тот момент, когда мы собираемся откланяться, в дверь стучат, и Александр-Бенуа Берюрье делает шумное вторжение. Он в пижаме, на босу ногу в своих расшнурованных шкерах. Он набросил плащ на плечи и надел свой омерзительный мягкий шляпец с илистыми полями словно края поилки. Небритый, от него несет стойлом и красным вином, он перемещается, неистово скрежеща свое межзадье нетерпеливой пятерней.

— Господин директор, — грохочет преподаватель хороших манер, приподнимая шляпу на три сантиметра, — я заявляю жалобу по всей униформе.

Он садится без приглашения, кладет ногу на ногу и роняет туфлю с поднятой ноги.

То, что при этом появляется, просто омерзительно. Сероватая масса с пятью черными клавишами одна другой меньше: пальцы. Все это живет, шевелится и пахнет. А коль беда одна не приходит, Берю с остервенением начинает чесать это непростительное. Ракрё под впечатлением играет нам свою праздничную фантазию.

— Будь здоров, виконт! — бросает Толстяк.

Затем, поворачиваясь к директору:

— Представьте, мсье директор, что в моем багаже ночью рылись!

— А? — пугается патрон.

— Текстурально! Я всхрапнул как в лучшие времена, потом чувствую, кто-то шлында-

ется по моей кубатуре. Приоткрываю штору, в самый раз, так как дверь уже закрывалась. Я делаю рывок, но в поспешательстве натыкаюсь на стол и принимаю его на колено.

Он тянет вверх левую штанину пижамы, но его икры слишком мощны. Понимая, что ему не удастся высвободить поврежденное колено через низ, он решается разоблачить его через верх. Бессовестно скидывает он штаны, чтобы продемонстрировать.

— Я полагаю, что у меня произошел выщелк сибовиса, — диагностирует Опухоль.

Он гладит осторожной кровавой колбасой огромное фиолетовое распухшее колено.

— Тут не меньше канистры воды, — утверждает он. — И болит!

Досточтимый директор ошеломлен его манерами. Он смотрит поникшим взором на мохнатый батон Толстяка и крутые слоновые ляжки.

— Я вас прошу, — бормочет босс.

Берюрье со стоном напяливает штаны.

— После этой плюхи, когда я добрался до коридора, там уже не было ни души, вот так! Поскольку комнатенка была вроде в ажуре, я снова залез в пеленки. И вот, на следующий морнинг, когда я поднялся, вижу, что в моем чувале кто-то шарил. Все мои глаженные рубашки в куче. Костюмчики на полу. Камамберы повывадали из упаковок! И календарный план в свободном дрейфе по бельишку, это же противопоказано!

Короче, я считаю, что эти манеры нетерпимы. Я позволю себе вам напомнить, что, кроме учительствования, я все-таки старший инспектор. Мы с боссом, комиссаром Сан-Антонио разрешили самые заковыристые загадки последних лет. Так что, если пожелаете, я могу заняться расследованием и проучить шутника!



Он потрясает кулаком, который выглядит словно вырезанный из сердцевины орехового дерева.

— С таким аппаратом для лечения мигрени я могу отбить охоту!

Он выжидает реакцию патрона. Но директору вновь удалось овладеть собой.

— Я берусь прояснить это, мой друг,— обещает он.— Лечите ваше колено и не волнуйтесь об остальном!

Берюша наполовину удовлетворен. Он громко фыркает, надевает свой штиблет и роется в нижней впадине своих пижамных штанов.

— Как хотите, мсье директор, но если вам понадобится подкрепление, не стоит звонить в полицейскую неотложку. Я здесь, со всеми аксессуарам.

Мы покидаем директорский кабинет. Как недавно в классе, Берю всматривается в меня, делая брови козырьком.

— Я почти что уверен, что мы знакомы,— утверждает он.

## ГЛАВА VIII

### ВТОРОЙ УРОК БЕРЮРЬЕ: КАК ВОСПИТЫВАТЬ НАШИХ ДЕТЕЙ. ПЕРВОЕ ПРИЧАСТИЕ.

Остаток дня проходит без происшествий. Мы с интересом слушаем лекции об итальянской забастовке, перекрестках, свечных пятнах, заградительных кордонах, фальшивых чеках и стрельбе из пистолета. Я наблюдаю за поведением каждого, но все выглядит пристойно. Как я ни перемалываю странные ночные события, мне не удастся прийти к чему-либо определенному. В Школе царит чарующая безмятежность.

После вечерней кормежки, оставив телезал, где между прочим показывали вымаранный (касторовым маслом) фильм *Рука Насера в ударе героя*, мы оккупируем конференцзал, чтобы послушать второй урок Берюрье. О живописности его лекции уже прошел слухок, так что немногочисленные отсутствующие превратились сегодня в присутствующих. Все скамьи заняты. Пришлось добавить стулья.

Когда мы появляемся, Толстяк уже на месте. Если так можно сказать, ибо он дрыхнет без задних ног, уткнувшись в локти рук. Его шляпа сдвинута на затылок, и он храпит так, что все кузницы Крезозо позеленели бы от зависти.

Мы уже сидим, а Его Величество все еще давит. Кто-то спрашивает, не принял ли он снотворное или не укусила ли его муха. Це-це. Я советую моим товарищам изобразить крик петуха, и вскоре все присутствующие принимаются за дело, которое оправдывает их звание цыплят\*. Этот гам птичника наконец вырывает Ученого из воскового плена. Он открывает свои лампионы и тупо озирает нас, пытаюсь понять ситуацию.

Вот он улыбается, сдвигает шляпец на фронтальную часть своей витрины и делает два смачных зевка, которые открывают головокруглительный вид на его багровые миндалины.

— Привет, ребята,— говорит он весело.— Я малость вздремнул, пока ждал вас. У людей действия храповичок работает с полоборота. Как только бэби на табурете, наши красивые глазки закрываются сами.

Это он так говорит. Но я-то знаю Берюрье и уверяю вас, что он принял солидную дозу на грудь. Я полагаю, что он весь день дренировал в бистро Сен-Сира. Божоле создает в моем Толстячке повышенный магнетизм. Запахи к нему тянутся.

Сегодня он принял меры предосторожности, и я насчитываю три бутылки под его столом. Это многообещающе.

— Я надеюсь,— говорит он, пропустив первый глоточек,— вы слегка ревизовали вчерашний урок?

---

\* Полицейских (арго)

Мы утверждаем, что да, но он Сен-Томас-ничают\*:

— Надо бы убедиться. А потому-таки должен опросить.

Его орлиный взор прогуливается по нашему собранию. Операция «не смеяться» начинается.

Он показывает на маленького корсиканца, похожего на чернослив.

— Ваше имечко, приятель?

— Тонаккини, господин учитель!

— Хорошо. Расскажите мне текст открытки, извещающей о рождении.

Опрашиваемый встает и смотрит на нас, борясь с судорогами смеха.

— *Месье и мадам Генрих Четвертые имеют радость сообщить вам о рождении своего сына Людовика Тринадцатого, имевшем место в Фонтенбло,* — отвечает он.

Толстяк поучительно изрекает.

— В этом что-то есть, но желательно, чтобы было поглаже; кто-таки подкинет мне что-нибудь более подходящее?

Я подымаю палец.

— Я, мсье!

Он одаривает меня доброжелательнейшей улыбкой.

— Внимаю, мой друг! Внимаю!

И тогда я декламирую прилежным голосом:

— *Маман зарегистрировала папин заказ и только что отгрузила меня обществу со всеми аксессуарами.*

Подпись: *Селестен Дюбуа.*

— Вот один, кто понял, — оценивает Чудище. — Как это там вас кличут, старина?

— Нио-Санато, мсье.

---

\* Сен-Томас (Святой Фома). Один из 12 апостолов. Прослыл Фомой Неверующим.

Берю вытаскивает из своего распоротого портфеля великолепный новый журнал, обложку которого украшает фотография весьма легко одетой мадмуазели.

— Ставлю вам хорошую отметку,— решает он.

Затем раздумывает, высовывает язык и, не отрывая от меня глаз, решает.

— За этот ответ я жалую 18 баллами\*, чтобы поддержать начинающего. А теперь, продолжим.

Он закрывает журнал и открывает свою доблестную энциклопедию.

— Мы остановились на крещении. Короед вступает в жизнь. То, что он будет делать дальше, поверьте опытному человеку, зависит от того, как он будет воспитан. Чтобы направить малого, я знаю только одну систему. Применяйте ее без колебаний, она запатентована Б.П.Г.\*\*, я хочу сказать, оплеуху. Вначале ушан, это что? Маленький противный зверек, который швыряет ложки каши на обои, бросает тарелки на пол и ломает мебель, игрушки и кайф всем подряд. Есть такие горе-родители, которым это кажется забавным, я протестую! Пока пацан еще маленький, нужно свирепствовать. Ночью в своей люльке он затягивает песнь страждущего. Никакой жалости: засадите в свои медовые соты затычки Киёс, и пусть он заламывает свои контр-до. Или же делайте как моя маман: залейте ему в соску кальвадоса как средство для усыпления! Дураки те родители, которые разыгрывают из себя *Веронику*, целыми месяцами дербаня качели с Жожо по ночам. Это преступники. И если они подхватят ревматизм в качальной мышце, так им и надо.

---

\* 20-балльная система

\*\* Без Правительственной Гарантии

Положив начало, Берю принимает стопарь жюльенаса, одновременно читая свою книжицу.

— Начиная отсюда, малого нужно разбирать попунктно, иначе все перепутаешь. Вот, например, туалет. Тут рекомендуют купать шпротов каждое утро.

Он делает страшную гримасу.

— Не согласен. Это может сделать их кокетками, и вырастут манерные цацы. Помывки, капитальной конечно, мне кажется, один раз в месяц вполне достаточно. Ну и на Рождество, это надо. В остальное время небольшой свежачок на морду по утрам, чтобы разбудить пострела, ну и лапы, оф корс, когда он выходит из сортира со следами от технических неполадок на пальцах.

Зато чесать их надо почаще и менять рубашку один раз в неделю. Хороший внешний вид, это основа успеха. Не прощать, если он без штанов. Ну и что, что у него крантик форматом с брелок, это не причина, чтобы он прогуливал его в сыром виде перед носом у населения.

Он листает свою библию, смачивая обвинительный палец.

— В главе об одежде надо бы еще поговорить о том, как сморкаться. Для меня нет ничего страшнее, чем шкет со свечой под носом. В моем учебнике говорится, что мальчонка должен постоянно носить платок, и что его нужно научить им пользоваться. Я не против. Но все же полезней научить его сморкаться с помощью палыцев. Жизнь, ребята, долгая и полна обстоятельств. Вам уже пришлось и еще придется оказаться без платка, зато с насморком! Тип, который в непредвиденном случае не может почистить свои конюшни из-за отсутствия платка, это калека.

Толстяк снимает свой кивер, кладет его на стол и поднимается.

— Если среди вас есть такие, кто не умеет, — говорит он, — вот способ действия. Вы выбираете наиболее забутованную ноздрю. Большим пальцем сильно прижимаете другую так, чтобы закупорить. Делаете глубокий вдох, закрываете рот и дуete до треска в макушке.

Он имитирует с результатом в доказательство.

— Хороший учитель, — шепчет коллега, — хорошо показывает.

Берю делает небрежный жест.

— Благодаря этому трюку, вашего бутуза ничто не застанет врасплох!

Довольный собой, он снова садится и объявляет, изображая своей десницей кукольный театр.

— Первая из утирок — вот эта! Конечно, если вы в гостях в Высшем обществе, этим пользоваться невозможно, поскольку клейкая запятая не котируется в Тегеране, но если вам надо извлечь улитку на людях без носового платка, у меня есть рецепт, на который вы используете свое право в другом уроке. Поехали дальше!

Он завинчивает в пупок свой ноготь, который уже не помнит о визите к маникюрье, и продолжает:

— Чадо должно ложиться спать пораньше. Прежде всего потому, что лучше, если он будет давить, когда папá-маман добрались до стартовой площадки, чтобы сыграть главную сцену из *Не уезжай без меня*, лирическая драма в трех актах или одном туше. А еще, если он не идет в постель, то смотрит ящик и быстро станет таким же подкованным, как и вы, а это не кайф. Больше всего деморализует, когда эти мальчишки знают все и дер-

жат вас за дураков! Поэтому, белый квадрат\* или не белый, нужно их отконвоировать экспрессом в пуховую.

Он выпивает еще один стопарь, оценивает его и продолжает.

— Займемся поведением за столом. Есть такие родители-утомители, которые во чтобы то ни стало хотят, чтобы их пацанва шнявкала с прибором. По-моему, это нелепость. Как можно стать гастрономом, если жратва для тебя — фигура высшего пилотажа? Не считая того, что они могут пораниться. Поверьте, цыплячью ножку, баранье ребро и даже ванильный крем лучше всего дегустировать руками.

Максимально избегайте делать из них учебных обезьян. Бледные заморыши, которые с восьми лет лижут клешни дамам и приподымают пальчик, намазывая на бутерброд свою икру, мне за них стыдно. Ребенок должен быть раскованным, гражданин. У него еще будет время наряжаться, манерничать, снобствовать и делать согласования глаголов. Он должен пользоваться своей молодостью, иначе включается торможение. Но есть, конечно, случаи, когда пацаны должны быть за столом вместе со взрослыми: на семейных торжествах, к примеру. В таком разе прошу вас хорошенько их подготовить, чтобы избежать сыр-бора. Никогда не забывайте, что дети это засада! Они выглядят невинными, но эти маленькие паршивцы вам залепят гнильцу в постройку с искренним видом. Кстати, прошлый год я был на свадьбе моей собственной племянницы: Жермен, такая маленькая плутовка с глазенками, от которых покраснеет столетний, а ее открытый бюст даже однору-

---

\* Знак на экране телевизора, появление которого предупреждает о том, что смотреть передачу детям не рекомендуется.



кого заставит отбить ей такт. Она выходила замуж за бравого малого, чиновника, но не-глупого. Солидные люди; отец из банков, но тем не менее честный, и мать святоша, хотя и не так лицемерна. Прекрасная церемония! В церкви кюре произнес прочувствованную речь в том смысле, что Жермен милая, серьезная, преданная и так дашь и эдак позволишь! Потом закатали классный фриштик в гостинице «Союз Большого Кондора и Демократии». Общество с иголочки! И тут, ни с того ни с сего, Мими, маленький брательничек Жермен, довольно шустренький в свои шесть лет ляпает в полной тишине:

«Слышь, Мемен, а как зовут того здорового блондина, которого я увидал в твоей спальне прошлый вечер?»

Представьте эту ходячую катастрофу! Все становятся зелеными, а Жермен в ужасе изображает неубедительный смешок.

«Что ты такое говоришь, мой милый?» — бросает она ужасному Мими в то время, как под столом гран-маман хлестала наглеца салфеткой по костылям. Но этот засранец Мими упорствует к всеобщему потрясению.

«Да ты же знаешь, — говорит он, — вы оба были голые, он мне даже своей попкой показал, чтоб я ушел!»

Берю ударяет себя по окорокам.

— Вы представляете панику на борту! На моих глазах по-ударному сбрасывают шлюпки в море. Дядюшка Мишю, который собирался сбаритонить *Севильского парикмахера*, и который по сему поводу уже раззявил кормушку из двух половинок, так и не выпустил ни одной ноты! Папаша Мими дубасил ужасного дитятю что есть силы, не обращая внимания на старуху, которая кричала, что тот убийца. Жених проливал слезы на свою манишку и свои иллюзии, а свекор со свекровью корчили

страшные рожи, бормоча зловещие предсказания. К счастью, я оказался там, чтобы спасти положение. Я подошел к молодому супругу и сказал ему: Люлю (его звали Люсьен), ты же просто ж..., дорогой ты мой! Такая милая девочка как Мемен предпочла тебя красавцу-блондину, а какое свадебное путешествие ты себе устроишь, безо всяких усилий, в стиле пульман! Никакого форсинга: одна потеха, парень! Подумай! Дятел, которого ты в итоге сделал рогоносцем, вытащил для тебя каштаны из огня, а теперь Мусье отведает за его здоровье!

Он разом перестал скулить, женишок. Драма мужиков в том, что они не видят с первого взгляда хорошую сторону вещей. Вот если им подсказать, тогда они в нее вцепятся, а так сами неспособны. Какой-то шустряк быстренько врубил патефон. И весь народ пошел плясать. А ведь перышки уже пахли паленым, уверяю вас!

Толстяк улыбается своей находчивости.

— Я вам рассказал эту историю, друзья мои, для того, чтобы обратить ваше внимание на опасность карапуза за столом. Чтобы уследить за семенем, не сажайте рядом с ним бабушку, которая балует (или балуется), но кого-нибудь поэнергичней, которому нужно дать все полномочия и булавку. Его задача состоит в том, чтобы засадить ее ему в задницу, как только соленый малый откроет рот. Это радикально. Пока он будет вопить и его утешают, гроза уже прошла.

Он массирует свои шершавые щеки.

— А вообще, с детьми надо быть корректными. Никогда не подкалывать. Я слышал от своих знакомых, как отцы говорят своим супружницам в присутствии шпрота: «Ну и урод, ты меня продублировала с шимпанзе, какой атас!» Или: «Когда я вижу бед-

ную рожу этого малого, я думаю, не начиталась ли ты Фантомаса, когда ждала его».

Самое страшное с калеками. Некоторые родители не могут допустить, чтобы их любимчик катил на ободах. Мы смеемся над шуткой «Возьми свой беретик и купи в него десять килограмм картошки», и тем не менее, она достоверна! В моем дворе есть один бедолага, который волочит отстегнутую ходулю. Когда он шагает, можно подумать, что он выпрыгнул прежде, чем маман закончила его отделку. По-моему, у него левая находится в свободном вращении. Если б вы слышали, какие мерзости ему откалывали его старики: «Эй ты, шлеп-нога, закинь ее себе на плечо, так ты быстрее передвинешься!» А потом еще: «Вот Четыре-плюс-три-будет-пять приканал со своей запаздывающей дрыжкой!» Или еще: «Эй, Жази! Ты что, свою золотую медаль никак не дотащишь?» Такие родители недостойны жизни, господа.

Произнеся эти сильные слова, Берюрье вытирает лоб. Вследствие чего, он вновь напяливает свой шляпец, ибо он с уважением относится к своей иконографии. Он смутно подзревает, что Берю без шляпы неполная фигура. Все равно, что Карл Великий без бороды, Жанна д'Арк без таинственных голосов, Павел VI без своего Боинга!

Таким образом, восстановив свою прежнюю значимость, он снова держит курс на свой курс.

— Не стоит также впадать в другую крайность и по каждому поводу прилизывать их! У меня шерсть становится дыбом при виде родителей, которые вылизывают своих чад, чтобы показать, что они вылезли из задницы Гулливера! Если их послушать, их жертва аборта пользуется правом на двойную порцию серого вещества. Они вам рассказывают об их

остротах, говорят об их восемнадцати баллах из двадцати по арифметике и о похвалах учителя-который-никогда-не встречал-такого-способного-ученика! Враки! Эти остроты они в Кумушкиных Сплетнях прочитали. Хорошие отметки они сами получили, выполняя за него задания, а школьный учитель, это они доктора Швейцера\* имеют ввиду! Я вот что скажу, ребята: когда вы наткнетесь на родителей вундеркинда, и они начнут морочить вам яйца школьными успехами пацана, попросите показать его дневник, и вы увидите, как они сбавят скорость, эти несуськи гениев! Сразу же они становятся сдержанными, потому что, я вам открою секрет: хорошего, безупречного дневника не существует. Или же просто его обладатель больной, у которого слабость в гормонах и отдает болезненной средой в щитовидке. Безусловно, есть такие, кто силен в математике, для которых дроби не имеют тайн; другие вам-те напишут по-французски не хуже, чем *Иси Пари*, согласен; третьи могут рассказать про Столицу Ниагары, но ни один шкет не рубит по всем предметам сразу, опровергаю!

Со своего места, скрестив руки, я слушаю вместе с ребятами, улыбаюсь его каламбурам и восхищаюсь его крутым здравомыслием. Какой великий мыслитель в нем пропадает! И как он прав до глубины своих крайностей.

Он продолжает со своего возвышения.

— Зрелище, которое меня удручает, это маленькие человечки в слезах, которых матери-злодейки тащат в школу. Они упираются пятками как в мультфильмах, чтобы тормозить. Но безжалостная маман проделывает «И-рраз!». Так как же, скажите на милость,

---

\* Швейцер (Альберт), франц. пастер, теолог, органист, музыковед и врач (1875-1965). Лауреат Нобелевской премии мира 1952 г.

они потом откажутся идти на бойню, если еще малышами мать волокла их туда силой?

— Нет, — вибрирует он, — не заставляйте. Несмотря на наш развитой век, есть еще, к счастью, профессии, где не надо уметь читать: заправщик, например. Или же депутаты и педикюриши, которым не надо уметь писать.

Он собирается продолжить, но тут дверь открывается и входит директор. Все встают. Все, кроме Берюрье, естественно.

Патрон извиняется перед господином учителем за то, что прервал урок. Он должен сделать важное сообщение.

— Господа, — говорит он. — Президент Республики Рондурас, Его Превосходительство Рамира Рамирес, находящийся в данное время с официальным визитом во Франции, выразил желание посетить нашу школу, что делает честь нашему заведению.

Все громко аплодируют.

Уважаемый дир гасит энтузиазм, добавляя:

— В связи с насыщенной программой президента, этот визит состоится в субботу: следовательно, все будут лишены увольнения в этот день; соблаговолите принять к сведению.

И он выходит.

— Принять к сведению! — ухмыляется симпатичный южанин по имени Балошар, — означает ли это, что вместо похода к телкам, нужно вести их к себе?

Товарищи недовольны. Этого Рамиреса они послали бы к дьяволу. Подруги ждутся в гостинице *Нервная Вошь*, и вот теперь встает вопрос, выдержит ли сварной шов сюсюни до следующего воскресенья. Те, у кого нет достаточного запаса прочности, будут вынуждены сделать сюрприз-посадку или подзаправиться на лету!

— Прикусите, парни! — нетерпеливо громыхает Берю. — Книга жалоб — дверь рядом. Поскольку завтра среда, вы подбросите аварийный паек вашим фривольницам, чтобы они перелетели без пилота!

Успокоив таким образом перегревшиеся умы, Толстяк вознаграждает себя стопариком духовного и продолжает.

— Я должен начать непростую главу о детстве: главу о дружках.

Старики всегда стараются подсунуть вам в качестве товарища какого-нибудь макаку одного с вами пола опять же, чтоб не завести вас на тропу баловства. По-моему, они попадают пальцем в орбиту до самого локтя. Если сразу рассказать мальчику о том, чего не хватает у девочки, а девочке об избытке багажа, который таскает мальчонка, все было бы гораздо проще, и удалось бы избежать достойных сожаления склонностей в дальнейшем. Сколько женщин набросились на ножку в пикантном соусе, сколько мужчин запутались в жакете свободного покроя только потому, что пацанами они сделали свои первые касания на индивидах или индивидках своей категории?

Возьмем пример, который я знаю хорошо: меня. Мои родители, как я уже вам сказал, были люди простых традиций, но у них было достаточно здравомыслия, чтобы не мучиться, куда сунуть нос. Они отпускали меня поболтаться с маленькими сикушками сколько душе угодно.

И вот теперь вы можете констатировать всестороннюю развитость мужичка!

У меня девиз бой-скаута, ребята: всегда готов! И сравните, у нас были соседи Ланфутре, которые делали свои омовения в церковной кропильнице. Цвет кожи как у несвежей рыбы, взгляд словно шлейф у новобрачной,

шмотки цвета облезлой штукатурки, вы просекаете?

Они не могли терпеть, чтобы их отпрыск Франсис гулял с маленькими девочками. Я помню, как однажды отец Ланфутре застукал своего сына за разговором с пацанкой почтальона; была чудовищная коррида в Святозадом Семействе! Интенсивная порка. Франсис так орал, что было слышно на другом конце села! Все молитвы ему пришлось перечитать на коленях в подвале! Его опрыскали Лурдовой водицей\*. Эти Ланфутре даже кюре срочно вызвали, прямо как для соборования. Надо было изгонять дьявола, который засел в этом несчастном похотливом развратнике! В противном случае — ад без пересадок! Прямой рейс Аэро-Сатана. Не знаю, удалось ли доброму кюре вытащить дьявола за хвост из Франсиса. Он не очень-то отличался в охоте на демонов, аббат Бишю. Его больше тянуло к обильной отменной жратве в стиле молодой куропатки в капусте или рагу из белого мяса телят под белым соусом по-старинному. Но поскольку Ланфутре якшались с епархией, ему все же пришлось сделать им подарочек и слегка почистить ершиком мальчугана. Небольшое благословение, быстроиспеченное на газе! Так или иначе, после этого Франсис Ланфутре больше не смотрел на девочек. Он стал принимать вид восковой свечи из склепа. Чтобы сделать пи-пи, ему приходилось надевать боксерские перчатки и смотреть небу прямо в глаза, пока его несчастный моченый пузырь не опорожнится. Короче, прошлый год я повстречал его у Мадам Артюр\*\* в роли

---

\* Лурд, город в Верхних Пиренеях на горной речке По. Центр паломничества Святой Девы с тех пор, как в 1858 г. одна юная лурдянка Бернадетт Субирус заявила о том, что к ней снизошло видение Марии.

\*\* Место встреч ряженных гомосексуалистов в районе площади Пигаль.

ряженного. Пока он избегал женщин, сам почти в нее и превратился. Пусть этот урок послужит вам примером.

Морализатор обводит нас долгим коагулирующим взглядом.

— Вы поспеваете за телегой? — беспокоится учитель хороших манер.

— Да, мсье! — орем мы.

Толстяк освобождается от своей левой туфли, подсобляя правой. Он массирует ушибленное колено с ужасной гримасой.

— Тут вот костыль фордыбачит, — ворчит он. — Нет ли среди вас, кто волокет по медицине?

Я встаю без колебаний.

— Я, мсье учитель.

Он хлопает моргалами.

— Взгляните-ка сюда, малыш, — благодушествует он.

Как и утром в кабинете директора Немыслимый скидывает штаны. В зале веселье. Апокалипсис! Берю стоит, брюки спущены, пуговицы пиджака застегнуты, шляпа глубоко надвинута, кальсоны серо-белого (или бело-серого) цвета с заплатками из цветочной ткани. Это шок! Ваша сетчатка просто не в состоянии это принять! Бедняжка застигнута врасплох! Она трепещет! Она возмущена! Она хочет понять!

Толстяк показывает мне огромное, фиолетовое, распухшее, блестящее, водянистое, пористое, вспученное, измученное, десятикратного масштаба колено.

— Вот предмет, — говорит он мне. — Что вы на это скажете?

Я осматриваю колено. Берю осматривает меня. У нас обоих задумчивый вид.

— Вам нужно сделать пункцию! — объявляю я. — Тут полно воды!

Он хмурится.



— Я бы не хотел принять вид смывного бачка,— говорит он мрачно.— Я терпимо отношусь к воде, только когда ее добавляют в пастис\*, и баста!

Вдруг он умолкает. Один глаз у него становится больше другого! Он медленно чешет ляжку, не теряя меня из вида.

— Снимите-ка ваши фары, старина,— говорит он.

Я исполняю. Толстяк кивает головой.

— Хорошо, я вас благодарю, можете занять свое место.

В какой-то миг мне показалось, что он меня узнал, но нет. Мой цвет кожи и усы все же его убедили.

Берю медленно облачается. Под взглядом Императора Рекса гогот прекращается; словно брандспойтом он его тушит.

Затем теребит мочку уха большим и указательным пальцами. Берюрьевоу ураган неконтролируем. Никакая защитная система тут не применима.

— Значит, случись какая интермудия,— взрывается он,— вы этим пользуетесь, чтоб бузить! В вашем возрасте! Никакого стыда! Достаточно показать вам коленку, чтобы вышла лажа! Черт возьми, да меня от вас воротит. Не будь у меня такого чувства долга, я бы забрал свою хурду-бурду, и учите хорошие манеры с моей ж...!

Он успокаивается, неожиданно развеселившись.

— Пацаны вы,— смягчается он.— Это уж точно. Готовы потешиться из-за ерунды. Пацаны и есть пацаны. Вы им толкуете о серьезных вещах. И вот, достаточно показать свою коленку, чтобы просифонило. Знаете, ребята, я не брюзга, но я должен обеспечить свой

---

\* Анисовый ликер, который разбавляют водой.

преподавательский уровень. Что скажет дир, если нарисуется при полном шухере. Да и как я ему объясню эту недисциплинированность.

Растроганный, покоренный класс поет:

— Пардо-он, мсье.

Берю нам подмигивает.

— Ва-банк, отпускаю. Теперь посмотрим, как дети должны вести себя в классе.

Он листает свою книгу с ухмылкой «Не согласен! Не согласен!», что предвещает счастливые коррективы.

— Вот послушайте, говорит он, не отрывая своего толстого носа, пропитанного божоле. И он читает нам следующий душеприятный текст:

*Иногда преподаватель, именуемый в таком случае наставником или репетитором, дает уроки на дому.*

*Его комната располагается в непосредственной близости с комнатой ребенка, которого он образует; он принимает с ним пищу, водит его на прогулку и сопровождает его везде.*

*За обедом или во время ужина его обслуживают после других, но раньше ребенка.*

*Вполне приличным считается присутствие матери на уроках дочери, если преподаватель мужчина; она также может присутствовать и на некоторых уроках сына, чтобы обучаться и быть способной, при необходимости, помогать ему в момент повторения уроков.*

*Нет ничего прекраснее, чем молодая мать, постигающая латинские склонения, чтобы быть полезной своему чаду.*

*Эти усилия не пропадут, ибо сыновья хранят к своей матери уважение, обожание, которое ничто не может затмить<sup>1</sup>.*

---

<sup>1</sup> Доподлинно.

Берю прерывает чтение, чтобы потешиться вволю.

— Вы видите, что нельзя принимать за чистую монету все, что написано в книжках! Один наставленник для одного ребенка, это был бы скандал в наш век, когда образование довели до того, что в классы нанимают полковников! Тем не менее, это хорошо отражает мышление тех прошлых лет. Мэтр, который грызет ничтожные куски на краешке стола! А Мадам, которая сидит на уроке, чтобы охранять малину мадмуазели! Представляете, как должны были сверкать глаза у старой, когда она наблюдала, как красавец-лиценциат давал свой урок. Треск стоял в будуаре сбоку, когда малыш уходил на перемену. Его приходилось отправлять в сад, чтоб он там ел свои бутерброды и проветривал легкие, маленький виконт. Пока домашние скребли полы, а месье драл танцовщицу в городе, мэтру приходилось обучать хозяйку на свой манер всем латинским склонениям, и в дополнение к программе, глаголам первой группы: я тебя люблю, я тебя целую, я тебя и так и эдак! Неплохое местечко для ловкачей со слегка вибрирующим клапаном!

Он встряхивает свои великолепные плечи кэтчиста и смакует последний параграф:

*Эти усилия не пропадут, ибо сыновья хранят к своей матери уважение, обожание, которое ничто не может затмить.*

Продолжительный злобный смех морщит его рот.

— Моя старушка не только не знала, что такое латинские отклонения, но она даже не умела читать. Это не мешает ее уважать, ребята. Она не могла готовить со мной мои уроки, но это не мешает обожать ее. Нет, не мешает.

Он вытирает две большие слезы честного человека, сморкается и продолжает:

— Если верить этим учебникам, только в Высшем Свете умеют любить и хорошо себя вести. И нужен наставленник, чтобы стать культурным. Глупости! В моем селении у нас была учительница-лапочка. Ее муж учил старших, а она мелких. Мы из кожи вон лезли, чтобы притащить ей цветов. Ранняя клубника была только для того, чтобы первым собрать для нее корзинку. Я даже кролика упер из семейного крольчатника, чтобы преподнести ей в тот день, когда ее улыбка поднялась мне в мозги словно сенная лихорадка. Так что, видите, и в сельской школе умеют быть деликатными не хуже, чем в других местах, и даже лучше!

Он вздыхает, устремляя взгляд в прошлое:

— Эту милую учительницу я как сейчас помню. Брюнеточка, от взгляда которой хотелось скулить. Однажды она забеременела, и весь класс почувствовал себя рогоносцем. Чем больше ее живот округлялся, тем больше нас одолевала тоска. Этот пацан, который там созревал, был для нас вроде новенького, который стал ее любимчиком. Этот ее мальчишка появился на свет в один из четвергов, потому что это была очень сознательная учительница. На несколько дней оба класса объединили, и ее муж нас всех сторожил. Моя мать испекла пирог для дамы. Когда я его принес учителю, он мне говорит: «Мой маленький Александр-Бенуа, поднимись к ней сам лично». У меня коленки принялись аплодировать, когда я нарисовался на втором этаже. К тому же, их жилище я видел впервые. Мне оно казалось таинственным. Я постучал, она крикнула: «Войдите».

«Сюда!» — позвала она.

Я толкнул еще одну дверь; ту, что вела в ее комнату. Если б вы ее видели, немного бледную, в кровати! Она кормила грудью своего шпрота. Мне показалось, что я сейчас утону в сиропе при виде великолепной голубоватой сиськи, над которой корпел маленький обжора. У меня была дрожь в маковке.

Я неуверенно положил пирог на пуховую. Все шаталось. Я вспоминаю запашок, как в кроличьей клетке.

«Это мило, Александр-Бенуа. Передай своей маме спасибо.»

«Да, м'дам.»

«Садись.»

Невезуха, я сел в пирог. Он был из шоколадного крема. Я же думал, что это гагачий пух.

«Ну и как, выучил таблицу умножения?» — спросила она меня в то время, как ее дикарь ненасытно ее дренировал.

«Расскажи!»

С таблицей размножения, не считая 5х5, я никогда не был суперменом. И я рассказал 5х5. Для нее это была потеха. Она догадывалась, что я выбрал самое легкое, но из-за своего бэби она была полна снисходительности. А из моей глотки блеяньем вырывалось пятью шесть тридцать пять! Мне хотелось выдать класс, например, таблицу на 9, самую страшную. Но это было слишком рискованно!

«Что ж, хорошо, Александр-Бенуа.»

Мне страшно хотелось быть ее короедом и угоститься другой сиськой; не из-за похоти, о нет, а чтобы приблизиться к ней, стать ее вещью, обладать великим правом любить ее.

Я пробормотал досвиданье. У меня дрожали ноги, когда я спускался. Но я все же гордился той честью, которая была мне оказана. Я балдел как вошь, когда вернулся в класс. Я думал, что поразил этим всех моих

приятелей; что навсегда установил свое превосходство. Я взирал на них свысока, меня распирало от гордости. Но вот они поднимают руки, щелкают пальцами и выкрикивают со смехом:

«Мсье, мсье! А Берюрье наср... в штаны».

«Пирог!»

Он задумчиво улыбается и откашливается.

— Я немного отвлекся, но я хотел вам сказать, что нет ничего лучше сельской школы, чтобы выковать личность. Это единственная пора в жизни, когда люди действительно равны, не считая небольшого разделения по уму. Мне было нелегко. И все же я храню добрую память об этом времени. Я очень любил свой класс с картами Франции на стенах и гербариями в черных коробочках. Я помню, было дежурство по чернилам. Они тогда были фиолетовыми. У меня не было сноровки бармена, и я перелил. Чтобы исправить беду, я отпил лишнее. Весь рот у меня был фиолетовым. Когда я пришел домой, мать подумала, что я подхватил что-то нехорошее. Тогда много говорили про голубую болезнь. Чтобы быть интересным, я сыграл в молчанку. Меня во весь опор повезли к врачу на шарабане. Мой старик изображал Бен Гура\*, думая, что мое дело швах и что я, может быть, вот-вот околею по дороге. Вот только доктор Сильвен с седоватой козлиной бородкой и очулярами — рассчитывать на то, что он фасоль примет за чечевицу, не приходилось.

С одного взгляда он все просек.

«Твой кретин выпил чернила», — сказал он моему родителю. Поскольку врачи в те времена еще не покупали спортивных машин, за визит он с нас не взял. Зато я использовал свое право на порку-солидняк, как только вышел из кабинета. Лошадиным кнутом! Самая

---

\* Герой американского фильма.

коварная — пеньковая плетка, которая щелкает. Она накручивается на дрыжки и оставляет кровавый полосатый узор на нежных икрах.

Берюрье хлопает своими тяжелыми ручищами.

— Я вам еще один хороший совет дам. Никогда не хрипите на учителя-учительницу. Они свое дело знают. Если ваш малый приносит нули, значит он их заслужил. Не будьте бузотерами, которые ищут ссоры с учителем после уроков из-за того, что ваш гений пребывает в неизвестности. Не нужно заставлять ребенка трудиться и даже ходить в школу, если он не хочет; зато, уж если он пошел, пусть учитель маневрирует без помех.

Прежде чем начать главу о Первом Причастии, я еще раз хочу сказать пару слов о вежливости детей по отношению к старикам. Никогда не позволяйте им издеваться над ними, показывать им язык, трепать бороду, короче, изводить. Если вы проявите слабость по такому пункту, когда-нибудь вы испытаете последствия, и ваши детки устроят вам порку. Вот только плюхи, это не лосось: они уже не поплывут против течения.

—:—

Он срывает шляпу и обмахивается ею. Затем принимается за вторую бутыль. Пока он пьет, дверь приоткрывается и появляется пылающее лицо Матиаса. Рыжий окидывает взглядом аудиторию. Я чувствую, что это по мою душу. Я привстаю, чтобы показаться ему на глаза. Он замечает и делает нетерпеливый жест, чтобы я подошел. Ну и ну! Не иначе, Трафальгарская катастрофа\*!

---

\* Трафальгарская битва (1805 г.), в которой Нельсон наголову разбил франко-испанский флот.

Не думая, я встаю, чтобы выйти из класса. Учитель Берюрье имеет на этот счет другое мнение и окликает меня с язвительностью.

— Эй, Снежный Цветок, куда это вы без разрешения?

— Меня вызывает господин учитель пулевых отверстий, — оправдываюсь я.

Толстяк, не видя Матиаса, детонирует:

— Ах так! Некоторые коллеги позволяют себе вносить в мой урок мастурбацию! Похоже, их тоже надо поучить хорошим манерам.

И с яростью он устремляется к двери, которую достигает раньше меня.

Узнав Матиаса, он таращит глаза.

— Как, — лепечет Опухоль. — Ты здесь?

Парняга Матиас изображает еще большее удивление, и эти господа сообщают друг другу о своих назначениях.

Будучи воспитанным учеником, я жду конца поздравлений, отступив на два шага.

Обнаружив меня за своей спиной, Берюрье качает головой.

— Ты к нему, Ржавый? — спрашивает он у своего досточтимого коллеги.

— Два слова, если позволишь, — говорит Матиас.

Толстый мрачно кивает.

Он желает рыжему товарищу приятно-го-вечера-до завтра, затем, отправляясь к кафедре, бросает мне в лицо:

— Слушай, Сан-А. Я еще не допер, к чему весь этот микмак, но я чувствую, что в воздухе понос. Если ты решишься уберечь меня от смерти из-за любопытства, приходи сегодня вечером в мою конуру, дай голос.

Он возвращается с ученым видом, оставляя меня наедине с моим разочарованием.

— А я-то верил в успех моего перевоплощения, — вздыхаю я, чтобы скрыть неловкость.

Матиасу не смешно.



— У тебя новости? — любопытствую я.

Он делает гримасу.

— Один тип целый день звонил домой и спрашивал меня. Он сказал жене, что позвонит ровно в десять. Кажется, у него был иностранный акцент и резкий голос.

— И тебя это мучит! — говорю я, немного сбитый с толку его паникой.

Сдается мне, что эта история бьет его по копчику и он скоро станет дрейфовым королем!

— Меня беспокоит, — шепчет Горящий, — что они цепляются к моей жене, когда она в таком положении.

Я подбадриваю его с издевкой.

— Никто к ней не цепляется! Не будь идиотом. Все, что они делают, это только спрашивают тебя, это же не насильственные действия, насколько я знаю! К тому же, ничто не доказывает, что у этого типа, который хочет поговорить с тобой, плохие намерения. Наоборот, я считаю, что эта настойчивость успокаивает. После того, как дважды попытались остудить человека, ему не будут названивать домой!

Он соглашается.

— И все же, — вздыхает будущий отец, — у меня предчувствие, господин комиссар. И я вас достаточно знаю, чтобы не сомневаться в том, что у вас оно тоже есть, — добавляет хитрец.

Я смотрю на свои котлы. Они показывают девять часов десять минут.

— Сколько нужно времени, чтобы добраться до тебя, матадор?

— Четверть часа, не больше.

— Хорошо. Я дождусь конца лекции, чтобы не вызвать подозрений, и провожу тебя.

Его флуоресцентная рожа выделяет подливку.

— Вы так любезны, господин комиссар.

Я оставляю его и возвращаюсь на свое место.

—:—

Его Ликующее Величество всецело занят первым причастием. Он едва взглянул на меня. Я наказан его презрением. Похоже, он полон решимости отплатить мне за эту игру в прятки.

— Господа,— говорит он с пафосом,— если я сошлюсь на учебник, вот что я вам скажу по вопросу еды на первом причастии.

Он выкорчевывает содержимое носа и читает:

*Сервировка стола должна быть белой: посуда, хрусталь, все. Цветочную композицию, девственную и весеннюю составляют ветки яблони, вишни и боярышника.*

*Очень красивое убранство стола образует белый фарфоровый лебедь, спина которого выполнена в виде кашпо. Внутри помещают белую азалию. Угощение также белое. Вот несколько блюд, которые можно рекомендовать по такому случаю: бульон прозрачный, белый редис, рыба в белом соусе, курятина белая, гоголь-моголь<sup>1</sup>...*

Уязвленный, он отбрасывает книгу.

— Ну братцы, это уже предел. Девственная сервировка, это же только для *Сумерничания в хижинах\**. Многие первопричастники к моменту восхождения на алтарь уже успели вскарабкаться на горничную или исследовали шахту для ракет у мамашиной подружки. Я помню, в том, что касается меня лично, за неделю до моего причастия я как раз сводил

---

<sup>1</sup> Также доподлинно.

\* Журнал для домохозяек.

малыша в цирк на большую мировую премьеру.

Он щурит свои добрые жабыи глаза. Определенно, в этот вечер Берю настроен на воспоминания.

— Это произошло так, — говорит он. — После школы пошел я поошиваться на берегу речки возле навеса, в котором мясник пускал кровь своему зверью. Мясцо меня всегда притягивало. Я подавал этому мяснику инструмент, а в благодарность он мне наливал чашку горячей крови, которая для детей подкрепление номер один! Однажды он попросил меня сходить к нему домой за лампой, так как близилась ночь. Я прямиком в мясную лавку. В магазине никого. Вхожу в подсобку, делаю тук-тук, но мне не отвечают. Тогда одним махом я поднимаюсь на второй этаж, и что же я вижу? Мадам Мартини, хозяйка, голяком перед шкафом изображает Бардо. Красивая женщина, несмотря на буйные усы. Пердильник как у американской машины, окорока покрыты шерстью, и такая парочка колпаков с бретельками, что под ними можно разбить палаточный лагерь! Она не слышала, как я вошел, и продолжала играть кинозвезд; возможно, перед зеркалом она принимала себя за Марлен Дитрих и представляла себя на коленях красавца капитана спаги\* из фильма *Ворота пустыни*. Тогда я, Берю, свесил хлебало метр двадцать! Я начал так сопеть, что в конце концов она меня обнаружила. Вначале она возмутилась и хотела мне отвернуть носяру, мол, как это мерзко подглядывать и прочее. Но она прочитала в моих оконных проемах потрясение, которое я испытывал. Женщины, будь они мяснички или Симона де

---

\* Солдат французской африканской конной части.

Бовуар, на лету ловят дрожь, которая исходит от нашей шкуры.

«Так ты первый раз видишь голую женщину, маленький разбойник», — заворковала она.

«Да, м'дам», — бормочу я, так как без слюней я не мог изъясняться членораздельно.

«И какой же на тебя это производит эффект?»

Так как я не находил никаких слов в свое оправдание, она пожелала убедиться в эффекте самолично. Тут же она стала называть меня маленьким мужчиной. А я принялся манипулировать, как будто таким и был. В двенадцать лет, это что-то, не так ли?

Когда я принес мяснику его лампу, в благодарность он дал мне телячий рог, который только что заполучил. Я его оставил себе на память.

И вот, несколько дней спустя мне преподнесли Боженьку без исповеди. Потому как, вы, конечно, догадались, я не собирался раскалываться перед священником, который также был знаком с мясничкой! Прикиньте малость, что было бы, если б мадам моя маман кинулась в девственное и весеннее для церемонии! На что были бы похожи цветущий боярышник, белый лебедь с азалией в заднице и незапятнанная жратва для такого смельчака, как я! И вообще, по моему мнению, белый рубон, это не цимус. Для меня, так это ужас, рубать бледное. Еда без красного мяса и винного соуса, ребята, это диета, а на первом причастии диетой не занимаются.

Давайте немного коснемся конца угощения.

Насчет соленых шуточек. Чтобы их рассказывать, надо только дождаться, когда мальчонка слиняет на вечерню. Вечерня — по моему разумению — придумана для того,

чтобы приглашенные могли травить после десерта, не шокируя причастника.

Берю промокает лоб.

— Не забывайте о серьезности церемонии. Например, в церкви избегайте подшучивать над пацаном, как только тот причастился и теперь протискивается к вашему стулу. Не говорите ему «Сделай дегуст, Огюст», даже если его действительно зовут Огюст, что просится для рифмы.

Теперь Церковь позволяет принимать завтрак перед причастием; но я рекомендую не увлекаться, только самую малость: парочку яиц с ветчиной или холодную котлету с небольшим стопариком водчонки, чтобы освежиться и промыть лоток. Причастие, не будем этого забывать, это таинство, и если хотите позднее получить льготную справку в рай, лучше давить на сознательность.

Помимо прочего,— продолжает Неистоцимый,— каковы подарки для первопричастника?

Он снова хватает книгу.

— Вот тут они вот что предлагают: *Священные писания: жизнь по Иисусу Христу, жизнь по Святой Деве, посвящение в благочестие, гимны Сен-Сюльписа и т. д.*

Подняв нюхало, Берю объявляет, сильно скривив рожу:

— Слишком серьезно! Первопричастник, это мальчишка, не надо ему трепать мальчишество мрачным чтением. Я думаю, что малышу будет намного радостнее от Конструктора, набора Зорро или игры Спорт-Диманш.

Его Величество спускается с эстрады, руки в карманах, прихрамывая из-за ушибленного колена. Он ходит между рядами словно Наполеон в биваке накануне битвы.

— Дурные люди,— заявляет Хогромный,— забавляются тем, что спаивают перво-

причастника во время угощения. Это позорно. У первопричастника трудный день, и он не перенесет алкоголь. Следовательно, он может засосать краску только вечером. И даже тогда избегать смесь, которую его желудок не перенесет. Если это происходит в буржуазии, его нужно накачать шампанским. У простых пойдёт красное, предпочтительно с пробкой. Белого не надо; оно нервирует. И когда парень уже в дупель, не подкалывайте его словами «Слушай, Бебёр, хорошо, что Иисус умел ходить по воде, а то ты столько отшлюзовал, что его бы хватил гидрошок». Достоинство до упора!

—:—

Толстяк вырастает передо мной и вперивает в меня долгий взгляд, в котором полыхают молнии. Затем он поднимает руки широким я-вас-понимающим жестом.

— Подытожим, ребята.

Сразу дует бриз, полный разочарования.

— Уже? — вздыхает класс.

Бравый Берю смотрит на котлы.

— Я мог бы тарабанить еще целую вечность, но нужно вовремя делать обрезание.

— Резюме, — тремолит он, — мужчину делает ребенок.

Так что хорошенько дрессируйте ваших малышей и терпимо относитесь к чужим. Лепите им плюхи, если не катят по прямой. Без колебаний лишайте их десерта, особенно, если его мало и вы его любите сами! Вдолбите им, что жизнь принадлежит всем, и чтобы жить хорошо, нужно быть свободным и иметь что пожрать. Главное, не сервис для рыбы, а рыба, не серебряная ложка в ларчике, а баранья нога на столе. Внушите им ничего не бояться, ребята, никогда: ни холодной воды, ни дев-

чонок, ни китайцев. Не давайте им много денег, не кутайте их слишком сильно. Пусть они верят в Бога, если Он существует. А в особенности — но тут уж я настаиваю — дайте им пошухарить, сколько их душе угодно. Не надо скупиться: Вермо\*, чихательный порошок, кастрюли на хвосте собаки, тающая ложка, конкурсы по пуканью, книжки Сан-Антонио, зоопарк Жан-Ришара, драже с чесноком, шутка маленького мальчика, который приходит покупать презервативы у фармацевта и говорит: «Дайте всех размеров, это для старшей сестренки, она уезжает в путешествие на попутных машинах», каламбуры, клоуны, министры, выступающие по ящику, короче, все, что смешно, должно быть использовано, чтобы расширить селезенку.

После сердца, самое ценное, что есть у человека, это селезенка! На этом я сливаю. Чао, ребята. И до завтра!

---

\* Ежегодный альманах анекдотов.

## ГЛАВА IX

### В КОТОРОЙ ПРОИСХОДЯТ НЕ СОВСЕМ ОБЫЧНЫЕ ВЕЩИ

В машине Матиас рассказывает мне о своей лионской жизни. Это предисловие к визиту. Он дает пояснения о местах и людях. Он живет у своего тестя, эскулапа с улицы Вобкур в квартале Белькур — самом фартовом в Городе шелка<sup>1</sup>.

Д-р Клистер — специалист по виброгубчатым заболеваниям. К нему приезжают изда- лека. Это он написал знаменитый трактат о битунировании мецедоновой железы в перитонитной складке; это вам для ориентира.

Сквозь ля-ля моего рыжего я просекаю, что у Матиаса не каждый вечер веселье. Его теща — почетный заместитель председателя лиги культа, вице-казначей самодеятельности детей, страдающих кальциевой недостаточ-

---

<sup>1</sup> Выражение, позволяющее избежать повтора. Лион — Город шелка, Марсель — великое фокейское поселение, Париж — Город Света, Лилль — великий город Севера.



ностью, генеральный секретарь подопечных на полном обеспечении, староста комитета кастрированных ветеранов-консьержей и основательница общества содействия платоническому вводу. В общем, высший свет!

Квартира занимает целый этаж и имеет два входа, один слева, другой прямо. Табиб занимает престижную часть. Матиас и его самка — другую, более скромную.

Поднимаясь по лестнице, мы встречаем мрачных типов, одетых в темное, с мертвенно-бледными лицами и уплывающим взглядом. Они поднимаются к табибу и осторожно звонят в двойную центральную дверь, тогда как мой товарищ в свою очередь тукает в дубовую слева.

— У твоего тестя прием? — удивляюсь я.

— Небольшое собрание, — говорит он стыдливо.

Какая-то персона, желтая, худая, изможденная, с седеющими волосьями открывает ночным гостям.

— Твоя теща? — шепчу я.

— Нет, гувернантка.

Наша дверь слегка приоткрывается, и в щели обнаруживается еще одна, не страшнее первой. Лет двадцати шести, шатеновые волосы разделены пробором, на сосредоточенном лице острится нос, покрытый веснушками — такой представляется Мадам Матиас.

Она вынашивает своего ребенка под платьем-мешком с большим мужеством и достоинством. С первого взгляда чувствуется, что она была воспитана милосердными (говорят, не всегда) сестрами, что у нее диплом юриста, что она любит вышивать скатерти, что по воскресеньям она ходит на первую мессу, что она занимается Рождественской елкой в епархии, что она умеет готовить чай, что она умеет его пить (с молочным облачком), что

она не читает Селина\*, что она ходит в театр Целестинцев, лишь когда там играют Клоделя\*\*, и что шьет ей портниха ее мамыши, чья мать шила еще ее бабушке.

Мы представляемся. Она осеняет меня бледной и осторожной улыбкой, подавая сухощавую руку, которую я увлажняю быстрым поцелуем.

— Очень любезно с вашей стороны, господин комиссар,— шепчет она,— мне кажется, Ксавье тревожится зазря.

Я смотрю на своего экс-подчиненного.

— Тебя зовут Ксавье? — удивляюсь я.

— Это мое второе имя,— лепечет Пожар.— Моя жена предпочитает его Рэймону.

Эта деталь подтверждает впечатление, согласно которому парень Матиас не выбрал свободу в тот день, когда отбуксировал мисс Клистер в мэрию.

Меня вводят в небольшой салон с мебелью Людовика XVI обезглавленного. Медальоны кресел более изношены, чем сиденья испанского автобуса, видна основа ковров, а амальгама трюмо не лучше, чем у той служанки, которую я только что видел.

— Как вы находите мою квартиру? — волнуется Ржавый.

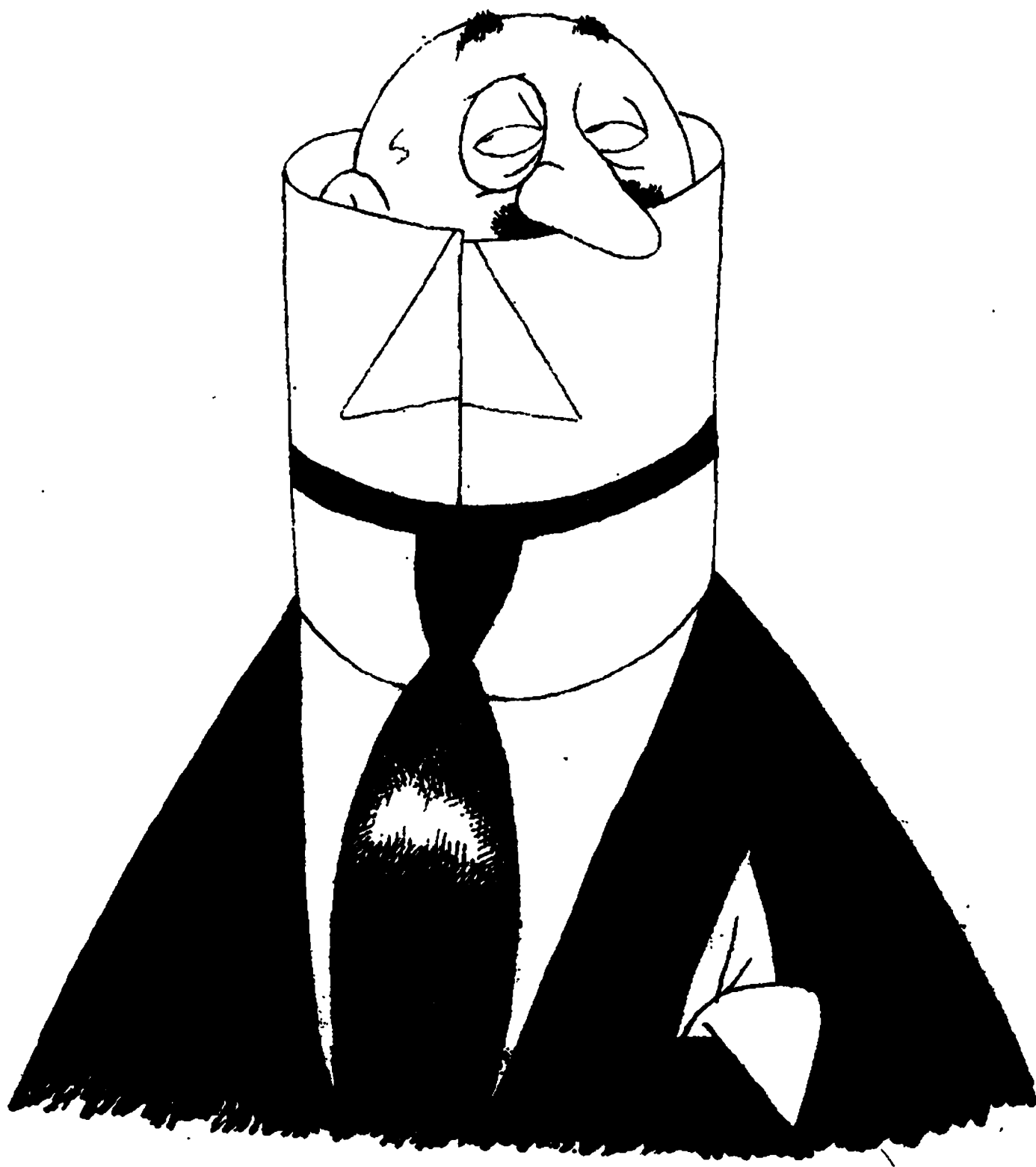
— Высший класс,— вру я, думая, что неотчего делать хвост трубой перед этими старыми выцветшими деревьяшками.

Каминные часы, на которых изображена богиня, возлежащая в духе Рекамье, начинают отбивать шесть ударов. Матиас и его несущка смотрят друг на друга. Напрасно она лепит, что ее дятел пускает пар из-за ничего,

---

\* Фр. писатель (1894-1961). Его романы и памфлеты отличаются бурлеском, разговорными выражениями и арготизмами. (Оказал определенное влияние на становление стиля Сан-Антонио).

\*\* Фр. писатель (1868-1955). Его творчество пронизано мистическим вдохновением.



Малый член графского сословия.



похоже, дочка табиба сама наделала в свои маленькие тапочки.

— Он будет с минуты на минуту, — лепечет она.

— Какой был голос у вашего собеседника? — спрашиваю я.

— Властный, ледяной, очень неприятный голос.

— Ваш муж говорит, что у него был иностранный акцент.

— Да, если это не шепелявость.

— Что именно он вам сказал?

Она укладывает свой груз в глубокое кресло и шепчет:

— Он попросил г-на Матиаса. Я ему ответила, что он в Полицейской Школе. Тогда мужчина заявил, что ему нужно срочно связаться с Ксавье, и повесил трубку, никак не объяснив.

Часы с богиней не скупясь выдают нам новый тур в десять кристальных ударов.

— Затем, — продолжает мадам Матиас, — мужчина позвонил еще.

— Через сколько времени?

— Примерно через полчаса. Он сказал, что предпочитает не звонить в Школу, и спросил, в котором часу он сможет поговорить с Ксавье. Вот это, понимаете, меня и смутило.

Я стала задавать вопросы. Но мужчина сухо оборвал меня. «Речь идет о важном деле, мне он нужен сам. Скажите, когда я смогу застать его?»

Она хмурит брови.

— Это было сказано тоном, не терпящим возражений. Я ответила, что в десять часов Ксавье безусловно вернется. Тогда мужчина заявил: «Ладно, в десять!» и повесил трубку, как и в первый раз.

Я дергаю головой.

— Матиас должен был вернуться в десять часов?

Рыжий поясняет:

— Мы с Мадам Матиас должны были пойти в кино.

Она перебивает, волнуясь о своей репутации.

— Идет фильм *Лурдское чудо* в приходском зале,— уточняет она.

— И вы сразу отказались от этой изумительной картины? — сочувствую я.

— У нас уже не лежало к этому сердце,— сокрушается молодка.

Проходит мгновение. Часы отмечают десять часов пять минут, тогда как на моих десять минут одиннадцатого.

— Ваш бука не очень любит точность,— замечаю я.

После этих слов из-за перегородки раздаётся странное пение. Похоже на заклинания.

Я устремляю перископ в Матиаса, он краснеет.

— Это телевизор! — шепчет он.

Я молчу, но не перестаю думать. Пение продолжается, слышится заунывный голос ведущего, который смолкает, чтобы уступить место молитвенному залпу. После того, как хор отгнусавил, ведущий возобновляет все в том же колдовском жанре.

— Если это телек,— говорю я,— то, наверное, идет передача о колдунах Черной Африки.

Неожиданно раздается стук кулаком в перегородку.

— А это что,— спрашиваю я Матиаса, тогда как его пастушка наливает нам ликер домашнего приготовления,— дежурный призрак?

— Это теща, она зовет свою дочь.

Действительно, Мадам Матиас отвечает на этот сигнал другим условным стуком. Гравюра, изображающая священника д'Арс на мотоцикле, трясется в своей черной рамке (если судить по тому, как она прыгает, она должно быть из Сомюра\*).

— Не изволите ли немного апельсиновки? — щебечет молодица.

— Охотно, — восклицаю я, подозревая недоброе. Я опасаясь аперитивов ручной работы, словно ипекуаны\*\*. От них тяжелое похмелье и изжога. А еще, их беда в том, что они с сахаром.

Она протягивает нам два маленьких жалких стаканчика, содержимое которых не утолит жажды даже канарейки.

— А ты, детка, пригубишь? — дуркует Матиас.

— В моем-то положении, — бичует она, и взгляд ее становится словно два чернильных пятна, — ты шутишь?

Еще одна, которая думает, что сделать пацана, это исключительное дело. По-моему, Толстос на этом мало сделал акцент в своем первом уроке. Что касается меня, они меня раздражают, эти пастушки, которые считают себя Жанной д'Арк из-за того, что у них сто сорок в обхвате. Можно подумать, что они вынашивают нового спасителя, супермена по всем категориям, которому предначертано вытащить нас из этого дерьма раз и навсегда! Они говорят об *их положении* с большим пафосом, чем Карл Пятый о своем государственном уложении. И семейство, растроганное, внимательное, восхищенное, подпевает мягким голосом. Оно изливается в рекоменда-

---

\* Город в округе Мен-э-Луар. (Национальная школа верховой езды).

\*\* Рвотный корень.

циях. Оно уже готово, оно вновь рождается заодно с бутузом. Оно хлопочет, оно лопочет, оно тужится. В особенности мамыши кудахчут о том, как это происходило с ними, и, забыв, что они снесли бедного налогоплательщика, возвеличивают свой внутриутробный подвиг.

— Прости меня, детка, — сжижается он. — Мы выпьем за твое здоровье.

Я поднимаю свой наперсток.

— И за здоровье маленького чуда, которое вы нам подарите, — декламирую я с прилежанием.

О боже! К счастью, стопарик кукольных размеров. Я уже пил апельсиновое вино, но такой блевонтин никогда. Это мне напоминает микстуру, которую Фелиси однажды дала мне «от червячков», когда я ходил в детский сад. Было до того противно, что я не закрывал рот минут десять, чтобы дать ей выдохнуться. Штука тошнотворная и смертоносная. Смрадная до предела терпимости. Но уж эффективная, это да. Мои глисты, как они поспешно эвакуировались, несчастные! *Verboten!*\* Окончательный отъезд! У них навсегда отбили охоту упоминать об этой ужасной среде. Это была невозможная почва, изъеденная на все времена, я даже сомневаюсь, что когда-нибудь эти аскары отважатся появиться в моем скелете после того, как меня оденут в накрахмаленный пиджачок. Сомневаюсь. У них, у личинок, есть какая-то говорящая или ползучая пресса, чтобы рассказывать друг другу о радиоактивных местах.

— Как вы его находите? — спрашивает будущая мама.

— Экстраординарно, — уверяю я со всей искренностью.

---

\* Запрещено! (нем.)



На этом дверь открывается, и какая-то персона заполняет проем. Если бы на ней не было юбок и губы не были накрашены, можно было бы подумать, не кентавровая ли это кобыла пожаловала.

Огромная, неуклюжая, квадратная, с ноздрями и шерстью со всех сторон.

— Ну что же ты, Анжелика! — говорит она голосом, вселяющим желание поставить на три забега. — Мы ждем тебя.

Матиас стремительно встает, складываясь вдвое, услужливый, пускающий слюни, с полными штанами почтения.

— У нас гость, Мать, — говорит Анжелика обрюхелая.

Кобыла стоит как деревянная.

— В такой час! — хмуробровит она.

Меня все же представляют. Комиссар Сан-Антонио, бывший начальник Ксавье.

Маханя не сходит с лошадиных весов. Она не протягивает ни руки, ни копыта. Она не одобряет враждебными, широко открытыми лупалами. Ее взгляд это прочесывающий луч фары-искателя. В этом безжалостном свете я чувствую себя как без штанов.

Она за словом в карман не лезет. Если Ксавье стал преподавателем и его еще принуждают выполнять ночные задания, то ему придется расстаться с этим нелепым ремеслом. Как раз Турлярену, оптовому бакалейщику, что председательствует в хорале *синички с крепостной стены и большого булыжника* требуются опытные бухгалтера. Ксавье недурно бы попробовать себя в активе и в пассиве.

Он кивает, тушуетя и извиняется.

Тем временем стрелки часов продолжают бежать по Золотой Чаше. Уже почти двадцать минут одиннадцатого, а таинственный незнакомец еще не звонил.

— Ну идем же,— ворчит Мадам Клистер.— Эти дамы-господа здесь из-за тебя, похоже, ты забыла.

Она загарпунивает дочурку и уводит ее без каких-то там еще церемоний.

— Слушай,— шепчу я после того, как они исчезают,— лионские тещи что-то не выглядят приветливыми, что там, у табиба?

Он вздыхает.

— Он служит мессу для нашего будущего ребенка.

Некоторое время я не врубаюсь.

— На дому, в десять часов вечера!

— Да.

Матиас выглядит смущенным.

— У них там священник?

— Нет, но...

— Что но?

Он прочищает горло.

— Да что скрывать, господин комиссар, Д-р Клистер хоть и добрый католик, но он папа!

Кто хочет видеть, как работают клапана переутомленного человеческого мозга, может просто присесть передо мной на складной стульчик с аппаратом для рентгеноскопии.

— Папа! — повторяю я рассеянно.

— Он основал собственную религию,— объясняет мне Матиас,— серафисты. Я не очень хорошо понимаю, но мне кажется, она основана на духовном электричестве. Доктор собирает волю всех и подчиняет ее общей цели.

— У него что, лопнула прокладка в головке цилиндров, или что?

— Он добивается результатов.

— Ну-ну, хочешь сказать, делает чудеса?

И поскольку Матиас остается нем, я распинаюсь.

— Во всякой религии нужен папа и чудеса... Духовное без чудес слишком хрупко, как сахарная вата: ты вгрызаешься, и у тебя пустой рот! Что же за чудеса делает этот Клистер?

Матиас хмурится. На нем уже есть отпечаток этой новой среды; его обижает, когда катят на его чудесное семейство.

— Ему надо отдать должное за чудесные исцеления в случаях, которые считались безнадежными,— говорит он мрачно.

— И этих исцелений он добился, читая ам-страм-грам, или с помощью антибиотиков?

— Вы скептик, господин комиссар.

— Мысль о том, что врач может удариться в тирлиμποпо, отравляет мне простату, Парень. А что они делают с твоей благоверной?

— Читают молитву, чтобы она родила красивого мальчика.

Я сдерживаюсь, чтобы не сказать ему, что появление красивого мальчика действительно было бы чудом.

— Мне кажется, ты сделал карьеру в положительном смысле,— ухмыляюсь я,— а теперь рванул по кривой, Матиас.

Часы перебивают меня, чтобы нанести хорошо утрамбованные полчаса.

— Я чувствую, шепелявый не позвонит,— уверяю я.— Должно быть, он передумал.

Разумеется, болтофон выбирает этот самый момент, чтобы сыграть нам «Сними-меня-пожалуйста-и-скажи-алло». Мы переглядываемся.

Рыжий зеленеет, словно композитор Верди\*, сочиняющий свою *Травиату*.

— Ну что ж, дружок, снимай,— подталкиваю его я.

---

\*Verde — зеленый (итал.)

Он протягивает к тубофону трясущуюся клешню.

— Слушаю,— мямлит он.

Его брови сходятся, нос орлоклювится, и он лопочет:

— Нет, это невозможно! — таким жалобным голосом, что хочется утереть его носовым платком.

Решительно я хватаю вторую трубку. Трубный голос Толстяка делает завивку моим ушным раковинам.

— Если только тебя это не побеспокоит,— говорит учитель хороших манер.

— Никоим образом.

— Тогда жо кей, еду!

И с обоих концов кладут трубку.

— Берю? — вздрагиваю я.

Матиас кивает.

— Что он сказал?

— Он попросил в Школе мой телефон и хочет со мной срочно поговорить по делу крайней важности.

Я пребываю в растерянности.

— Очень хорошо, подождем его.

Мы зажигаем две сигареты.

— Пепел стряхивайте в комнатный цветок,— рекомендует Матиас, открывая окно,— они мне запрещают курить!

Это же каторга! В тот день, когда он встретил свою мамзель на зимнем спорте, лучше б он сломал себе оба костыля.

С другой стороны перегородки Его Святейшество Клистер I-ый продолжает нести службу во славу своего потомства. Верующие поют гимн. Затем слышится кисленькая музыка.

Потягивая свою сигарку, я в недоумении созерцаю тубофон. Вот сейчас только я чувствую животный страх из-за этого шепелявого или левантинца. Насчет его картишек у меня никакой ясности. Да и вся эта история это

какая-то муть колбасная. Два самоубийства в Школе, два покушения на Матиаса. Один шутник-самоделка в медпункте. Другой (или тот же) позволяет себе исследовать багаж Толстяка; да, все это в высшей степени волнуяще.

Матиас меланхолит в одиночку. Мое присутствие у Клистеров позволяет вдруг сразу измерить душевный дискомфорт его новой жизни.

— Видишь ли, Ржавый,— шепчу я,— поскольку я питаю к тебе нежность, вот тебе мой совет: пусть твоя мамка снесет тебе короеда, а потом хватай их обоих под бока и срывайся отсюда как можно быстрее и как можно дальше. Иначе, ты станешь ярмарочным шутом в этом идиотском окружении.

Он в нерешительности качает головой.

Внезапно гимны и фисгармония умолкают в соседней комнате. Я различаю какие-то голоса. Затем старая желтушная домработница, которую я заметил незадолго до этого, нарисовывается на всех парах на натертом полу.

— Вам нужно туда, месье Ксавье,— говорит она с живостью в голосе, напоминающем визг трамвая на вираже.

— Там какой-то тип требует вас и скандалит.

Мы встаем. И тут старая замечает наши сигареты, и ее это шокирует больше, чем если бы мы продемонстрировали своих Казимиров с висюльками. Она проделывает такое, что сомной еще никто не делал. Вот она вынимает у меня из клюва чинарик и швыряет его в распахнутое окно. Аналогично она поступает и с Матиасом.

— Это скандал,— скрипит она подобно флюгеру, измученному мистралем\*.

---

\* Сев.-западный холодный ветер.

Я взрываюсь.

— Послушайте, стульщица, если бы вам не было сто десять, я бы дал вам пинка по заднице, чтобы придать ей свежести! Что за манеры?

Я обращаюсь к живому воплощению Ван Гога:

— И ты это терпишь, безумец?

На всякий случай мисс Тыквенное-Семечко крестится три раза, заклиная меня. Вот та, у которой девственность с годами совершила неудержимое восхождение. Ее целомудрие и ее мозги воссоединились. Одно угнетает другое вместо того, чтобы дополнять.

Она пикирует на меня сверху. В двух с половиной сантиметрах от моего шнобеля она визжит:

— Вы просто хам, псих, бандит, жалкий тип...

— Что вы, Марта! — увещевает ее Матисас, который чувствует себя скомпрометированным под тестевой крышей.

Но змеюка продолжает шипеть:

— ... Вы шут, вы демон, вы...

— Послушайте, прелестная мумия цвета абрикоса, — обрываю я, — если я позволю себе дать вам совет, вам нужно есть чеснок или пить мятный спирт, короче отбить запашок в клюве, а то ваше дыхание сразу напоминает то место, где ассенизаторы бастовали на производстве! Когда вы дышите, это как будто забыли дернуть ручку смывного бачка после пользования. Вам нужно обратиться к стоматологу или лучше к *Жакоб Делафон*, чтоб вам установили сифон в хлебальник.

Переполненная, уничтоженная, возмущенная до самого спинного мозга, она падает в кресло, тогда как мы скачем к тестю.

Проникнув в большой салон доктора, мы видим редкое зрелище. Здесь собралось с де-

сяток лиц, ряженных в друидов\*! На всех какая-то длинная белая риза, а на голове лавровый венок.

Жена Матиаса лежит на столе, и добрые люди, собравшиеся здесь, трясут над ее животом белые розы.

Доктор священнодействует перед столом. В отличие от других, на нем горностаевая мантия вокруг шеи. Это старикашка с белоснежной бороденкой, корсетом, пробором по середине, носом картошкой, оттопыренными ушами и рядом золотых зубов.

Он смотрит, раззявив рот, на толстого Берю, стоящего у двери со шпалером в руке. Сцена дантовская.

Это безумие. Исполнители застыли словно в мгновенной фотографии.

— Ну и во что же ты играешь, Берю? — спрашиваю я.

Толстяк косит на меня через левое плечо. Мое присутствие несколько застает его врасплох, но не очень. Он уже давно привык встречать меня в самых неожиданных местах!

— Похоже, я появился во-время! — говорит он, — секи туда!

Дулом своего оружия он обводит сцену.

— Эти хмыри собирались мучить дамочку.

— Ты облажался, кретин.

Я объясняю ему, что это не огненная палата\*\*, а часовня. Это не пытки, а серафистская месса. Тот, что с бороденкой, это не Самсон\*\*\*, а папаша сей девицы.

— Откуда ты взялся? — спрашиваю я.

---

\* Кельтские жрецы.

\*\* Уголовный суд, который рассматривал преступления исключительного характера (ересь и отравления) и который заседал при свете факелов.

\*\*\* Сансон (Шарль), парижский палач. Казнил Людовика XVI. Его сын Анри казнил королеву Елизавету и герцога Орлеанского.

Он пожимает плечами, всовывая свой компостер.

— Я позвонил, одна горбатая старуха отперла. Я сказал, что меня здесь ждут. Я имел ввиду Матиаса. Похоже, она перепутала и отбуксировала меня сюда. Когда я увидел этих очумелых вокруг малышки, то подумал, что высадился у садистов.

Доктор Клистер с ходу топорщит щетину. Нужно видеть, как он беснуется, папа-серафист! Ну прямо черт в кропильнице!

Он очень громко вопит о святотатстве, о профанации. Церемония родов провалилась из-за Берю, это приведет прямо к выкидышу, монголизму, родовой травме! Его внук рискует появиться на свет с руками пингвина, или полный микробов, или еще хуже с мозгами в виде штопора.

Берю это отродье Талидомида\*. Берю это родильная горячка. Ураган для маток! Разящий бич материнства! Гроза колыбелей!

Наконец Толстяк уже не выносит и выдает им свой взгляд если не на детозачатие, то во всяком случае, на религию.

— Банда бродяг в нарядах припезнутых педоклей,— ревет Огромный.— Вашей хреновой вы доведете плод по безумия! Если он услышит вашу нудятину, у него возникнет желание повернуть обратно и вернуться к своему отцу! Этому маленькому ангелу будет невыносима жизнь, населенная такими засранцами!

Мне это напоминает поезд-призрак на ярмарке дю Трон. Однажды я был там с одной мышкой, чтобы настроить ее на дрожь, и она спросила меня, настоящий ли был призрак, который взъерошил нам волосы, когда мы

---

\* Транквилизатор, который вызвал большой скандал в связи с тем, что оказался эмбриотоксичным.



проезжали грот со скелетами. Она в это верила железно, напрасно я возмущался и доказывал, что сверхъестественное не существует, она была непреклонна в своих убеждениях. Тогда я заплатил еще за один круг страха, чтобы доказать. В тот момент, когда невидимая клешня свалилась на наши рожи, я схватил ее и сильно потянул. Она дико сопротивлялась. Для призрака уж больно он упирался, причесывальщик. Он чуть не сдвинул поезд, так он тужился. Я потянул сильнее, и он отдегустировал рельсу грота со жмурами. Потом я пожалел, потому что это был старый араб с белыми волосьями, и свалившись со своего помоста, он себе рассек надбровную дугу. Все же Нини это себе прояснила. Вот вы, с вашими одежками и вашими листьями на кумполе, мне напоминаете ее. Что вы еще выдумываете, кроме того, что существует вокруг вас? Значит, вам мало прекрасной погоды и хорошей жизни?

На этот раз очередь для выступления мамыши Клистер. У нее вид толстой спесивой дамы, которую Дюбу изобразил на иллюстрации следом за обложкой (та, у которой полгрудки ниже подбородка). Как она режет, кобыла осатанелая... Она не к нам обращается, а к самой себе, в большое зеркало. Люди, которые смотрят на самих себя, когда говорят, это самая худшая порода. Тут уж ничего поделать невозможно. Это как в сделках с двумя братьями, которые знают, что и как делать. Я таких встречал в Панаме. В театре и в кино. Два брата. Милые, любезные, но они все время зыркают друг на друга, если вы с ними заговариваете о делах. Собеседника тут нет. Они на другой планете. Это их изолирует, в этом их сила. Их манера одерживать верх: они вас едва слушают и отвечают друг другу глаза в глаза. У вас возникает

желание опорожниться, попытаться хотя бы, чтоб они на задницу вашу взглянули, раз уж избегают ваших глаз. Два брата, которые слушают только друг друга и слышат только себя, это непобедимо. Это хуже, чем один умный здоровый тип. Два субчика, которые изображают визави, и которые действуют, как будто вы, это музыка по радио. Это убивает. Вас берет отвращение, и вы в конце концов сворачиваете, вы побеждены не человеком, вы зажаты между подставками для книг.

Председательша Растакэдакая со своими щеками, своим мужем-папой, своей пузырьчатой дочкой и своим зятем-учителем-ментом возвышается над миром. Ее глаз вращается в зеркале, тяжелое веко трепещет ликуя, изголодавшись по отвращению. Она заявляет без обиняков, что такие хамы вроде Берю и меня, это выше понимания. Святотатцы, вот кто мы такие! Отлученные целиком! Навсегда вычеркнутые из всех религий, которые существуют или должны существовать. И наказанные Богом, наконец. С плетью-многохвосткой ждет он нас там наверху, Верховный Бородач, на прием-порку. А потом — биг-котел, самый красный, с самой лучшей тягой. И с кочегарами, чтобы отблестить нам мясо своими инструментами. Чтобы брюха наши лопнули, как каштаны в огне, и чтоб сок из них потек, как из проткнутых сосисок. Проклятые, выbleванные, испражненные Обществом. Видеть нас невозможно! Она указывает на дверь в зеркале. Я бы отдал все, что угодно, плюс еще что-нибудь, чтобы можно было сыграть в Орфея и смыться через зеркало, плюнув мимоходом в отражение дамы Клистер.

— Срываемся, — грохочет Толстос, — иначе, я чувствую, что сотворю несчастье этим прыгунам.

Это предел. Сразу же другие верующие поднимаются как майонез в том смысле, что их оскорбляют в самый разгар обряда. Они готовили Анжелику к разрешению и вот, какой-то ужасный нехороший, с дурным запахом и выпимши дает сафари по посудной лавке!

Позор нам! Смерть святотатцам! Костер! Колесо! Кипящее масло! Весь инквизиторский набор. Над нами улюлюкают, нас освистывают, нас вышвыривают. Мы попадаем на площадку, да еще старая гувернантка посылает нам проклятья сквозь маленькую решетку своего старого приятеля, дверного глазка.

Толстос и я смотрим друг на друга, а потом, это неудержимо, взрываемся от смеха. Сгибаемся, скрючиваемся, вздуваемся, даем друг другу тумаки, шлепаем по спинам и окорокам.

Наш хохот набирает мощь словно тайфун на Ямайке. Он взлетает на этажи, рикошетит от стен, накручивается на перила. Он вылетает из дома!

Двери открываются! Люди удивлены, хотят узнать, в чем дело. Они не понимают, что такое возможно, такой монументальный хохот; во всяком случае, они не могут понять, что может быть его причиной.

Один месье спрашивает, не больны ли мы; другой — не пала ли Пятая\*; третий думает, что мы только что посмотрели драматический спектакль Оэртээф\*\*, и что у нас вот такая реакция. Они пытаются понять, милейшие.

Наконец, дверь Матиаса открывается. Он появляется, бледный позади своих конопушек. Он натянул пальто.

— Я прошу вас, — умоляет он, — давайте спустимся!

---

\* Пятая Республика.

\*\* О. Р. Т. Ф. — Офис Радио и Телевидения Франции.

Он толкает нас, мы сбегает по ступенькам. Мы ржем над половиком, мы ржем над мусорными ведрами. Мы продолжаем ржать на тротуаре.

Наконец, ведомый очень твердым инстинктом, Берю препровождает нас в ближайший бистро.

Это лионский «канис». Пол с опилками. Несколько затертых до блеска столов. Небольшая стойка, за которой багровый патрон надевает цветные резинки на горлышко «банок», чтобы отличать содержимое: красная резинка для божоле, зеленая для «Кот дю Рон».

— Не делай такую морду! — бросаю я Матиасу. — Ты еще увидишь свою тещу!

— В хорошенькое положение вы меня поставили, вы оба!

— Я попрошу, — возмущаюсь я, — не забывай, что перед тобой старший по званию.

— Извините меня, господин комиссар, но вы должны понять...

— Нет, парень, я не понимаю, — говорю я ему, посерьезнев, как в тощие дни. Жить в сумасшедшем доме в твоём возрасте, это чудовищно.

Берю заказывает банку «божоле»<sup>1</sup>. Он разливает его, приходя в себя после приступа веселья. Оно ему сместило кишки, теперь надо поставить органы на место.

Я продолжаю с назидательной горечью.

— Самое поразительное, Матиас, что кстати хорошо свидетельствует об атмосфере в этом доме, это закидон старой служанки, которая, придя за тобой в связи с тем, что какой-то незнакомец угрожал собранию пушкой, нашла способ вырвать у нас сигареты изо рта!

Он вздыхает.

---

<sup>1</sup> Напомним, что «лионская банка» это бутылка вместимостью 46 сантилитров.

— Я люблю свою жену, господин комиссар.

— Если ты ее любишь, парень, устрой ей побег из этой среды задроченных. Открой ей, что существует другой мир, кроме этого, напыщенного и безумного одновременно. Ты же не будешь растить короеда среди этих ушибленных, надеюсь? Ты не имеешь права, сын мой. Я тебе это лично запрещаю!

Он начинает рыдать. Он больше не может. Уже столько месяцев он сжимает зубы, кулаки, ягодицы. Он весь сдавлен, весь склеен, весь как сварной шов. Скоро поговорить с ним можно будет только вооружившись ножом для вскрытия устриц.

— Я несчастен,— бормочет он сквозь рыдания.

Кабачник думает, что мы наклюкались, и продолжает обрезать свои флаконы на завтра. Он только и видит этих алкашей. К тому же, это час интеллигенции. Народная пьянь уже давно в стельку и сбраживается в своих альковах. Остается только утонченный буржуа, который изъясняется грустными словами за жизнь, которая вот такова и ничего более. Лионский буржуа, это особая категория. Он ездит в Дофине или в 404-ом\*, но у него хромированная штатовская тачка или купе Мерседес в сельском сарае. Он вырывает в ней втихаря, чтобы прокатить секретаршу в выходной. Его так просто не разговоришь. Это тип, полный сдержанности. Секретаршу, о которой я толкую, нечасто он полирует на своем письменном столе после ухода персонала. В работе себе на уме. Он не смешивает счета и чувства. Вечером у него ученое кубло с товарищами по аперитиву. Божоле подкрепляют бутербродами с острым

---

\* Старые модели автомобилей.

сыром. Или поджаренными колбасками. Ключанье идет медленно, размеренно. Каждый платит за свою банку, а потом все возобновляется. Входят в адский цикл символически-по-последней. У каждого своя, потом еще. Никакого барства. Справедливость прежде всего! Расходы распределены. Никто никому не должен. Начинают калякать. Никаких деталей конфиденций, все вокруг да около. Если плачут, это всего лишь эндемичная грусть. Это слезы второго порядка. Всегда одни и те же. У каждого своя забегаловка в зависимости от качества винишка. Владелец лионского бистро, это такой канатоходец, который рискует своей репутацией при каждом завозе. Как только партия вина не дает удовлетворения, сразу бегство клиентуры; великий перегон винососовых. Орды пьющих, которые вдруг сразу мигрируют после одного неудовлетворительного глотка. Единогласно. Один взгляд, и они уходят, даже не закончив первую банку. В таких случаях патрон уже все просек. Лезут харакирные мысли. Он знает, что его репутация очень сильно пострадала, что из-за одного-двух флаконов он потеряет лицо, честь и все. Лион — единственный город мира, где вкус сильнее привычки.

Матиас дает выход своему горю. Его расширительный сосуд выполняет свою функцию.

— Кстати,— говорю я Берю,— чем объясняется твой визит?

Толстос, который изливал сочувственный плач за здоровье нашего рыжего, меняет физиономию. Его рожа удлинняется, его взгляд отвисает словно глаза парня, который делает вираж в космическом корабле.

— Я хотел ему задать доверительный вопрос.

— Так задавай!

Он колеблется, грызет кончик ногтя, сплевывает его решительно — и по адресу — в мой стакан.

— В конце концов, я рад, что ты здесь. Это касается тебя.

Щелчком пальца он делает знак патрону притащить горючего и продолжает:

— Сегодня вечером, во время моего урока, когда Матиас пришел за тобой, я все просек.

— Сначала я тебя узнал. До сих пор у меня было только предчувствие, но когда я вас увидел вместе, я понял, что ты был именно ты.

— Браво, Толстяк.

Он не дает себя умаслить. Его обида доброкачественна и нужно выложить весь пакет, чтобы вернуть его уважение.

— Затем,— продолжает Магистр,— я просек, что мое назначение преподавателем, это лапша.

Его голос сдает. Его тщеславие треснуло пополам по высоте.

— Что ты мелешь, Толстая Тыква!

Он прижимает свой чудовищный указательный к нижнему веку и оттягивает его вниз, открывая нам огромный, неподвижный и налитый кровью глаз.

— Не катит! — говорит он.— Ты думаешь, что я читаю твои стирь, Сан-А. Матиас здесь проф. Ты замаскирован под ученика. А я при сем назначен преподавателем-стажером как по волшебству. Не стоит вешать дальше. Если ты хочешь сыграть со мной, кто из нас двоих ж..., то ты еще не выиграл, должен тебя предупредить.

Я улыбаюсь, чтобы выиграть время.

— И что же в глубине твоих извилистых мыслей, Толстяк? Скажи, не мучь...

— С тех пор, как я появился, я узнал, что два курсанта скопытнулись. Потом рыщут

в моей комнате, вываливают мой чемодан, в том числе, и включая камамберы, все, что было живого, чем я запасаюсь для моего здесь пребывания. В глубине моих мыслей, ты, торговец несвежим салатом, ты хочешь знать, что там? Ну что ж, в Школе нечисто. Тебе поручили расследование. И Мусье Сан-Антонио де мон жо, как всегда хитрее, чем рубщик мяса, отправляет своего товарища намбероан на место происшествия, чтобы забить себе тылы заблаговременно.

— Ну и что, Толстяк, это скорее почетно, как мне кажется?

— Так оно было бы, играй ты честную игру вместо того, чтобы вешать мне, что я в самом деле преподаватель хороших манер!

Жалость берет во мне верх над искренностью.

— Но ты и есть таковой, дурашка! Ладно, я тебя оформил преподавателем, но сейчас-то *ты преподаватель!* — мычу я. — Важен результат, не так ли?

Это его успокаивает. Он всматривается в белки моих глаз чтобы убедиться, не заныкалась ли там чуточка лжи, затем спрашивает голосом, который берет крен:

— Почему ты меня не предупредил?

— Потому что я хотел, чтобы каждый окопался сам по себе без какого-либо уговора между нами, понимаешь?

Он не понимает, но из-за моего заговорщического тона все же говорит, что да. Он простодушен, мой Берюрье. Покорный. Ворчит, но доволен тем, что ему ее заткнули. Он знает, что он небезупречен и ограничен.

— Я пользуюсь тем, что мы играем в открытую, Толстяк, и делаю тебе комплимент насчет твоих лекций. Все, что ты нам говоришь, это класс. Ты можешь продолжать свою программу, это тонкая работа.



Он розовеет и прячет свой конфуз в стакан.

Четвертью часа позднее мы прощаемся с Матиасом. В этот вечер вылазка была бесполезной. Незнакомец не позвонил; тем не менее, произошло столько разных вещей, не правда ли?

И не таких уж банальных!

— Хочешь, мы проводим тебя к твоей теще? — спрашивает Толстос шутливым голосом.

— О нет! О нет! — вскрикивает рыжий, — на сегодня хватит.

Он удаляется в робкую тень пустынной улицы, согнув спину. Его шевелюра мерцает, как японский фонарик.

## ГЛАВА X

### ТРЕТИЙ УРОК БЕРЮРЬЕ: ЮНОШЕСТВО — ОБРУЧЕНИЕ

Я пробираюсь к своей пуховой на цыпочках, но едва оказываюсь в боксе, как меня настигает голос Ракрё.

— Местье сыграл экстаз-партию?

— Ради бога, навестил старую тетку, она тут живет.

В ответ он играет серенаду духовым инструментом, которым его снабдила природа. Это у него от ликования.

— С этой старой теткой наверняка можно скоротать приятные деньки,— шутит он.

— Я могу устроить тебе встречу, ты, возможно, в ее вкусе,— говорю я, разоблачаясь.

— Как она из себя, эта крошка?

— Вроде Полин Картон, только пострашнее. Никаких подлянок в мое отсутствие?

— Ничего!

Я пеленаюсь и вскоре кемарю.

На следующий день стоит чудесная погода. Солнце хоть и бледновато, но старается и наполняет Школу своим заряжающим светом (Боже, вот я уже ударился в классику).

Объявление в холле института уведомляет о том, что в связи с вольной в среду вечером, лекция о хороших манерах состоится в 13 часов.

Я отсиживаю на других лекциях и не развиваю активной деятельности. Неплохо бы повидать Матиаса, да узнать, не объявился ли незнакомец после нашего шумного визита. Но мои дергания ничего не дают, Раскаленного и след пропал. Надеюсь, тесть и теща выбрали для него не самое суровое наказание.

В полдень нахожу Берюрье, восседающего на скамье парка. У него задумчивый и рассеянный вид. Я приближаюсь.

— Блуждаете в мыслях, месье преподаватель? — восклицаю я громким голосом.

Его тяжелые веки приподнимаются на несколько миллиметров, и он пеленгует меня тусклым взглядом.

— Я мозговал, — говорит он.

— О чем? — спрашиваю я, устраиваясь рядом.

— О лажевой религии папаши Клистера. В конце концов, это, может быть, и неплохо. Почему бы мне не основать свою? Я назову себя папой. Александризм, держу пари, это покатит. Клиенты будут. Я создам культ красного вина и дружбы. Это становится дефицитом. Нужно дать толчок. А еще, как только я стану папой, у меня поднимется авторитет перед благоверной...

Он встряхивает башкой.

— Я вот думаю, не слишком ли моя Берта похудела с тех пор, как принимает лечение. Я получил от нее почтовую открытку в том смысле, что в Бриде все хорошо, но про весы что-то ни гу-гу.

— Она готовит тебе сюрприз. Ты расстался с Матильдой Казадезус, а встретишься с Жанной Моро!

Он кривит рожу.

— Слишком много не надо. Меня это тревожит, Парень. Супруга должна быть доброй. Я люблю обильное в любви. Маленький флюгер, который ты цепляешь на громоотвод, это не по мне.

Он грезит еще немного и шепчет:

— К слову об этой истории с религией, как ты думаешь, я смогу?

— Почему бы и нет? Я уже записываюсь певчим в хор мальчиков. Александр-Бенуа I-ый, это звучит. Кстати, о чем ты будешь говорить на лекции сегодня?

Он сопит, улыбается и объявляет, похлопывая свою энциклопедию в кармане:

— Юношество, Сан-А. Эта тема мне особенно близка.

Он смотрит на часы с торжественным видом.

— Ты знаешь новость? Моя графиня приезжает в Лион послезавтра. Я думаю, она простила мне разгром старого толчка. Я хочу приобщить ее к своей лекции, для практики. Настоящая дама из Высшего в смысле иллюстрации, лучше не придумашь!

— Фантастическая идея,— признаю я голосом, который дрожит оттого, что придется сдерживать смех,— ты думаешь, она согласится?

Не без торжественности он вытаскивает телеграмму из своего кармана и предъявляет ее мне двумя небрежными кончиками пальцев. Я разворачиваю и читаю:

*«Только и желаю помочь вам, мой добрый друг. Весьма охотно принимаю ваше предложение. До пятницы.»*

*Графиня Труссаль дю Труссо»*

— Ты быстро делаешь дела, мой тебе комплименты,— восхищаюсь я.

— Понимаешь, я этим воспользуюсь, чтобы в ее присутствии заняться светскими обычаями. Сегодня я буду говорить о молодежи вплоть до обручения, завтра я им расскажу о женитьбе, так что у моих учеников будет солидная база.

Затем, меняя тон, шепчет:

— А как твоё расследование?

Бравый Берю, полицейский пес, такой верный, такой влюбленный в свою работу.

— Убийственное безмолвие. Продвигаемся в тумане. Если бы не эти покушения на Матиаса и на меня той ночью, я бы поверил, что речь действительно идет о двух самоубийствах.

— Слишком просто,— неодобряет Несговорчивый.— Ты меня знаешь, Сан-А, ты же знаешь, я чую подлянки. Так вот, я тебя уверяю мы в полной кислятине. Что-то назревает, парень. Открой глаза. Наезжает западло.

Он встает, разглаживает прямой ладонью штанцы, напоминающие штопор.

— А пока, долг прежде всего!

Словно прелат, пережевывающий свой требник, он удаляется в аллею, перелистывая *Энциклопедию светских манер*. Уже папа, с его медленной поступью, елеинными жестами, весь в думах, которые отяжеляют его толстую рожу.

—:—

Он ждет, когда мы соберемся в конференцзале, и входит туда в свою очередь. Он держит в одной руке шляпец, в другой растерзанный портфель и шагает словно Сэн-Мар\*, идущий на казнь. Опершись на одну подошву, он карабкается на сцену, поворачивается, с

---

\* Сэн-Мар (Анри Куафье де Рюзе, маркиз де), фаворит Людовика XIII. Казнен за участие в заговоре против Ришелье.

грустью озирает некоторые пустые скамьи и объявляет.

— Я вижу, некоторых здесь нет. Я прежде всего к ним обращаюсь. Ладно, моя лекция факультативна, но те, кто ее пропускает под предлогом, что сегодня вольная и нужно блистать семейные украшения, чтобы заарканить бабу, это потерянные без надежности. Но они пожалеют об этой слабости. Когда перед ними встанут светские вопросы, и они не смогут заполнить графу для ответа, им останется только послать привет, полный сожаления, в адрес Берюрье, но будет слишком поздно, и эти недоделанные будут гнить в собственном невежестве. Садитесь!

Мы слушаемся.

— Зато,— продолжает учитель,— я поздравляю присутствующих. Если кто из вас когда-нибудь станет префектом полиции, это меня не удивит!

Он садится. Какой-то шутник приготовил стул с сюрпризом, все перекладины которого разъединены, и Его Святейшество обрушивается с треском ломающегося дерева.

На какое-то мгновение он остается недвижим, его огромный круп восседает на обломках, неверящий и раненный в самолюбие больше, чем в задницу. Наконец, он качает головой и встает, массируя низ спины...

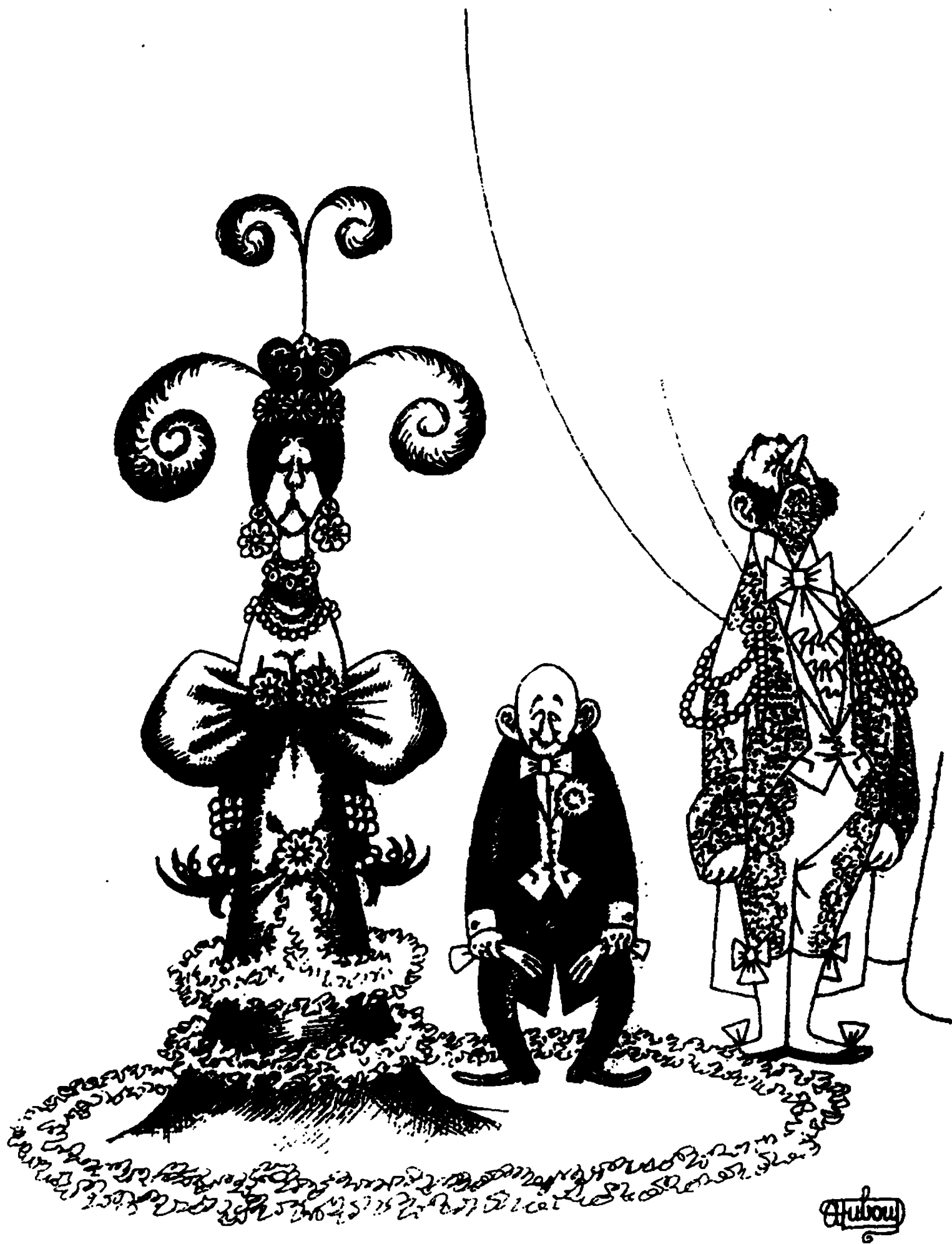
— Я полагаю,— говорит он,— что умелец, который подстроил этот стул, числится среди отсутствующих?

Поскольку мы отвечаем молчанием, свирепо стиснув зубы над задавленным смехом, он продолжает:

— Раз уж вы все цыплята\*, найдите мне виновника. Вот хорошенькое дельце в перспективе, не так ли?

---

\* Итак, нам уже известно, что на французском аргю «цыплята», это полицейские.



Старый хрен графского сословия.





Его деланная улыбка исчезает, и он мычит:

— Я хочу этого к завтрашнему дню, непременно, иначе я сам лично займусь расследованием, и тогда будет большой спорт!

Он посылает за сиденьем, которое было бы в состоянии приютить его, и, сметая обломки первого стула яростным ударом ноги, приступает:

— Сегодня, мои огурчики, отфаршируем юность вплоть до обручения, а попутно коснемся воинской службы. Это главная тема, поэтому вы имеете интерес не скупиться на Евстахиевы трубы.

Берюрье скрещивает руки перед собой, завивая толстые пальцы-мешалки.

— Сначала давайте договоримся,— пафосит он.— Существует два сорта молодежи: молодые люди и молодые девушки! В связи с тем, что французская галантность для меня, так сказать, не имеет тайн, мы начнем с этой второй категории. У молодых людей и девушек две общих вещи: учеба и фильтр\*. Первая заканчивается иногда дипломом, а вторая иногда женитьбой. Но бывает, что кончается хуже. Займемся этим.

Опасность у девушек, это кокетство. По моему мнению, вот источник бедствий. Возьмем главное: здоровье. Кокетливая крошка с самого раннего возраста круто берется за диету фиг с маслом, чтобы иметь талию-браслет. Я, Берю, категорически провозглашаю! Сухарь-салат, это бич современного общества. Мамзель, которая отбрыкивает еду, может, и получит линию велосипедной спицы, но я вам задам вопрос, насчет которого прошу поразмышлять: «Ну и что?» Тонкие девки впечатляют только один сорт людей: толстых девок!

---

\* Берю очевидно хотел сказать: флирт.

Они по-страшному заблуждаются, думая, что ухажеры балдеют от них под тем предлогом, что они могут себе сделать пояс из кольца для салфеток! Мы все, здесь собравшиеся, знаем, что в дамах нас волнуют не кости, а мясо. Чем больше у них преимущества в бюсте, округлости в трусишках и последовательности в подвязках, тем больше мужик находит в этом пользы. Современные девки у меня вызывают одновременно и стыд и жалость, граждане! Жопенка на двух ходулях, ляжки как у паука, а корсаж плоский как Голландия.

Они считают себя ослепительными, тогда как они похожи на мумий. За это и расплачиваются своим здоровьем. Позднее они делают детей-рахитов, эдаких баночных экземпляров. Когда они беременны, тут не поймешь, что готовить — пеленки или формалин. Вы должны наказать своим супружницам, что став матерью, они тут же должны втолковать своим дочерям, что скелетом они станут рано или поздно, и что жизнь состоит не в том, чтобы демонстрировать свои кости, а наоборот, запаковать их в прелестное свежее и аппетитное мясо. Если вы сомневаетесь в том, что я толкую, вы можете взять интервью у надзирательниц борделей, и они вам скажут, кто из их стаи вспархивает чаще, полненькие или угловатые, гладкие или острые, те, которых есть за что взять или те, об которых можно пораниться. Так что, джентельманы, встряхнитесь и кричите повсюду и погромче, что маленькая икра под шелковым чулком красивее, чем большая берцовая кость; что игривые лифчики с кружевными финтифлюшками должны содержать весьма горячие груди, весьма выпирающие и весьма бойкие вместо двух сушеных полуабрикосов, и что трусишки прозрачные, пушистые, с вышивкой со всех сторон созданы для того, чтобы вме-

щать аппетитную пышку и прекрасный съедобный плод, а не пустоту между скобок.

Это полет, высокий неудержимый лиризм, гром трибуна, полный слогов и модуляций голоса, в котором пенится гнев и возмущение.

Берюрье вытирает фасад, затем, целительным и ласкающим жестом массирует Адамово яблоко сквозь припухлость своей бычьей шеи.

— Так что, — продолжает он, — учите этих девочек презирать кокетство, или лучше вдолбите им, что настоящее кокетство, это здоровье. Дохлый стиль, это красиво в женских журналах, но не нужно его насаждать. Вместо того, чтобы восхищаться, нужно их пожалеть на этих гравюрах. Зеленоватый цвет лица, это должно вызывать фурор в Китае, а не у нас, где розовое — наша задача! Впалые щеки, я не против, чтобы иллюстрировать Козетту, плечи из стальной проволоки, много-точие вместо тела, бедро как у козы, жернова как масляное пятнышко, суставы как коренья виноградика, пустышки ноль, ноль, ноль один, все это создано, чтобы иллюстрировать антитуберкулезные марки, сынки мои! Но не для того, чтобы быть женским идеалом, о котором толкует поэт!

Он набирает побольше воздуха и продолжает.

— На матери лежит огромная ответственность в том, что касается ее дочери. Кроме того, что нужно беречь ее от кокетства, еще надо приучить ее копить с раннего утра. Совсем малышкой она должна убирать свою пуховую, свою комнату, мыть посуду и, в особенности, готовить еду.

Есть такие биксы, которые нарисовываются на свадьбу, не умея сварить яйца. Как только идеал позади, что еще остается, чтобы цементировать этот союз, граждане! Мужичку, вернувшемуся с шахты надо кое-что еще, кро-

ме Зитрона в доме! Парижская ветчина, деликатесы д'Амье, Олида на серебряном подносе, это пойдет, когда спешишь. Но мужчине нужно солидно приготовленное, томящееся на медленном огне, румяное с корочкой. Филе макрели в томате, это в момент, квашеная капуста в банке тоже, и клейкая лапша, допускаю в крайнем случае, в святую пятницу\*, но в остальное время, как только дрыжки под столом, ты вправе найти наверху лакомое блюдо, доведенное до совершенства, приготовленное с любовью! Добрая разварная говядина, кролик с горчишкой, цыплок со сметаной, фаршированный рулет, эскалоп в сухарях по-милански — все это голы, забываемые женщиной в ворота уважения своего супруга. Я понятно говорю?

Мы отчаянно киваем.

— Вывод, нужно не только учить молодых дев хавать, но, кроме прочего, нужно их учить готовить. В наши дни это запросто, благодаря компетентности и популярности великих, отданных на службу массам. Возьмем человека, по вопросу лица которого, я держу его за француза намбер ван, Рэймон Оливер. Тот, который вам сладкое кладет в нёбо, небесное в желудок, экстаз в слизистую. Мало того, что он сводит с ума гастронавтов, он еще воспитывает толпу своим прекрасным знанием, публикуя книжки, от одного чтения которых слюнные железы изматываются! Не у всех есть возможность закусывать в *Гран Вефур*, зато любой может купить себе прозу маэстро за неимением его стряпни и заколотить свой гастрономический сок. Вот чтение, которое надо бы ввести в обязательку в школах, если бы у нас был настоящий ми-

---

\* Святая пятница предшествует Пасхе (годовщина смерти Иисуса Христа) и, естественно, является днем поста.

нистр Национального образования. Вам, почти или будущим родителям, надлежит исправить этот недостаток, научив ваших дочечек читать произведения Рэймона. Когда-нибудь эти олухи шведы вместо того, чтобы короновать химиков, отстегнут Нобеля поварам. Рэймон Оливер, лауреат Нобелевской Премии Хавки! Я всецело за, более того, я требую. Эту мысль надо разметать на всех ветрах, как делает баба с одуванчиками в Ляруссе\*! На все почести имеют они право, великие маэстро мешалок. Три звезды, это мало, хотя и на одну больше, чем у Генерала. Я бы им семь разом навесил, Маршала, чего там! С жезлом, чтобы месить соусы Каррер, Лассер и компании.

Берюрье прочищает форсунки, шарит в ногах, пытаюсь отыскать бутылку с винишком, которой не успел запастись и, отрекаясь жестом и плевком, ладит свой доклад.

— Так что, молодых дев учим есть, готовить и хозяйничать. В первую очередь! Затем им нужно слепить характер. Нет ничего страшнее, чем фифа, которая вам вешает высокие слова о таких вещах, что не знаешь даже, о чем она толкует! Если я утверждаю, что им нужно читать Оливера, а не Сартра\*\*, у меня на это есть резон. Сартр, это для чуваков; ибо им надо учиться думать. Женщина должна бить на то, чтобы сделать мужчину счастливым. Счастье дятла, это счастье сюсюни. Благо супружеской пары сплетается наравне с ней самой по ночам, когда охватывает амуровый раж. Чтобы два существа ладили, нужно, чтобы один из них говорил «Я», а другой отвечал «ТЫ». Если оба гово-

---

\* Франц. энциклопедический словарь, на обложке которого изображена женщина с одуванчиком, семена которого разлетаются от ее дуновения, символизируя знания. Надпись «Я сею на всех ветрах» дополняет образ.

\*\* Сартр (Жан-Поль), франц. писатель, философ и публицист, отец французского экзистенциализма.

рят «Я», это свара, крупная каждодневная стычка, вечная война нервов с серенадой на балконе, вальсирующими тарелками и забирай-свои-манатки-и-катись-к-такой-то матери. Гармония, она в смирении. Прикиньте, к примеру, Францию при Де Голле. Он говорит «Я», а Франция ему воркует «Ты». Вот почему все счастливы. Следовательно, девушке лепим характер, чтобы научить ее соглашаться всегда и с радостью.

Раньше из нее делали рабыню. Она снимала свои белые перчатки только для того, чтобы сыграть на пианинах, да еще нужно было тут же их напяливать снова, как только она оттарабанит свои последние аккорды. Даже не было времени опустить крышку ящика с домино.

Ее клешни словно задницу надо было укутывать. Чуть-чуть открытой кожи, это уже скандал. Это было вызывающе, провокационно; даже запястье отдавало похотью. Если бы кто-нибудь предсказал тогда появление бикини, его перья подпалили бы на костре для неверных.

Он потрясает своей энциклопедией.

— Вот тут они объясняют, как должна была ходить, глядя на половик, воспитанная девушка. Как она должна делать реверанс, ждать, когда с ней заговорят, чтобы сказать «здрасьте», какие слова следовало ронять, танцуя менюэт у маркизы де Мажо, и прочее! Ее перчатки лежат на пианино, тут же, пока она отстукивает какую-нибудь шопенку. Взгляд постоянно убегающий. Место для беседы, где ей надлежало краснеть; час, когда ей нужно ретироваться в свои апартаменты, тогда как месье зажигали сигары. Манера помогать маман разливать чай или кофе с постоянно опущенными глазками и приподнятым мизинчиком. Герметичный блок-корсаж; благодарная улыбка наизготовку, надежно зата-

нутая невинность, ангельский вид той, что слишком чиста, чтобы понимать взгляды и лукавство. Да, в моем учебнике описывают все. Как Гислен должна была благодарить за подарки; ее комплимент на день рождения папаши, ее фото, которое она отказывала претендентам. Тон, который она должна принимать, чтобы с достоинством выдержать признание в любви: *«Потолкуйте об этом с моими дражайшими родичами. Сообщите им о сантиментах, по вопросу предмета которых вы имеете делать мне честь, и они прикинут, можете ли вы отчалить или продолжать люлю без риска сделать аварию»*. Это было в сущности так. Они категоричны в моей книге; никогда не разговаривать со своим кавалером, прячась позади своего веера, не закидывать ногу на ногу и, в особенности, не ржать, даже если сакс в оркестре проглотил свой мундштук или мсье Тюрлюрю из Франсуйской Академии во время вальса пропахал носом по паркету или уронил вставную челюсть в декольте баронессы в тот момент, когда хотел поцеловать ей ручку. А потом еще, чтобы она следила за своей речью, никогда не употребляла сорных выражений старшего брата, таких, как *«Глупости!»* или *«Обожаю!»*. Молодой человек, согласно умникам из этой энциклопедии, может позволить себе речевые вольности, молодая невинность никогда!

Берю трясет своей головой (нужно всегда быть в согласии со своими работниками).

— Что нам думать об этих рекомендациях? — спрашивает он. Честно говоря, что касается меня, я их нахожу чрезмерными. Делать девицу стыдливой, это вредно для здоровья, это портит.

А также внушать ей ужас при виде ее разоблаченной кожи или от прямого взгляда.

Что тут плохого, если она оденется легко, если она будет шутить с ухажерами, выдаст им свое фото, если у нее попросят, и если у нее не будет идиотских комплексов; но все это, при условии, если в меру. Скандал в основном стелется по пляжу. Заметьте: почти голяком лежат на мальчиках, и ерзают на них, и щекочут им glandy кончиком языка; это возмутительно. И все же, ребята, у меня ничего общего с кляузниками. Но я сожалею об этих мерзких вольностях. Женщина должна быть развратной, конечно, но в интимности. Выставлять напоказ это слишком. Засос, я не против, незаметно, под зонтиком например, или трахнуться в кабинке по вертикали в крайнем случае, при условии, чтобы не было слышно мычания, или же врубите радио, чтобы заглушить. Пусть она пользуется радостями жизни, молодка, что может быть естественнее; но по-скромному. Элегантность никогда никому не вредила. И не только пляж может быть злчным местом: бал, вы думаете, это деликатес? Они там танцуют рот в рот, пупки припаяны, а передки в поисках друг друга. На пижонов шикают только в том случае, если трюк йе-йе, но как только заводят медленный, тут же начинается бешеный компресс, страшное вихляние задниц. Все дела в иступлении! И к тому же, бал, это публика. Чтобы уединиться, чаще всего у них только сортир; это не романтично и не практично.

Помню, однажды, кстати, я тогда был на службе, пошел я подрываться на дансинг в Понтуаз. Как сейчас помню, шар с блестками, который выдавал красный блеск словно пожар в Нувель Галери\*. У нас от него были полные кокарды. Но высвечивало только рожи. Бу-

---

\* Пассаж с торговыми рядами



лочка оставалась в полутьме, равно как и ищущая клешня. Свою кавалершу я тоже как сейчас помню. Рыжая, у меня по-прежнему ее запах в носу. Рыжие, это подарок в смысле запаха. Только от них по-настоящему пахнет женщиной. Пэндер вам их дарит! Долбит как из зверинца. Это опьяняет. Мужики не умеют пользоваться своим носом. Они цепляют на него очки, не подозревая, что это дело служит еще кое для чего. Чтобы не сбивать вас с толку, свою рыжую я пришвартовал солидно: одну клешню на валторну, другую на буюст. Вот это и есть любовь: эта неустойчивость настроения, это желание все хватать, все затыкать, все жрать, месить как жвачку, снизу доверху, пока она не станет мягким тестом и жидкостью. Моя, по скорости, я вам скажу, это был атас. У меня было ощущение, что я танговал с кабелем высокого напряжения. Куда ни сунешь палец, везде дербанит 220. Искры сыпались от нее во все стороны, как будто в темноте надеваешь нейлоновое нижнее белье. Я к ней так прикипел, к этой крошке, что мне казалось, будто я родился вместе с ней, вот так, лицом к лицу, слившись до кочерыжки на все времена и годы! Это было, как будто моя старушка-маман только что снесла нас на танцплощадке, в одну минуту, под томные фа-фа оркестра, под испанский мотив, наполненный плачущей гитарой. В конце музыка остановилась, а мы еще продолжали массировать друг другу облицовку, закрыв глаза, одни единственные, потерявшиеся на краю света. Нас разбудил сторож толчком в плечо.

«Эй, любовнички, если вы хотите отловить кайф, поищите более подходящий уют». Мы что-то пробормотали. Наши глаза были похожи на липкую бумагу. Пошатываясь, мы отчалили в сторону туалета. Это была одно-

временно раздевалка. Для всего народа там была всего одна кабинка. Какой-то здоровый козел выходил оттуда, и у него что-то не ладилось с подтяжками. Я думаю, у него в портках не хватало пуговиц, и это служило причиной осложнений. Мы его буквально выпихнули. Мы слишком спешили покончить с этим. Он видел, как мы вломились в отхожее место, кое-как закрыли дубовую, как будто нас двое в телефоне. Рыжая бредила от страсти. К несчастью, это был клозет по-турецки. Вот моя левая туфля соскальзывает с остатков и попадает в очко. Я сразу стал короче на двадцать сантиметров. Я пытаюсь всплыть на поверхность, я шарю, нащупываю ручку смывного бачка. Она была в виде сосновой шишки, как я помню. Как будто это было вчера, честное слово!

Сразу же десять литров жидкости обрушивается мне на ходули. Это была Ниагара. Мой говнодав уносит водопадом. Гуд бай Андре! Я стал одноногим. Малина обхезана. Чувачки, поднятые по тревоге подтяжником, тарабанили, чтоб им отворили. С десятков зевак хотели посмотреть спектакль, только одиннадцатый интересовался очком по прямому назначению. Он орал, что в полдень обожрался морскими ракушками, и что у него драма в кишках. Надо было выпулиться пока не случилось несчастье! Мне только этого и хотелось. Малышке тоже, теперь она кляла меня как педокля. Было тесно. Гальяун, это просторно, когда ты один, но слишком тесно для двоих. Особенно, если у одного гитара в очке по колено. Я принимаю направление — оператив. Холодный ум я сохраняю даже во время тревоги. Всегда самоконтроль. Я весь собрался под смывным бачком, который наполнялся с шумом, раздражавшим нужду мужика с ракушками. Рыжая мерзко бесновалась.

«Спокойно, милая! — умолял я ее. — Открывай тихонько дубовую и выходи первая».

Она не слушалась, слишком раздерганная, без подруги нервишки потеряли поводья. Она все вопила, что я ужасная скотина, пидор, и еще не знаю что! Наконец, она выбралась наружу в у-у возмущенной и слюнявой шоблы, которая ужекивалась от ее чулок в виде штопора. Да, в тот момент у нее не было величия славного века, у этой бедолаги! Тот, что был под морской пыткой, только этого и ждал. Он уже расстегнул штаны и только придерживал их двумя руками, готовый к заключительному маневру.

«Простите меня, — бросил он, влетая как козел с безумными красными глазами, которые свисали ему на щеки. — Простите меня, я не выношу ракушек, особенно морских». И он открыл мне крупным планом видение ада, ребята. Для него это действительно было *in extremis*. Его последний шанс. Его интимный, магистральный фейерверк. Высший букет. «У меня, так сказать, отравление», — извинялся он. А у меня!

Когда я вытащил свою затекшую ходулю, он продолжал свои залпы, тронутый по прямой кишке. Я дал ему опорожниться в свое удовольствие, наконец-то один на один со своей проблемой. Но я был несколько несвеж. Рыжая вопила, что я хотел ее изнасиловать, затащил, нахлороформил, а что нет? Мне хотели сыграть нехорошую партию. Но от меня слишком сильно воняло. Вот это меня и спасло: обычно бьют того, кто уже лежит, негра, банкрота, слабого, но никогда типа, обрызганного делами. Я смог ретироваться вместе со своим душком. Точь-в-точь как подлодка времен войны, преследуемая свирепым миноносцем, и которая исчезает, оставив позади

искусственное облачко. Пострадавший от морских ракушек спас мне жизнь, на свой манер.

—:—

Берю обмахивается шляпой.

— Я вам рассказал в качестве примера. Не пускайте своих девчушек одних на бал. Чувства захватывают, и получается публичный скандал вроде этого.

Он встает, решительно вытирает лицо и улыбается.

— Заметьте, вечеринка в наше время в основном вытеснила бал. Диски и виски наносят девушкам большой вред. Диск стал главным предлогом, чтобы улизнуть от папá-ма-ман.

Они облепливают свою хавиру иллюстрированными конвертами от пластинок, на которых изображен Холидей нараспашку за рулем своей тачки, и другие в соблазнительных позах, которые наводят на мысль, вызывают желание, создают доверие.

Кошечки теперь претендуют на то, чтобы сделать не хуже, так сказать, они группируют несколько приятелей у одной подруги, чтобы послушать долгоиграющую пластинку, свежесвысадившуюся из Америки. Исступленные штучки, которые я сам терпеть не могу. Истерикус до умопомрачения с ударными, которые мочат со страшной силой по перепонкам. Так, что не знаешь, то ли мужичок дует в инструмент, то ли машина со сжатым воздухом! Негры, в том, что касается мистраля в бронхах, это они мастера! На собраниях диско-манов атмосфера накаляется в момент.

В комнате лап-перелап. Шторы задернуты, и дверь на замке! Глоток наркоза, света нет, дым столбом, и в довершение ревуций идол — все это создает атмосферу. Все балде-

ют. Они опрокидываются в интенсивный засос. Они теряют педали в этой курилке. Игра любви и случки\*, как сказал бы мой шеф, уважаемый комиссар Сан-Антонио. Юношеская групповуха. В наши дни, когда молодежь так тянет в общий рынок, это общепринято. Свободный обмен, они за. Всем пакетом! И демонстративно! Супербум! Так они называют эту фиесту: суперклубничка! Любой фарширует любую. В каком-то смысле это упраздняет ревность. Мы идем к освобождению супружеской пары, сынки! К полному раскрепощению. И все же, до меня не доходит, так ли уж это показано для воспитания молодых особ? Действительно ли это такое хорошее средство для контакта с жизнью и ее прелестями; правда ли, что пускать слюну, как пишут в Эль\*\*, так уж полезно в самом деле? По-моему, любовь, это как съестное. Тот, кто налегает на одни соусы в начале жизни, потом будет испытывать к ним отвращение, до тошноты, ведь так? Настолько, что его жратва становится пресной, и он теряет к ней вкус. Пацанка, которая взлетает на седьмое небо с каждым и всяким по любому поводу, и вроде никаких последствий, притупляет свои чувства, неизбежно.

Наступит день, когда (если только она не буйная) она говорит себе, что тюрлютютю это всегда одно и то же. Что никакой разницы между одним Казановой и другим в общем-то нет. Она теряет к этому вкус, бедняжка. Ее наполняет горечь, она становится ни-ни, и в конце концов открывает газовый кран в тот мерзкий вечер, когда ей особенно тошно от бесполезности вещей и одинаковости людей.

Берю сметаю нас бичующим пальцем:

---

\* Берюрье явно имеет ввиду комедию Мариво *Игра любви и случая*.

\*\* Она, франц. ж-л для женщин.

— Смотрите за вашими дочерьми, разрази меня гром! Этими дисками не давайте себя оболванить. Если им нравится музыка, сводите их на концерт!

Аналогично с клюканьем. Семнадцать лет, это не возраст, чтобы бульбенить скотч\*.

Стопарь-другой, и их печень превращается в булыжник. Посмотрите на их желтый цвет под румянами! Секите на их потухшие глаза! Если у них действительно есть способность клюкать, дайте им краснухи. Нужно пить французское, ребята! Иначе, каналы ржавеют. И еще я добавлю про табак.

Едва появившись на свет, вот у нее уже чинарик в клюве, уже защемлена ноздря, глаза вылуплены, губа деформирована, и цвет лица как дым. Настоящее бедствие. Табак перебивает аппетит, перебивает дыхание, перебивает рост. У меня особое мнение по этому пункту. Я твердо верю, что он был изобретен для солдат и только. Они должны быть мужественными. Телочки, гладкие в кости, которые сосут свои жалкие сигаретки, они мне заворачивают скорбь в буфет. Вообще, никотин это наркота, не так ли? А это значит что? Едва вылупившись, эти мисс фифочки играют с ядом. Ибо это так, нужно толковать прямо и называть вещи по имени! У них невежество или что, у родителей-наплевантистов, которые вынимают соску Робер изо рта своих пацанок, чтобы поменять ее на Голуаз? В промежутке между двумя Житан\*\* они их пичкают витаминами, считая, что этим выполняют свой долг. Удар витамином В<sub>12</sub>, потом накачка никотином, чтобы уравновесить! В сущности, они гордятся, что те принимают смалить как курильница! Внутри самих

---

\* Шотландское виски.

\*\* Марки сигарет

себя они польщены, как будто это подвиг, изрыгать дым через рот и через нос. Если бы он у них выходил через уши и другие дырки, они бы обмерли от восхищения, добрые родители! Великий подвиг! Как взрослая!

Берю изображает женский голос:

*«Нет, вы посмотрите на Генриетту, как она здорово курит! Как у нее выходит густо и прямой струей из ноздрей! Настоящий гренадер, а? И что вы думаете; она глотает в себя! Затянись, Генриетта, покажи мусью. Затянись на полную, моя славная. вот так! Вы видели? Даже ни капельки не вышло! Все в ее маленьких легких, все в желудке. Ну не прелесть, в таком возрасте и такие способности, я вас умоляю! Она у нас не пропадет. Когда-нибудь она у нас сможет курить трубку, сигару, наргиле, кальян! Зажует табак! А, Генриетта, ты ведь будешь жевать, моя лапочка! Обещаешь? Крепкий «Ж», самый твердый, от которого желтеют зубы!»*

Он умолкает. Всеобщее веселье. Берю в исступлении, это разрядка, это зарядка, это умора.

Толстос изображает Хрущева; он срывает башмак и молотит им по столу мощными ударами, чтобы восстановить порядок и серьезность.

— Прежде чем закончить с воспитанием девушек,— говорит он,— я дам еще несколько советов по этому вопросу. Примо: остерегаться кемпингов. Под палаткой теснота, и приходится держаться по горизонтали, что настраивает на взлезание. Думайте об этом, когда ваша дочечка объявит вам, что она будет ночевать у Тригано. А потом из-за полного отсутствия санитарных приспособлений бедняжке нечем ухватиться за соломинку.

Во-вторио,— продолжает неистощимый,— не пускать в Англию под предлогом совершен-

ствоваться в языке. Там они не британский язык глотают, наши студенточки, а по-королевски другой язык заглатывают. Мы думаем, что ростбифы застенчивые, что они тушуются при виде собственных кальсон, нет ничего более ложного. Доказательство, сколько студентов переплывают Ла Манш с подпольным Кокó в трюме!

Так они им заливают в яремную вену, те, что в шапках на медвежьем меху, что эти бедняжки сами в конце концов оказываются кверху мехом в лондонском тумане. Вывод, в том, что касается великого Альбиона, остерегаться!

В третию,— не утомлять их в вопросе учебы. Ученая женщина, это худшая порода. Она считает, что у нее превосходство. Даже, когда они вообще ничего не знают, эти мамки считают себя равными с нами, а прикиньте, какая катастрофа в данном случае. Сразу их знания придают им смелости. У меня сослуживец обзавелся одной ученой, женщиной-проф, с дипломами со всех сторон. Ну и что! Всю жизнь она его третирует как грязного необразованного мента! Единственное его право это мыть посуду.

Я имею ввиду Манеля! — бросает он мне.

Это у него вырвалось. Ему неловко, он затыкается, затем, поскольку товарищи не доперли, что это предназначалось мне, он с горячностью подхватывает:

— Его единственное право это мыть посуду, говорю вам, кофе, постель, готовка, все, кроме любви. Мадам слишком образованна, чтобы фаршировать мужлана из ментовки! В течение недели, еще ладно, но weekend напоминает тот, которым поплатился Иисус Христос, начиная с одной святой пятницы! Вывод, если дома он овца, на работе он лев. Для сложных допросов, когда я занят, посылают за ним. Он



работает в свое удовольствие, для него это снятие напряжения, бедняги. Его захват кисти — самый знаменитый в бараке Королей. А удар по печени, как я ни старался, у меня так ни разу и не вышло! Винтом! Кулак описывает полукруг вправо, въезжая прямо по назначению. Это волшебство. Ваш пациент сразу становится грустным и начинает пускать зеленые слюни. Он упивается своей работой, Манель. Это для него уже не обязанность, а наслаждение. Каждый тип, которого он метелит, в его подсознательности, это как будто его гражданочка, понимаете? Это ему впрыскивает Хиндреналин в суставы. И чбень за твой диплом! Вот тебе за твоего бакалавра! Держи свою диссертацию! Отдегустируй мне вот такого за твою докторскую, твой профессорат, твой филохерат и так и дат. Все, что он высказывает избиваемому во время сеанса перевоспитания, это в женском роде, из-за Мадам Манель, вот! Доказательство, он всегда начинает с женских ругательств: рвань! скотина! падаль! Однажды, передо мной, он одного называл кизякой! Кизяка: клянусь вам! Этот пример хорошо доказывает, ребята, что женщина-эрудит это кораблекрушение в доме. Если вы меня слушаете, вы дотянете ваших пацанок до свидетельства, да, пусть будет. И как только экзамен позади, алле гоу! Плита, раковина, О'Седар и стиральная машина!

—:—

Берю, а у него это уже вошло в привычку, снимает шляпу и делает несколько шагов между рядами, его кисти — это два кулака на концах рук, коротких и мощных! Он приостанавливается перед наименее симпатичными рожами и, быстро измерив взглядом, шеп-

чет: «Надо бы еще откопать злоумышленника, который разобрал стул! Я не забыл».

Он любит сдобрить витамином свою угрозу, сделать ее более ощутимой. Затем возвращается к своей кафедре и, развязав галстук и расстегнув воротничок на одну пуговицу, продолжает:

— Про девушек узнали, теперь возьмемся за молодого человека.

Его Величество листает свою энциклопедию.

— Лучше всего, если я вам прочитаю, что талдычит на сей счет учебник. Потом дискутируем.

Он элегантно скашливает в ладонь, вытирает ее о левую подмышку и монотонно декламирует нижеследующие лицеприятности:

*Молодой человек должен уметь фехтовать, стрелять из пистолета, бить дичь на охоте с первого выстрела, играть в гольф, поло, лаун-теннис, управлять аэропланом, он должен уметь читать монологи, играть в комедии, вести свою партию на фортепьяно и в оркестре, уметь при необходимости напеть какой-либо мотив, срифмовать четверостишие и сонет, с карандашом в руке доказать свою точку зрения, играть в бридж и побывать в дальнем путешествии.*

Он умолкает, чтобы осмотреть нас и насладиться эффектом. Затем продолжает.

*Молодой человек уступит место женщине в омнибусе, посторонится, чтобы пропустить ее на лестнице, сойдет с тротуара, дабы не разъединить две персоны, идущие бок о бок, он никогда не должен позволять себе шутить ни над священником, будь он иного вероисповедания, ни над старцем, он никогда не должен разговаривать с сигарой во рту, шляпой на голове не только с женщиной, но даже с мужчиной, которого он уважает.*

— Представляете, бутерброд салямалекум! — взрывается преподаватель с сильным презрением к книжице.

Я не говорю о второй части, которая более-менее сносна. Хотя не вижу особого оскорбления в словах: «Бонжур, мадам» священнику, чтобы разрядить обстановку. К тому же, уступить свой стульчак в автобусе, это по делу только в том случае, если баба старая как Иерусалим или беременная до бровей, иначе ты хилешь под того, кто хочет с ней завязать партию «войдите»! А еще, сойдя с тротуара, чтобы не разъединять двух корешков, обсуждающих жирный кусочек, ты рискуешь оказаться в больнице из-за машин на бреющем полете.

Что касается сигары, ничего не скажешь, я против. Говно не нуждается в Коронас, чтобы хилеть под Черчилля. Это засоряет поддувало, и рот принимает нехорошую складку, как жопа курицы-рекордистки. Но вернемся к первому параграфу.

Они чуть-чуть были тронутые, довоенные воспитатели. Их послушать, порядочный молодой человек их эпохи мог ректально поступить на службу к Рансэ\*!

Уметь фехтовать и стрелять из пистолета! Управлять аэропланом! Читать монологи! Играть в комедии! Вести свою партию в оркестре! Рифмовать четверостишия!

Он умолкает, задыхаясь от собственного веселья.

— Не мечите, уже полный двор! Даже Заватта\*\* не владеет всем этим! Этих козликов готовили к торжественной годовщине

---

\* Рансэ (аббат Арман де), священник в Нотр-Дам-де ля Трап, автор многочисленных сочинений и доктрины, проповедующей строгую мораль. («Святость и обязанности монастырской жизни», 1683 г.)

\*\* Клоун

Униона! И они это называют главой о воспитании молодых людей!

Он делает вид, что плюет на эту книгу. Но Берю не относится к притворщикам и отхаркивает в лучшем виде.

— Я расскажу вам про воспитание молодого человека, граждане. И мы опишем все его проблемы, как круг вокруг Пизанской вышки, прикидывая угол, под которым она вот-вот сверзится. Угол падения молодого человека это Пополь-трепещущий-с-дважды-дневными конвульсиями, так или нет?

И поскольку мы услаждаем его нашим согласием, он комментирует с нарастанием органной мощи.

— Он еще совсем зелененький, а фардеда уже начинает щекотать мембрану. Наступает день, рано или поздно, когда юноше начинают надоедать шаловливые услуги вдовушки-Ладонюшки, и тогда его охватывает отчаянное желание сыграть в «Залезай наверх». Как он ни хорохорится, а писательский зуд завладевает им рано или поздно. Тогда он секет вокруг, чтобы отыскать свежего мясца, молодой волк. Что же он видит? Свою маленькую кухню и подруг мамаша.

Без гонору, он сначала атакует первую. Я помню свою сестренку-любимицу. Мы были одного возраста. По воскресеньям ее старики приходили к нам, или же мы шли к ним. Иветта, так ее звали. Милая девчушка, немного бледноватая, с веснушками на мордочке и уже томным взглядом как музыка Тино Росси (в те времена он был в самой моде).

От серьезного вида этой Иветточки у меня был пар в мозгах. Когда она на тебя смотрит, начинаешь думать, заметила она или нет, что у тебя немытые дрыжки или сомнительный жопец, такой она казалась проницательной, эта крошка. Мы были салажата и друг другу

закатывали порки — что называется. Мы играли в куклы. Она была маман, а я фазэр, и вполне нормально, что мы лепили плюхи, чтоб было, как у взрослых. Пока мы укачивали ее толстощекого кукленка, все катило по масти. Но вот где была ломка, это в час кормежки. Она ему готовила вкусные штучки в маленькой посудке из жести. Само-собой, зародыш не мог грызть, потому что он был целлулоидным. Тогда значит, я принимался хавать микроскопические тарталетки\*, малюсенькие салатики и тонко нарезанные кусочки сала. Клип-клап! В два заглота я-те вам заметывал весь фриштик. Она от этого была вне себя. Она поносила меня на чем свет стоит. Иветточка вопила, что я бесчеловечный людоед, что я не забочусь о своем ребенке. И еще всякое такое, что я уже не помню. Наконец, когда мое достоинство пускало сок, я ее отоваривал пиндюлиной. Она пускала в ход ногти. Приходилось нас разнимать. Родители нам добавляли пучком раakitника. У меня все икры были зеленые. А потом, в какой-то день мы прекратили драться. Эта счастливая инициатива пришла от нее. Во время кормежки она говорит своему короеду: «Пьеро, какой ты нехороший. Посмотри на своего папу, как он хорошо ест. Бери с него пример, Пьеро. Делай как он.» И она стала кормить меня с ложечки. С каждой ложкой она упрашивала этого пупончика, который глядел как придурок на свои чувяки. «Смотри, как папа хорошо кушает, мой маленький. Смотри, как это просто. Еще одну! Сейчас он все доест». Хотите верьте, хотите нет, меня это волновало. Наконец, я уже не мог шамать, и несмотря на крошечность порций, они у меня стали попере- рек горла.

---

\* Небольшие сладкие пироги.

Я держал их во рту. У меня выросла чудовищная жвачка, зловещий флюс. Когда с этим было покончено, Иветта уложила его в пуховую, этого нехорошего малого, который упрямо хотел питаться только святым духом. «Будешь знать, маленький паршивец!» — ругала она его. Все это происходило над конюшней, в сене, которое так хорошо пахло.

«А теперь,— добавила Иветта,— папа и мама будут тоже делать бай-бай. И если ты будешь плакать, получишь по попе, Пьеро». У нее уже тогда было столько материнства, как у настоящей доброй женщины, это в одиннадцать лет! Мы улеглись бок о бок на сено, завернувшись в мешок от картошки, который служил нам простыней по такому обстоятельству. От ее тепла, ее запаха и аромата сена я опьянел. Я обнял ее крепко, как мог, так что она вскрикнула от боли.

«Что ты делаешь, Сандр?» — прошептала она не своим голосом. Сандр это уменьшительно от Александр.

«Играем,— каркнул я.— В папу и маму, чего! Такова жизнь». Я поцеловал ее в сомкнутые губы. Она немного сопротивлялась, совсем чуть-чуть. Это был экстаз, совсем никогда не испытанный, ребята. Наши сердца бились под мешком из-под картошки. Мы уже не подавали признаков жизни. У нас был жар. Нам было хорошо, счастливо, можно сказать. А потом, под нами, в своей конюшне, конь, которого звали Гаврош, как пернул, в полном соответствии со своей привычкой после овса! Сначала мы сделали вид, что ничего не слышали. Но потом мы не выдержали и начали гоготать как два ушибленных. Мы просто не могли себя сдержать. Я готов спорить с кем угодно, если лошадь пернет, он просто ухохочется! Я убрал свои губы, свою руку. Все было кончено. В другие воскресенья

мы робко пытались возобновить эту минуту, вернее, продолжить, но каждый раз мы ждали пердежа Гавроша, и это мешало нам поверить во что-то другое.

Берюрье вытирает что-то влажное в уголках своих глаз.

— Нет, серьезно,— возобновляет Толстый,— кузины в смысле опыта, это не фонтан. С ними всегда слишком много задних мыслей. И потом, они слишком дети, чтобы довести дело до конца. Они только вызывают аппетит, возбуждают его. Появляется желание, жар. Если по-серьезному, я мечтал о своей крестной — я вам уже рассказывал,— а первая взрослая женщина, которой я угостился, это была, как вы знаете, жена мясника. Кроме того, на ком я и хотел сделать свой выбор, так это на М-м Ляфиг, подруге моей матери. Она была в деревне портнихой. Она прошла курсы у сестер и шила свадебные платья, прикиньте. Красивая женщина с расплывчатой улыбкой, пушистыми волосами и глазами, которые как будто все время снимали мерку. Когда она на коленях перед моей матушкой поправляла кайму, у меня уши горели при виде огромной задницы. Когда она нагибалась слишком сильно, юбка задиралась. У меня был идеальный наблюдательный пункт за печкой. Какие ляжки, Мадам! Просто головокружение. Я бы провел всю свою оставшуюся жизнь под ее юбками, такие вот дела! Заныкался бы снизу как в палатке. В тепле. Каждый раз, когда она приходила в дом, я потом несколько дней не мог прийти в себя! А она приходила часто! О! Не только для того, чтобы заниматься маминым гардеробом, конечно, а по дружбе: попить кофе или приносила пирожков, а еще фрикасэ\*, когда резали свинью то у нас, то у них.

---

\* Мясо, нарезанное кусочками, в соусе.

Годами я думал, смогу ли когда-нибудь овладеть ею. Тем более, что мадам Ляфиг была серьезной. Хохотушка, но с достоинством. А муж у нее был здоровый блондин, от бледных глаз которого у меня был понос. С рогами он был способен на все, этот малый! Если бы я насадил его бабенцию, и он об этом узнал, он бы содрал с меня шкуру как кожуру с яблока, этот павиан! Превратил бы в вермишель! Чтобы подобрать меня, даже носилок не понадобилось бы, хватило бы одного пресс-папье. Да, годами я с высунутым языком смотрел на ее круп! Все думал, какие штучки я бы ей сделал, какие попросил бы от нее, а потом еще другие, которые мы бы придумали вместе. Когда она уходила, я устраивал себе неистовые тэт-а-тэт. Это не помогало. Оттого, что я все время думал об этом вхолостую, я стал фаталистом. Когда я подрос, пришлось об этом забыть. Я думал, что этому не бывать никогда, чтобы я и Мадам Ляфиг в пуховой или в соломе! А потом, в какой-то год, мне тогда шел пятнадцатый, была свадьба у дядюшки Фернанда. Это был сводный брат Маман. Такой здоровый повеса, который осеменил половину округа. И вот он почувствовал слабость к одной богатенькой дочке маклера и чуть не расплавился от любви. Так вот они и кончают, спесивцы: кольцо, Мсье мэра и узду на шею. В связи с тем, что это была гран-свадьба, нужно было всем прифрантиться. Мать купила на рынке темный костюм. Моего размера не нашли. Шестнадцатилетка на меня уже не налезала, и я слегка плавал в костюме на восемнадцать лет. Мы все же купили восемнадцатилеточный. Он был подороже, но гордость Мамули восполняла разницу в цене. Она сказала, чтобы я сходил ушить его у М-м Ляфиг. Что М-м Ляфиг не откажет в таком разе переде-



лать мужской костюм, потому что это для мальчика ее лучшей подруги.

Вечером, значит, отправляюсь я к Ляфигам,— продолжает Толстяк для своей внимательной аудитории.— Они жили в другом конце селения на опушке леса. Портниха оказалась забаррикадированной. Мне пришлось долго стучаться и объяснять, что это был я, пока она наконец не решилась отворить. Тогда она объяснила мне, что ее законный был на ужине у молотильщицы и ей было страшно одной в доме ночью. Тем более, что Блэк, их здоровый желтый пес всегда сопровождал своего хозяина.

— Ладно, не беда, натягивай свой костюм! — говорит она мне. Он у меня висел на руке. Я смотрю вокруг себя, где бы можно было разоблачиться.

— Чего же ты ждешь, Сандр? — удивилась она.

И тут она поняла и покраснела.

— Да-да, ты же теперь не мальчик. Иди за мной!

Она открывает дверь своей спальни и оставляет меня.

Я подошел к кровати: ее пуховая, ее красивое стеганое одеяло с вышивкой. Помню, на стене висело черное распятие с веткой самшита, которую всунули за руки Иисуса. А рядышком, в большой раме, родители Ляфиг, бок о бок, с выступающими подбородками, словно щипцы для орехов, потому что, когда им делали портрет, у них не было зубов, а челюсти в деревнях еще не вставляли. Я по-быстрому скидываю свое шмотье. Я боялся, как бы она не вперлась раньше времени. Быстро-быстро я запрыгиваю в портки, чтобы управиться срочным порядком. Я дрожал как холодец на горбу верблюда!

В то время, как я искал ширинку, вот значит входит М-м Ляфиг. Она смотрит на меня и вдруг заливается смехом. Как я ни фехтовал — вассар а не ширинка! Ты прямо как король Дагобер, Сандр,— говорит она, давясь от смеха,— ты же надел штаны задом наперед, паря. И точно. Я не мог застегнуть ширинку, потому что она у меня оказалась на спине, как у Шарпини. Я шарил как пришибленный. Видя, как она надрывается от смеха, я чувствовал дрожь в спинном мозгу, ребята. Надо сказать, поскольку она была у себя дома, на ней была довольно простая блузка, такая легкая, и ржачка расширяла ей буфер, как будто его подкачивали ножным насосом.

— Зачем ты пытаешься застегнуть их, раз уж они задом наперед, Сандр? — наконец возразила она.— Сними и надень как следует, милый ты мой!

Продолжая щебетать, шутки ради, она сделала так, что я упустил свои штаны. Она сразу лишилась дара речи от того, что узрела. Я уже не знал, как унять стихию. Она выпучилась, портниха. Вытаращилась, вся остолбенела, окаменела.

— Да что же это такое, Сандрик? — причитала она, бедняжка, с наперстком на пальце. Глаза у меня что-то бормотали, а коленки ходили ходуном. Мы были два изумленных свидетеля. Мы озирали это колдовское, не зная, что с ним делать. Ничего не приходило на ум, ни ей, ни мне, клянусь! Как будто мы нашли его на дороге и не могли взять в толк, для чего это!

— Да что же это такое, Сандрик! Это ненормально в твоём возрасте! — продолжала М-м Ляфиг.

Я чуть было не разревелся. Она добавила: «Я никогда не видела такого за всю жизнь!»

Мне кажется, эти лестные слова вернули мне чувство приличия.

— Я люблю вас, мам Ляфиг,— выпалил я напропалую.

Она этого не ожидала.

— Ты шутишь!

— Нет, нет,— говорю я ей. И я пошел к ней. Это ее напугало, она попятилась. Она возражала, мол, это невозможно. Она так отступала, что опрокинулась на койку. А наверху, в рамке, два босняка Ляфиг вылупились на меня как ужаленные. У них был препаршивый видок, когда на их глазах какой-то пятнадцатилетний сопляк наставлял рога их сыну! У меня не было опыта, чтобы расстегнуть ей сбрую. В конце концов она сама мне помогла. Она стала покорной. Она выпускала такие вздохи, мол, это безумие. Я тоже был такого мнения, но, честно говоря, что я мог поделать.

Вы можете мне не верить, но когда я влезал на мамину портниху, я думал не о том, что делал, а о том, что заметил у нее раньше, когда она подрубала свои края на коленях посреди нашей кухни. Мне в особенности хотелось ощутить те самые минуты, не те, что она мне дала пережить, а то, что я узрел подпольно, по-пластунски, на полу, в пыли. Странные существа, эти мальчишки. Им всегда что-нибудь надо вообразить в довесок к программе.

Толстяк вытирает игривые воспоминания, которые стекают по его прекрасному лицу соблазнителя.

— Я хочу сказать, лучше всего, если чувствами молодых людей займутся и дадут им хороший старт подружки их мамаш. Поэтому, граждане, может статься, что ваши законные в качестве мамашиных подруг будут лишать невинности ребятишек, которые изнывают в

их секторе. Не ревнуйте; это же милосердие, не больше! Серпом по швартовым, чтобы ку-черявенький вышел в открытое море. Как только молодой человек запрокинул зрелую даму, он себя чувствует сильным. Он освобождается от комплексов и ликует как петух на навозной куче. Жизнь принадлежит ему. Да она будет последней из последних, если оттолкнет щелкопера.

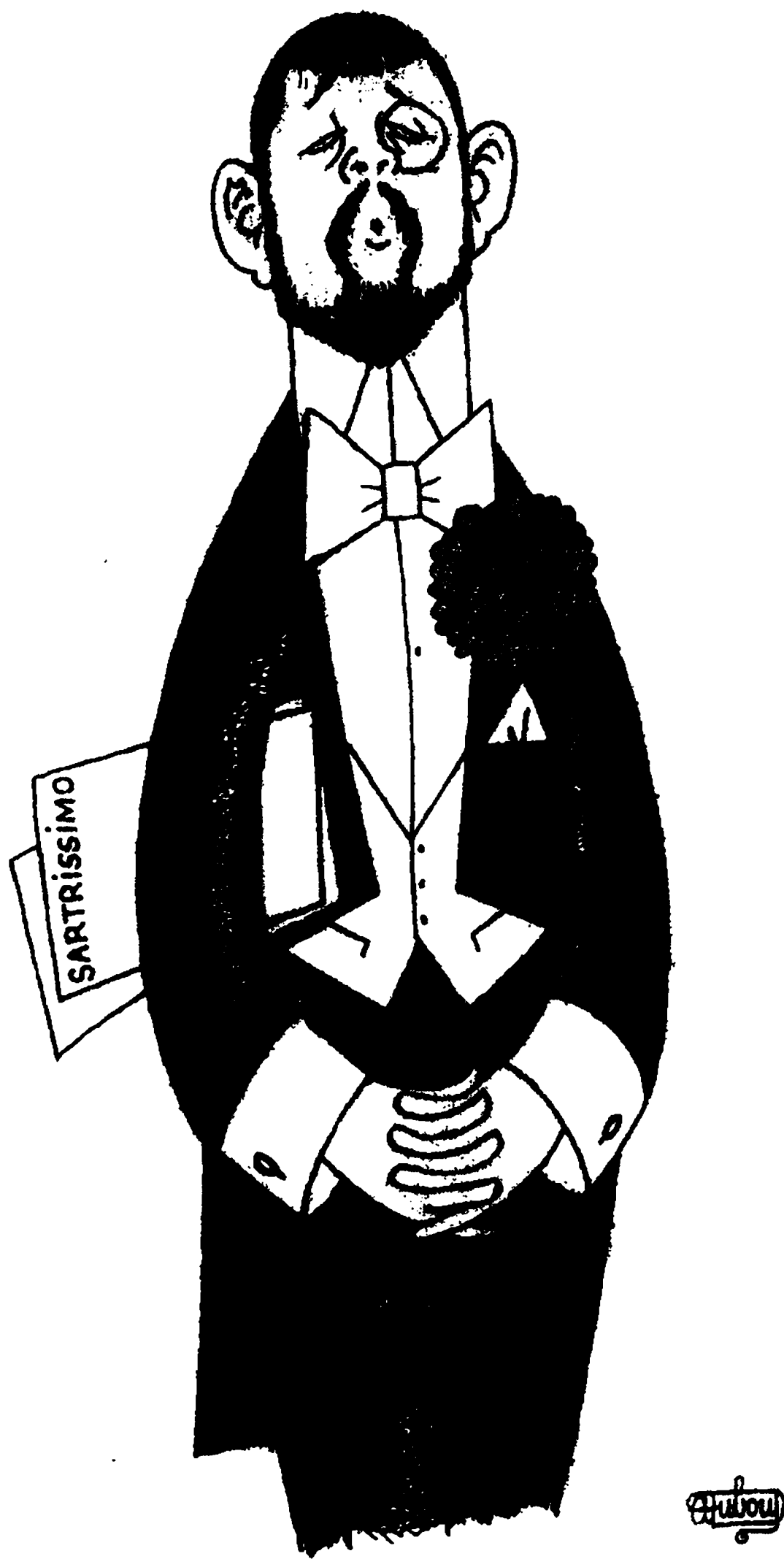
Утвердив таким образом эту изумительную убежденность, Толстый облизывает губы языком, который мог бы вызвать отвращение у выводка крыс из канализации. Затем он продолжает:

— Про любовь у молодых рассказал, теперь сделаем обзор остального. Мальчишка в отношениях со своими стариками, по-моему, должен вести себя так. С матерью ласков и услужлив. Мать, ребята, это священо, и при жизни, и после. Почему столетний, когда он околевает, еще шепчет «мама», а?

Это говорит за себя! Мать, по-моему, саму смерть может сделать терпимой. Она и жизни научит, и расскажет, как надо умирать, потому что, дав жизнь, она же обрекает и на смерть. Если она это делает, значит так надо, доверьтесь ей. А когда придет время ско-вырнуться, вместо того, чтобы сучить ногами, сохраняйте спокойствие и думайте о своей старушке. Вспомните о зимних рассветах, когда она засаживала вам в хлебальник ужасную ложку рыбьего жира! Вам это казалось блевонтином, но это было для вашего же блага.

Он на миг забывается, воспламенившись от какого-то внутреннего жара.

— Я помню, как умирала моя мать,— шепчет он. У нее впервые случился удар, и я отправился в больничку. Я впервые видел ее в таком месте. Она не знала, как это делается,



Молодой член графского сословия.



мамуля, она выглядела как в гостях: ей было неудобно. Когда медсестра ставила ей термометр или давала микстуру, у нее была виноватая улыбка, весь ее вид говорил: «Не сердитесь на меня». Она была похожа на девчушку в растерянности. Когда я зашел в ее палату, у нее было такое выражение, которого я никогда больше не видел ни на чьем лице.

— Я тебя потревожила, мой Сандрик,— пробормотала она.— Не нужно было ехать сюда из Парижа, мне уже лучше.

Я поцеловал ее, не говоря ни слова. Я был ошеломлен. Я не понимал, почему и как я мог бросить ее на целые годы, и только посылал ей открытку на Рождество или по случаю отпуска. Ее скулы блестели как два калифорнийских яблочка.

— Ну, мам, ты и наделала страху,— пробормотал я ей.

— Не говори, Сандрик. Я уж думала, что все.

А я ее спрашиваю из любопытства:

— Как это было?

— Так же, как и у всех,— ответила она, как будто ей уже приходилось умирать, и мне тоже, и вот теперь мы оба знаем, как это бывает.

— Тебе, наверное, было страшно? — говорю я ей.

— О, ничуть! Я думала о тебе и о твоём отце. Я приготовилась... Вообще-то, было приятно.

Берю снимает свою шляпу, кладет ее перед собой словно блюдо с гарниром, которое он собирается потребить. Его голос становится тихим, глаза остаются сухими и лицо спокойным.

— Она умерла через неделю, когда случился другой приступ. Меня там не было. Прознав об этом, я мысленно повторил наш

разговор. Я понял, что в этом блядском мире, ребята, ничего не бывает просто так. Если моя мать провела что-то вроде репетиции перед тем, как умереть, это для того, чтобы меня подбодрить. Чтобы сказать мне перед тем, как уйти в другой мир, не стоит так уж страшиться отдавать концы; все идет хорошо! Теперь я знаю. Вот только, чтобы уразуметь такое, нужно быть хорошим сыном, вы понимаете? Нужно, чтоб сердцем ты чувствовал связь, всегда, всегда...

Он оставляет свое место, идет к окну, открывает его и полной грудью вдыхает свирепый ветер, который хлещет по листьям.

Он смотрит на часы и говорит, не поворачиваясь:

— Время бежит, и я знаю, что у вас вольная. Если вы хотите закругляться с уроком, можете мне сказать.

Никто не откликается. Тогда он поворачивается и смотрит на нас своими большими, полными дождя глазами.

Он закрывает окно, возвращается на свой помост, облакачивается.

— Я вижу, вы хорошо слушаете мою лекцию, ребята. Я рад за вас. Не считая шутки со стулом, вы безупречные ученики.

Он фыркает, надевает свой кивер и продолжает:

— С отцом надо поддерживать дружбу. Нужно стать двумя приятелями. Не думайте, что это зависит от него. Старик сам не знает, как ему быть со своим отпрыском. В своих душевных внутренностях он робеет перед чадом. Он вправе отвесить ему плюху или дать поджопник, да, но он не может пролезть в мысли ребятенка, никогда.

Ласковые слова и любезности, которые он получает от своего шпрота, он не знает, идет это прямой наводкой или это комедия. Сколь-



ко пупсиков заворачивают своему пахану *папочка-папуля*, а сами думают: *старый м...* Сколько их, которые приносят ему трубку или тапочки, а сами мечтают засадить ему по роже салонными часами! Сколько их, которые говорят, что когда вырастут большими, то будут зарабатывать для него много денег, думают *in petto* (как говорят по-латински): «Чтоб тебе красных муравьев полный рот, когда околеешь!»

Молодой человек сам должен идти навстречу своему старику. Когда эпоха ремня и поджопника пройдет, пацан начинает носить длинные брюки и у него появляется пушок над губой, ему надо самому изменить свой взгляд на семейные дела. Нужно, чтобы он доверился своему пахану, чтобы он щебетал ему про свои маленькие тайны, свои проделки, свои удачи и свои переживания. Если он подцепил трипака, он тут же должен поговорить об этом со своим отцом. В связи с тем, что папуля его тоже ловил, тут значит нечего и стыдиться. Теперь про его отношения с братьями и сестрами: прежде всего, избегать зависти, сынки! Даже в семьях, которые вечно на подсосе, всегда найдутся жадные волчата, которые, едва появившись на свет, уже точат зубы на наследство. Они скубутся между собой, чтобы покрошить будущие останки. Есть такие, которые дерутся из-за веника, забывая, что когда настанет час, тот уже будет негодным. Я помню, как это было в нашей деревне, в семье Бобишю, когда окочурились старики. Скандал, с ума сойти! Два дня и две ночи они дрались рядом с телом матери. Во время похорон они нацепили очки от солнца и пластырь на всю карточку. Можно было подумать, что они только что выступили на первенстве Чемпионата Европы по среднему весу и проиграли его. У старшего

нос был как помидор, один лопух оторван, и он сплевывал свои коренные на кладбищенский гравий, тогда как младшенький приказал с костью, которым когда-то пользовался его старик (кое-что таки урвал). Война возобновилась, как только вернулись с кладбища. В конце концов, они все разломали, чтобы совесть была спокойной. Вот это был разгром! Остались одни руины. Ни одной тарелки, ни одной табуретки, ни шкафа, ни коек. Топором все кончили. Настоящие Жан Бары! \* Атиллы! Они сожгли посреди двора все, что могло гореть. Они согнули все железное, разбили все фарфоровое, порвали все матерчатое. Мы их нашли среди пепла и черепков, окровавленных, разодранных, обесилевших, безжизненных, растерзанных. Их обнаружил часовщик. Он принес стенные часы, которые мамаша Бобишю отдала в ремонт, и так она упустила свой последний час! Поскольку у них уже не было сил разнести их на части, они их поделили поровну. Один взял корпус, другой маятник.

Берю натужно сглатывает ватную слюну.

— Я вам скажу, как же все-таки это мерзко. Поэтому надо тщательно оберегать детей от зависти. Многие люди, кого это волнует, думают, что будет правильно, если с самого детства делить поровну пацанам шмотье, жратву и подарки. Система равных долей — вот настоящая опасность. Это приучает их к понятию тебе-половина-и-мне-половина, этих несмысленнейшей. Они начинают мерить, взвешивать, следить за тем, чтобы все действительно было поровну. Отсюда рев, придирки и все такое. Самое лучшее, это давать то одному, то другому, а то и два раза подряд од-

---

\* Жан Бар, франц. корсар. Одержал многочисленные победы над голландцами и англичанами.

ному и тому же, поставить так, чтоб никаких систематических дележек.

Молодой человек имеет право драться со своими братьями и сестрами. Это нормально, и как говорил мой дед: это помогает кровообращению. Но, помните! Он не должен метелить своих сестренок тем же манером, что и братишек. Братья волтузят друг друга кулаками, тогда как сикושек всегда бьют ладонью: оплеухи или затрещины. Ясно?

Мы киваем.

— Отлично, — радуется Его Глубокость. — У молодого человека из двух одно: или он рубит в учебе, или его мозги пробуксовывают. В первом случае нужно его двигать, сколько можно. Для тех, кто на мели, есть стипендии. Во втором случае бесполезно настаивать. Учтивая тесноту в школах, молодого, у которого тыква не варит, лучше направить на труд: пекарь, мальчик-мясник, сантехник, разнорабочий, маляр. В первом случае, малый с образованием рискует сделать вираж к воображаelistому. У него задатки, чтобы стать таким, про которого толкует мой учебник. Он начинает охотиться, теннисует, воднополит, бриджуется, моноложит, пилотирует, гольфит, фортепьянит, рифмуется и даже малюет! Он становится гражданином с положением, будущий наградной, будущий президент. Во втором случае, чувырло, который горбатится, наоборот рискует увязнуть в самоотречении, посредственности, в простейшем. Вывод, нужно поумерить одних и подбодрить других. Башковитым прививать простые вкусы, а работягам амбиции. Ученого нужно отбуксировать в народный спорт, такой, как велосипед, фуцбаль, кэтч или бокс. И наоборот, чалдона, который набивает волдыри на ладонях, надо учить теннису, охоте и отправить в зимний спорт.

Заметьте, идет выравнивание. Тачка, потом служба в армии, и наконец, женитьба. В наши дни дзинь-дзинь на колесах захватил все социальные уровни: и сыновей министра и Сукиных детей; они все мечтают рассекать с ветерком за рулем *Ягуара* тип *Е* или *Феррари*.

Одни угоняют у своего патрона, другие у своих стариков. Первых называют черными кожанками, а других золотой молодежью. У них почти одинаковые гривы, с одной разницей, что вторым ее делают у Дефоссе. У первых в кармане велосипедная цепь, у вторых прес ассигнаций. Первых бьют, тогда как вторым читают мораль. Одних сажают на баланду, других лишают десерта. Первых отлучают от рабочего места, вторых от лица. И все в таком вот духе. От первых убегает пригородный поезд, от других степень бакалавра. Для вторых, правда, дело вроде пошло на лад, ибо в любой приличной лавке диссертации имеются в свободной продаже.

Он делает паузу, поправляет волосы между слоновыми ушами и засаленным краем своего головного убора.

— Я бы не хотел ущемлять курс моего коллеги, который читает сосцеологию<sup>1</sup>, — заявляет Ученый. — И все же вопрос юношеской преступности нужно понимать не совсем так, как это делают на первых полосах газет или в судах.

Он закатывает свой правый рукав адвокатским жестом. Затем подпирает правую руку левой, как будто берет наизготовку ручной пулемет. Нацелив в нас указательный палец, он продолжает:

— Все мы в ментовке, потом в судах, прессе, обществе — все называем их бичом века, этих в кожанках. Каждый день их зло-

---

<sup>1</sup> Вероятно, наш добрый Берю хочет сказать «социологию».

деяния публикуют в слюнявых газетенках. Все возмущаются, один пуще другого. Хотят бить так, чтоб размазать их по кафелю, вышвырнуть в мусоропровод или в уборную, камень на шею и гоп! В канал Сен-Мартен кормить раков, кончить с ними раз и навсегда, чтоб наш мещанский покой был мирным, как толкуют учебники по Праву. Их объявляют проклятыми, этих злых, драчливых хулиганов. Их объявляют холерой, этих холериков. Их объявляют пригодными только для того, чтобы шлепать. Их предлагают сдать на мясо для атомных или анатомных опытов. Выкинуть захватчикам-Китаезам. Отправить к людоедам в Конго, к сямцам, папуасам, коршунам, крысам. На мыло их, как этих бедных евреев в последней мировой. Уже кстати умывают руки перед их бедственным положением. Если их и хотят от чего отвратить во что бы то ни стало, так это от звонков в двери и пальбы из пистолета. В остальном, что же для них делают, кроме того, что дают поджопники и кидают за решетку, я спрашиваю! И отвечаю: ничего!

Неистовый вламывает по кафедре хрящевидным кулаком.

— Ничего! — продолжает он. — Ни хрена! Сколько раз я их мутузил. Это была моя работа. Они рушились так быстро, что не надо было повторять. При первой плюхе они становились самими собой: потерявшиеся и растерявшиеся пацаны. Затем я задавал им вопросы, господа-молодцы-ученики, и тогда стал рассекать в их салатах. Эти пацаны, которых сварганили после войны в лихорадке освобождения, росли в мерзкой атмосфере холодной войны. Все детство они только и слышали: Рускí и Амерлохи, засандолят они себе окончательную трепку, йес или ньет? Вспомните об обещанных бомбах! Малышка! Та, ко-

торая сносит только один город враз; средняя стирает всего лишь две или три области, и совсем большая, которая вам погасит Европу как задувают свечу; речь только об этих мамзелях по имени «А» и «В»! Уже двадцать годков это продолжается. Едва начали говорить, что может и не будет Третьей (из-за Берлина), как тут выплывает Пекин и начинает грозить; он ее обещает. Он не колупается в намеках.

Дайте нам поработать сверхурочно, вопят эти желтушные отцы, еще три грамма тирлимпопо сюда, пару сантилитров дерьмония туда, щепотку хуюмбуюм, чтобы получить кровавую Мэри, и мы ее вам нарочным доставим, пекинскую бомбу, единственную, настоящую, которая шарахнет, так шарахнет по вашим грязным рожам-страдающих-запором-от-шоколада-люкс.

Погодите, господа капиталисты (фальшивые из Америки и настоящие из России), погодите, дорогие, мы вам вылечим ваши сердечные болезни, удобрим ваши поля Вирджинии и Украины! Отремонтируем вам Францию! Отдеголлیم полную, под нулевку, от Дюнкерка до твоего крошкосборника!

Постойте, а Италия: вы увидите, как мы с нее сымем ее сапог! А Фрицы, воинственные крестоносцы, мы их такими ласковыми сделаем, они у нас сразу полюбят и евреев и Панурговых баранов\*. Еще две секунды, и займемся Франко и его фалангами. Елизаветой и ее детками, что на довольствии газеты *Франс-Диманш*. Королевой Юлианой с ее Мсье Лишпом (на четвертом сигнале, куда это он загремит, Консорт!\*\*). Мифическим Бодуэном

---

\* Стадо баранов, бессмысленная толпа (из романа Рабле «Пантагрюэль»).

\*\* В Великобритании, муж царствующей королевы, сам не являющийся монархом.

и его братишкой, который не любитель хлопнуть пробкой! Югосами, красавцем Тито с геринговской рожей и панцирем из медалей. А чудо из Далласа, ранчмэн Джонсон, какой мангал он отведаёт, какое национальное родео! А швейцарики, заныкавшиеся позади своих сейфов, айн момент, Сезам на подходе! Тот, который знает все комбинации Бауша и Фише. Скоро у вас потает шоколад в кальсонах, друзья! Нестле\* вам его дарит!

Берю харкает на шесть шагов, чтобы уберечь от самого страшного, и продолжает, с фиолетовыми пятнами и жестикулируя что есть мочи.

— Заметьте, Китайцев я не осуждаю. От того, что они наступают друг другу на пятки, им хочется расступиться, это надо понимать. Чем больше они делают детей, тем больше теснота, и чем больше теснота, тем больше они делают детей, тыр-пыр настраивает на фриволь, это бардачный круг. Так вот, куда я веду, это к нашим черным кожанкам. С первой соски они только это и слышат. Им обещают неизбежное бедствие. Большой чудовищный пук, который превратит нас в зеленый свет. Сверх-ядовитый гриб! Все, что они имеют в ожидании конца обетованного, это бетонные горы большого ансамбля, слишком большого и слишком он-сам-бля! Тысячи и тысячи окон с харями, которые напоминают мою ж...! Пространства, где тачки растут вместо газона.

Квартиры-крольчатники, где мужички с ночной смены драят баб мужичков с дневной смены, которые в свою очередь все в дыму слезают с перины ночной бригады! Молодой парень чувствует, что его шкуре грозит все это, а свое жилище он видит таким безра-

---

\* Швейц. пищевая монополия.

достным, на что ему еще надеяться, скажите! Что его может отвлечь от этого кубического вакуума, который вот-вот сверзится ему на рожу? Кто наконец даст ему гарантию, что все это только дурной сон, и что скоро пропоют петухи, как когда-то у моего старикана? Кто ему подаст руку? Кто наконец расскажет ему последний анекдот про Мариуса и Оливу, чтобы разрядить обстановку? Его старик, прилипший к соседке или к сраному телеглазу? Его анонимный патрон? Его задроченные товарищи? Публика протестует, мы хотим, чтобы они зацепились за мораль, эти мерзляки холодной войны, эти несчастные отбросы горячей, уже готовые к новой!

Берю идет вразнос! Он огромен, чрезмерен, сказочен, возвышен, несоразмерен! Ему не хватает кислорода, он его качает как может и чем придется. Он расцепляется, он растягивается, он развязывается, он отвязывается. Он считал себя защитником, теперь он гражданский обвинитель.

— Мы хотим из них сделать таких честных, услужливых и всяких прочих! Которые чисто вытирают шкеры об половичок; которые возвращают кабинку лифта, которые дергают за ручку бачка сразу же после пользования, и которые закрывают за собой дубовую в том разе, если Блонт\* не возьмется это сделать за них. Бедные мои яйца! С ума сбеситься! Да его единственный кореш, это быстро за углом. Его единственная безопасность, это та самая велосипедная цепь, которая смазывает ему карман: его единственный идеал, это слямзить тачку, чтобы отдрючить чемпионку по толканию бедра в роще. Его единственное развлечение, это дымная киношка, полная невозму-

---

\* Фирменное наименование приспособления для автоматического закрывания двери.



тимых гангстеров и петард с глушителем. Вы все, здесь присутствующие, уже комиссары, подумайте о том, что я тут толкую, когда ваши лучники вам разложат банду трясущихся сорванцов. Не стоит рубить им голову, достаточно обрезать им волосы покороче. Не надо их рядить в дрогет, надо только снять с них черные кожанки, которые взяты прямо из фильмов с Бранлон Мудо. Нужно учить их жить не в смысле карать, а в том смысле, чтобы уметь жить!

Поскольку образ вызывает энтузиазм, мы аплодируем Толстому, он этого заслуживает. Его речь становится гомерической. Успех придает талантливости, а авторитет решимости.

— Поскольку молодых делают взрослые, — продолжает он, — не будем жаловаться на то, что они у нас слишком турбулентны. Давайте поможем им вместо того, чтобы давить. Давайте подразвлекем их! Давайте доверять им! На окраинах больших городов, через которые я проезжаю, я каждый раз вижу новые крольчатники! Они все растут и растут! Все такие же огромные, холодные, полные скота, и тем не менее, пустые! Мрачные до умопомрачения! Пацанов там клепают как банки с вареньем на витринах. Им говорят: «Будьте спокойными. Забудьтесь. Идите повкалывайте и на боковую!» Вообще, муниципальные власти не скрывают свои игры, потому что они называют это городком-дортуаром! В итоге, официально строят города, где у людей только одно право — дрыхнуть! Автобусы приезжают подобрать стадо, загоняют в хлев, привозят его назад с чувалами под глазами: «Спите, будьте умницами. Постарайтесь не жить до завтра. Оттромбоньте тихосинько бабенку или заглотните бульбенку, чтобы на том и кончить. Собак не заводите! Пацанву — с глаз долой — во двор! Уплатите за квартиру

да за газ, и скорей бы завтра, чтоб снова на работу. Вот такой расклад! И вас удивляет, ребятки, что молодые хотят на это класть, что они курочат шарагу! Вас шокирует, что они льют на постылые стены этих фабрик для спанья? Вас тревожит, что они бьют стекла, малюют на тачках и бульбелят, едва оторвавшись от груди? Меня нет! В комиссариатах только с ними можно потолковать по душам! Менты, по крайней мере, слушают их, вызывают на разговор, говорят с ними! Это становится, так сказать, их настоящей семьей, потому что менты тоже люди! И потому что этого им не хватает больше всего, кожаному молодняку: людей, чтоб было с кем поговорить.

—:—

На этот раз, в шквале оваций, Берю энергичным жестом останавливает наши аплодисменты, после чего его рука падает.

— В каком-то месте,— вздыхает он,— я отвлекся от моей энциклопедии, ребята! Знаете, когда душа загорается, как у меня, Берю, то запускаешь долгоиграющую. Но всегда полезно сказать, о чем думаешь. Это помогает навести ясность.

Так что вернемся к воспитанию молодого человека. Многие, несмотря на то, что я вам рассказал, стесняются и тухнут перед девчонками. Если им какая-нибудь понравилась, они не решаются ни сказать, ни намекнуть. Таким вот, об ком речь, хочу дать несколько советов.

Он очень сильно защемляет верхнюю часть носа большим и указательным, чтобы вызвать вдохновение.

И оно приходит.

— Предположим, — начинает Энциклопедист, — что молодой человек скребет в конторе. Он бледнеет перед миловидной машинисточкой и увязает в своих чувствах. Издали он косит на ее скрещенные ноги в чулках без шва, любуется ее манерой курить и шлепать на своем Ундервуде или заряжаться помадой Поцелуй. Он изнывает оттого, что не может сообщить ей о том, что она засадила ему паяльную лампу в трепыхальник. Вот наш молодой человек теряет аппетит, недоедает свою полуденную лапшу и изнуряет свой метаболизм, как сказал бы мой врач. Как тут быть, чтобы попытать счастье? Вот система. Каждое утро парень приплывает в бюро первым и кладет под чехол машинки букетик фиалок (если будет такое время года) или же чайную розу. Не стоит жертвовать получкой, главное — жест. Девчушка заинтригована, она спрашивает, кто автор этой милой проделки. Влюбленный ни гу-гу; он продолжает. У машинистки все больше зуд. Ну кто же это? Чтобы очаровать крошку, сынки, есть два способа: или заинтриговать или позабавить. Рано или поздно, мисс Ундервуд уже не может. Тогда молодому человеку остается только подкинуть чудовое письмишко, надушенное сиренью, в стиле: *«Это я, Жюльен, который Вас обожает в глубине души и который осмеливается об этом сообщить толечко цветами»*.

Она не в силах бороться, даже если воздыхатель размером с жокея, даже если у него утиный нос или фонари крест-накрест. И снова письменно, потому что наш гонщик, назначая первую свиху, все время норовит дать задний ход: *«Я Вас буду ждать завтра в субботу, начиная с трех часов и до конца жизни в моей Бургундии на бульваре Хайсман. Там самое лучшее в Париже божоле и*

*такие бутерброды с колбасой, что Железная Маска заказал бы себе трубопровод, чтобы дегустировать».*

Всегда надо их щекотать, ребята! Берем их, когда туман рассеется. Ставлю склад галантереи против рваных штанов, что на следующий день ковыряльщица клавиш уже на месте, расфуфыренная в свои тридцать три. Только не будьте психами, не торчите там с двух часов! Только не это! Хитрость заключается в том, чтобы припылить с опозданием на пол-часа, чтобы молодая дева достаточно потомилась в собственном соку. Сразу же, она без ума от радости при вашем появлении. Вы заливаете насчет аварии в метро или затора на дороге. Вы берете ее клешню и шепчете, в то время, как ваш взгляд утопает в вашем сто-парике с божоле:

— Ах, Жермен (если ее зовут Жермен, оф корс), ах, Жермен, теперь только от вас и зависит, помру я от экстаза или от огорчения!

Если б вам еще удалась горестная слезинка, в этот момент, это было бы верхом всего. Пацанка под допингом, вот она принимается ворковать. Вам только остается слушать, она все сделает сама, как ваша супружница, когда вы приходите домой в стельку в три часа ночи. Короче, оружие скромника, это романтизм. Только так он попадет на ее дрыжки в милой роли а ля Жерар Филипп.

— Еще советы,— продолжает Неистоцимый.— Когда вы ее затаскиваете в кино для небольшой партейки лап-лап, не надевайте штанов с замком Молния, во-первых, потому что его слышно в тишине, а потом вы рискуете заклинить в том случае, если обстоятельства потребуют расторопности. Нет ничего надежнее старых добрых пуговиц, которыми пользовались наши старики. На охоте, продолжает Неутомимый,— не пользоваться лесо-

полосой для экспресс-случки. Бывает так, что ты с дамой настороже, и поскольку ничего не выходит, дабы не оставлять вашего красавчика безработным, вы решаетесь сменить мишень. В таких случаях, никогда не увлекайтесь мехом. Это интригует собак, которые принимаются вам играть тяв-тяв под задницу. Какой-нибудь безглазый причешет и залепит вам порцию картечи в днище прежде, чем вы успеете поднять флаг. Молодой зверолов, у которого появляются фантазии, должен заполучить Диану, приперев ее к дереву, но никогда по-горизонтали. Лучше, если вас обнаружат в роли дровосека, который пилит вдоль, чем если вас примут за кролика.

Он пытается плюнуть, но увы: уже ничто не выходит из слизистой, выжженной глаголом.

Голос хрипит, но еще прослушивается и бурлит.

— Я хочу начать главу о студентах; жаль, что я никогда не был в лицеях, один раз только я попал на медицинский факультет, да и то для вскрытия. Правда, у меня есть племянник, которому однажды удалось перейти в шестой класс. Увы, малыш Роже не рубил по-латыни. Поскольку он был певчим в хоре, он выдавал безупречные «Аминь», вот только в лицее, с этими брюзгливыми колдовскими книгами, нафаршированными склонятельствами, заложениями и оперделениями, он терял рычаги, Роро. Настоящая катастрофа! Его старики были недовольны, читали ему мораль и пускали себе кровь, чтобы оплатить ему репетитора. Надо было видеть, как этот ягненок выблеивал несуразные штучки. Он все время долдонил про помаду Роза в своих бреднях. Роза, роза! — бормотал он со слезами на глазах! Я сначала думал, что это было имечко

его подружки, и что он блеял его, чтобы придать жгучего в душевный туман. Роза! Роза! Ничего подобного, это входило в его учебную программу, как мне объяснил его пахан. И мой бедный племянничек давай гундосить во-всю: Роза-в-Риме! (или в Розмарине, я так и не допер, о чем это он, о городе или о запахе). Розис еще, как я помню! Он от него сам становился весь красный!

Предел невезухи, когда он долез по четвертого класса после того, как повторил каждый предыдущий, ему достался такой вредный воспитатель, который его невзлюбил и который устраивал ему дикие кровопускания. Придирки, унижения, задержки после уроков, дополнительные задания, он в него впивался как сотня мандавошек. Роро от этого таял на глазах, подумывал утопиться, обсыкался в кровати!

Хуже того, он даже клал в штаны при виде этой ходячей падали. Клянусь, от моего племянничка тянуло пометом в лице. Родители убивались, но не решались вмешаться. Однажды утром на Рождество я затащил Роже в уголок, в сторонку, и произнес ему такую речь: «Слушай, малыш, ты обязан терпеть своих учителей, но не надзирателей. В следующий раз, когда мсье Скотина тебе закатит бучу, влепи ему дуплетом в рожу...» Надо сказать, он был крепким малым, Роже, здоровый как его дядюшка. На каникулах я ему преподнадал элементы бокса. Он здорово по-розо-в-Римел и говорит:

«Ты смеешься, дядя, я не смогу! Что будет!»

«Будет то, что этот пидор оставит тебя в покое, вот что будет», — говорю я ему.

Значит так, каникулы кончаются. Мальчуган возвращается в лицей. Без осечки, этот

папа-жопа, очертя голову, поддевает его в первую же минуту.

«Эй ты, Берюрье долбанный,— кричит эта вошь, вынь руки из карманов!»

У Роро сразу кровь в лицо. Долбанный Берюрье! Ничего себе! Никогда Берюрье не был долбанным. Малыш вырастает перед носом у Скотины.

«Если я их выну, вы их услышите»,— бросает он ему смело.

Хорошо он ему ответил, а? Надзиратель становится зеленым как бульон из лука.

— Если ты сейчас же не вынешь руки, я тебе влеплю четыре часа после уроков!

Тогда он вспомнил своего дядюшку Александра, бедный зайчик. Мне потом рассказали свидетели и он сам. Он начал с крюка по печени а ля Шарль Умез. А потом было не раз-и-два по лицу, а большая поражающая серия, так что он его послал в нокаут, эту тварь!

Пришлось оттащить его в медпункт, чтобы дать ему там понюхать соли и наложить швы. Потом был большой тарарам, и Роро выкинули из лица. Ну что ж, это было пробуждением для его призвательства. Сорванец стал боксером. Вот сейчас, когда я с вами толкую, он уже вице-экс-чемпион среднего веса Лер-и-Луара, и скоро у него будет бой с Кидом Альфонсом в стиле супер-гала в зале торжеств Ножан-ле-Ротру! Я к чему... Судьба!

Заметьте,— продолжает наш достойный педагог, размотав клубок своих мыслей,— надзиратели это подготовительные курсы, чтобы потом выдержать аджюданов\* во время воинской службы. Вот еще интересная порода, аджюды! Хотя теперь армия без колоний все равно, что лагерь отдыха. Я знал мобилизо-

---

\* Унтер-офицерское звание.

ванных актеров, которые не ладили со своим полковником. Полковника перевели в другую часть, а на его место назначили другого, очень любезного и благосклонного, который любил артистов. Это говорит о превосходности атмосферы. В мое время армия еще не напоминала пансионата Буфемон! Черта с два!

Он делает жете-батман\* над барьером своей памяти и приземляется со смехом.

— Надо открыть скобку, ребята. По-быстрому, так как я чувствую, что у вас зудит в кустах. Представьте себе, что я попал в сене-галошские стрелки. Волонтером. Война кончилась, но мне хотелось посмотреть на передовую. Цеплять медали больше не надо, деды, которые еще оставались на службе, все разметали, хапуги: и аллюр и кресты! Медаль за то, медаль за это на фоне лаврушки в соусе. Во Франции все похождения были расфасованы и упакованы до следующей, как кормушки в январе. Оставалось поошиваться в заморских владениях, чтобы попытать счастье подцепить звание или кое-что другое.

У нас, за все про все можно было только вступить в политическую партию, заделаться Бидотистом или Моллезистом, Торезистом, Плевенистом, На-все-наплевантистом или Голлистом, брать приступом быстро и провозглашать во всеуслышание, что до мозга костей не уважаешь фрицев, что ты боец-подпольщик, слушаешь бобы-беси до боли в лопухах в связи с тем, что ежедневно заливал ушные раковины швабовской трещоткой для глушения. В эти времена генерал еще не проклюнулся от германских кузенов\*\*, а жаль в одном смыс-

---

\* Прыжковое па в классическом балете.

\*\* В связи с тем, что (де) Голль звучит по-франц. так же, как и Галлия (обширный регион, простирающийся на территории современной Франции, Бельгии, Швейцарии и частично Германии), Берюрье усматривает родство. Остается добавить, что в V веке Галлия была завоевана германскими племенами, в т. ч. Франками.



ле, потому что это могло бы сгладить в начале, без кровопроливаний! Если бы Гитлер узнал, что они из одной фэмили, те, что с квадратными бошками и мы с пустыми, тогда бы он действовал по-другому, чтобы нас упаковать. Вместо того, чтобы двинуть через Седан, он рванул бы напрямик через Пролив. Он бы пристегнул великий Альбиош в два счета. Петеном\* стал бы Черчилль, а Гестапо расположилось бы на зимние квартиры в Глаз-Го-лове. Ну а мы бы посмотрели, как кузены работают, потому что все равно с нашей аму-ницией мы разве что из рогаток шмаляли бы, ружья-то были не того калибра! В конце концов, что было, то было! Но вот, придя в себя после большого недоразумения и пукая от нетерпения, я появляюсь у Сенегальцев. Единственный Белый в общей спальне. Я действительно чувствовал себя бледновато. Тем более, что друзья «йа бона банана» кое в чем знали толк. В первую же ночь самые отважные хотели пропустить меня через Мирор\*\*. Дерзкие, разбитные, напористые со страшной силой. Они кормились пикантным, измен-ники! Когда я увидел, как один дядя скользнул к моему боку, чтобы сделать мне трепетно, у меня началась икота. Я приехал из своей деревни полный иллюзий и невинности. О жизни я знал только то, что прочитал в сельском журнале «Рустика», единственном, который у нас читали!

Это полезно для весеннего сева, но никогда там не было рубрик, чтобы объяснить, что из себя представляет стиль педико и как надо обороняться. Я не сразу врубился, чего

---

\* Франц. маршал, глава капитулянтского правительства, затем коллаборационистского режима во время оккупации Франции нем.-фашистскими войсками (1940-44 г. г.)

\*\* Чистящее средство для натирания до блеска металлических изделий

это он хотел, мой влюбленный. Его ласку я принял за дружбу, мне льстило, что я вдохновлял капрала. Ибо он был капрал, Бамбули-Бамбула. Кажется, он умел писать и опережал всех по комнатным играм! Но он не только рисовал крестики. Его рапорта, все равно, что план Пер-Лашеза\*! Когда я вдруг почувствовал его внешние признаки богатства, я понял, что в наших отношениях появляется жесткость. Я струхнул и убежал к аджюдану. Это был здоровый блондин из Эльзаса с кисельным акцентом. Его звали Херкман. Здоровяк без губ, с почти белыми глазами из-за голубизны. Я ему толкую о моем зоключении. «Вот обезьяна!» — кричит он. И давай вопить на всю спальню, что ломает Бамбули. Поломать его в те времена было не дификелт\*\*, Бамбули был не рад. Опустил голову, спустил флаг и все остальное. Он только поднял штаны своей пижамы. Как только все уладилось, Херкман говорит мне: «Мой маленький, не оставайся с этими противными, идем со мной».

Берю польщен! Я следую за моим аджюдангелом-хранителем в его хаверу. Он показывает мне свою пуховую. Ты будешь спать в моей койке, тут тебе нечего бояться. Неплохо начиналась моя воинская служба, согласитесь! Не сказав «уф», я сворачиваюсь клубочком в мыслях о том, хватит ли нам места на двоих ввиду того, что в вопросе габарита у нас обоих было телосложение не дохлое. Залегая в зону, он гасит светило, и тут я допираю, в чем весь ужас моего положения: он тоже был из этих, аджюдан. Романтичный, деликатный. «Называй меня моя девочка», — шелестит он мне в темноте. Ко мне! Ко мне, Берю:

---

\* Главное кладбище в Париже.

\*\* Сложно (англ.)

моя девочка! Тут же я встаю, зажигаю свет и объявляю ему, что мне с ним не по кайфу играть *«Маркизу ангелов»*!

С достоинством я возвращаюсь в свою спальню. На следующий день шел дождь.

Мой Херкман с мрачным видом вызывает меня во двор.

«Ложись!» — орет он, показывая на грязь.

«Так я же запачкаю мой красивый костюм», — протестую я.

«Десять суток! И ложись!» — надсаживается аджюданточка. Пришлось подчиниться. Это продолжалось часами. Я был в глине до макушки, глина была в волосах, ушах, ноздрях, во рту, в дуплах зубов! Мне иногда кажется, что после этого их у меня не стало! На следующий день он заставил меня повторить, и на следующий следующего тоже... Это была настоящая Голгофа! Бедственное бедствие! Я подумывал о дезертирстве. Наконец, я обратился к командующему, и так как он кумекал в жизни и не любил волшебное пятнышко, он перевел меня в другую часть.

Берю покашливает.

— Так, — продолжает Лектор, — возвращаюсь я на гражданку, становлюсь ментом; потом женюсь, проходит время. Однажды вечером, а я тогда был в «Мондэн»\*, оперируем мы десант в одну вшивую гостиницу в районе Золотая капля. И кого же я значит застукиваю при всех делах с одним мореманом? Моего бывшего аджюдана. Тысяча костей! Я аж задрожал от радости. Я его загребаю. Он меня не узнает, поскольку я несколько раздался. И вот мы тэт-а-тэт в моем кабинете.

«О, Херкман! — выдыхаю я, — что, если ты будешь называть меня моя девочка...»

---

\* Полиция по борьбе с наркотиками.

Берюрье массирует свои ретроспективно побаливающие фаланги. «Какая фиеста, ребята,— мечтательно говорит он.— Какая фиеста, можно сказать, самая чудовая за всю мою карьеру!»

Затем, прогоняя свои шумные воспоминания, он подытоживает.

— Знаете, вообще молодых людей нужно предостерегать против педалистов. Отсталые папаши их пугают опасностью подзалета, тогда как венецианские болезни в наше время вылечиваются одним стопариком пенис-целина. Их надо не от баб, а от мужиков беречь. Иначе они попадают впросак и дают себя ставить на старт прежде, чем усекут. Конечно, если он хочет сделать карьеру в кино или в шитье, это помогает. В антиквариате и парикмахерстве аналогично, но кроме этих четырех отраслей, про которые я толкую, тренироваться в вазелине, поверьте, это не капиталовложение для отца семейства!

—:—

Торжественный умолкает, меха слиплись.

— Перервом? — спрашивает он,— я сегодня кручу долгую, потому что тема решающая. Мы реагируем, трясая головами. Некоторые поглядывают на котлы.

Я беру ответственность на себя.

— Мсье преподаватель,— обращаюсь я,— кто спешит, пусть мотает, а другие остаются.

— Жо кей! — отвечает преподаватель хороших манер.

Один парниша, у которого кенгуру трепещет вот уже некоторое время, встает, несколько стесняясь, и бормочет, что у него randevu с дантистом. Берю провожает его взглядом, илистым словно линь.

— Вот-вот, иди поставь коронку на мольяр, малыш,— говорит он ему. Только потом твой укупоренный зуб не поможет тебе воспитать твоих мальчишек.

Однокашник                      улепetyивает                      под  
улюлюканье.

— Продавить себе днище, а в ответ услышать про какого-то дантиста,— вздыхает он,— такое отбивает охоту преподавать!

Но самоотверженность приходит быстро!

— Нужно поговорить еще малость о том, как молодые люди хавают. Я заметил, что в наше время молодой человек питается плохо. Он считает еду второстепенной, почти что лишней. Он рубает, что попадется и где попадется. В смысле нравов, такое пренебрежение это просто беда. Это толкает стряпчего к халтуре. Биточки, как вашему Трезору! Тертая морковка, рубленое мясо, йогурт — вот меню современного юноши! Клянусь! Или же для снобов сэндвич-клуб: одним словом, мусорник в виде бутерброда! Чего только в нем не найдешь: кусочки томата, крошки цыплова... как будто все это уже кто-то шнявкал. Нет уж, мерси! Банкротство пищи, это драма, ибо в конце концов, кроме спасительного голлизма, чем еще может похвастать француз? Ситроеном 2 лошадки, Малым Ляруссом и кухней, не так ли? Вы видите еще что-нибудь? Теперешнему молодому человеку лопать видите ли стыдно. Ганди! Он способен только на то, чтобы заглотнуть обед-пилюлю! Или даже обед-суппозиторий! Толчок пальцем в зад, и вот он уже калорифé на полную, пузо набито, витамин на месте!

У Толстяка от этого колыхания в бачке. Его брюхо дрожит словно вода от порыва ветра.

— Когда я был короедом, моя учительница говорила «нужно есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть». Только вот, когда мы

нарисовывались в половине второго после первой смены, в школьном дворе разносился запах говядинки с петрушкой, или же жаркого, или рагу из зайца а ля гран-маман. Эта лапочка не занималась ни куренком в гормонах, ни колбасным изделием в целлофане. Она томила деликатесное, солидное. Я вспоминаю ее соте козленка в белом вине, запах которого два дня наполнял класс, и от которого я напустил слюней полную тетрадку.

Даже наш кюре с кафедры давал нам рецепты кулинарии. Вспомните доброго Иоанна XXIII, с таким пузцом словно кузов Мазерати; можно подумать, что он папскую корону под сутану заныкал! Это же к нему не от Святого Духа пришла такая мозоль. Святой Дух, с доказательством от противного, такое делает только дамам. *Вумен онли!* Так что, я утверждаю, что учить детишек есть это основа воспитания. Тот, кто любит и умеет подзаправиться, никогда не бывает пакостным. Стол делает добрым. Он облагораживает душу.

Толстый медленно проводит языком для запечатывания огромных конвертов из крафт-бумаги по прожорливой пасти, беспорядочно сметая чудовищную сарабанду изысканных и обильных блюд. Он олицетворяет живую статую солидной пищи; ее жаркий результат, ее гордый побочный продукт.

— Ведь благодаря жратве я женился, — признается он. — Когда я познакомился с Бертой, то есть, с М-м Берюрье, я жил в Исси-ле-Мулино, где у меня был холостяцкий угол. Я тогда был блюстителем порядка. Берти была официанткой в одном ресторанчике неподалеку от мэрии.

Его Величество изображает снисходительную гримасу.

— Все это между нами, оф корс, — шепчет Сконфуженный. — Теперь, когда я имею мне-

ние об улице, и сейчас я уже старший инспектор, почти и, возможно, будущий комиссар, не будем об этом. Стендинг состоит еще и в том, чтобы забыть про скверные начинания или же говорить об этом как о хорошей хохме. Моя гражданочка не любит, чтобы я вспоминал ее пре-ценденты.

Он закатывает бельма.

— Это все же надо было видеть, каким манером она-те вам подавала закусон ассорти, свиные ребра в спагетти, сливки опрокинутые и графинчики со свинишком Кот дю Рон!

Настоящая маленькая фея-волшебница. Она тащила четыре гарнированных тарелки враз на одной руке, округлив локоть, чтобы сделать подставку. Она шла от стола, к столу, разгружаясь направо, налево, не обращая внимания на лап-лап и не роняя блюд. И к тому же, всегда готово словечко для смеха. Живость ума в этом ремесле, это очень важно. Предположим, клиент роняет вилку; Берта не относится к лицемерам в смысле: «Не-беспокойтесь-я-вам-ее-заменю!» Нет! Она ее поднимала, вытирала краешком своего плутоватого передника и выдавала запросто тому самому: «Раз уж я вам ее же и принесу, не стоит ходить-бродить с ней на кухню!» Такие шуточки разряжали клиентуру. А еще предположим, что какой-нибудь бузотер начинает хрипеть, что, мол, зеленый горошек кислый, моя Берти, очень даже двести вольт, отвечает: «А чего же вы его не засунете себе в задницу, если он не годится для вашего клюва, монсеньор?» Зал ухекивался по-черному, и брюзга хавал свою кислятину не пикнув. Вы видите? Она мне очень нравилась, эта девчушка. Сейчас она немного раздалась, теперь она даже в Брид-ле-Бэнах, чтобы смахнуть несколько килограмм; но во времена, насчет предмета которых идет вопрос, Берти была малышкой с

кузовом гран-люкс, все дела на месте, барабанные тормоза, телескопическая вилка и кемпинг-мешки, хорошо пригнанные к багажнику. В общем, подарочек! Жаль, что она косила в сторону одного усатого овернца, папаши Ипполита. Его старая взяла на таран автобус с 20-ой линии, прямо на буфер, однажды утром, когда она арканила прохожих в районе Сен-Лаго. Как раз на выползе с Римского двора, около ограды. С тех пор он, не переставая, волочился за юбками Берты. Такой тендер, как у мадам моей жены, автоматически вызывает чувства, включает целую панораму миражей в сознании мужичка, потерявшего оглобли.

Берта не из скромниц, но она не собиралась стать подстилкой для Полита. А ведь у нее в руках уже было состояние из лапши и сыра бри в том случае, если бы она преуспела в маневре. Да она бы в момент загнала его в мэрию, усатого, тем более, что это было в двух шагах! И *Ресторан Корешей* стал бы ее со всеми потрохами, каково! Только у Берти было честолюбие, она чувствовала, что высокое предназначение зрело в ее ожидании на жизненном повороте. Все, что она позволяла Ипполиту, это небольшой простенький лапушет перед морнинговой мойкой, опять же, чтобы привести его в ажур, дорогушу! Целомудрие не мешает взаимопониманию. С первой наводки перископа я просек, что это был сюжет для нашего брата, мисс Берта. Странность жизни, если кто-то входит в вашу, вы их узнаете с ходу. Как будто это какой-то сорт разновидности воспоминания о будущем, понимаете? А я тогда был рысакom со своей шикарной ментовской униформой, блестящими пуговицами и белым баклажаном, пристегнутым сбоку. Я и сейчас неплох, но восемнадцать лет назад я был неотразим. Биксы



пятились на моем проходе, и я наблюдал крутые столпотворения недалеко от Бастилии, когда регулировал движение в районе Ришар-Ленуар. Озорницы давили на тормоза, заметив мой бархатный взгляд и казачью осанку.

Были и такие ушлые, что нарочно штрафовались, чтобы потолковать со мной и понюхать мою робу. Это, чтобы обрисовать вам, как у моей Берты, да и у ее подруг появились весенние волнения, когда она меня увидела в день моего приземления в *Ресторане Корешей* в парадной ментовской форме, с усами, нафабренными для маневра с засосом в потемках. Из-за своей униформы я не мог себе позволить лапек на валторну, как другие клиенты, и был вынужден удариться в мадригал; вот это и спасло мою ставку. Эта славная официанточка увидела во мне светскость заорбитальную. То есть, вот вам еще одно доказательство, что хорошие манеры, это фундамент счастья. Я с ней чирикал плутова́то, тонко. Вроде: «Самое лучшее, что есть в моем телячьем рагу, мой пупсик, это ваш пальчик, который вы окунули в соус». В общем, бархат! Ласковое, которое вызывает дрожь. Посреди своей клиентуры таксеров и мелкой шатии-братии она почувствовала парня из элиты, в момент. Такие вещи не обманывают. Мы выяснили отношения однажды вечером, когда одна моя пуговица умыкнулась в минуту оплаты. У меня всегда было несчастье с пуговицами. В те времена, когда я жил один, пришивать их, это был спорт. Напрасно я брал английские иголки из-за их широкого ушка, чтобы вдеть в них, это была большая партия в бильбокé\*! И потом, по одиночному пришиванию я не чемпион. Я шил слишком

---

\* Игра, в которой привязанный к палочке шарик подбрасывают и ловят на острие.

плотно. Пуговица прилипала словно гайка, от этого страдала петлица. Все это я рассказал Берте. «Послушайте, мсье агент,— говорит она мне,— завтра после обеда я свободна; приходите на чай и приносите все ваши убытки, я вам отремонтирую; одинокий человек, такое нам известно.»

Она проживала в конце улицы Братьев Карлов-Марксов над рыбной лавкой. В ее жилище стоял устойчивый запашок, особенно летом, когда едва высадившись из рыбного поезда\*, хек уже ни в чем себе не отказывал. Ее чаек, это были четыре свиных колбаски с белым вином, которые она отряхнула из кладовой Ипполита. Настоящие лионские, пухлые и сочные, с шероховатостью под шкуркой и трещинами, которые пускали светло-желтый сок. Пока они томились, Берта мне объяснила, что ее слабостью была вкусная и здоровая пища. Она глубоко презирала повара этого усатого, старого грязного выпивоху, у которого спагетти годились только для расклейки афиш, и который саботировал жареное мясо на рашпере. Единственное, на что было способно это ископаемое, это гнуть вола. Крем-карамель тоже, иногда, если он соизволит пренебречь фланом\*\* в целлофане.

Берюрье набожно складывает руки.

— Самые лучшие колбаски за всю мою жизнь, ребята, это в тот день! Такое впечатление, что ты ел от самого Боженьки!

—:—

Он шмыгает своей эмоцией и завладевает энциклопедией, потерявшей всяческое уважение.

---

\* Поезд, доставляющий живую рыбу в Париж.

\*\* Сорт фруктового крема.



Простолудин, строящий из себя графа.



— Прежде чем продолжить вам про личный опыт, нужно снова погрузиться в классику. Они об этом говорят долго как Бордо-Париж, вот тут, насчет того, что окружает женитьбу, что ей предшествует, о помолвке, как просить руки и всякий прочий бигнз. Для начала они подчеркивают, что девицы с самого раннего возраста только и мечтают, чтоб окольцеваться. Распутные или чистые до паутины в одном месте — самое ужасное для девы, это остаться Святой Катрин. Поэтому, нужно остерегаться ловушек для мужей, которые они вам подкладывают на тропе своего целомудрия.

Потрясая своей Библией, Берю ликует:

— Я проработал этот вопрос в учебнике. Короче, вот как они преподносят, мои ученые по реверансам. Как только молодой человек засек мышку по своей части, окрутил ее своими усишками-соблазнительями и завернул длинный комплимент с пневматическими вздохами, он решается прощупать почву насчет женитьбы. В те времена надо было проводить расследование насчет фэмили пацанки, не заползли ли случаем шараносики\* в ее родословную, не припрятал ли папа одно поносное дельце в стиле банкротства, и не отматывает ли старший братец маленькую ошибку юности в школе жизни во Френах\*\*. И вот значит отправляют дружка молодого человека к мамзели. Специальный посланник одевался в торжественное, сюртук и шляпец как у кудесника. Он обращался к папуле елейно: «Мой корешок такой-то, который неравнодушен к мамзель вашей девице, поручил мне прозондировать насчет ваших сантиментов, чтобы избежать риска сверзить шнобель

---

\* Пансион де Шарантон, распространенное название дома для душевнобольных.

\*\* Название тюрьмы.

об вашу дубовую, барон...» Или что-нибудь в этом духе. Старый скреб бороду (а в те времена многие отращивали себе бородку) и отвечал, что он был польщен, но ему нужно сообщить об этом своей родне. Как бы не так! Он себе резервировал контр-расследование. Он хотел разузнать побольше о Ромео, убедиться, что месье Ухажер не является сыном-отцом, что он не просаживает в казино и не истопник своей жизни. Так, предположим, что согласно расследованию, у претендента белизна Персиль, тогда тесть и посланник организовывали встречу двух семей на этот раз на нейтральной территории, чтобы взаимно поглазеть на рожи, которыми их наградила природа. Обычно это происходило в каком-нибудь музее или в городском саду, или же на выходе с обедни. Сталкиваясь нос к носу, заливали насчет сюрприза. Следовали представления с восклицательными знаками. «Как велика-таки случайность! Мадмуазель Матильда, и вы здесь! И ваши старики! Позвольте, я вам представлю папá-маман...»

И девчушка отвечала с ходу, сдвинув ноги в прыжке: «Действительно, какой отпад! А я только-только об вас беседовала со своей маманей, не далее, как сей секунд! Вот это терапия, мсье Пьеро!»

Старые жали друг другу клешни, вылуپясь друг на друга в упор. Прочирикав пару-другую о погоде, почем нынче редиска, какого цвета белая лошадь Генриха IV, они по-быстрому срывались, чтобы почесать зубы насчет первых впечатлений. «Ты думаешь, что ее пелерина из настоящей норки, а Маман?» Или: «Отец вроде серьезный, но мать с ее губной помадой, ее явно заносит в легкое! Ей богу, она себя принимает за Сахару Бернар...» И вот каждая группа начинает подрывную работу. «Что это за орден был у папаши?

Какой-то иностранный, или это он сам сварганил?...» «Малышка мила, но ты уверен, Гастон, что ее братишку не коротнуло по колбе? Ты не заметил, как он шагал коленками вовнутрь?...» «Чего это ради М-м Мишю носит шмотки на манер стульщицы, чтобы прикинуться серьезной или вызвать жалость?...» «Ты что-то нам не сказал, что ее отец хромотает... Надо бы навести справки, Эрнест, может, это врожденное», ну и в таком роде.

Но все же, худо-бедно, дела ладились. Отец будущего жениха облачался на манер милорда и отправлялся официально просить руки в белых перчатках и со свежим дыханием. «Вы нам ее отдаете или нет, вашу крошку?»

Самое трудное, это браки по расчету, которые старики пытались состряпать между собой. Во все времена свах было кишмя. Раньше это был социальный бич. Я помню, как одного моего кузена хотели женить. Это был сын оптового торговца скобяным товаром. Его звали Анатоль. Он был не из желчных. Женитьбе он предпочитал мальчишники. Если он хотел испытать душевный интим, он направлялся в *Сфинкс*, что в нашей округе, или в *Антинеа*, очень даже шиковое заведение, в котором всех пансионеров пропускали через спирт 90° каждое утро. Но поскольку Анатоль набирал годков, ему пора было пристроиться. Ему было лень искать. Одна старая святоша из местечка устроила это дельце, М-м Лясуйносс, жена нотариуса. Персона патентованная: седые волосы, бархатная ленточка на зобу, лорнет и черный шарфик.

В ее досье как раз была одна дочь генерала. По ее мнению, это как раз был масштаб Анатоля. Чертовски хорошо воспитанная монахинями, и к тому же она говорила на двух языках, имела чинное приданое, плюс на-

дежды со всех сторон. Не так чтоб уж очень смазливая, но зато класс — с ума спятить. Карточка прилагается: не Грета Карго, но делать короедов и орать на горничную могла сгодиться. Мой Анатоль говорит ва-банк, и ему устраивают встречу.

Толстяк ерзает на стуле.

— Кузену пошел тридцать первый. Можно сказать, Наполеон с отражателем! Вот он у нотариуса, где, как по волшебству, генерал Гандош со своим маленьким чудищем уже были на позиции. Следуют представления! Он чуть не блеванул на ковер, Натоль, когда увидел, какой подарочек ему заготовили.

На фото Терезиту (ее старики ездили в свадебное путешествие в Испанию) щелкнули в три четверти так удачно, что не видно было, что у нее один глаз вывернут. И поскольку на портрете она была показана до пояса, то не было видно, что она перемещалась на костылях, потому что волочила одну ходулю, которая была короче на двадцать сантиметров. И ее горба не было видно, так же, как и здоровенной бородавки на подбородке и шишки на лбу, огромного зуба, родимого пятна на другой щеке и экземы на клешнях. Бедный Анатоль, его больше всего тошнило от экземы. В тот момент, когда ей говорили бонжур, с нее сыпалось дождем, как будто встряхивали скатерть после пикника. После угощения, вот значит генерал Гандош цепляет Анатоля, чтобы изобразить объятия размером с оконный проем. «Мой юный друг,— атакует генерал,— значит, наша дорогая хозяйюшка сообщила мне о чувствах, по вопросу в случае чего вы имеете к моей дочери. Я должен вам сказать, что я вас нахожу, черт меня раздери, весьма симпатичным малым, и я готов обсудить этот вопрос с вами и нашим другом нотариусом».



Мой Анато́ль блекотал довольно паскудно, уверяю вас! Он уже представлял себе, как конвоирует свою фею Карабосс\* в ро́щу с маленькой лопатой в руке, чтобы закопать свой горб в минуту отчаяния. Он глазел на свою красотку издали и представлял, что Гандоши зачали это существо во время железнодорожной катастрофы или эпидемии бубонной чумы. «Я нахожу, что я несколько молод для женитьбы», — бормочет он. «Увольте, веселится генерал, — мордоворот в тридцать восемь лет! Наоборот, самое время». «Мне предстоит долгое путешествие в жаркие страны», — находится Натоль. «Моя дочь будет счастлива, она без ума от тепла». «У меня любовница-тиран», — придумывает кузен. «Я с ней поговорю», — утешает генерал. «Она свирепая, — давится Анато́ль, — она убьет вашу дочь». В глубине души, это было его тайной мечтой, генерала, убийство своего мерзкого отпрыска. Уже давно ему обрыдло кормить ее в клюв, своего совенка. «Да полноте, полноте, вы прибавляете, молодой человек! Вы прибавляете!» Мой Анато́ль, скорее он убывал на глазах. Град величиной с мой палец стекал ему на мурло. И тогда он решил попытать невозможное, он начал признаваться во всем, пачками, вертеть вола сверх меры, каяться в сокрытии воображаемых бутузов, запущенных трипаках, постыдных неделикатностях. Послушать его, так он поставил пломбу всем девушкам кантона, опробовал всех шлюх (тут он говорил правду), он выписывал чеки без обеспечения, он отвесил плюху священнику, он писал анонимки, он поджег свой детский садик. Он выдумывал невообразимые грехи, Натоль, никем еще не слышанные пороки, омерзительные мании, тошнотворные

---

\* Баба-Яга (франц.)

ужасы... Но сколько он ни выгружал самосвалами свои нечистоты, генерал намертво впился в свои позиции. Он геройски выдержал Верден, Марн, Шмен де Дам и весь крестовый променад 14-18 годов. Школу жизни он не заочно кончал. Он умел драться, чертяка. Он прощал все, он обещал большое искупление, спасение через Терезиту. Если ему поверить, его дочечка, это филиал Лурда по части чудес. Пусть только Анатолий на ней женится, на этой славной девчущке, и не успеет он оглянуться, как станет святым! В конце концов, видя, что всех этих поступков было недостаточно, кузен пустился во все тяжкие по своей семье. Его бравый старикан, который на самом деле никогда не мочил ус в вине, был закорневелым алкоголиком, его славная матушка, ректально он ее преобразил в прафуру, бабушка, по его словам, занималась любовью с сен-бернаром, а дедушка, сволочь, был дезертиром и шпионом во время Семилетней войны. Седан\*, это было по его вине. Базен за него расплатился, но истинным виновником был дедок Анатоля. Вот это в конце концов и задело оба погона генерала Гандоша. Он почувствовал, что пахнет большим скандалом и уже не настаивал.

Толстос переводит дух. Он вынужден сплюнуть себе в рот, чтобы увлажнить его. Он ватный до абсолютной иссушенности. Небо опалено как сосняк после пожара. Невероятно, но он продолжает в силу своего упорства.

— Никогда не вляпывайте ваших мальцов в браки по расчету, это нерасчетливо.

Затем, оглядывая свое руководство:

---

\* 2 сент. 1870 г. армия Наполеона III была разбита пруссаками под Седаном, тогда как она должна была выступить на помощь армии Базена.

— Как только согласие получено, парнишка может нарисоваться в атом<sup>1</sup>.

И он читает энциклопедию в самом что ни на есть сыром виде:

*Начиная с этого дня, жениху следует ежедневно навещать свою невесту. Мать должна присутствовать при этих визитах; она направляет разговор, приобщается к планам на будущее, и в эти благословенные минуты родственной близости она может излить на алтарь сокровищницу своего опыта и своей нежности.*

— Вот тут,— объявляет с важностью Его Величество,— я кричу вам «атас». Чтобы ма-зер присутствовала, это безумие, ибо из двух одно: или это зануда, и жених дает деру через аварийный выход, или это приятная женщина, и у него появляется желание отфаршировать ее в порядке генеральной репетиции. Сокровища ее опыта, прикиньте, он только этого и желает, жених, особенно если маленькая фея относится к разряду белых гусынь. Я вижу, что я шокирую,— прерывает Неистовый.— Просто я знаю жизнь, мои красавчики. Война чувств, я ее прошел! Тещи, которые жалуют себя правом на яйца зятя, такие встречаются пачками!

Но довольно об этом. То, что знаменует обручение, это кольцо. Организуют не хилый фриштик у мадмуазели, и вот наперсник вытаскивает долгожданный футляр из штанов. По учебнику, нужно, чтобы он манипулировал незаметно, без показух, как они тут проповедуют. По их мнению, он должен вручить украшение украдкой. Опять же не согласен! Категорически. Уже хватит всего этого лицемерия! Потому что этот стол накрыли только

---

<sup>1</sup> Берю очевидно имеет ввиду *at home*, т. е. в дом (англ.)

из-за кольца, так какой же смысл дарить его за дверью нужника, а? Мужики квасят себе молоки, чтобы купить подлинный камень, и еще нужно, чтобы они его засунули в ручонку дражайшей, протягивая как суют двадцать су в кепарь бродяги? Чушь! Я вам подброшу подсказку-класс; тут уж придется цеплять вагон с моим личным опытом. Как я вам сказал выше, между моей Бертой и мной сразу же произошла большая любовь. Уже один ее колбасный выход на первой интимной встрече меня потряс. Столько деликатности, тут не могло быть обмана. Такая жемчужина, нужно было поспешить увести ее у Ипполита, жениться на ней, не дав ей даже вздохнуть, и определить ее в свое хозяйство. Она тут же дала согласие: но вот где была заминка, это с ее семьей. Ее мать, бывшая консержка, скопила немного денег на лотерею, и это позволило ей купить себе сборную клетушку в районе Жювизи. С тех пор она выпендривалась. И ее немощная сестра тоже выпендривалась в Нантерре, в жалкой клетушке своего мужа, вонючем свинарнике, покрытом гофрированной жестью. Как только у бедных людей появляется какая-нибудь собственность, их компас становится волчком. Им в голову бьет желание обладать. «Как? — вскрикнула мать Берты, — замуж за уличного полицейского, девочка твоего воспитания и вообще, это безумство! Он тебе даже приличного кольца обручального подарить не сможет!» Друзья мои! Чего только она там не наплела. Это мне раздражило самолюбие, понимаете? Я загнал все, что можно загнать в моем доме, снес папины часы в лавку (те, что с заводным механизмом), и с энной суммой я значит вваливаюсь в магазин Картье по улице де ля Пэ. Вот значит один стручок одетый в черное с целлулоидным воротничком-стойкой

подходит ко мне. «Что угодно, мсье?» Он оглядел меня поглубже. Я, наверное, имел не очень внушительный вид со своим коричневым вязаным шерстяным кашне и прикидом с базара дю Тампль.

Я даже не знал, сколько в точности денег я принес, но он знал. Мое состояннйце он читал сквозь мои замызганные шмотки как на афише Лоншан.

«Обручальное кольцо», — бормочу я голосом умирающего.

Он сделал знак группе месье, которые беседовали в салоне. Один молодой, хорошо одетый, любезный, подходит. «Обручальное кольцо», — объявил человек в черном, показывая на меня, голосом, как будто хотел сказать: «Здравствуй ж... Новый Год!» Любезный малый продолжал оставаться любезным несмотря на то, что он замечал во весь аллюр, что я не был Рокфеллером, ни даже внучатым племянником его шофера.

«Вы желаете что-нибудь приличное?» — спрашивает угодник.

«Самое шикарное, что у вас есть», — отвечаю я.

И вот он пилотирует меня в салон, усаживает в кожаное кресло и спрашивает, сколько я рассчитываю отстегнуть на это безумие.

«Четыре тысячи франков», — сознался я, как в лужу пернул. Как он ни старался, он не смог удержать улыбку, эта сумма его сразила. Тем более, по тем временам это были еще старые франки.

«Но Месье, — бормочет он, — вы должно быть ошиблись...»

Поскольку ваш Берю всегда имеет кое-что в запасе, мне приходит идея.

«Послушайте, — говорю я запросто, — чем вы располагаете на такую сумму?»

Это создало ему дьявольскую дилемму. Он пошел посоветоваться со своим небольшим трестом. Это был тайный совет в верхах. Если бы я был Магараджа Бабокуйма, который приехал купить крупный брильянт величиной с мой дела, это им доставило бы меньше хлопот, этим господам. Они могли бы меня выставить как грязного побирушку. Они этого не сделали. Картье, это серьезное заведение. У них там продавцов муштруют больше, чем солдат морской пехоты, чтобы они сохраняли спокойствие в любых обстоятельствах. Может быть, моя рожа им приглянулась? Как бы там ни было, они все бросились искать для меня что-нибудь на четыре билета. Они перерыли все ящики, обследовали все футляры, ползали на четвереньках перед нижними полками, они перетряхнули весь дом, чтобы наконец сказать тем, кто был за кулисами, чтобы хорошенько посмотрели в закоулках сейфа, не отыщется ли там случайно какая-нибудь безделушка, которая не превышала бы мой капитал. Целых полтора часа длилась эта боевая тревога среди струящихся рек с миллионами: часы с брильянтами, феерические кольца, оравы крупных солитеров, переполненных каратами. Они вошли в азарт, все. Эта была псовая охота. Из-за собачьей жизни, если я могу себе позволить шутку мимоходом. Наконец, выдохшиеся, с белыми от пыли коленками, галстуками наперекосяк, они принесли мне свои сожаления. Они чуть не выли, так их огорчало терять во мне клиента, навсегда. В тот момент, как я уже собирался выйти в тамбур, моему симпатичному мальчику пришла идея.

«Месье! Месье! Вам ведь не обязательно что-то определенное?» «Нет.» «Золотая монета вам подошла бы? Вы могли бы из нее сделать брошку.» Я готов был расцеловать его! В об-

щем, я купил британский Соверен. «Сделайте мне для нее хорошую упаковку, это для подарка!» — попросил я их. Тут уж они меня не обидели. Я заполучил обитый футляр. Мне выгравировали имя Берты на крышке, без доплаты. Не отличишь от гран люкс. На следующий день я заменил золотую монету на кольцо, купленное на базаре, где торговали еще галантереей и писчебумажными товарами, поблизости от авеню Трюден. Украшение представляет из себя крупный брильянт из хрусталя с оправой из посеребренной латуни. Он выглядел так, что его можно было принять за шесть карат, клянусь, такая у него была внешность. Ее пригвоздило на месте, тещеньку, когда дочь извлекла украшение из футляра. С грифом Картье, тут не могло быть сомнений по вопросу родословной. Я объяснил, что мне пришлось продать несколько гектаров прерии, чтобы осуществить эту операцию. Сразу же старая прикинулась знатоком.

Она уверяла, что это голубой карбункул, совершенной чистоты, без единого пятнышка. «Никогда я не видала такой чистой воды», — млела она.

А как же, там еще оставались опилки! Ну а Берта разгуливала на седьмом небе со своим увесистым солитером. Она и теперь думает, что он настоящий, и что после короны Английской именно она владеет самым фартовым камнем в мире.

Во время отпуска она его запирает в банк, в сейфе, который сдают специально для него! Она постоянно говорит, что если будет новая война, и ей придется экспат-ретироваться, то можно будет его продать, на что можно будет жить.

Нашего дорогого Берюрье сотрясает ужасный взрыв смеха.

— Если б у нее была только стоимость ее солитера на жратву,— ликует он, направляясь к двери,— ей бы никогда не понадобилось ехать в Брид-ле-Бэн!

И он исчезает под крики «виват».



## ГЛАВА XI

### В КОТОРОЙ ВСЕ ОСЛОЖНЯЕТСЯ ЕЩЕ БОЛЬШЕ

Выйдя из конференцзала, я замечаю нашего уважаемого Берю, который ведет разговор со Шлепнойгой, посыльным цыплячьего клуба. У Толстого недовольный вид.

— Эти каналы меня достали. Видеть их не могу!

Я приближаюсь в недоумении.

И тут этот обломок Шлепноги зовет меня голосом кентавра:

— Мсье Санато! В кабинет мсье директора, сию минуту! Там какие-то дамы-господа хотят вас видеть.

— Кто они? — спрашиваю я.

— Д-р Клистер и мадам его жандарм, — отвечает Толстос. — Похоже, они подняли хай у дира из-за вчерашнего сеанса. Это же в их манерах, этих тронутых по колбе. Да пусть они хоть лопнут, а извинений форматом с камбалу от меня не получают.

— Без шума, Толстяк, — призываю я, — твоя педагогическая карьера от этого зависит.

— Да если я сейчас с ними столкнусь, будет фиеста с музыкой,— бурчит достойный педагог.

Я его увещаваю. Как всегда, он в конце концов уступает и с ворчанием следует за мной в директорский кабинет.

За рабочим столом Биг Босс играет бумагами с раздосадованным видом. Напротив него Клистеры корчат страшные рожи, упиваясь обидой. Они восстают при нашем появлении, и папа серафизма прет на нас как торпеда с бородой.

— Прохвосты! Совратители! — поливает он нас.— Возмутители спокойствия!

Толстос и я выдерживаем натиск и оскорбления с аморфным видом. Сдается мне, что у него лопнул ремень трансмиссии, и теперь он в свободном вращении, Клистер. Ему бы, не мешкая, выписать самому себе рецепт, чтобы вмазать порцию морозника! Может быть, папство рассекает ему продолговатый мозг? Берюрье, облагороженный своей столь блестяще проведенной лекцией, поворачивается к патрону:

— Мсье директор,— обращается он,— может я вытряхну этого психа через низ его бедных штанов, или разве что вы сами им займетесь?

Мэтр успокаивает голосом, мимикой и жестом.

— Без истерик! Контролируйте себя, доктор, прошу вас,— рекомендует он.

Невозможно! Клистер опорожняется как после клизмы. Не может он удержаться, слова потоком изливаются с его бороденки. Как из ведра.

— Контролировать себя! — грохочет он.— В то время, как наша бедная дочь за несколько дней до разрешения терзается самыми ужасными из тревог!

От последней части его фразы моя мочка поднимается.

— А почему собственно М-м Матиас встревожена, доктор?

Лопухи Клистера I-го хлопают по воздуху. Картофелевидный нос делает нюф-нюф. Его золотые фиксы мечут молнии, а позади подпрыгивающего лорнета его глаза-параллели вянут.

Его прямой пробор зигзагирует. Его гнев накаляется. Он брызжет слюной, он давится, он эмфиземится, он бассо-вдохновенно, он умолкает словно игла проигрывателя, которая увязает в размякшей от тепла пластинке. Тогда его старуха приходит на выручку со свежей глоткой. Она готова к трепу в связи с тем, что как раз перед ней имеется зеркало, и она может обложить нас, созерцая себя косящим зрачком. Она говорит, что мы позор нашей профессии, экскременты общества, миазмы человечества, вонь остервенелого алькова, абсцессы, кисты, ядовитые коросты, до невозможности злокачественные опухоли! Она уверяет, что мы оскверняем, посягаем, разъедаем, сыпью высыпаем, рожисто-воспаляем, нарушаем, разрушаем, сокрушаем, разлагаем, омрачаем, порочим, курочим, разъединяем, детоубиваем. Директор хочет унять, но это еще невозможнее, чем с табибом. Ее подгрудки трясутся, щеки отвисают, бусинки динь-динькают, дойки коагулируют, внутренности клопочут, голосовая связка ключ-солится. Это вулкан, который разговаривает сам с собой через зеркало, который декламирует тошнотворения о нас двоих, который плюет что есть мочи опустошительной лавой. Наши родословные роговеют, рогатеют, чернеют, начинают приванивать. Мы оба чувствуем себя отвратительными до самых потрохов, не понимая. Мы почти готовы склониться перед

лавиной. Признать, что все это так, в самом деле. Убедить себя в том, что мы действительно недостойны жить. Что наш дых кислорода, это скандальное хищение, злоупотребление легкими! Мы отравляем пейзаж. Мы незаконно существуем.

Наш разум пробуксовывает. Мы чувствуем, что стали источником мерзости и извращений. Мы смотрим друг на друга с брезгливостью. Мы открываем друг в друге тошнотворность. Мы не можем прийти в себя оттого, что вдруг сразу стали настолько ужасными и до такой степени пагубными, такими прогнившими и столь полностью вывихнутыми. Нас сбивает с толку такое открытие. Мы-то считали, что наш образ жизни почти сносный, а на самом деле мы накапливали пороки и гадости позади этой ширмы благопристойности. Мы уже прогнили, мы уже стали зелеными, уже жидкими и ни о чем не подозревали. Оказывается, мы не только в сукровице, а мы еще в полной бессознательности плескались.

Наконец она уже не в состоянии превращать кислород в мудятину, мам Клистер. Ее легкие отказывают, становятся непригодными. Тишина восстанавливается, но воздух еще сотрясают катаклизмические вибрации. Гнев Клистеров еще продолжает гарцевать в кабинетной тиши, и угроза еще по-прежнему явственна.

Я достаиваю себя большим глотком воздуха и приступаю.

— Доктор, — говорю я, едва размыкая челюсти, чтобы не укусить его. — Если бы вам было на десять лет меньше, я бы вам выщипал бороденку. Но учитывая вашу безнадежную сенильность, я ограничусь вопросом, что является причиной этого припадка.

Его слизистая ощупывается.

— Говорите спокойно, прошу вас! — заявляет директор.

Клистер решается.

— Вчера вечером, — говорит он настолько глухо, насколько он туговат на ухо, — после того, как вы учинили дебош в моем доме, вы отправились в компании с моим зятем, так или нет?

— Точно!

Его злоба позволяет себе новый импульс усиления.

— Что вы сделали, подлые?

— Мы были в бистро, — отвечает Берю.

Старая визжит, как будто ей признался в любви орангутанг.

— Какой ужас! — вопит она, незаметно крестясь.

— И, конечно же, вы налакались самым постыдным образом? — спрашивает доктор.

Берю скалит зубы.

— Мы клюкнули только одну банку на троих, это же не могло раздербанить нам поджелудочную!

Врач борется с гримасой. Красное вино в воображении водопьющего, это хуже, чем кас-торка.

— Лжецы! — надсаживается Их Попугай-чество, бросая в себя весьма омерзительную гримасу из зеркала через плечо дира. — Вы споили моего зятя. Это такой слабый мальчик, такой бесхарактерный.

— Он это хорошо доказывает, жарясь на медленном огне в вашем некрополе, любезная мадам, — парирую я.

Она близка к обмороку, повелительница. Я заслуживаю того, чтобы по мою душу отпели черную мессу. Они нагребут для меня кочергой порчу экстра-зловещую, серафисты. Будущее становится мрачным, мои лапочки.

Придется включить противотуманные фары, чтобы я мог рассекать с ветерком дальше.

Видя, что она собирается сбить свежесть с моего портрета зонтиком, ее футцан ее удерживает.

— Месье, — выливает он мне, — вы его — я в этом не сомневаюсь — вовлекли в самый черный разврат, этого несчастного мальчика! В какие гиблые места отвели вы его, этого почти отца?

— Да никуда! — ору я с такой силой, что оконный проем трещит. — Мы пропустили поглотку. Обменялись тремя словами и отпустили вашего ученика-капуцина!

— К другим, месье! Он не вернулся!

Это останавливает мою дьявольскую злость на уровне миндалин.

— Ка-ка-как не вернулся? — лопочу я.

Повелительница потрясает знаменем бунта.

— Он переспал в другом месте, прекрасно! Не прошло и нескольких месяцев после свадьбы! Вот фрукт! Ну и ну! Это просто весь Париж!

На этот раз у меня уже нет желания лить бензин на огонь; наоборот.

— Я вас умоляю, мадам, давайте спокойно, — щебечу я. — Здесь какое-то недоразумение. Мы оставили Матиаса вчера вечером через полчаса после того, как он вышел от вас, причем, в каких-то двухстах метрах от вашего жилища.

Убогие вылупливаются друг на друга в упор. Мой тон видимо наполнен искренностью до самой грудины, ибо они вдруг сразу стихают.

— Боже мой, — шепчет папа, — неужели?

— Что же это такое? — вопрошает мегера, наконец-то сделавшись ручной.

— Он не оставил никаких признаков жизни? — спрашиваю я.

— Ни малейшего. Ни звонка, ни записки, — отвечает Клистер.

И досточтимый директор переполняет чашу тревоги, объявляя, что Матиас не явился сегодня утром на свою лекцию по пулевым отверстиям. Вот тайна с подписью аноним, не правда ли, мои кисоньки? Ваш любимый Сан-Антонио снова в мыслях о том самом телефонном звонке, который переволновал дом Матиасов. Мерзкие мысли, окрашенные в черный цвет, лезут в мои мозги, готовые лопнуть!

Берю делает знак, чтобы я подошел к нему.

— Не мочи Разюрель\* из-за ерунды, — говорит он мне. — После того, как мы вчера вечером втолковали ему, что он жил у задрипанных, Матиас, наверное, сквозанул, не сказав спокойной ночи. Такая нужда хватает мужиков иногда. Особенно смирных. На них находит паника, и они отрываются, куда глаза глядят!

Я качаю головой, чтобы избежать искушения кивнуть ею.

— Это вовсе не в правилах друга Матиаса, Толстяк. А потом, не забывай еще одну вещь: вот уже несколько дней его жизнь под угрозой. Это и есть причина моего здесь присутствия!

Он фыркает, осматривает меня своими добрыми тоскливыми глазами. Он забыл великие концепты хороших манер.

Вот он снова мент до недержания.

Готов прокричать петухом, как говорится в наших деревнях!

---

\* Марка мужских трусов.

— Вот тут мы его кинули! — говорю я, ударяя каблуком по асфальту.

Я смотрю в направлении, которое принял накануне Рыжий. Ворота ужасных тестя и тещи кичатся своим сыром-штукатуркой на углу ближайшей улицы. Подняв глаза, я нахожу их окна, полные таинственности позади флорентийских ставен, придающих Лиону вид, которого нет ни в одном другом французском городе.

Я мысленно восстанавливаю атмосферу ночи. Я вижу раскаленную шевелюру Ван Гога, шествующего в лунном свете. Берю тоже вспоминает. Когда на его лбу появляется столько же морщин, сколько на заднице сидящего слона, это означает, что он блуждает в заунывных думах.

— Надо было проводить его до двери, — горюет Могучий.

В его голосе столько же сожаления, сколько упрека.

— Ему оставалось всего несколько шагов, я сознаюсь без доказательств, мы не могли просечь, что он схлопочет дело на такой короткой ходке.

— Если б мы его хотя бы глазами проводили, — продолжает причитать Опухоль.

Мои нервы не выдерживают:

— Заткнись, толстая личинка, мы не в Тель-Авиве! Стена плача, это где скулить запрещено!

Затем, разъяренным шагом я направляюсь к дому Клистеров. Погруженная в вечернюю мглу, улица распростерлась в оцепенении словно ночь.

— Кто-то следил за домом Матиаса в то время, как мы были внутри, — размышляю я с редкой прозорливостью, которую вы за мной



знаете.— Кто-то видел, как мы вошли со Ржавым. Он проследовал за нами. И вот после того, как мы покинули Матиаса, тот сработал. Он мог это сделать только внутри дома, иначе мы бы слышали хоть что-то...

Но вот я в подворотне. Пахнет кислым супом и кошачьими пипи. Желтая табличка информирует посетителей, что будка консержки находится в глубине двора. Я направляюсь в сопровождении Берю в мрачный четырехугольник, где несколько зеленых ростков, предоставленных прерывистому дождю никак не могут уподобиться зеленым насаждениям.

Черные фасады, крутые, молчаливые, напирают на небо из сажи, о котором пел Беко.

В глубине двора карабкается что-то похожее на скат крыши, покрытой цинком. Дверь будки с привратницей застеклена. Я направляю перископ внутрь, но там темно, как в жоупе негра, который роет туннель в безлунную полночь. Не найдя ничего лучшего, я стучу. Какое-то бледное лицо появляется за дверью словно протокол нарушения на лобовом стекле автомобилиста. В данном случае появляется лицо совы или ее двоюродной сестры. На нем выделяются две черных точки, более заостренных, чем греческие котурны. Я потихоньку щекочу себя, чтобы выдать то, что принято называть любезной улыбкой, этому кошмару под стеклом, и дверь приоткрывается.

Блики стекла скрывали от меня бородавки персоны. Самые великолепные, которые мне когда-либо приходилось созерцать: черные, серые, с хохолками, щетинкой, паутинкой, потрескавшиеся, выступающие, сплюснутые. Этот бравый цербер заменяет весь экзотический сад Эзы.

— По какому вопросу? — спрашивает она суховатым, но сердечным голосом с богатым лионским говором, все равно, что говорок матушки Коттивет<sup>1</sup>, напоминающий анжуйский.

— Я из полиции,— изобличаюсь я.

Она издает возглас, который никогда не слышало ментовское ухо.

— О! Касатик! — выдает она.

Затем, посторонившись, приглашает:

— Входите же!

Мы проникаем в берлогу. Здесь темно, грязно и тяжело пахнет. Льняная мука булькает крупными клейкими пузырями на худой плите.

Берю нюхает с большой обонятельной вкрадчивостью.

— Это едят? — интересуется Толстос, показывая на эмалированную кастрюлю, в которой пла-плавает странная алхимия.

— О нет, касатик,— причитает консьержка,— я готовлю себе припарку из льняной муки, и если добавить побольше горчицы, это помогает от бронхита!

Она покашливает в доказательство.

— У меня начинается бронхит,— признается она,— сейчас такой сезон, последние дни сыпало, как кто кидал<sup>2</sup>, и пока я отсюда доходила до ворот аллеи, я была мокрой как суп.

Она обнаруживает два стула, таких же колченогих, как и она сама, и предлагает нам. Будка состоит из одной единственной комнаты. Койка, на которой возвышаются Гималаи из перины, занимает в ней большую часть. Маленький стол с клеенкой, блестящей

---

<sup>1</sup> Мать Коттивет является фольклорным персонажем. Консьержка со склонов квартала Круа-Русс выражает всю живописность лионского говора.

<sup>2</sup> Лионистика, которая означает: льет как из ведра.

от жира, прогорклыми объедками и благо-  
правными журналами служит веретеном огра-  
ниченной деятельности дамы. У нее рост метр  
сорок в пух и прах. У нее тугой узел на  
вехушке черепа как у служанки Клистеров,  
черная косынка и черные шерстяные чулки,  
которые изображают «кренделя»<sup>1</sup>. Когда она  
разговаривает, у нее язык странным образом  
высовывается изо рта, острый и трепещущий.  
Как у хамелеона. Он стреляет, мечется, цеп-  
ляет.

Понизив тон, она шепчет:

— В чем дело?

Берю косит все больше в сторону кас-  
трюли, в которой варится льняная мука. За-  
пах непреодолимо завладевает им. Он его гип-  
нотизирует. Мы не успели порубать, и у него  
жестokie колики во внутренностях. Будучи  
таким, каков он есть, мой толстый ханыга  
должно быть думает, съедобна ли льняная  
мука или нет.

— Госпожа консьержка,— начинаю я  
весьма цивильно,— не заметили ли вы не-  
которую суматоху в доме этой ночью?

Она поднимает к небу, временно представ-  
ленному абажуром, свои руки, напоминающие  
черенки от метелок.

— Бу! Святая Мария де Терро! О да, ка-  
сатик! О, да!

Я подмигиваю Берю, но Его Величество  
под гипнозом уже ни на что не способен.

— Расскажите-ка мне, дорогая мадам,—  
распеваю я, пронизывая ее взглядом до того  
любезным, что он граничит с похотью.

Она перевязывает косынку и идет к кас-  
трюле, чтобы поставить ее на самый при-  
личный кружок.

---

<sup>1</sup> В виде штопора.

— Представьте себе,— говорит она,— что вечером был адский тарарам. Два каких-то остолопа начали гоготать до упаду в подъезде.

Я пытаюсь сглотнуть слюну, мне это удастся, и продолжаю:

— Они не скандалили?

— В некотором роде, почти. Они реготали во всю глотку на моих лестницах, идиоты. Я подумала, что это были два алкаша. Я поднялась, чтобы пойти их уговорить, тут все-же серьезный дом с правильными людьми. Но когда я добралась до моей аллеи, их там уже не было. От двери я заметила, как они входили в бистро, само собой разумеется.

Я шепчу ей слащаво и таинственно:

— Вы ничего не заметили странного?

Она хмурит брови.

— Как это?

— На улице никого не было перед домом?

Ее кактусовое лицо освещается. Она предъявляет мне четыре гнилых, но своих зуба, которые служат разве что для улыбок и потребления пюре.

— Это смешно, что вы такое говорите, г-н полицейский.

— Чего так? — роняет Толстос.

— Снаружи-то как раз никого и не было, а вот внутри кто-то был.

Аварийный звонок звенит в моем подсознании.

— Что вы говорите, госпожа консьержка! И кто же был внутри дома?

— Какая-то дама,— говорит она.

От этого моя любопытливая железа выделяет полную секрецию.

— Подробнее!

Старушенция собирает свои ночные видения, чтобы сплести из них захватывающий рассказ.

— Это когда я уже вышла,— объясняет она.— А сразу я не увидела, что кто-то был в моем дворе. Где я ее заметила, это когда уже шла назад: молодая дама, прилично одетая, с духами, касатик! Но духи, настоящий бокон<sup>1</sup>!

Если бравая привратница находит приятным запах, который царит в ее шалаше, совершенно нормально, что она называет «боконом» духи Араби или Рошá.

— Вы с ней говорили?

— Само-собой! Я ее спросила, что она делала в моем дворе. Заметьте, я кое о чем догадывалась в связи с тем, что она находилась как раз позади моих экевилевых ящичков<sup>2</sup>.

— О чем вы догадывались?

— Что она зашла по срочной и естественной нужде,— объясняет старуха.— Такое бывает часто. Их приспичивает во дворе, на выходе после угощения. Белое вино ужасно действует на мочевого пузырь.

— Что же вы ей сказали?

— Что она хорошая поганка,— излагает милейшая персона.— Она извинилась и была такова.

— Она вышла из дома?

— Возможно, а чего ей там делать?

— То есть, вы не видели, как она ушла?

Мой вопрос приводит в замешательство собеседницу. Она не врубается, сопит и делает мину, озирая меня глазами, которые напоминают пузыри из ее льняной муки.

— Нет, конечно, я уже дрожала от холода и не собиралась устраивать проводы от ворот аллеи до Гренобля!

Слышится громкий крик. Это протрубил Толстяк. Отважный обмакнул палец в кастрюлю, чтобы взять немного теста, и обжегся.

---

<sup>1</sup> Истинное зловоние.

<sup>2</sup> Мусорники.

— Вы обваритесь, касатик! — предупреждает с небольшим опозданием наша хозяйка.

Берю сосет свой преступный указательный. У него виноватая улыбка. Его физиономия выражает: «Прошу пардон, но не обращайтесь на меня внимание».

И привратница продолжает:

— Вот теперь, когда вы мне сказали, я хотела бы ее спросить, какого черта она там делала, эта донзель. В связи с тем, что сегодня утром, когда я вытаскивала мои эквивилевые ящики, я не нашла следов, о которых думала. Может быть, я ее застукала раньше, чем она облегчилась, а?

— Может быть, — вру я.

— Во всяком случае, ей тут не повезло за то, что она хотела нагадить в моем дворе, — усмехается эта старая и оципанная ночная птица.

Мой гиньоль\* делает пируэт меж своих обручей.

— Почему?

Дама-метла идет к небольшой ореховой мебели, открывает ящик и цепляет нечто, что она несет в свете зелени от ее застекленной двери (кстати, единственной дыры в берлоге). Тем временем, Берюрье, вооружившись деревянной ложкой для размешивания будущей припарки, пробует, изоцряясь, льняную муку. Он шевелит своим толстым языком и качает головой. Его вкусовые сосочки не выглядят паникующими.

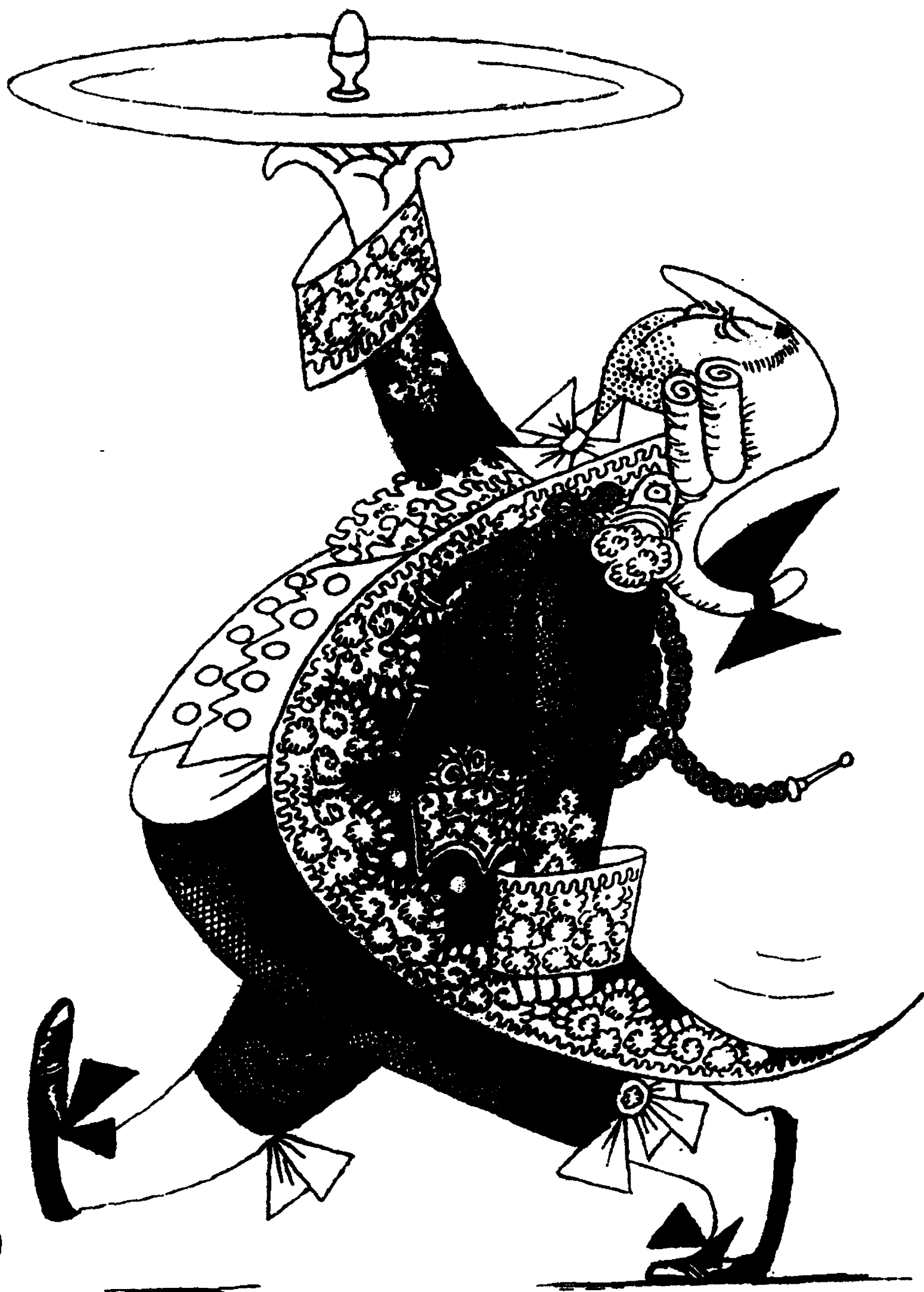
— Вкусно? — шепчу я.

— Съедобно, — утверждает Людоед. — Я уверен, что с тулузскими сосисками и побольше масла, будет в самый раз.

Консьержка вручает мне небольшой деревянный прямоугольничек, на котором при-

---

\* Кукольный персонаж.



Лакей бедного графа.





креплен ключ. На дощечке золотыми буквами написаны два слова: *Стендинг Отель*. Согласитесь, что это презабавно, а? Такое бывает только в моих книжках, такие вот совпадения. В жизни тоже, конечно, но в такое не верят. Ибо если рассудить и принять версию этой славной консьержки, надо делать вывод, что дама участвовала в похищении Матиаса. Что она пряталась во дворе дома, где и потеряла ключ от номера в гостинице, которая называется *Стендинг-Отель*.

Стендинг! В то время, как мой Толстый Патапуф в самом разгаре преподавания хороших манер! В тот момент, когда он дает молодым поколениям чудесные рецепты, вооружая их интеллект, делая его комфортным, одним словом, кондиционируя его.

— Вы полагаете, что ключ принадлежит этой девице? — назираю я.

Мадам Паутину обижает то, что в ее словах сомневаются.

— А кому же он еще может принадлежать, скажите на милость! Эта персона присела на корточки позади моих экевилевых ящичков. Ключ, наверное, выпал из кармана ее плаща. Может, он дырявый, откуда мне знать?

— Почему бы и нет? — бормочет бархатный голосок моего подчиненного.

Я ищу глазами Хогромного, желая прочитывать в его взоре, что он думает; но на этот раз он поворачивается ко мне спиной. Ему здорово понравилась льняная мука. Я думаю, что он только что сделал гастрономическое открытие, и отныне это станет его основным блюдом.

— Не могли бы вы, дорогая мадам, описать мне женщину с ключом поточнее?

Она вся собирается в пригоршне своей руки и тянет, чтобы придать важности своим

показаниям! Наконец она артикулирует своим слегка болезненным голосом:

— Высокая блондинка. С довольно толстыми губами, как края ночного горшка, касатик. Повязана коротко. Она была в черном плаще, он сверкал как клеенка. Из-за того, что он был черный я его заметила, когда выходила, а оттого, что он был блестящим, я его заметила, когда входила.

Странное разъяснение, если его можно считать таковым. Это немного напоминает раковину улитки в коробочке с серым веществом достойной дамы. Тем не менее, я считаю, что она мне сообщила все, что нужно, и благодарю ее за неоценимую помощь, отчего у нее принимаются дрожать хохолки.

— Ты уже? — зову я Толстого.

Он оборачивается, весь пунцовый, с полным ртом, губы в тесте. Словно крупный ожег вместо Берю. От его взгляда исходят волны.

— Погнали! — чвыркает он.

Консьержка таращится на плиту и издает крик о помощи.

— Моя припарка!

Он все сожрал, ужасный! Кастрюля пустая! М-м Цербер не верит своим глазам. Сразу же ее бронхит начинает свистеть словно норвежский горшочек, объявляющий конец матча.

— Извините его, — шепчу я и сую ей десятифранковую бумажку, чтобы смягчить ее страдания, — мой товарищ болен блудозным блевонтозом и приходится его замазывать льняной мукой; у него как раз приступ, так что он не устоял.

—:—

Толстяк прет прямо в забегаловку, где мы были накануне, и засаживает банку божоле

на одного, чтобы протолкнуть свою сухомятку, потому что его закупоренный пищеварительный тракт отказывается от дальнейшего сотрудничества с таким обжорой. Ему бы поставить смывной бачок. Может быть, зондом и резиновым вантузом он смог бы освободить свои трубы? Но терапия, в его представлении, это божоле. На второй банке, будучи уже на грани удушения, запруда сдает под великодушным напором жюльенаса. Это производит звук *влуффф*, затем сильные завихрения и еще *гыргыргыр* уже неудержимо. Настоящее шумовое оформление для мультфильмов. Наконец, он снова свободен, Величавый. Он вновь обретает цвет, это надо понимать, что он его утрачивает.

Мы гоним в направлении *Стендинг-Отеля*.

Это сверкающее новизной заведение, расположенное на углу улицы Святой-Яремой-Вены Малыша-Иисуса и речки Деаль<sup>1</sup>.

Судя по фасаду с побелкой крем Шантийи, холлу из мрамора и богатой обивке, становится понятным, что делает Лион для туризма, и начинаешь сожалеть о том, что ему было отказано счастье организации ближайших Олимпийских Игр. Это событие позволило бы другим континентам сделать открытие божольпифа, фрикаделек из щуки, мозгов с трюфелями, а также пулярок в полу-трауре и топленого сыра. Мир от этого не проиграл бы, зато мы получили бы шанс завоевать несколько золотых медалей, пока другие атлеты занимались бы обжираловкой.

Дама, которую менее талантливый романист определил бы как приветливая, посылает мне крупнокалиберную улыбку от своей стой-

---

<sup>1</sup> Деаль: знаменитый французский физик, муж Жанны Ашет, который изобрел телекс.

ки. Она в годах, генеалогических ветвях и волосах, окрашенных в пламенно-рыжий цвет. Я подгребаю, как всегда санчопансатый Толстяком<sup>1</sup>.

Она смотрит, как мы подваливаем с таким видом, будто мы прекрасная пара, Берю и Ярю, а еще будто нам самим невдомек, кого из нас двоих можно называть «дорогая мадам».

Чтобы развеять некоторую двусмысленность, я предъявляю ей трехцветную корочку, которой меня снабдило государство с тем, чтобы я мог удостоверить свое качество (если это качество) мента. Она уже не улыбается, потому что, хочешь ты или нет, но предпочтительнее, чтобы к тебе явился агент по выплате семейного пособия, а не представитель Королей.

Затем я вынимаю из кармана ключ, найденный дамой с кактусами.

— Это принадлежность вашего заведения? — спрашиваю я голосом столь нейтральным, что от досады Швеция объявила бы войну Швейцарии.

Она округляет глаза, рот и карту Лиона, которую только что изучала.

— О! Нашелся! Наш клиент был так огорчен.

— Могу ли я узнать личность данного клиента?

Это приводит ее в некоторое замешательство. Но она знает, что цыплодок появляется на свет только для того, чтобы задавать каверзные вопросы своим современникам:

— Месье Долороза! — говорит она.

Ну не сбаритонить ли моему Толстяку во всю варезку:

---

<sup>1</sup> Хорошо тем, кому хватает обычного словарного запаса. Но ведь язык-то живой, так или как?

*Долороза, это женщина-боль!*

*Долороза, поцелуй — что огонь!*

Я вынужден замочить ему ногой по берцовой кости, чтобы вернуть к приличиям.

— Испанец? — интересуюсь я.

— Панамец, — поправляет она.

— Он остановился один в вашей гостинице?

— С женой.

— Высокая блондинка, которая не брезгует носить черный клеенчатый плащ?

— Точно, — бормочет она.

— Они в *Стендинге* в настоящее время?

Ее взгляд превращается в фонарик. Кивком подбородка она показывает мне ближайший салон с элегантной мебелью, исполненной на датском экспортном.

— Именно, у них сейчас посетитель.

Похоже, у нас счастливая игра, а? Бывают дни, когда все приходит в гармонию, когда хлеб ходит за брюхом, когда добрые женщины соглашаются прилечь с вами во вшиводром, и когда в партии в белот у всех партнеров каре вальтов.

Я потихоньку перемещаюсь к застекленной двери, осторожно держась в укрытии за дверью, портьера которой маскирует меня. Я замечаю элегантную пару, которая оживленно беседует с типом, стоящим ко мне спиной. Женщина очень хороша собой. Брюнетка с обесцвеченными волосами. Ее красивые черные глаза с длинными обольстительными ресницами осветлить не удалось. Они образуют контраст. У нее мясистые губы, действительно, но старая привратница начхала на эстетику, уверяя, что они похожи на края ночного горшка. Появляется желание впитаться в них, как в спелый фрукт, чтобы почувствовать, как сок стекает между зубов.

Ее малый, изящный тип с завитой шевелюрой. Высокого роста, цвета близкого к маслиновому. Он одет в серый однотонный костюм и кроваво-красный галстук. Как будто рана, которая кровоточит на его белоснежную рубашку.

Толстяк создает помехи. Он секет тоже. Его шнобель производит шум, который мог бы очаровать Дени Папена\*.

— В батальоне не числятся! — утверждает преподаватель хороших манер.

В этот миг трио, закончив трепаться, встает. Перед нами крутой видок на посетителя Долорозы.

Ошеломленный, Его Округлость цитирует Камброна\*\*. Я выталкиваю его тумакон из поля зрения. Мы производим эффект двух шутников, которые появляются на съемочной площадке, когда включают красный свет, и героиня корпит над слизистой партнерши. Только в телевидении посетители могут расхаживать между камерами и артистами, беседуя о том и о сем.

Мы рвем к кассе, единственному убежищу в этом мраморном мире. Мы с ходу заваливаем к блонде. Мы говорим «тсс», чтобы призвать ее к тишине, и приседаем на корточки на уровне ее колен. Это продолжается некоторое время. Берю покоряют чулки Марни. Он находит, что этот чулок не только делает ногу говорящей, но он еще и щекочет воображение. Он трет об него шерсть своего рыла, он его обнюхивает. Еще тридцать секунд, и он уже не сможет удержать свою клешню-разведчицу.

---

\* Фр. изобретатель автоклава и паровой поршневой машины.

\*\* Фр. генерал. Ранен в битве при Ватерлоо. В ответ на ультимативное требование сложить оружие, он выкрикнул не очень цензурное слово, с которым навеки связал свое имя.

— Они вышли, — объявляет на счастье дама.

В самый раз! Мы поднимаемся.

— Ну дела, — говорит Толстяк.

Ибо я должен вам сообщить, друзья мои, что собеседник Панамцев не кто иной, как курсант школы, который накануне ретировался, не дождавшись конца берюрьевой лекции, под гнилым предлогом, что ему нужно «к дантисту».

Вот что наполняет меня удовлетворением. Когда ты барахтаешься в полном неведении, не зная, с какой стороны твердая земля, ты балдеешь как вошь при виде островка (даже если он зловонный) на горизонте. Утонченный смысл данного образа не ускользнет, надеюсь, ни от кого, и даст новое доказательство (если в этом есть необходимость) моих литературных способностей. Приближается день, когда я тоже поеду показать нос королю Швеции\*.

— Следуем за ними, — приказываю я.

Мы оказываемся у двери, предварительно порекомендовав блондинке-вахтерше хранить полное молчание о нашем визите.

На тротуаре Долорозы делают прощальное приветствие рукой товарищу-курсанту, который уже разместился в тачке.

Этого я знаю, где искать, нет нужды маскироваться под рыбу-лоцмана, чтобы следовать за ним по пятам.

— Ты знаешь его кликуху? — спрашивает Толстяк.

— Нет, — говорю я, — но это нетрудно узнать.

Парочка направляется к тарантасу на стоянке. Это черный Мерседес с номером ТТХ.

Согнув руки в локтях, я рву к своему автомобилю, запрыгиваю в него и срываюсь

---

\* Надо полагать, для получения шнобелевской премии.

вихрем, распахивая дверцу Толстяку, который из-за поврежденного колена не в состоянии сделать стометровку за десять секунд.

И вот начинается моторизованная слежка по улицам Лиона. Панамцы едут медленно. Они следуют по улице Республики до площади Корделье, поворачивают направо в направлении набережной, затем едут по левой ее стороне.

— Как ты думаешь, — спрашивает Толстос, у которого заканчивается перевариваться льняная мука.

— Никак я не думаю, — обрываю я, — разве что ты мне дашь подумать, старый удав.

— О да, о да, мусье хилает под Шерлохмеса, у него все в котелке и серое вещество пристебнуто...

Он ухмыляется и забывается сном на сытый желудок. Сдается мне, что его лекция о юности его демонтировала. Он дал ей такой нервный импульс, что на некоторое время наш Берю стал ватным.

Пробежка продолжается. Мы проезжаем через туннель Круа-Русс и едем дальше в сторону Сен-Клэр. За городом Рон становится шире, зеленее, каменистее, необузданнее. Эта река напоминает руку крестьянина, узловатую, мускулистую. Он не любит шутить. Он летит кубарем словно каменный молоток в сторону Средиземного моря. Это его отрада. От швейцарских ледников он только и думает об этой высшей свихе. Он спешит поймать кайф. Единственная французская река мужского рода. Он благодетельствует нежную Соню мимоходом: небольшой наскок, чтобы показать, я тобой не брезгую, но это не дает ему успокоения, как бы не так! Даже наоборот, это его возбуждает еще больше. Предварительная ласка! Он вламывается в береговые изгибы словно дымящийся бык. Он ворчит:



«Где же эта б... средиземная, вот я ей праздник устрою! Как вы сказали? Повернуть налево, а потом прямо? Мерси, мсье агент!» И он несется дальше тройным галопом, красавец-жеребец, готовый к большой камаргской\* фиесте.

Берюрье спит. Скромно выглядывает солнце, ни больше ни меньше. Освещает огромный и нелепый ярмарочный павильон на другом берегу. Но уж очень функциональный! Настоящий дворец, такой же дерьмовый, как и любой другой. Из красивых мне известен только один в мире: Лувр. За исключением хаты Франциска I, другие представляют собой ничто иное, как нагромождение камней, дурного бетона. Никакой души: колотый камень, окна, застекленные двери, парадные, лепнина. Мальро зря старается, надраивая их с Омо\*\*, это все равно напоминает казарму, претенциозную, гнетущую. Лувр — нет. Природа могла бы выдумать его, как она выдумала (и я тоже) водопады Замбези, Большой Каньон Колорадо или берега Бора-Бора. Это истинное величие. Я вспоминаю один вечер у моего друга Франсиса Лопеса в его бывшей квартире рядом с Лувром. Все видно, потому что прожектора освещали с земли. Мне хотелось разреветься, настолько красивым был корабль, огромный и мощный, и который во всем своем великолепии рассказывал сам обо всем: Филипп Огюст, Франциск I-ый, Матушка Медичи, Генрих IV, Людовик XIII... Другие тоже, которые его завершили: Наполеон'з Фэмили. Шестьсот пятьдесят лет, чтобы выстроить это. Каждый приходит со своим мастерком. Несмотря на различия в политике, войны, революции, господа монархи находили еди-

---

\* Камарга — район между двумя главными рукавами дельты Рона. (Разведение быков и лошадей).

\*\* Марка стирального порошка

нение в этой сказочной архитектурной гармонии. Слава, она всегда в бульжниках. Остальное это мелкое тщеславие. Да, мне хотелось разреветься в тот день у Франсиса. Я думал о том, что химичат в злодейских лабораториях Москвы, Вашингтона, Пекина и, может быть, где-то еще. Великолепные атомы, набитые нейтронами, которые пукнут нам в лицо, которые угробят все, как те психи, что когда-то погасили Хиросиму под идиотским предлогом, мол, идет война. Людей делают вновь, а вот Лувр? Никогда! Вы слышите? Никогда! Подумайте об этом слове из трех слогов и дрожите, братцы. Когда уже уйдет Монженераль со своими палко...водцами, преграждающими путь бедствиям, и когда нам погубят Лувр, придется перепахать Париж, ребята! Посадить там елки и пробковые дубы, березы и плакучие ивы, возродить лес как до Галлов, а потом забыть...

Это то, о чем я думаю, преследуя Долорозу.

Неожиданно они тормозят и прижимаются к бордюру. Заметили меня? Я продолжаю рулить без эмоций. В моем зеркале «задницы-вида» я вижу, что женщина вылезает из своей тачки и входит в магазин. Я рулю еще немного и сворачиваю в тупик. Устраиваюсь так, чтобы капот был направлен в сторону выхода. Меня маскирует какой-то грузовик. Я высовываю свое театральное лицо и жду. Толстос урчит как турбина. Вот она жизнь, простая и безмятежная. На этот раз я уверен, что напал на след. Пахнет дичью. Но не стоит долго ждать, иначе запахнет паленым. Как будто все сразу отфильтровалось.

Проходит пять минут и черный автомобиль Панамцев проплывает мимо тупика. Я выезжаю. Слежка опьяняет. На этот раз из осторожности я отпускаю Мерседес на почти-

тельное расстояние. На перекрестке он сворачивает влево и бросается к въезду. Я подъезжаю как раз в тот момент, когда загорается красный свет. Я иду на риск и режу напролом перед капотами машин, рванувшихся в противоположном направлении. Они уклоняются! Агент, прислонившийся к столбу со световыми сигналами, свистит как обезумевший дрозд. Должно быть, он раздул себе вены. Трель как на праздник. Не мелодичная, но пронзительная. В квартале все спаниели, наверное, уже машут своими подвесками. Нет нужды говорить, что я не подчиняюсь. Я жму как сорвавшийся сорванец.

Мерседеса не видно. Я пялюсь на берег перед собой, он почти пустой. Я думаю, что Долорозы не успели подняться на этот въезд. Вывод, они свернули, как говорит Берю, в промежуточную улицу.

Я давлю по тормозам. Его Величество вмазывается рылом в лобовое стекло. Он оказывается в положении сидя между сиденьем и приборной доской, шляпец помят и нос сочится красным.

— Мне приснилось, что я прыгнул с парашютом и неудачно приземлился, — бормочет он.

Не без этого.

— Это твои лямки не выдержали, — усмехаюсь я.

Я сворачиваю на второстепенную дорогу, и даже третьестепенную, которая извивается между поместьями рантье. Тут полно домиков с садиками, посаженными пореем, и небольшими сборными гаражами, вымалеванными в белое.

— А где же эти шельмы? — спрашивает чемпион по всем видам свободного падения.

Я собираюсь ответить, что не знаю, и тут замечаю черный Мерседес, припаркованный к

бордюру небольшой виллы с закрытыми ставнями. Парочка только что поднялась на крыльцо этой виллы и ждет перед дубовой. Я мочу по тормозам что есть силы. Берю, который только что уселся, снова грохается и попадает носом в стекло.

На этот раз он отвратительно ругается. Глядя на него, можно подумать, что он провел уик-энд в сундуке, полном черепков факира Бен Эфиса.

— Ты водишь как крестьянин! — надсаживается он. — Если бы я принимал у тебя экзамен на права, ты бы получил отметку «Жопа с ручкой!»

Я даю ему излиться и наблюдаю за семейкой. Дубовая открывается, и Долорозы входят в виллу.

Я даю задний ход и ставлю машину под невысокими липами, подстриженными а ля Битлз.

— Чего мы ждем? — спрашивается Неучтивый, изучая цвет своей кровянки.

— Когда они уедут, — отвечаю я.

— А дальше?

— Мы сделаем небольшой шмон на хаузе. Он открывает свои большие бычьи глаза.

— Ты думаешь, что Матиас здесь? — неожиданно спрашивает гениальный сыщик.

Его мозги, может быть, и похожи на порцию квашеной капусты, но у него ментовский рефлекс, у моего куманька.

— Не исключено. Они только что заходили к колбаснику. И ведь это люди, которые живут в отеле...

— Может быть, им надо было заморить червячка, — подсказывает Толстяк.

Я не отвечаю. Я пытаюсь догнать глубокий смысл всего этого.

Мы ждем около получаса, молча. Мы раздумываем отдельно, Толстос и я. Каждый пе-

режевыывает свой вопрос. Он готовится к завтрашней лекции о женитьбе (что-то будет). Я размышляю о курсанте, которого только что заметил в *Стендинг-Отеле*. Вот с кем хотелось бы чуть-чуть поговорить с глазу на глаз.

Наконец, М. и М-м Долорозы отъезжают. Общий вид подчеркивает габарит дамы. Силует у нее безукоризненный, у дорогуши. Я обожаю баб, которые выписывают 88 своим задом при ходьбе. Жизнь состоит только из движений линий!

— Мы что, даем им смыться? — бурчит Опухоль.

— Этих мы тоже знаем, где пришпилить.

Мерседес отваливает. Я жду еще немного на тот случай, если они передумают.

— В. путь! — говорю я Бугаю.

Мы покидаем автомобиль и приближаемся к вилле. Сад, который ее окружает, зарос бурьяном. Зеленоватый бассейн наполнен тухлой водой. Металлическая беседка, под ржавым каркасом которой разобранная садовая мебель медленно превращается в пыль. Фасад в трещинах, а краска ставен ничто иное, как давнее и смутное воспоминание. Я поднимаюсь на крыльцо и тукаю в дверь в ритме, который представляется мне соответствующим. Так надо всегда в подобных случаях. Кроты, залегшие внутри, думают, что это кто-то свой, кто может позволить себе маленький сеанс тагадагада-цон-цон. Я неприятно удивлен тем, что моя хитрость на удалась, никакого шевеления. Все спокойно, все тихо. Доносится плач ребенка, да где-то раздается тьявкающее сопрано шелудивого пса вдали от безмятежных стен.

— Пиши, не повезло, — шепчет Толстос, — никого нет.

— Но кто-то же им открыл только что, — шепчу я.

Наверное, у них был ключ.

— Да нет, они ждали.

Я обшариваю себя и делаю гримасу. Всегда такой предусмотрительный, я забыл свой сезам в левом ящике моих выходных подтяжек. Я сообщаю об этом Берю. Это его не огорчает.

— Позвольте прооперировать, — говорит он, инвентаризуя свои глубины.

Он извлекает на дневную поверхность предметы неопределенного назначения, которые внимательно изучает. Он останавливает свой выбор на складном пестике для набивания трубок, засовывает остальную поклажу и начинает изучать замок критическим взором.

Он комментирует (двоеточие в ряд).

— Нужно всегда быть инженером, приятель. В жизни идеальный мужчина должен уметь делать своими клешнями все. Ты не представляешь, насколько умение мастерить облегчает жизнь...

Он скручивает пестик толстыми пальцами с облупившимся маникюром.

— Так вот, — продолжает Речистый, — однажды, как я помню, лет сто назад я был молодым. Мы ошивались на Блошином рынке с одним из моих дядей. Он был ушлый по старью, Аженор. Бедный как Х..., но страсть как любил толкать разную хурду-бурду, чтобы купить еще более позорную! Он тогда был в отпуске... У тебя нет пилки для ногтей?

Я протягиваю ему предмет, и вот мой Берю принимается за изготовление ключа на крыльце, как за своим верстаком. Он продолжает выступать, словоохотливый, как торговец пылесосами, как проливной дождь.

Этому причиной его преподавательская деятельность. Когда у чувака открывают краны, потом уже вассар, ты их не закроешь полностью. Всегда какая-нибудь прокладка не прокладывается, и начинаются утечки. Нужно признать и согласиться.

— Он был рабочим на заводе Сент-Уэн, а базар Бирон, представляешь, это была его вотчина, дядюшки Аженора. И еще одного, напротив, я уже не помню его имечка. Он плавал в этом мусоре как рыба в воде. Мы туда приходили с мешком разного добра; зубренные банки из под конфитюра, пользованные целлулоидные воротнички, ржавые велосипедные насосы, рваные журналы, которые выходили перед войной 14 года... Один раз, прикинь: суспензорий, который принадлежал его тестю, как я помню! У него были свои покупатели, таинственные типы, замызганные, как и он сам. Он им выставлял свой мусорник, как будто это был портфель, полный секретных документов. Надо было видеть, как они качали башкой, смотрели друг на друга, щупали эту сифилиятину и шептались насчет цены. У Аженора несколько лет тому назад лопнул какой-то лицевой канал в его проводке. С тех пор одна половина его витрины была восковой маской. А вторая, когда он торговался, начинала плясать, морщиться, краснеть. Дядюшка жестикулировал одной половинкой своей рожи.

Я прошу меня извинить за то, что прерываю откровения Толстяка, но согласитесь, мои лапочки, что только Берю может вот так предаваться воспоминаниям юности на крыльце виллы, в которую он собирается проникнуть посредством взлома. Если жилец таинственной хазы слушает за дверью, он, наверное, не может понять, кто там, мент или свинья. Моя пилка вгрызается в пестик,

издавая пронзительный звук. Серебряная пудра сыпется на дрыжки Толстяка. И мой Невыразимый, как всегда спокойный и жизнерадостный, продолжает свой рассказ:

— В конце концов, он всегда уступал. Он выторговывал несколько су, не больше. И когда мы выходили из рядов, он пихал меня локтем: «Ну, Сандри,— говорил он мне,— ты видел, как я их сделал, этих старых прохвостов?» Он ликовал по-черному. Так вот, к чему я веду, однажды дядюшка побледнел как молоки у молочника и показывает мне мерзости, разложенные на старом брезенте. Я не врубился, что его могло так подкосить. Там был наконецник клизмы, граммофон с рас-трубом наподобие того, что слушает черно-белый кобелек на рекламе Пате-Макарони, пивные кружки со свирепыми уланами, *Сумерничания в хижинах* в переплетах, и потом еще какие-то штучки, дрючки и вещички, что даже невозможно понять, кому взбрело в голову их изготовить. Я к нему: «Что такое, дядюшка?» И он показывает вставную челюсть. Просто комплект домино из тридцати двух костей. «Сто лет я ищу такую»,— бормочет он, как какой-нибудь тип, который всю жизнь мечтал угоститься негритянкой и вдруг оказывается в спальном вагоне с Питер Систер. Потому что дядюшка, надо сказать, в качестве хозяйства для погрызки располагал только деснами. Совершенно лысая хлебoreзка! В те времена, о которых я веду речь, Охрана Труда еще не возмещала мандибулы и туфтовые зубы, это был признак внутреннего богатства! Ты бы видел эти дикие торги, Сан-А! Как будто сцепились грек с армянином! Торговец, при виде клиента, у которого не было фильтра для гласных, и который хотел купить себе челюсть, был под допингом. Он предчувствовал хорошую жертву. Сделка



века! А дядюшка гнул отчаяние. Он называл цифры, шипя как электрическая кофеварка. Он их обсасывал! Он не хотел упустить такой случай, но и чтобы окоченел его портмоне, тоже допустить не мог. Это было делом престижа. Старый барахольщик, он не мог не поддаться капризу, отречься от своего призвания старьевщика! Вокруг столпился народ, я уже не знал, куда деться. Наконец, какой-то пацаненок выдает торговцу такую фразу: «Слушай, ну, сделай жест, приятель, ты же не допустишь, чтобы этот бедный малый хавал молочное до конца своих дней.» Все рассмеялись. И тот уступил. Если б ты видел, как он входил с челюстью в свою хибару! Святое причастие! Затем он сразу уселся в своей кухне. Его руки дрожали. Он широко распахнул свою форточку для пюре, и даже не сполоснув под краном, запихнул эту челюсть себе в хавало. Аппарат был слишком узким для его водосточной трубы. И слишком высоким тоже. С тех пор, как он таскал два слизняка вместо зубов, его лицо приняло форму подушечки кассирши. Когда у него в клюве появилось тридцать два клыка, можно было подумать, что его челюсть начала разговаривать как ноги у балерины! «Не мой размер,— прошептал он с унылой рожей,— но ничего, я что-нибудь придумаю.» И самое смешное,— заключает Его Берюрейство,— он все-же так здорово ее сладил; эту долбаную челюсть, что наконец она встала на место. А потом, ты бы видел, как он гарцевал своими зубьями по бифштексам с гарниром, мой Аженор! Он принимал себя за месье Колгейт, и когда смеялся, то ухитрялся продемонстрировать всю свою батарею в полном комплекте. А смех у него получался как у кролика, такой у него был вид травоядного!

Берю дует на свой пестик с зубчиками и вводит его, пробуя, в замок.

Крик-крак! Дверь открывается.

Рассказчик награждает меня многозначительной улыбкой.

— Не сложнее, чем это, — вздыхает он. — Входите, мсье барон, будьте как дома!

## ГЛАВА XII

### В КОТОРОЙ ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Мы входим в убогий коридор, стены которого напшигованы селитрой. Сдается мне, что в этой хибаре никто не живет тысячу лет. Пахнет плесенью и затхлым. Берю чихает настолько сильно, насколько он пытался сдержаться. Воздушная волна отбрасывает китайский фонарик, прикрепленный к потолку.

Быстренько я вытаскиваю своего товарища бам-бам, чтобы быть наготове, и направляюсь в хазу.

Двери справа и слева. Мы их распахиваем с силой, чтобы заглянуть внутрь. Там пусто, облезло, изъедено, гнило.

— Можно подумать, кубатура Спящей красавицы, — замечает Толстяк, у которого столь глубокая культура. Мы вынуждены сделать бросок вверх, потому что исследовать нам остается только второй этаж. Так что мы вступаем на лестницу, что менее славно, чем вступить в парашютный корпус, как я вам

уже говорил в минуту забвения. Это менее славно, но более опасно, ибо едва мы поднимаемся на несколько ступенек, как начинает безобразно шмалять. Один месье, присев на площадке второго этажа, с радостью обстреливает нас из своего тромбона с глушителем! Вот гандон, ребята! Как будто мы актеры в фильме Лотнера! Он один играет Дядюшек-Убийц. Штукатурку лестничной клетки глубоко вспахивает в двух миллиметрах от моей физиономии. Я едва успеваю распластаться и съехать по ступенькам на своем брюхе. Мимоходом я увлекаю за собой Его Округлость. Мы объединяемся, чтобы в тесной ассоциации исполнить чудовую лавину из наших туш, и приземляемся в коридоре, будучи слегка ушибленными и помятыми.

С ума сойти, как же все-таки нервируют сеансы такого рода.

— Ну ничего себе,— ворчит Толстоцкий,— вывеска этого постоянного двора не похожа на «Добро пожаловать», нужно звякнуть в ментовку, чтобы вызвать лучников, иначе мы здесь целый день будем играть в Верден-выжженная-земля!

Я качаю головой.

— Мы уладим вопрос между нами, папаша!

— Слушай,— брюзжит он,— на днях или раньше ты будешь работать на самого себя с твоим исключительным складом ума. Полиция в твоём понимании, это кустари.

Наверху снайпер, наверное, жалеет о своей поспешности. Он не дал нам подняться по лестнице выше, иначе он бы влепил под более правильным углом.

— Я думаю, что он один,— шепчу я в лопух Толстяка.— Попробуем пришпилить его с изнанки.

— О. К., — слюнявит меня Отвратительный, — пойду попрошу у соседа лестницу под предлогом, что мне надо подстричь клубнику!

Он выходит.

Рукоятка моей петарды щекочет мне ладонь. Как бы мне хотелось поймать его на мушку, этого злодея со второго этажа!

— Послушайте, дружище, — кричу я ему в сторону, — будь я на вашем месте, я бы бросил свой шприц и тихонько спустился по лестнице с поднятыми руками. К счастью, вы в меня не попали, так что у вас еще есть надежда на смягчение меры наказания!

Никто не отвечает.

— Ваша реакция негативна, — добавляю я, — придется сделать вам чик-чирик, как говорил воробышек на ветке!

Снова вассар. Может быть он не рубит по-французски, артиллерист? Или у него говорильник залеплен клейкой бумагой?

Проходит несколько минут, и я слышу его дыхание надо мной. В пустом доме звуки необычно резонируют.

— Эй ты, добрый торговец ирисками, — снова кричу я со злостью, резкостью и страстью, — тебе конец. В твоих интересах не загружать свой пассив, иначе ты никогда не станешь платежеспособным!

Мне кажется, наверху какой-то еле слышный шум от шагов. Малый передвигается. Уловка? Я подергиваю наостренным ухом: действительно, он только что вошел в спальню и половицы скрипят под его весом. Неожиданно шлепает выстрел, звук которого из-за глушителя можно назвать глухим, металлическим и даже забавным.

В какой-то миг я думаю, не в Его ли Величество он выпалил, но вообще, Берю не успел бы принести лестницу и взять красавчика в осаду. Тогда что?

Я решаюсь, и с бадягой в руке, влагой в глазах и отвагой в сердце вновь взлетаю в блиц-атаке на эту долбаную лестницу. В едином порыве я одолеваю половину ступенек. И тут я вижу, как из двери вываливает тип гусарского телосложения. На нем рубашка с короткими рукавами и шелковый галстук с рисунком *гибель Титаника* в натуральном цветовом изображении. У него седые волосы под ежик, кожа цвета охры и густые брови. Его пугач еще дымится... Глушитель придает оружию еще более трогательный вид. Он держит его, прижав к бедру, как убийца. Я просекаю, почему он промахнулся только что. Мусью имеет привычку мочить в свойственной ему манере, прижав запястье к бедру. Когда он вытягивает руку, то теряет в точности. Поскольку мне известны его намерения в мой адрес, я думаю (но гораздо быстрее, чем пишу), что лучше быть предупредительным и подарить ему Святой Чбень первым. И тогда я выдавливаю всю приправу. Я засаживаю ему обойму, прежде чем он успевает что-либо понять. У него еще хватает силы нажать спусковой крючок. Деревянный поручень прошивает многоточием. А затем тип, принявший мои восемь чернослив в буфет, делает кувырок вперед. Его голова как-то странно свисает над первой ступенькой, а кровь начинает противно брызгать из брюха в лохмотьях.

Как сказал тот самый: если ты любишь цветы, у тебя их будет много.

Но вот я наверху и перешагиваю через него. Меня интересует, что это был за выстрел, который я услышал несколько секунд раньше. Я вламываюсь в комнату, из которой он только что вышел, и у меня перехватывает дыхание. Передо мной парень Матиас с лицом в виде компота... Он сидит на полу спиной к

радиатору центрального отопления. Оба его запястья заключены в наручники, цепь которых выписывает смертельную петлю вокруг трубы. У него во рту шелковый платок. Но кляп уже не нужен, потому что с блямбой, которую этот верзила всадил ему прямо в копилку, рыженький вряд ли испытывает желание рассказать о своих бедах. Пуля разорвала ему кусок чердака. Рана нехорошо закипает. Как будто мозги пускают пузыри. Кровь окрашивает его копну в пурпур, не считаясь с тем, что она и без того красная. Он похож на клоуна. Я становлюсь на колени рядом с ним и кладу руку ему на грудь. Внутри еще бьется.

Вот бедняга, эх! Он так гордился своей сюсюней в виде колокола и так пылко ждал своего короеда!

Слышится шум, совсем рядом. Это Толстос штурмует укрепления. Он проник на второй этаж через окно, разобрав его хилые створки. Он подгребает с компостером наизготовку, чтобы начать торжество.

— Сюда! — говорю я.

При виде этой сцены он сильно бледнеет.

— Матиас, — бормочет он, — это сделала та падаль, которую ты охладил в коридоре?

— Увы! — сетую я. — Тип догадался, что ему крышка и хотел помешать Матиасу говорить!

Кум Тыква осматривает рану.

— Для учителя пулевых отверстий, — говорит он, — это действительно смешно кончить таким вот манером!

Затем, восторженувшись:

— погоди, может быть еще есть надежда. Он еще живой. Мне кажется, пуля обогнула затылок, потому что она там срикошетила!

Я всматриваюсь.

— А ведь действительно драже вышло наружу; секи сюда, на плинтус возле трубы. Быстро! Скорую!

—:—

Через полчаса Матиас уже в палате скорой помощи больницы Эдуард-Эрио, где ему будут делать трепанацию черепа. Его тестю остается только созвать дежурных серафистов для большой черной мессы с музыкой. Время призвать всех святых доброй воли, и ангелов-блюстителей, и дипломированных архангелов, и блаженных в силе, а также Биг Фэмили: Бога, сына, Святого Духа, Марию, Иосифа, осла и пятых и десятых для того, чтобы дежурный хирург сделал чудо.

Мы убиты горем, Берюрье и я. Опустошены внезапной трагедией. Все шло тихо-мирно. Банальная слезка, и вдруг мы перекувырнулись в драму. У того, кто пытал Матиаса, не оказалось никакой ксивы при себе. Служба установления личности попытается опознать его, раз уж она так называется. В *Стендинг-Отеле* Долорозы еще не объявились. Я дал указание устроить нычку с тем, чтобы повязать их по возвращении. Я спешу навести ясность в этой истории. Надеюсь, вы тоже, бабоньки? У вас мурашки в контакторах из-за такого нагробождения (как сказал бы Берю) непонятных вещей. Вы хотите, чтобы стало светло (хоть на этот раз мои плутовки). Ну что ж, вам придется сделать как Шарлю, то есть подождать с тем, чтобы узнать правду о Г-не Икс...

— Ну что, перекинемся на малого из школы? — волнуется Берю.

— Да, мой маленький, перекинемся.

И вот мы снова на пути в Сен-Сир.



В пути, в то время, как мы преодолеваем первые отроги Золотых Гор, Берюрье разговаривает сам с собой.

— Ведь в глубине души Матиас чувствовал, что с ним что-то произойдет, ты так не думаешь, Сан-А?

Пораженный, я шепчу:

— Это правда, Толстяк, он это чувствовал.

— О чем он мог знать, если им пришлось захлопнуть ему клюв с помощью петарды?

— Он ничего не знал, но те думали, что знал.

— Но что? — простодушествует Невыразимый.

Я делаю ртом звук, который другие предпочитают производить своим южным полусфериумом.

— В тот день, когда мы об этом узнаем, Толстяк, правда будет написана огненными буквами на фасаде Школы!

Берю смеется.

— Этот день не так далек, Парень, — обещает он. — С небольшим маховиком дай только кому сказать пару слов, и я тебе обещаю информацию по первой категории, когда потребуется.

Увы! Его оптимизм по крайней мере не своевременен в связи с тем, что наш клиент еще не вернулся в этот скул, как выражаются жители Великой Британии, которые бегло говорят по-английски!

Томительное ожидание начинается.

Товарищ Ракрё подкидывает мне сведения по поводу указанного лица. Речь идет о некоем

Абеле Канто родом из Бордо. Он появился в школе недавно. Я ломлюсь к месье директору, чтобы попросить у него досье на парня. Теперь мы играем с патроном открытыми стирами. Он признается, что знает, кто я, с того дня, как я прибыл, и я выражаю ему комплимент за его скромность. Карточка Канто ничего важного не сообщает. Он был секретарем в комиссариате парижского предместья после того, как работал инспектором в Бордо. Отмечается положительно, с достоинствами, если верить характеристике. Вот ведь что смущает все больше и больше, не так ли?

Заодно я прошу карточки двух «самоубийц». И тут, мои очаровашки, я начинаю различать слабый свет в этой бочке дегтя. Корсиканец Кастеллини был также инспектором в Бордо. А Бардан ментом в Либурне, то есть (для тех, кто немного знает географию) в нескольких километрах от Бордо. Вывод, город Монтеня (Мишель Эйквием де)\* и Эскарпи (Робер)\*\* является общим знаменателем этих трех господ. Одно очко в нашу пользу.

Я устраиваюсь в свободном кабинете и начинаю рассылать трели по всем азимутам. Я звоню в Бордо, чтобы мне выслали полный каталог прошлой деятельности Канто и двух самоубийц; после чего запрашиваю Панаму, чтобы получить сведения о Долорозах. На третьем тюрлю лионским коллегам я узнаю, что Панамцы не появились в *Стендинг-Отеле*. Поскольку друг Канто вроде бы тоже не собирается возвращаться в школу, я начинаю

---

\* Франц. писатель (XVI в.). Известен своими философскими «Опытами», в которых он выявляет беспомощность человека в его поисках истины.

\*\* Франц. журналист, автор предисловия к данной книге, основатель Общества Друзей Сан-Антонио.

очень серьезно подозревать, что эти гангстеры кое-что прознали о моей подлянке в вилле. Ментовка от Рона до Соны только что узнала, что особнячок, в котором заточили Матиаса, был арендован у одной пожилой и весьма приличной дамы, которая продавала свечи и иконки на холме Фурвьер. Пока что это все, чем мы располагаем.

Я достаиваю себя четвертым звонком в больницу Эдуард-Эрио. Дежурный студент-практикант сообщает мне, что операция Матиаса прошла успешно, но мой бедный товарищ, если и выкарабкается, то не сможет говорить по крайней мере еще двое суток.

Я же вам говорил, что томительное ожидание начинается!

Вечер проходит, пожалуй, спокойно. Мы смотрим по ящику спектакль высоко-морального содержания. Белый квадрат не нужен. В пьесе рассказывают историю одной дамы, которая любит своего мужа. Но она несчастна, бедняжка, ибо ей кажется, что ее ханыга дублирует ее с секретаршей. Он возвращается поздно, и она его уличает во лжи. Бедненькая испытывает горечь от наставленных рогов, ужас и отчаяние, и она решается продегустировать стопарик со стрихнином, чтобы показать своему проказнику-супругу, каково быть вдовцом! Но как раз в ту минуту, когда она собирается испить свою отравленную чашу, вот приканывает вертопрах, рот в виде сердечка, с гвоздикой в петлице и розой на трусах (красной, ибо это трусы Эминанс\*). Он держит здоровый пакет, перевязанный лентой. Объяснение: Это хороший муж, который готовил подарок на день рождения своей сюнечки. Он заказал для нее плиту на тран-

---

\* Преосвященство (фр.)

зисторах *made in Japan*, которую получил в виде отдельных частей из-за таможенных пошлин. Вечерами с помощью своей самоотверженной секретарши, очень положительной девушки и, сверх того, невесты лейтенанта пожарной команды, он собирал транзисторную плиту (с гелиографическим чайником, встроенной формой с хохмочкой, автоклавом с брызгающим шмандекелем, фигурным рашпером с инфракрасной инъекцией и электронной духовкой с компенсирующей прокладкой). Ничего конструктор, а? Тут надо было вложить терпение, чтобы собрать такой аппарат, имея под рукой только техническое описание на японском языке и из инструментов одну отвертку да ложечку для обуви на одну ногу.

Как же нужно любить свою жену, согласитесь! Она потрясена, и есть отчего, мадам кинутая. Она бегом-бегом отходит от своего заблуждения. Она разволнована до слез! Улетает на высоту десять тысяч метров! Совершает прогулку по розовому небу, вот так сразу! Вот она выплескивает свой зловеющий отвар в раковину, прежде чем рассыпаться в благодарностях перед своим героем-мастером на все руки! Все заканчивается, когда, чтобы не шокировать «наших юных телезрителей», она обещает ему торт с черникой на десерт. Но имеющий уши легко угадывает между этими глупостями, что на самом деле это будет такая черника! Большая перинная баталия, как пить дать! Сеанс на день рождения с ненасытным поцелуем, подкожными вздохами и порчей постельных принадлежностей под звуки американского марша.

Товарищи говорят, что это очень хороший спектакль, и явно чувствуется оздоровление нравов. Передачи такого крепкого закала это



Самка графа.



воздух для народа. Так он начинает осознавать себя и свои возможности, понимаете? Тут же следом нам предлагают документальный фильм об Индии в том смысле, что нищета там только среди бедных. К счастью, чтобы поднять уровень жизни этого народа, там еще есть настоящие магараджи, совершенно сказочные, с мраморными дворцами, дворы которых вымощены рубинами и топазами работы Марсель Панёля\*. Короче, индусская феерия во всем великолепии. В коротком метраже они не говорят о трущобах, чтобы не шокировать. Они предпочитают оставаться среди украшений, алебастра, атласа и белых слонов с золотой попоной (а с рогами народ, конечно). Они также не говорят о том, что вся феерическая Индия пахнет г...! Ибо, согласно религии этих бедных голодающих, они должны испражняться на вольном воздухе на восходе и на закате солнца. Когда приезжаешь в Бомбей поутру, от аэропорта до города на расстоянии почти сорок километров видишь Индию на корточках. Весь народ без штанов, это впечатляет. Ароматы загадочной Индии, это ничто иное. Но попробуйте показать или сказать об этом в документальном фильме! Попробуйте снять на пленку всю эту худобу, которая поглощена удалением своих отбросов на обочинах дорог, подтираясь землей! Тут же лига культа начнет быковать, благомыслы, запернутые в своей обиде, нудные, занудные, занятые-тем-никто-не-знает-чем, нравоучительные, вся елейная братия, святошная и тошная, от фальшзадых до фальшдутых. Пусть они только попробуют показать срущую Индию, которая подтирает отверстие холерной глиной, которая глотает

---

\* Франц. писатель и кинематографист, автор комедии *Топаз*.

бинты Вельпо, чтобы прочистить себе требуху, и которая предпочитает коршунов в качестве погребения; н-да, пусть попробуют эти ребятишки из *7 дней в мире*, и вы увидите, Пьеро Лазаревф, возмущенные письма, которые вам посыпятся на рабочий стол. В тени и в грязи, на улице и в алькове, в бюро и в исповедальне, они начеку, вóроны\*, переодетые в нечто, которые наполняют свои авторучки соляной кислотой, чтобы поносить его, чтобы стереть его, запретить цензурой, запугать, обляпать; месье тараканы, медам мокрицы, развратники с поясами верности и пачками петиций. Они бдят, блюстители морали! Они на страже, они в дозоре, они на вахте, чтобы ничего не пропустить.

Я даю новую очередь из телефона. Ничего нового! Матиас: состояние без перемен. В *Стендинг-Отель* Долорозы еще не вернулись. И я направляюсь в лежку. Но вместо того, чтобы упасть в своем боксе, я решаю залечь в зону Абея Канто. Таким образом, если он припылит, я уверен, что не упущу его! Во дворе еще кто-то есть, припозднившиеся со свихи. Почти все курсанты вернулись на базу. У гуляк глаза подчеркнуты трижды, костыли полусогнуты, а трусы — «адресат не проживает». Я полагаю, дамы получили полный сервис.

Прежде чем улечься в койку дезертира, я роюсь в его полках. Я нахожу кое-что интересное: слесарный инструмент в коробке из-под обуви. Думаю, что даже самые тупые из вас (если такие имеются) уже догадались, что нашим агрессором той самой ночью был Канто. Это он занимался подпольной сантех-

---

\* Священники (простонародн.)



никой в медпункте. Решительно, мне все больше хочется отыскать его, парнишку Абе-ля. Я вам обещаю, что стану его Каином.

Я жду столько, сколько могу.

И затем я уже не могу.

Тогда я засыпаю. Но одним глазком.

## ГЛАВА XIII

### В КОТОРОЙ БЕРЮРЬЕ ВЕДЕТ РЕЧЬ О БРАКОСОЧЕТАНИИ

На следующий день положение не изменилось. Разве что нашли машину Долорозы, брошенную на дороге в овраге близ Бург-ан-Бресс. На этот раз все ясно: клиенты *Стендинг-Отеля* заметили наше присутствие, когда отъезжали от виллы. Должно быть, они наблюдали наши действия и жесты незаметно. Понимая, что они разоблачены, им пришлось пустить в ход систему оповещения, предусмотренную заранее, и раствориться в природе после того, как предупредили Абея Канто. Похоже, пока я с вами разговариваю, они уже в Швейцарии. Матиас провел ночь «удовлетворительно», если верить эскулапам, которые всегда склонны удовлетворяться немногим. Разведывательная служба из Парижа информирует, что Долороза официально считается маклером по тяжелым маслам. Он постоянно в разъездах по всем странам света. Больше ничего не известно о его личности, и еще не удалось опознать тюремщика рыжего. Пока

что моя последняя надежда на Матиаса. Если ржавенький очнется, наверное, он сможет нам сообщить интересные вещи по поводу его похищения. Вейт энд си\*, как любят выражаться французы, которые хотят показать, что могут говорить по-английски.

День становится долгим. Я звоню в бордоскую службу Сыскной полиции, чтобы спросить, к чему пришло их расследование по трем инспекторам. Мои собратья-жирондисты обещают подробный отчет к завтрашнему дню, так или иначе, это способ уйти от ответа.

Не стоит напрягать мозги. Я пытаюсь найти Доблестного, но по всей видимости, он «спустился» в город. Я опасаясь, что он дегустирует новый божоль. Этот год столь щедр, что Толстяк, наверное, решил залить полный бак. Но мои страхи беспочвенны, ибо по наступлении вечера в столь жданный час мы находим его в классе с нимбом знания на лбу и ясным взором. Похоже, он испытал стул перед церемонией, чтобы избежать аварии как вчера. В нем чувствуется благородство. Красавец в некотором роде.

— Сесть! — бросает он тембром высокой марки, проштемпелеванной ноль франков тридцать.

Мы подчиняемся с громким шуршанием шмоток.

Тогда Берюрье Благородный выставляет свои десять пальцев словно бампер и скрупулезно располагает их друг против друга. Как будто медленно застегивается замок-молния.

— Вчера, мужики, — начинает наш глубокоуважаемый, — я хотел узнать, кто-таки подстроил стул. Для этого я поручил вам провести расследование. Надеюсь, вы это сделали?

---

\*Поживем — увидим (англ.)

Мы оглядываем друг друга с неуверенным видом. Мои товарищи и я сам забыли об инциденте, но этот красный осел Берю не забыл! Его череп как бермудский треугольник. Мысли, которые туда попадают, оттуда уже выбраться не могут.

— Кто скажет, получит 20 баллов! — обещает Толстяк.

Поскольку никто не отвечает, он ворчит:

— Тогда я спрошу поочередно одного за другим. Кто не знает, получит ноль, и это будет поделом!

Тогда до меня доходит, что тщеславный Толстяк хочет спасти свою репутацию, и чтобы покончить с этим, я поднимаю палец.

Берю буравит меня взглядом.

— Ну и таки что, молодой человек? — спрашивает он вкрадчивым голосом.

— Я знаю, кто это сделал, месье преподаватель.

Возмущенный шепот пробегает по рядам.

— Его имя Абель Канто,— говорю я, показывая на пустое место. И добавляю: «Это может быть только он, потому что виноваты всегда отсутствующие».

Тут же товарищи прыскают от смеха. Один из них даже говорит, что для «угольщика» я отличаюсь чувством юмора. Берю замыкается в своем достоинстве.

— Мы это посмотрим, когда он вернется,— предупреждает он, вкладывая в эти грозные слова максимум смысла.

Наконец, он открывает свою энциклопедию, находит главу, посвященную бракосочетанию и энергичным жестом разламывает книгу на две части с тем, чтобы выбранная страница держалась спокойно.

— Друзья,— начинает весьма демократично преподаватель,— прежде чем перейти к

женитьбе, нужно вам сказать одну вещь насчет помолвки. Если кто захочет разорвать, прежде чем надеть веревку на шею, не надо колебаться. Есть робкие, которые могут передумать с женитьбой, но все же женятся, потому как не имеют нахальства сделать неявку. Вот к ним я и обращаюсь. Это как будто терпишь кораблекрушение и отказываешься ухватиться за спасательный круг, дабы не испортить его! Если малый засомневался, не стоит нырять. Как тут быть? А вот так: или он напрямик выкладывает весь кусок мадмуазели, или же он ей отправляет письмишко такой конструкции:

*Мое сердечко, я, конечно же, тряхну тебя немного сильнее, чем ты от меня ожидала, но должен тебе признаться, после того, как я отошел в сторонку, чтобы поговорить с самим собой, я решил уже не жениться. Видишь ли Нинетт, свобода это такая штука, которую не делят. Так что, я предпочитаю сохранить свою и оставить тебе твою вместо того, чтобы повесить их обе на вешалку в ванной комнате.*

*Не сердись на меня за это решение, тут говорит здравый смысл, и поверь мне, моя экс-девочка, он редко порет чушь. Вышли мне кольцо заказной почтой. Ты будешь просто королева. Если же оно тебе очень нравится, и ты к нему привыкла, я оставляю его тебе по себестоимости, счет-фактура прилагается. Что касается наших писем, не стоит тратить на пересылку, мы их прилепим в сортире и дернем ручку смывного бачка на прошлое. Если ты случайно окажешься в моем квартале, заходи поздороваться, для тебя всегда найдется глоток портвейна и сухари. А еще, если, конечно, ты на меня не в обиде, несколько бархатных нежностей в*

том духе, от которых ты балдеешь. горячий привет родителям.

Леплю тебе высший засос.

Твой икс

*Post-Rectum:*

Я пользуюсь этим разводом, чтобы обратить твое внимание, что твоя старуха ничего не теряет, если будет сосать таблетки с соком акации, потому что когда ее целуешь, такое впечатление, будто чистят канализацию.

Берюрье немного отдыхает.

— Записали, ребята?

Мы уверяем, что «да», тогда он продолжает:

— Письмишко, это может быть не очень вежливо в некотором роде, но это лучше, чем отправить своего папашу или дружка фельдьеберем<sup>1</sup>.

Он чистит себе нос, мнет результат и отправляет наугад щелчком.

— Я знаю, в чем тут дело,— заявляет Его Опытность.— Я сослужил такую службу одному коллеге. Он должен был жениться на дочери химчистильщицы, а я должен был сыграть роль свидетеля. И вот однажды утром, он влетает ко мне в то время, как я брился. «Спасай мою жизнь»,— говорит он. И давай объяснять, что крошка уже не вызывает в нем ничего. Он ее пропустил через верстак, но она оказалась неспособной, по его мнению, на головокружительный аттракцион с толчками. Ее интересовала только музыка, и пока он ей выделывал дьявольские штучки, она вела беседу о великих композиторах: Херенс Лизт, Бах и Вдуплетти, шоу Берт, Бейндховен, Оф энд Бак, Гумно, Мусорский, кто еще... Да

---

<sup>1</sup> Берю, конечно же, хочет сказать фельдьегерем (прим. С-А).

так, что в конце концов его аппарат уже не работал, у друга Феликса. Когда он ее раскладывал на обе лопатки на своем матрасе, эту Адель, у него было впечатление, что он тонул в Моцарте живьем! Он понимал, что единственная близость, которая с ней возможна, это в области музыки, и от этого его болт принимал форму скрипичного ключа. Он предпочел подбить баланс, прежде чем потерпеть полное банкротство. Но он боялся ее матери, у которой в руках всегда были утюги по десять килограмм! Тогда с полными штанами он попросил меня объявить печальную новость. Какая же это была опасная миссия!

Берю обмахивает себя рукой.

— Вот, значит, я в химчистке. Запах нафталина, это уже создает атмосферу. Мадам К<sub>2</sub>В выглаживала складку штанов, когда я нарисовался. Рослая, крепкая, здоровая как кэтчист. В клешне у нее дымился утюг. Она меня узнает и грохочет: «Что угодно?»

В тот миг, единственное, что мне было угодно, это сверкнуть пятками, и побыстрее. Она была похожа на М-м Тито, но более гигантского размера. Удар плавником этой сирены мог расщепить вам любую кость! Я начинаю косить в сторону утюга и взвешивать свои шансы на жизнь.

«Ничего, М'дам,— бормочу я,— просто я зашел с вами поздороваться...»

Она ворчит и продолжает гладить. Проходит тридцать секунд, и поскольку я ни мур-мур, злой дракон ставит кулак на бедро.

«Ты что, весь день будешь мной любоваться, Берюрье?» — говорит она, текстуально.

Я слышал, как мой ангел-хранитель клал зубами, ребята! Но Берю, на него можно навесить много имен, только не поносник. Тогда, что делать, раз уж я тут по делу, я

ныряю: «Мадам Дюрон,— щебечу я,— меня прислал Феликс. Он передумал жениться на вашей дочери!»

Берю поднимается, так велико волнение, вызванное этим воспоминанием.

— Горе всем нам! Если бы вы видели ее рожу, которая превратилась в ураган! В ее черных глазах шел фильм *Сифон на Ямайке*! Ее бицепсы трещали как бенглийский огонь.

«Сильвуплэ?» — вздыхает она как локомотив, который сбрасывает пар прежде, чем повернуть шатуны.

Я больше не мог выдавить ни одного звука, тогда она снимает дверную ручку в виде клюва и надвигается на меня, держа ее как пушку: «Я жду ваших объяснений, Берюрье!»

Если женщина называет вас прямо по фамилии, это наводит ужас. Я ищу предлог поудачнее, что-нибудь стоящее, что могло бы притупить ее злость. Я чувствовал, что она готова растерзать все шмотки, которые висели в ее лавке, и запустить мне в рожу угольную печурку, а также все утюги, которые краснели своими задницами сверху.

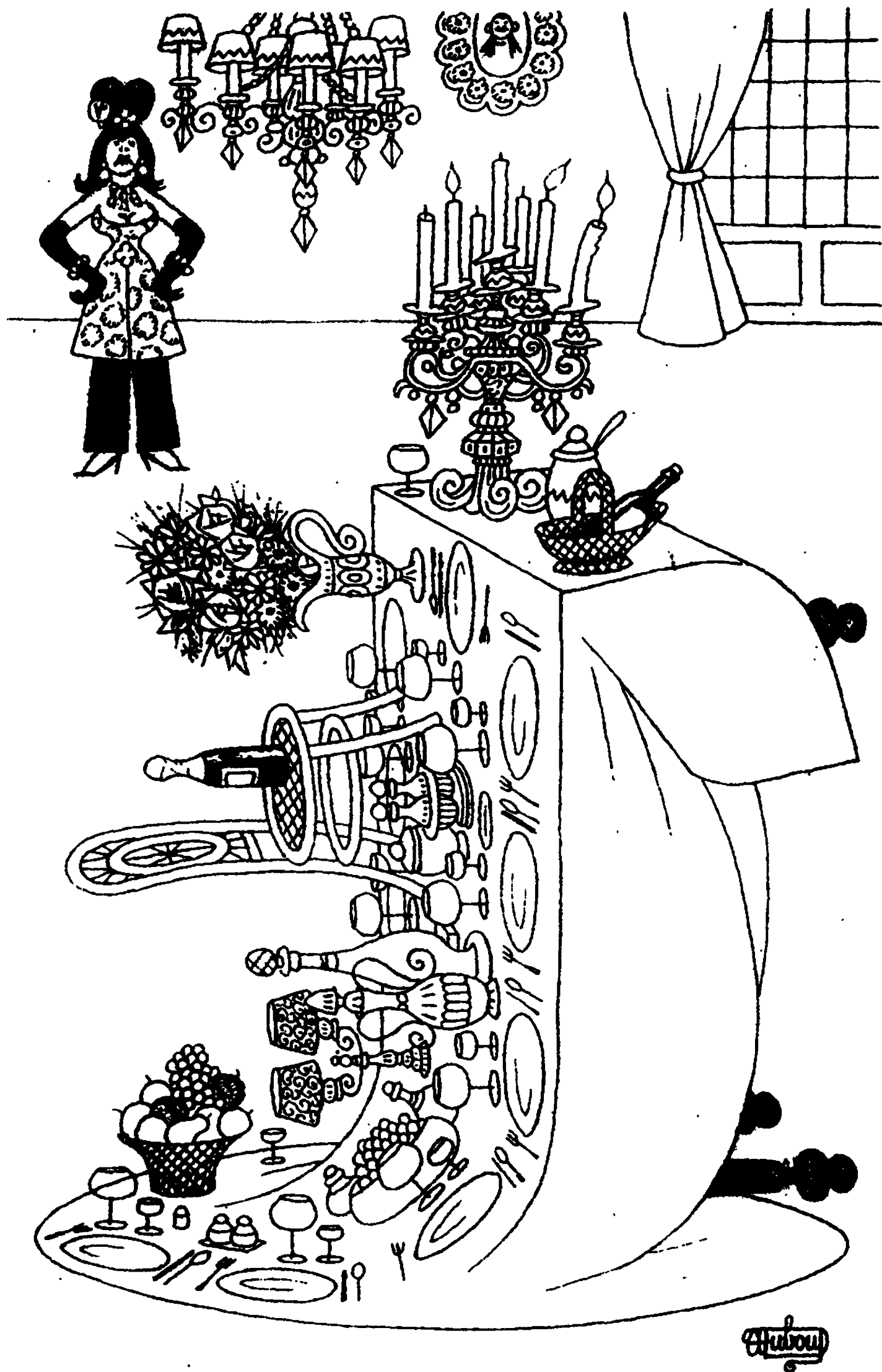
Я кидаю серое вещество в фосфорный склад. Надо было шевелиться. Ее взгляд уже превратился в пожар, он уже подобрался к моим усам! И тут мне приходит в голову блестящая идея: «Послушайте, маам Дюрон, у Феликса серьезная причина, чтобы не жениться на Адели: он влюблен в вас!»

— Неплохо, а? — ликует Толстый.

Он шлепает себя по окорокам.

— По тому, как изменилось ее лицо, я понял, что находка была просто сенсационная. Она побледнела, мамаша Дюрон. Ее ручка от двери у нее выпала из рук. Она дышала как дымокур для пчел! Что-то вроде Шшшьют-Хаа! Шшшьют-Хаа! Дыхание врывалось ей в бронхи, стекало изо рта на подбо-





Образец неправильно накрытого стола.



родок. У нее даже язык высунулся. У нее все сразу повисло при мысли, что ее будущий зять вклепался в нее: ее глаза, ее обильные дойки, волосы, нос. Я даже испугался, что с ней случился удар. «Вам плохо?» — спросил я.

Она уцепилась за свои поплавки, чтобы попытаться контролировать дыхание, которое пошло вразнос. «Надо же! Надо же!» — бормотала она.

Немного придя в себя, она сняла фартук. «Я пойду с ним поговорю», — объявила она. Я хотел сопроводить ее к Феликсу, но она не разрешила. «Такой разговор, месье Берюрье может быть только с глазу на глаз». Месье Берюрье! Как она сменила пар, а?

Когда я вышел, мне оставалось лишь немного времени, чтобы звякнуть приятелю, дабы поставить его в известность насчет предложения, который я использовал. Вначале, он хрипел как вошь, которую выкрасили в зеленый цвет, но в вопросе глотки я не боюсь никого. Я мог бы быть классным оценщиком на аукционе! — Для такой гренадерши, Феликс, — защищался я, — надо было что-нибудь из неизданного. Несовместимость характеров она бы выправила жаровней, эта гурия.

Берю грызет кожу в районе ногтя. Он выплевывает кусок самого себя на стол, некоторое время смотрит на жалкий остаток, забирает его, съедает и продолжает.

— Эта Дюрон ему такой разговорчик устроила с глазу на глаз, что в конце концов Феликс женился на ней в связи с тем, что она была вдова. Все сварганили под барабанный бой. Строевым шагом его отбуксировали в мэрию, бедного малого. На этот раз уже и речи не могло быть, чтобы отменить церемонию! Чистильщица его просто убила бы. Вот такие женщины, как она и берут

Бастилию! А теперь Феликс вкалывает в химчистке своей законной. Они купили паровой гладильный пресс, и он на нем трудится. Однажды я проходил перед их магазином. Через стекло он бросил мне такой нехороший взгляд, что я поспешил пройти мимо. Это вам доказывает, что если вы захотите разорвать помолвку, лучше черкануть донзели о том, что у вас на сердце; письмом объясняются лучше, и у вас есть время подыскать слова.

Толстяк вытаскивает из портфеля бутерброд с жареной свининой и банку божоле.

— Извиняюсь, — говорит он, весьма в стиле Регентства\*, — но я не успел пообедать.

Он грызет свой кусок, что ни в коей мере не помогает его дикции, и продолжает:

— Только не все рвут помолвку. Тут я кое-что знаю! Так что, займемся женитьбой.

Допустим, дата церемонии назначена. Так. Нужно разослать открытки. Так как мы уже изучили принцип этих посланий, я не буду за них держаться, просто я напому, что нужно упомянуть титулы и награды. Я дам вам пример для руководства.

Он шумно жует свой бутерброд, заливая его стаканом красного.

Он явно в муках творчества.

— Пишите! — приказывает он.

Он опорожняет стакан, долго прохаживается языком между деснами и щеками, цыкает дырявым зубом и диктует:

*Г-н Александр-Бенуа Берюрье, офицер полиции, помощник вице-председателя Веселой Утренней Галлии, дипломированный донор, член-благотворитель друзей игры в шары, бывший сенегальский стрелок, кавалер ордена Заслуг Благо-дородности, и г-жа Александр-*

---

\* Правительство Филиппа Орлеанского (после смерти Людовика XIV). Этот период отличается относительной свободой нравов.

*Бенуа Берюрье имеют честь сообщить о бракосочетании своей дочери Жозетты и г-на Жюль Воньденог, литейщика плавленных сырков с дипломом канского факультета.*

Он замолкает.

— Я повторяю, что это пример,— говорит он.— Во-первых, у меня нет дочери. И если бы она у меня была, я бы не позволил, чтобы она взяла мужа с фамилией Воньденог. Но вы просекаете систему? Родители, которые общаются о бракосочетании, пользуются случаем, чтобы подняться пеной. А если будущий супруг сирота? — скажете вы. В таком случае, это будут дедушка с бабушкой. Но если у него нет дедушки с бабушкой? — возразите вы. Тогда старший брат или дядя. Но если парень дитя природы,— настаиваете вы,— китаец, за здорово живешь. В таком случае, открытку может сделать соседка. И пример:

*Г-жа Женьшень, дворничиха с улицы Фариболь 68, имеет честь объявить вам о бракосочетании малышки Клодин Дурко с третьего этажа слева-по-лестнице-со-двора и г-на Люлю Дюбуа.*

И точка! — утверждает Его Округлость.

И весело продолжает:

— Итак, открытки разосланы и день церемонии назначен. Будущим супругам останется только купить обручальные кольца. Тут уж не поартачишься в связи с тем, что крошка идет к ювелиру вместе с вами. Нужно раскошелиться за кольца с желтизной без туфты. Иногда попадаются и такие, что желают с брильянтами вокруг, а их поддерживает торговец, который всегда рад ошипать клиентуру. Это надо пресечь круто, едва оказавшись в лавке.

«Мы хотим посмотреть обручальные кольца, но только без брильянтов, это плохой вкус». Таким образом, вы останетесь при сво-

их. Перед бракосочетанием родители и дружки закупают подарки. Вот где нужно быть бдительным! Если вы об этом не подумаете, то получите четырнадцать ночников, один другого упадочней, и столько солонок, что вы будете контрастировать с альбумином при одном их подсчете! У друзей у всех бзик на эти штучки, ибо они к ним также попали на собственную свадьбу, и они их сохранили, чтобы подарить, когда будут бракосочетаться другие. Уже тридцать лет мы дарим друг другу одни и те же лампы, подносы, лопаточки для пирога. Нужно разорвать этот адский круг, ребята. Для этого, единственное средство — как в письме — уведомлении о трауре, где напоминают *без цветов и венков*, на открытках о бракосочетании не бойтесь указать: *Без подарков: только почтовые переводы!* Таким образом, приглашенные вынуждены тряхнуть мошной, и потом вы себе купите что захотите!

Толстяк берет книгу.

— Позвольте, я вам прочитаю типичный перечень подарков, указанных в моем буке.

По его сотрясениям живота мы чувствуем, что будет что-то со сливками. Действительно. Судите сами:

*«Брильянтовое ожерелье, соболья муфта и пелерина, кружево Марии-Антуанетты, фортепьяно, зонтик от солнца, стакан воды.»*<sup>1</sup>

Его веселье прерывает чтение.

— У них мозги ороговели, это точно, у чуваков той эпохи, — прыскает Толстяк. — Ожерелье с камушками! А еще что? Кружева Марии-Антуанетты! Такое даже на блошином рынке не откопаешь. А если и найдешь кружева от воротничка, который был на ней в

---

<sup>1</sup> Опять буквально!

тот день, когда ей прооперировали железы, они же будут в пятнах! Фортепьяно, заметьте, для бракосочетания весьма показано. Но где хохма, это с зонтиком и стаканом воды! Если это зонтик для акробатов, которые скачут на железной проволоке, в крайнем случае, я молчу. Но если мне преподнесут стакан с водой, я ему ее в харю выплесну, этому великодушному дарителю, не сходя с места!

В прошлом,— продолжает Ученый,— заботились о приданом. Надо сказать, что вещи были прекрасного качества и долго носились. Но в наше время, когда на улицах полно автоматов, выдающих чулки или трусы, не стоит складировать белье. Я читаю в моей энциклопедии в разделе о дамских трусах для приданого следующий перечень:

|                                   |           |            |
|-----------------------------------|-----------|------------|
| <i>12 панталонов мадаполам</i>    |           |            |
| <i>с фестонами фантази .....</i>  | <i>14</i> | <i>168</i> |
| <i>12 панталонов разных .....</i> | <i>23</i> | <i>276</i> |
| <i>3 панталонов разных .....</i>  | <i>40</i> | <i>120</i> |
| <i>1 панталоны разные .....</i>   | <i>50</i> | <i>50</i>  |
| <i>1 панталоны богатые .....</i>  | <i>80</i> | <i>80</i>  |

Он облизывается.

— Я не любопытный, но я хотел бы спросить, какая разница между всеми этими панталонами разными. Сдается мне, что сюсюня исполняла вам весь франш-канкан в Мулен-Руж\* в одиночку! А свои панталоны богатые она, наверное, надевала для интимной церемонии перед зеркалом, когда ее месье уезжал в путешествие, или для приема патрона мужа втихаря. Когда я женился на Берте, у нее было только трое трусов: одни розовые на каждый день, одни белые выходные и одни черные для дождливых воскресений. Можете мне поверить, этого вполне достаточно.

---

\* Знаменитое кабаре в Париже.

Он кусает свой сэндвич, собирает крошки на ширинке и заметывает вместе с остатками.

— Перейдем, — жует он, — к церемонии. Для хорошего бракосочетания нужно, чтобы невеста была в белом. Иначе выглядишь так, будто сговорились на скорую руку. Если бы вы видели мою Берти в день «Ч» в своем платье со шлейфом и короной из апельсиновых веточек... Настоящая Пресвятая Дева! Под фатой у нее было лицо матроны, клянусь! В последнюю минуту мы замечаем, что забыли купить молитвенник. Катастрофа! Она чуть было не разревелась, бедняжка. К счастью, Берю вы знаете.

«Не волнуйся, курочка, — утешаю я ее. — Я тебе его сделаю в миг». Я цепляю поваренную книгу, которую нам подарила соседка. *«Секреты тетушки Анаис»*, так она называлась. В момент я изготавливаю обложку из куса белой клеенки и наклеиваю сверху крест, вырезанный из желтой промокательной бумаги. Это было потрясающе. У кюре в глазах был только огонь. Во время мессы мы читали вполголоса рецепты Шиш Кебаб по-восточному, рагу из фазана а ля Лагипьер и орешки из лани герцогини д'Узес.

Наша молитва была ему по кайфу, г-ну аббату. Но вот он нам говорит: «Теперь пропоем все вместе Кредо», или что-то в этом роде! Мы с Бертой не возражали. Мы ему голосили заливное де воляй по-старинному, делая вид, что это была латынь! Мы добавляли — с в конце каждого слова. Получалось что-то вроде (и Толстос гнусавит): Приготовимус бульонус с костямиус и птичьимис потрохамиус, телячьей ногоюс и свиноюс кожеюс...

Он умолкает, нежно улыбается и шепчет:

— Мы исходили слюнями, когда читали эту магию. Тем более, что приближался полдень и наши желудки трубили сбор громким



урчанием. Это нам вливало рвение в самые тайные закоулки наших кишок. Распевая о том, что *холодную птицу следует разрезать и залить бархатным соусом*, мы понимали, что бракосочетание это важная церемония. Одним словом, магия слов! Я еще помню, в одном месте было *украсить листьями эстрагона и пластинками трюфелей...* В этот миг мы уже больше не могли с Бертой: мы взяли за руки. Мы чувствовали себя на пороге большого счастья, ребята. Большого счастья...

Как всегда, в исключительные минуты, он позволяет себе маленькую слезинку, Берю. Ну и чтобы прогнать воспоминания, он принимает глоток рыжего. Он сразу же приходит в норму и продолжает:

— Кстати об обручальных кольцах, не забывайте, что внутри нужно выгравировать два имени, это более романтично. Можно подыскать милые надписи, как например Жанин + Роже. Мои приятели в этом преуспели. Вот только у них обоих имена были через тире, и им пришлось поставить только инициалы. Ее звали Жанна-Одетта-Полина, а его Гильом-Эдуард, так что получилось: «ЖОП+ГЭ», но они поздно спохватились. О таких вещах в этой ситуации не думаешь.

В конце церемонии все кидаются в ризницу для подписей и расплаты с духовенством. Присутствующие пользуются этим, чтобы пожать вам клешню и выразить комплименты. В таких случаях будьте короче и скромней, ребята. Не делайте, как эти старые кретины, председатели административных советов (вы знаете, это те осколки, от которых обществу невозможно избавиться, потому что у них пятьдесят акций, плюс еще одна), которые трясут культияпку молодоженам в течение десяти минут и дают им советы, которым сами не смогли бы следовать. Они выдают го-

лосом как на собрании Биржи: они ведут треп для всего народа, они считают, что вызывают восхищение своими дрожащими ногами.

Вы должны быть простыми и сердечными. Хорошая улыбка, искреннее рукопожатие. Приятное словцо: «Будьте счастливы и хорошо поработать сегодня ночью!», или «Какая пара! Когда у вас пойдут детишки, вы мне подкинете одного свеженького», или еще, сугубо для невесты: «Как вам идет белое! Надеюсь, что этот проказник не так скоро заставит вас надеть черное...» Если вы на свадьбе бывшей старой девы, спасенной под удар гонга, не дайте ей почувствовать, что это *in extremis*. Не говорите ей «супружеская диета вам заменит банановую», как бы вам этого ни хотелось. И не бросайте жениху шуточку в духе: «Ну и что же ты приготовил на сегодняшнюю ночь? Ножницы по металлу или вазелин?» Это может омрачить им счастье. В крайнем случае, шепните им ласково на ушко: «Не подавитесь от двойных порций». Это лучше!

Ну и еще следите за своей речью, если выходит замуж вдова. В этой связи вы знаете, что вдовы должны сохранять свои предыдущие кольца. Я знал одну, у которой палец был как винтовая пружина! Пять мужей она потребила, ненасытная. На таких свадьбах вы должны быть очень сдержанными. Вы ей можете нежно шепнуть, когда целуете: «Пусть этот носит фланель, чтобы не подцепить насморк», или лучше, в том случае, если вы с ней на короткой ноге: «Сама видишь, Лелетт, можно делать перезарядку». А вообще, сынки, все это вопрос такта. В ризнице старики начинают благодарить за подарки. Они шепчут, разминая пакет с фалангами приглашенного: «Как вы балуете нашу дочь, м'сье Луи!

О! Уверяю вас, это слишком. Это безумие! Если бы Лолотт не была так довольна, я бы потрепал вам ушки». Гость должен сделать такой скромный вид, вы представляете. И он шепчет с улыбкой Колгейт: «Это мелочь, представьте, мне делают уступки у оптовиков», или еще: «Не будем об этом, это старая вещичка, которая мне досталась от тетушки Жюли, и я не знал, что с ней делать». Это вносит непринужденность.

Берю угощается большой порцией божольпифа, несколько раз цокает языком и продолжает.

— В наши дни, увы! Свадебное угощение начинает выходить из моды. Закуска стоя, вот что его заменило.

Он делает мощный вдох.

— Это достойно сожаления! — изрекает преподаватель. — Уже одна музыка на ногах, я считаю, это не очень эскетично<sup>1</sup>, но грызть стоя, это конец всему! Таскаешь оснастку со жратвой из одного угла в другой, приклеи- ваешься к ней везде, опрокидываешь на платье мамзелей, вынужден калякать с полным ртом. А если хочешь добавки, это толкотня задниц вокруг буфета! Лучше пригласить поменьше народу и дать пожрать гостям приличным образом.

Он исследует свой бумажник, извлекает из него растресканную, в пятнах, пожелтевшую, со складками, размягченную от манипуляций картонку Бристоль и, разворачивая ее, объявляет:

— Вот меню с моей свадьбы, ребята. То же самое, что дал в посольстве Англии Его Величество Эдуард VII во время визита в Панаму в 1903 г.

---

<sup>1</sup> Может быть, Берю имеет ввиду эстетично?

Он декламирует тоном привратника, оглашающего прибытие высоких гостей на приеме:

*Суп из черепахи прозрачный  
Крем ячменный а ля дюран  
Зефир по римски  
Таймень а ля модерн  
Баранья нога по-английски  
Котлеты из цесарок а ля Георг IV  
Котлеты де воляй в тесте а ля Россини  
Ужимки из гусиной печени а ля инфанта  
Щербет а ля помпадур  
Бреские пулярки жареные  
Салат гульеми  
Омары по-парижски  
Спаржа аржантейская в богатом соусе  
Пудинг а ля виндзор  
Бисквит глясе а ля монселе  
Бесенята и честер-кекс*

Слезы льются на его прекрасное лицо. Он покашливает, сморкается в широкую часть своего галстука, засовывает его в рубашку и объявляет:

— Эх! Умели они поест в те времена!

Это меню я раскопал в Вермо, когда был салаженком. Я его помнил наизусть и всегда повторял себе, что когда-нибудь отведаю его. Моя женитьба, это был как раз тот случай, о котором я мечтал, вы согласны? Только все это вместе стоило целое состояние. Я не знаю, представляете ли вы себе эту монументальную хавку, суперпродукцию Голливуда по выставлению и бикарбонат в придачу. На моей свадьбе было тридцать человек. Мы не могли себе позволить такую эксцентричность! Даже с уступками это превышало наш бюджет. И все же нам так хотелось! Решение нашла моя Берта. Мы заказали знатное меню только для нас двоих в связи с тем, что мы были молодожены. Для других мы взяли более уме-

ренный фриштик: селедка с яблоками в масле, жаркое из цветной капусты, кровяная колбаса шефа и корзина с фруктами. Натюрлих\*, они закончили намного раньше нас. Они чистили мандарины, тогда как мы едва добрались до тайменя. Они корчили противные рожи, видя, как мы заметывали роскошную жратву. Запахи нервировали им слюнные железы. Мой дядя Аженор со своей фасонной челюстью скрипел фальшивыми зубами. Кузина Гертруда тоже выказывала недовольство, ворчливая как черт, она громко заявляла, что мы два обжоры. Но нам с Бертой было наплевать на ее саргазмы. Мне кажется, то, что перед нами, подперевшись локтями, все были под галлюцинацией, действовало как допинг на нашу сливную трубу. Только Маман умилялась: «Давайте, мои маленькие,— подбадривала она нас.— Надо этим хорошенько воспользоваться, это такой прекрасный день.» Мы растягивали удовольствие с моей женушкой. Застолье Эдуарда VII было ничто по сравнению с нашим! В какой-то миг у нас чуть было не подпортилось, потому что я вlepил затрещину Пьеро, пацану моего шурина, который стал канючить над нашим щербетом Помпадур. Он хотел попробовать во что бы то ни стало, этот гаденыш. В раздражении я ему звезданул жестковато, и у него потекла из носа кровь досаднейшим образом. Маман его быстро репатриировала в сортир, чтобы отремонтировать ему витрину и загладить инцидент.

Не прекращая дегустировать, я косил на мою БERTY, и я испытывал гордость оттого, что у нее был такой прекрасный аппетит. За столом БERTY, это наука. Она дышит во время еды так, чтобы не глотать воздух одновре-

---

\*Конечно (нем.) Во фр. языке употребляется как арготизм.

менно с беарнским соусом. Даже в те времена, когда она еще не приняла большую форму, она выходила из положения словно куколка! Жажнуть глоткой, это у нее было врожденное. На омаре по-парижски все же я подумал, что она сломалась. Она стала ярко-красной, опасно конкурируя с омаром. Она зажевывала вхолостую. Я ей подкорректировал стрельбу, подав во-время стопарь с мюскаде. Он был хорошо охлажденным. Эта свежесть образумила ей слизистую, и к ней вернулся весь ее блеск.

Берю опорожняет свою бутылку.

— Запомните хорошенько, что я вам сейчас скажу,— продолжает он с ученым видом.— Свадьба должна быть с музыкой. Если не подрыгаться в этот день, то у гостей такое впечатление, что их обули. Я это предусмотрел, поэтому я запасся классным музыкантом: младший капрал Гроссель, виртуоз. Хоть он и мент, но он не на какой-нибудь скрипке играл, а на аккордеоне. У него он был такой сияющий, как новая пивная: красный, как я помню, с перламутровыми зигзагами со всех сторон и клавишами с имитацией под чистое золото. Стоило только посмотреть на него с пианино на ремнях, в ногах сразу чувствовалось счастье. Вас охватывала большая радость, видя, как он сверкает всеми цветами, такой роскошный. Но большой толчок ощущали, когда Гроссель загружал его себе на колени. Он начинал с того, что расстилал себе на костыли коврик из черного плюша. Такое впечатление, что он вроде бы собирался подзаправиться, судя по его приготовлениям. Он надевал ремень себе на шею с серьезным, сосредоточенным видом. Настоящий кюре, который собирается угоститься телевизионной мессой! Неожиданно его сильные клешни громилы становились, так сказать, совершенно изящными. Они принимали габарит выши-

вальщицы, чтобы бегать по своим клавишам. Ловкие, как кордебалет, ребята! Как он в них не терялся, Боже мой! И ведь они даже не были пронумерованы! Если бы вы видели Гросселя в натуре со своей униформой, осыпавшим бранью автомобилистов, вы бы никогда не поверили, что он способен так музыкировать! Он вдруг сразу становился неузнаваемым. Каждый раз он начинал с классики: *Малышка из Тонкина* Моцарта, *У меня две любви* братьев Мильят... Ваша душа тоже расширялась вместе с аккордеоном — и плакала на высоких нотах в тот миг, когда инструмент начинал просто рыдать и испускать стоны.

Такой парень на свадьбе, представляете, какая это удача! Он один заменял целый оркестр. Мы его устроили на столе. Увы! Он немного перебрал. Оказавшись наверху, у него начала кружиться голова. К тому же, те, кто учил алгебру, знают: теплый воздух поднимается. На этой высоте ему было душно, Гросселю. Если бы он объявил сразу, что у него в животе прилив, его бы немного прогуляли по двору трактира и дали бы глоток Виши\* как уязвимому. Но из-за своей капраловой гордости, он ни гу-гу. Вот он значит начинает аккордеонить любой ценой. А мы давай дрыгаться, не видя, что у него была рожа мученика. Мы с Бертой, надо сказать, чувствовали себя тяжеловато с нашим порционом Эдуарда VII в баке. Но мы все же танцевали. Мы думали, что это утрамбует изумительную хавку, что вальс и танго завершат представление ужимок Инфанты бреской пулярке, а суп из черепахи в конце концов найдет взаимопонимание с зефиром по-римски. Вот где мы были неправы с Бертой, это в том, что

---

\* Минеральная вода.

соблюди меню до такой степени, что стрескали пудинг а ля Виндзор. Англия, это божественная страна, я молчу, но у нее всегда найдется что-нибудь предательское. В последнюю войну это был Мерс эль-Кебир\*, а на моей свадьбе Пудинг Виндзор. Если бы мы слопали мешок сырого цемента, у нас бы и тогда требуха не так свернулась! В наших глубинах заклинило, проходы завалило, деликатесы шли какими-то обходными путями. Мы рассчитывали на антраша, чтобы восстановить порядок. Пришлось стиснуть зубы и терпеливо ждать. Тем временем, на своем наместе, младший капрал выжимал рыдания из своего инструмента. Он был мертвенно-бледный с зеленцой под глазами и слившимися волосами на лбу, бедняга. Его так мутило, что он не мог дышать; это было выше его сил; жар у него был уже в печенках. И он продолжал выдавать *из Тонкина, Матчиш, У меня две любви...* Кузина Гертруда, стоя за спинкой стула, закрыв глаза, надсаживалась как всякий раз, когда мы собирались семьей. Я не знаю, какой болван ей внушил, что у нее голос, как у соловья, но с тех пор она нам пилила барабанные перепонки своим зазубренным визгом. Будучи старой девой, это был ее персональный способ ловить кайф. Я думаю, вот этот визг и прикончил Гроссея. Слушая кошачьи визги Гертруды, ему в конце концов померещилось, что это он производил столь омерзительные звуки на своей музыкальной рессоре. Драма случилась, когда он исполнял *Очарование*. Гертруда исторгала такие звуки, словно вы взбиваете майонез же-

---

\*Порт в Алжире. 3 июля 1940 г. находившаяся в порту французская эскадра отказалась выполнить ультиматум англичан продолжать войну против Германии или разоружиться, и была подвергнута бомбардировке Ройал Нави, в результате чего погибли 1300 французских моряков.



лезной ложкой, о том, что *они встретились просто и она не пыталась ему пригляну-уться!* Это совсем неудивительно, между нами говоря!

Те, кто танцевал, старались не обращать на нее внимания. Мы только настраивались на аккордеон, чтобы уловить своими лопухами его ужасные интонации. Но Гроссель больше не мог бороться, бедный козлик. Там наверху, на своем стуле, он силился удержать свои вытаращенные глаза, которые в свою очередь пытались смотать удочки и скатиться на пол. Его язык тоже подумывал с бегстве! Он все еще давил на клавиатуру, но чисто инстинктивно, как бежит утка, которой отсекли башку! Это были одни рефлексy... Все, что осталось от музыки, стекало у него между пальцев. Наконец, он уже не смог удержать. Он не хотел испачкать свой красавец-аккордеон. Молниеносно он понял, какое было бы бедствие, если бы он вlepил в меха свой излишек. Он двинулся к краю стола, тряхнув головой над инструментом, и выпустил свою первую ракету. Невезуха, внизу как раз были мы с Бертой. Все схлопотала моя молодая жена, прямо на фату. Ее корона из апельсиновых веточек враз превратилась в куст малины<sup>1</sup>. Гроссель на этом не успокоился. Морская артиллерия! Бэ! Бэ! Гром и молния! Трафальгар и Аустерлиц, ребята! Залп! Два залпа! Его аккордеон висел у него на шее, но теперь он мычал, как телящаяся корова. Он служил ему в качестве нагрудничка. Моя Берта не сразу поняла, она не могла опознать бедствие, потому что стояла спиной к Гросселю. Она подумала, что настал час серпан-

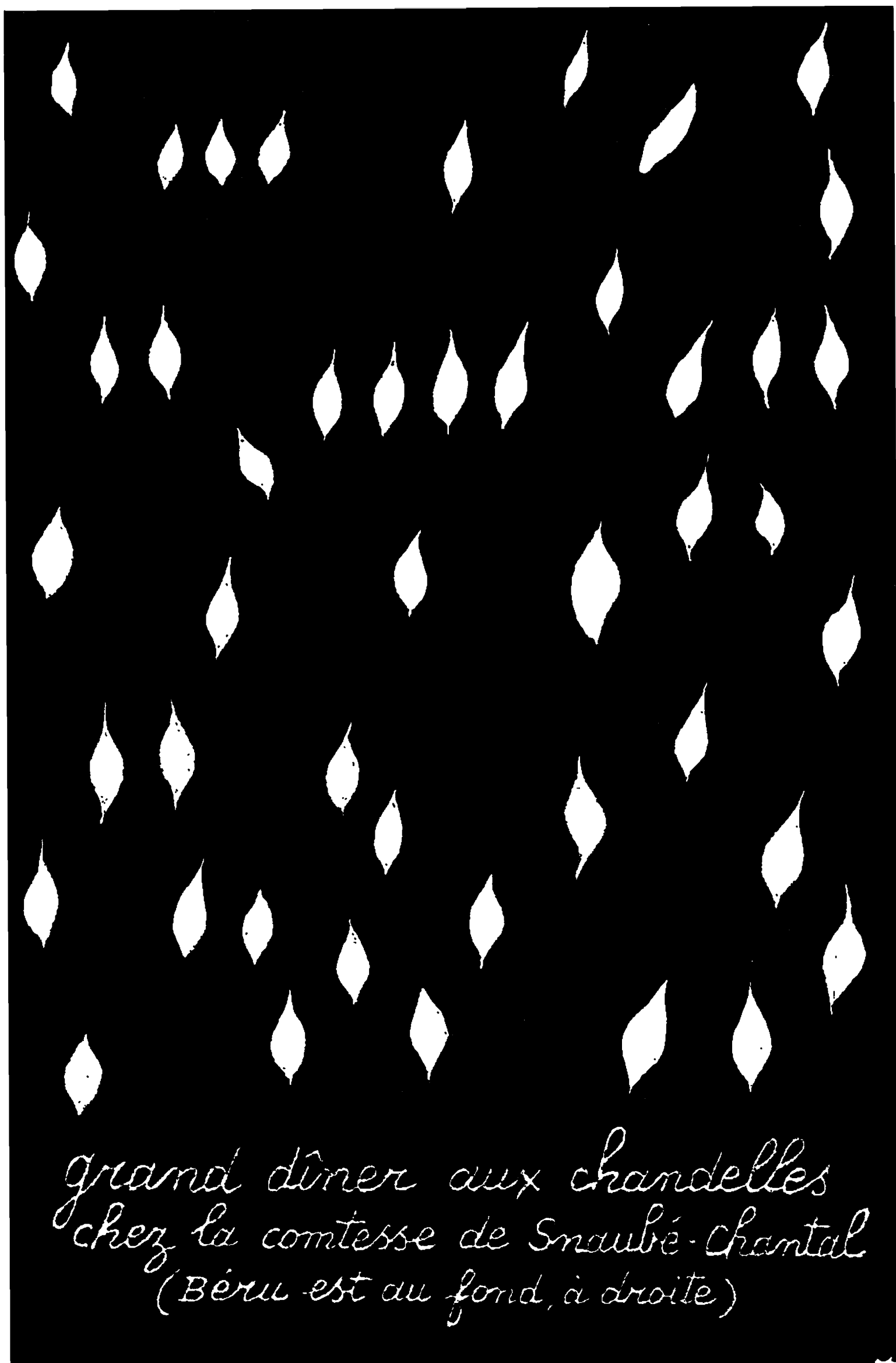
---

<sup>1</sup> Я предупреждаю деликатных, которые еще не бросили эту книгу, что рассказ Берюрье не закончен; так что они могут перепрыгнуть через несколько страниц и пойти куда-нибудь подальше, чтобы там нас и подождать. САН-А.

тина и теперь будет гай-гуи вокруг невесты. Только почувствовав, что на лоб ей стекает, она догадалась о чем-то подозрительном. И по моему катастрофическому выражению лица тоже. Она поднесла руку к прибывшему товару. Как раз в этот миг у виртуоза пошел третий загул, самый сильный, он у него шел издалека. Берта повернулась и схлопотала прямо в рожу. Она ничего не сказала, потому что с полным ртом разговаривать неприлично. Только она тоже поспешила прицепить вагоны. Ее омар по-парижски, который ее мучил, только этого и ждал, чтобы дать задний ход, как и полагается омару.

Танцующие это зрелище не смогли себе усвоить. Это вызвало цепную редакцию. Самые чувствительные начали с того, что сложились вдвое, вцепились в столы, в стулья, в соседей. Настоящее кораблекрушение. Это был уже не банкетный зал *Лошадь в яблоках*, а столовая самоходного парома в тот день, когда Ла Манш куролесит.

Некоторые сопротивлялись, держались до упора, не хотели принять участие в этом путешествии и украсить паркет мозаикой. Но всеобщее воодушевление увлекло их, как лавина увлекает легкий альпийский домик на склоне. Бэ! Бэ! Еще Бэ! Со всех сторон. И снова Бэ! Официанты смылись, началась паника. Кабатчик подумал, что все отравились, он подумывал вызвать пожарную команду с их аппаратурой для реанимации. На кухне было слышно, как гремели ведра. Придeldывали ручки к щеткам-швабрам, которыми рассекали во весь аллюр, чтобы выдраить палубу; собирали тряпки! Шеф-повар, о котором уже никто и не думал, вытащил поддон из своей печи; он предлагал золу! Он был мэтр-блевист на грузопассажирском корабле и знал, как надо действовать!



*grand dîner aux chandelles  
chez la comtesse de Snaubé-Chantal  
(Béru est au fond, à droite)*

Ужин при свечах у графини де Снобе-Шанталь   
(Берю в глубине, справа).



Я не хотел, как говорится, в своем качестве жениха при полном пищеварении, отречься от своего меню Эдуарда VII! Я опрокидывал во весь опор бокалы с шампанским, которые расползлись по столам, чтобы закупорить любой ценой. Тем временем, вы мне можете не верить, кузина Гертруда продолжала очаровывать во всю глотку. Она не заметила, что музыка остановилась, так как она пребывала в полном экстазе, с закрытыми глазами.

Она квохтала, что *она верила в него, как в высшее счастье*, эта ужасная сирена.

Оставались только она и я из тех, кто еще не примкнул к концерту. Все уже были под прямым углом, чтобы уже покончить с этим, прочистить дымоходы разом. А я, Берю, боролся с моим мерзким пудингом. Он делал попытки, и ему удавалось подниматься до глотки. Я его заталкивал шампанским. Это было хуже, чем матч в рэгби Франция-Уэльс. Схватки были еще более остервенелыми, более жестокими. Рядом со мной Аженор совсем не облегчал мои страдания, этот разбойник заканчивал декорировать фату Берты. Он наступил на нее, чтобы дотянуться до своей удивительной челюсти. В этом разгроме дядюшкин аппарат для погрызки выглядел еще более угнетающе, чем на Блошином, когда он валялся между патефоном с раструбом и фото Бисмарка в *иллюстрации*. Вот она-то в особенности, эта добрая починенная челюсть и выражала, как могла, всю отвратительность сцены. Она взывала о пощаде посреди лужи, она просила прощения за то, что срубала все это! Ей было стыдно! Когда песня кончилась, Гертруда открыла глаза. Вы бы видели ее свободное падение с седьмого неба, куда она залезла, мастурбируя свои голосовые связки! Она только что проблеяла свое последнее люб-

лю-у-у вне себя от чувств. И потом вдруг узрела свадьбу на карачках, музыканта, который со своего помоста кидал свои последние селетки над пылающим аккордеоном. Тогда она поспешила сделать в унисон, принять участие в большом плещущем хорале. Она оставила свой репертуар, чтобы тоже подхватить Бэ, Бэ. Остался только я, кто еще блюл приличия! В промежутке между двумя иками с гарниром, Аженор мне бормочет:

«— Как тебе удастся это выдержать, Сандри?»

«— Я думаю об Эдуарде VII»,— отвечаю я.

Он решил, что я над ним издеваюсь, и это его опорожнило окончательно.

Толстяк кладет свою шляпу и причесывается с помощью расчески с двумя зубцами.

— И тем не менее,— говорит он,— я думал об Эдуарде VII. Я думал, что мне удался такой же подвиг, что и королю-ростбифу, и для моего национального достоинства это было как допинг. Это же заслуга для какого-то деревенщины, не так ли?

На этом он заканчивает свой рассказ.

— Вывод, на свадьбе не спайвайте музыкантов, могут быть очень тяжелые последствия. Конечно, им надо смочить жернова, но в таком разе договоритесь с официантами, чтобы они добавили в винишко воды.

Теперь вернемся к ходу событий. Во время свадьбы жених должен танцевать очень мало. Если он будет расходовать свои силы на вальсы, что ему останется для ночного галопа? Не стоит портить старт, ребята! Я помню одного своего приятеля, который настолько измотал себя в па-де-вдупель, что когда наступила ночь, он уже не стоял на ногах. Его совсем новенькая Мадам ожидала свою порцию головокружения, но все что он ей спел, это соло

с храпом. Это печально для первой ночи, не так ли? Бедняжка хоть и пыталась сделать все возможное и завести его рукояткой, но у него были слишком грязные свечи для того, чтобы пошла карбюрация. Представляете, милочка, которая пытается устроить себе праздник по уцененному тарифу, в унынии, рядом со своим храпуном? На следующий день ему было так стыдно в своем бунусте<sup>1</sup>, молодожену, что у него прогорела вся его страсть. При меркале<sup>2</sup> ему уже некуда было занывать свой конфуз. Он пентюховал. Он съежился боязливо. Мозги съехали набекрень. И знаете, ребятишки, в таких случаях, когда башка артачится, лучше не настаивать. Предохранители полетели: как бы ты ни чикал выключателем, от этого ток не появится! Через полгода они развелись в той связи, что дамочка так и ходила в девушках. Все оттого, что муж слишком много плясал на своей свадьбе! Так что, с оглядкой!

Берюрье извлекает второй литр из рваного портфеля. Он пьет, смакует, глотает.

— Раз уж я добрался до брачной ночи, нужно поговорить и об этом. Возьмем немного до того: об уходе с бала втихаря. Традиции угодно, чтобы эти идиоты-гости выследили бегство молодоженов и устроили им целый тарарам. Я вам подкину одну хитрость. Только для этого нужно сообщника: к примеру, отца невесты или свекра.

В промежутке между танцами жених спрашивает как бы в сторонку, нет ли у кого туалетной бумаги, потому что, говорит он, в сортире дупль пусто. Какая-нибудь милосердная душа наконец находит в своем кармане старый счет или любовное письмо. Молодо-

---

<sup>1</sup> Бунуст: кровать.

<sup>2</sup> свет! Арго, которое я использую для моих друзей из Политеха.

жен, чтобы сбить с толку, начинает отстегивать свои подтяжки, как будто дело срочное. Потом он смывается со своей бумажкой. Никто не подозревает, пляски продолжаются, невеста начинает танговать с папой или деверем. Как ни в чем ни бывало, ее кавалер, пользуясь полутьмой для танго, направляет ее к запасному выходу. Малышка поднимает парус (то есть, фату) и находит своего Ромео у дверей клозета. Им больше ничего не остается, как доскакать до своей тачки и *год найт* компания!

Бугай подмигивает.

— Пишите, пишите, — рекомендует он, — даже если вы женаты, это может пригодиться, вы не знаете, что вам готовит жизнь. Итак, — продолжает Неумолимый, — медовый месяц начался. Вы ведете Нинетт в приготовленный для этого номер гостиницы. Голубочки сырые. Уф, все! Наконец-то одни! Ты принадлежишь только мне, моя девочка! Обними меня крепче, Люлю! Послушай, Монамур, ты веришь, что все это правда? Мы муж и жена? И начинается сеанс раздевания. Нужно действовать медленно: без исступления! Слащаво! Нужно, чтобы все это плавало в масле! Вы раздеваете Куколку на манер стриптиза! Со знанием дела, тихохонько, с остановками, с пылкими поцелуями. Полутьма. (Света от ванной достаточно). Вы успокаиваете ее стыдливость прекрасными клятвами, не скупитесь на них, она только этого и ждет, мадам новобрачная. Обещайте ей большой мираж, безумное счастье, верность на всю жизнь и даже после! Уверьте ее, что между вами никогда не будет конца! Клянитесь, что с этого дня вы начинаете большую натирку чувств, чтобы уже из этого не выйти! Вот вы захопнулись в ловушке нежности! Глаза в глаза, рот в рот и скубиду в кофейной чашке, такими вы оста-



нетесь отныне и навек! Нужно ей выдать входной билет в рай сладострастия, милочке, непременно! Это ее ночь! Ля пофеоз с малиной! Не прекращая калякать и обещая достать ей звезды, вы распечатываете ее луну. Очень важно, ребята, чтобы на первой интимной встрече она была голяком, а вы при шмотках. Это устанавливает ваше превосходство, понимаете? Она принимает мышление рабыни! Это полезно для будущего! Нужно, чтобы вы утвердили себя повелителем! Она голая, а вы в черном с белым галстуком! Это же целая планета между вами. Оставаясь в одежде, вы начинаете ее обрабатывать на всю катушку. Пусть она хорошо прочувствует шершавость ваших шмоток на своей коже, самец должен царапать! Причинять боль! Постарайтесь ей сделать первый сеанс, чтоб дым шел! Чтобы она забыла свой день рождения, черт возьми! И адрес своих родителей! Чтобы она забыла свой родной язык! Нужно, чтобы она заговорила на овечьем, на сучьем, на коровьем! Нужно, чтобы она почувствовала боль и забыла о ней! Нужно, чтобы она вся была в крапивнице! Чтобы она дымилась! Чтобы умоляла! Чтобы умерла два раза, три раза, десять раз! Нужно ее прикончить ласками! Оживить ласками! Унести, улететь, скрутить, орлом-решкой, утопить в обмороке и выловить оттуда! Если вам это удастся самым роскошным образом в первую же ночь, будущее принадлежит вам! Слово Берюрье! А я словами не бросаюсь!

Он позволяет себе приступ кашля, быстро успокаивая его полным стаканом жюльенаса.

— Конечно,— продолжает Воспитатель,— число нетерпеливцев, которые не дождались брачной ночи, чтобы сыграть в Залезай-на-верх, все увеличивается. Неважно! Надо, чтобы брачная ночь всегда была праздничной

премьерой, ребята. Всегда! Это Рождество, даже если девственница не первый раз замужем! А теперь, после того, как я вам дал совет, как себя вести, рассмотрим то, что нужно избегать.

Он извлекает звуки пения из глаз между большим и указательным пальцами. Это напоминает скрип, когда заправщик чистит вам лобовое стекло резиновым скребком.

— Примо,— говорит он, полируя свои орбиты,— по части мужика. Когда они заходят в брачную комнату, он должен избегать рефлексов такого рода: «О, они сменили обои после того, как я тут побывал», или «Надеюсь, тут нет клопов, как в гостинице «Дрючба», где я был с Симоной».

Берю думает еще, заботясь о том, чтобы ничего не упустить.

— А еще,— продолжает Доблестный,— во время излияний чтобы этот новобрачный кретин не шепнул мышке, дабы успокоить ее: «Доверься мне, Лолотт, дело-то привычное», или в нетерпении: «Если ты его боишься, я его предложу тем, кому это доставит удовольствие». Или даже (есть и такие): «Ну что, э, малышка, что-то ты вяло подбрасываешь, давай-ка я тебе разомну брюшную полость». Также избегайте называть ее другим именем, это может обидеть. Если она отдается как гладильная доска, вместо того, чтобы предъявлять ей претензии, сделайте ей комплимент. Бабы, те, что самые скромные, любят, чтобы их уверяли, будто они чемпионки в любви. Чем траурнее они сыреют, тем больше они считают себя куртизанками и гордятся этим. Это означает, что они нуждаются в вашей поддержке, потому что в глубине души у них скрыто призвание. Так что, после сеанса радости-с-гровкой вы издаете восхищенный свист

и шепчете: «Ну и ну, голубка-голубкой, а соленая, как треска, вот это девочка».

Он встает и под нашими усердными взглядами делает несколько гимнастических упражнений на базе сгибания в коленях. Досадный треск объявляет нам о том, что его штаны участвуют в этом против воли. Толстяк приостанавливается, ощупывает основание весьма тактильным указательным, делает гримасу и садится без комментариев.

— Займемся теперь вопросом девицы, — решает Сногсшибательный. — Прежде всего, она никоим образом не должна показывать разочарования, если в день «Ч» муж выложит хилого, чтобы она не воскликнула «Вот это лажа! Я выходила замуж за мужчину, а не за порцию сосисок!» Это чертовски оскорбительно для дятла. Пусть прожорливые знают, что главное не предмет, а способ пользования.

Вы все знаете анекдот на тему о рассеянности молодоженов? Я вам его повторю, потому что он не такой уж глупый. Верх рассеянности, это когда после сеанса любви муж выдает своей биксе трояк, а она цапает его и засовывает себе в чулок. Эта история вам говорит вкратце об опасностях. Нужно быть настороже с обеих сторон, не забывать ни на миг, кто есть кто по отношению к другому или другой, и для чего они оба в этих четырех стенах. О кей?

Я также хочу сказать пару слов о свадебном путешествии. Естественно, каждый действует по своим возможностям. В наши дни, когда в путешествия ездят запросто, и можно их оплатить в двадцать четыре месячных, молодожены считают себя обязанными провести медовый месяц в Новых Гибридах в Верхней Азии или в Энту-на-нарыве. Ерунда! Свадебное путешествие, это не туризм! Пейзаж не должен отвлекать от штучки. Хоро-

ший уголок во французской провинции, вот идеал! Но момент! Как всегда, нужно избегать крайностей. Я видел, как одни уезжали заниматься туризмом по такому обстоятельству! Брачная ночь в палатке, это только для английской королевы. В эту ночь не стоит, чтобы ей в медальон заползли красные муравьи, это не предусмотрено в сценарии! И чтоб она подцепила насморк на свежем воздухе! А потом, в заведениях Тригано у вас нет свободного поля для больших казачьих налетов. Все удобства только на природе! Представляете себе эту псовую охоту между тирольским мешком и газовой плиткой туриста? Вы рискуете набить себе синяк о плиту или прищемить свои дела складным столом! И я молчу насчет хрупкости усадьбы. Один злосчастный подброс, и вы срываете колышки палатки! Брезентовый билдинг сваливается на вас как противопожарная кошма. Вы запутываетесь дрыжками в веревках! Вот вы завернуты, упакованы, мумифицированы. Ваше чудесное рвение замотано в веревках, вы теряете мандолину мадам и взамен получаете канистру воды, в полном замешательстве. Маршрут перекрыт. Разгром и бегство на поле брани! Нельзя рекомендовать такие страдания молодой паре. Нет, нельзя!

Он массирует палец, сосет его и засовывает под мышку.

— Самое лучшее, — уверяет он, — это сделать как мы с Бертой. Мы провели медовый месяц в Аньерах, в небольшой гостинице-ресторане, которую я знал неподалеку от вокзала, напротив газометров. Ее содержал тесть одного сослуживца. Она называлась *У Титин*. Мы там пережили сезон настоящего счастья. Хозяева нас баловали. Они нас лелеяли, томили для нас на медленном огне жаркое с корочкой. Фирменное блюдо М-м Тинтин было

*морской пуховик и марсельские ножки-пакеты.*

Он сильно втягивает носом, но несмотря на эту меру предосторожности, его глаза увлажняются.

— Да, — вздыхает добрый Нянь, — настоящее счастье. Я дам вам программу нашего пребывания, потому что, по-моему мнению, мы провели чудный медовый месяц. Я не хочу хвастать ребята, показаться умнее, чем я есть на самом деле, но мне всегда удавалось пользоваться жизнью, особенно по великим случаям.

Итак, чтобы не отвлекаться, мы просыпались где-то в девять часиков морнинга. Тут же на верстак. Я не очень люблю впадать в интимные откровенности, вы знаете! Но в общем, Берта, это была удивительная штучка. Она не делала уступок по платежам. Только наличными! И без обещаний! Какая бабенция! Знает толк и все, что надо! Мои чувства были как морские ежи, когда я открыл ее матрасные способности. Я не касаюсь подробностей, но знайте, что капсула-привидение, блуждающий пресс-папье, кольцо из тридцати двух жемчужин, увеличительный лорнет и коляска с двумя приводными рычагами для нее не были секретом! Вот это была удача! Уникальное дельце в Исси-ле-Мулино! Гордость для любой перины, такой цимус! Деликатес! Хорек вне конкурса! Редкий подарок, чего там! На трех первых лошадей в любовном забеге я вытащил три номера подряд, и это был выигрыш века! Но, короче, я повторяю, только о нашем времяпровождении! В общем, люлю до обеда с перерывом на чашку кофе в интервале. В полдень мы спускались в пижамах на едьбу. Мы это могли себе позволить в той связи, что мы рубали в кухне. Мы жахали по два аперитивчика каждый, чтобы подготовить

молотилку, а потом уминали, запивая виниш-ком с печатью. К трем часам мы поднимались наверх для небольшого шаловливого отдыха. Это продолжалось до шести часов. Тогда мы одевались и шли прошвырнуться рука об руку до Курвевуа. На мосту останавливались, чтобы поплевать на речников, которые проплывали под нами на барже.

Иногда мы ходили на собачье кладбище на острове. На маленьких могилах были надписи, которые рвали нам душу: *Медору, верному спутнику. Здесь покойся Лулетт Дюран, умершая при родах.* Иногда хозяева заделывали фото животного в камень. Лулетт Дюран, например, это был маленький бело-черный фокс с острой мордочкой и кроличьими ушами. Прямо посреди кладбища, я помню, была статуя, изображающая Сару Бернар. На цоколе было написано *Тоби, герою труда, трагически погибшему во время обхода, от благородной молочницы Дюбуа.* Мы с Бертой дали обещание завести позднее собаку. Мы возвращались к Тинтинам с аппетитом, разбуженным этим глотком воздуха. Мы съедали самую малость: кусок рулета из головизны или омлет на сале с глоточком божоле, чтобы освежить гормоны. Затем играли в белот с М. Маклу, торговцем скобяным товаром, что по-соседству, и Леонаром, типом из похоронного бюро, который был в отпуске по болезни. На вечерней раздаче Берта немного помогала М-м Тинтин, потому что готовка вызывала у нее зуд. К девяти часам мы ужинали с хозяевами. Фриштик и болтовня быстро сводили дело к полночи. Тем более, что м'сье Тинтин на красненькое был слабоват. И как только мы репатриировались в нашу комнату, мы свирепо накрывали прибор по новой. Жратва, приправленная пряностями, приводила к неумным переживаниям. Сере-

нада матраса, так сказать. Мы их им три штуки поломали, бедным стряпчим. Они нам потом рассказали, когда прошло уже много времени, чтобы не смущать нас, что другие жильцы заведения устраивали бивак в коридоре около нашей дубовой, чтобы воспользоваться сеансом. Они приносили стулья, вязаную одежду, килограммы красного и слушали наше поведение, обмениваясь комментариями. Когда звуки менялись, они пытались определить категорию наших подвигов. Среди них был м'сье Артур, бывший кюре, который отчалил из Осеменарии в тот день, когда на него напала хандра, и он стал сутенером. Он организовал работенку целой куче мамок в районе Мадлен, пока одна ревнивая тигрица не позволила себе плеснуть ему серной кислоты прямо в харю и выключить его на всю жизнь из отдела женского платья. Его лицо и обезьянья задница были как сестры-близнецы. После этой истории он жил бледно, представляя армянскую бумагу на маленьких базарах больших окраин. Он вызывал такое отвращение, этот м'сье Артур, что лавочники спешили дать ему небольшой заказ, чтобы избавиться от него, убрать этот кошмар с поля зрения. При всем при этом, в вопросах любви для него не было никаких секретов. Опять же, по словам Тинтин, это он снабжал комментариями благодарную клиентуру из коридора. Он работал ухом. «А сейчас,— уверял он,— он ей делает японскую юлу!» или «Эти дамы-господа делают фигуру 4 бис трех бенгальских уланов», или еще «О! Мадамочка записывает ему *говорите о любви* по спецмикрофону». Каждый раз Риретта, горничная Тинтинов, развязная пацанка пятнадцати лет приставляла свой перископ в замочную скважину и подтверждала, что м'сье Артур попадал в точку. Она угощалась запрещенными

кусочками, Риретта. В связи с тем, что щеколда была здоровая, ее пронырливая мордочка всовывалась между упомянутой щеколдой и дверной рамой. И тогда она вела ретрансляцию в сотрудничестве с Артуром. Они двое были все равно, что чета Роже Кудер с нашими подвигами. Жильцы образовали чертовскую пробку в коридоре. Они страшно балдели, слушая и видя ужасного м'сье Артура, который передавал мимикой текущую фигуру. Его обожженная рожа не внушала им отвращения, наоборот, возбуждала их сильнее в определенном смысле. Настоящий салон мадам младшей инструкторши верховой езды! Вот во что превратился коридор гостиницы Тинтин.

Когда я ставил в ангар свою полевую артиллерию, мы не могли придавить, как этого хотелось, потому что теперь уже включались другие. Мы им перевозбудили мозги, и едва оказавшись в своих комнатах, они впадали в распутство. Даже м'сье и мадам Тинтин играли *жаркие ночи Андалузии* по льготной цене. Вся гостиница исполняла концерто матраццо. На следующий день ходули дрожали. Весь пансионат с кругами под глазами! Они все отправлялись вкалывать, качаясь от изнеможения, трусы в сухом доке, а глаза как промокательная бумага. Эх! До сих пор в хижинах вспоминают медовый месяц Берюрье!

Толстяк тоскует еще чуть-чуть, принимает глоточек красного и продолжает:

— Сами видите, друзья, не надо ездить далеко, самое лучшее, это то, что рядом.

Я не хотел бы говорить о бракосочетании, не посоветовав молодоженам избегать рассказов о своем любовном прошлом. Многие мужья откровенничают, и некоторые дамы аналогично. Они говорят друг другу, какие у



них были казановые подвиги в прошлом. Они преувеличивают, думая, что при этом становятся ослепительными. Он: «Когда я обхаживал малышку Адриенн, я тебе про нее говорил, у нас были кошмарные партейки, я ей делал опасного водолаза, маленькую лестницу, шатун в разносе, волшебный кашпо, гигантскую суматоху, карниз с игривой гардиной, удар по центру и камбоджийский салат». Она: «Это как у меня с Жозефом, моим первым женихом, мы занимались любовью на велосипеде, возвращаясь из кино. Поскольку у него была плохая видимость, я звонила на поворотах, это было захватывающе.»

Берю осаживает блоком такой тип разговоров.

— Будьте скромнее. Болтовня может обернуться против вас позднее. Наступает сезон разрядки, и в первый же вечер, когда мусью отдаст предпочтение игре в 7 Ошибок газеты *Франс-Суар* вместо того, чтобы взгромоздиться на милую, она не упустит возможности подчеркнуть, что он очень даже не в форме, ее Казанова, по сравнению с временами Адриенн. И тогда, это уже начало конца!

Вообще, чтобы уже закончить с этой темой, ребятишки, старайтесь всегда облагодетельствовать ее с огоньком и старанием, ибо вы на ней женились для этого! Оставайтесь твердыми насчет цен! Нужно всегда чтить свои обязательства. Брачный контракт мало чем отличается от других, нужно его соблюдать. У мужчины, который делает прополку своей бабенции каждый вечер, спокойная совесть, и он может смотреть жизни в глаза прямо. Зарубите себе на носу, что в жизни все становится привычкой: как впрочем и тюрлю-тютю. Так что, возьмите в привычку успевать за своей законной, это ее избавит от необходимости преуспевать с вашими приятелями.

И наш толстый афедрон покидает кафедру<sup>1</sup>. Он подходит к краю помоста ленивой походкой.

— Начиная с завтрашнего дня,— объявляет он,— мы начнем изучать светские манеры. То есть, то, что совершенно лишне. Для демонстрации я обеспечил ценное содействие настоящей джентельманки, графини Труссальдю Труссо, породистость ее предков начинается с кроссвордов.

Он покашливает.

— Так что, прошу быть при параде!

Машинально, условный рефлекс, конечно, он нащупывает ширинку, констатирует, что три пуговицы не на месте, исправляет положение и делает нам приветствие дзюдоиста. Глубокий реверанс освобождает его верхний карман, содержимое которого составляли: две шариковые ручки, один банан, монеты, прищепка для белья, пестик для набивания табака (он же отмычка), куриная кость и цветная фотография принца Монако Рэнье.

---

<sup>1</sup> Ни в склад, ни в лад, но приятно.

## ГЛАВА XIV

### В КОТОРОЙ ДЕЛО ПРОДВИГАЕТСЯ

Вечер близится к концу в компании с товарищем Ракрё, хотя вечерняя баранина с фасолью сделали его невозможным для общения. Он предлагает мне белот, который я отклоняю: резаться уже не тянет. Какая-то тревога растет во мне, и взаимно я расту в ней<sup>1</sup>.

— Ты чем-то озабочен? — замечает пи-роман с треском в фундаменте.

— Слушай, Мелодичный, — обрываю я, — ты был в компании с Барданом, когда он вылез из автобуса и вернулся в Школу?

— Йес, а что?

— Расскажи мне кратенько, как он действовал.

С удивлением мастер по стрельбе холостыми отряхивает пижаму, чтобы проветрить ее.

— Ты опять с этими делами? Сдается мне, — признает он лояльно, — что ты будешь хорошим ментом, у тебя должное упорство.

---

<sup>1</sup> Я трудный писатель.

Его комплимент попадает мне в сердце, не затронув лица. Он тут же переводит его на нижний морзе. Затем, чуть подумав, говорит:

— Мы были всей бандой в харчевне *Петух и божоле*, что на конечной автобусной станции в сторону Лиона.

— И что?

— Ничего...— бормочет он.— Нет, точно ничего...

Как он ни напрягает мозги, все кажется в порядке. В связи с этим он дает выхлоп в нижнем этаже.

— Мы шлюзовали пиво... Некоторые заводили музыкальный автомат. А потом пришел автобус. Шофер и кондуктор вышли пропустить по глоточку. Тем временем, мы пошли устраиваться в автобусе...

— А Бардан?

— И Бардан тоже.

— Как он выглядел?

— Что ты имеешь ввиду?

— Я хочу сказать, он выглядел озабоченным?

— Ничуть. Он хохмил.

— Дальше...

— Транспортники вернулись. Мы вот-вот должны были тронуться, кондуктор уже начал раздавать билеты...

Он интенсивно восстанавливает этот миг. Чего и я желаю. Нужно, чтобы его воспоминания снизили число оборотов, чтобы они работали в замедленном темпе...

— А потом? — подталкиваю я тихонько.

Он делает гримасу своим основанием и затем продолжает:

— Поскольку шофер завел мотор, кто-то попросил подождать в связи с тем, что подбегал один опоздавший...

Он моргает.

— О! Опоздавший, точно, это был Канто, приятель, который косит на больного со вчерашнего дня.

Так, какая-то мышка начинает щекотать мне мозг своими маленькими лапками. Продвигаемся, кисоньки, продвигаемся!

— И что? — спрашиваю я с выдохом, напоминающим последний вздох.

Ракрё продолжает изъясняться обоими полюсами, но я прислушиваюсь только к верхним созвучиям.

— Ну, шофер подождал. Тут все это по-семейному в общественном транспорте. Приятель Канто вошел. Он сел впереди на сиденье рядом с водителем. Автобус тронулся. И тут наш Бардан поднимается с криком: «Остановитесь! Остановитесь!» Он вышел через заднюю дверь автобуса, не объяснив.

— С кем рядом он сидел?

Ракрё размышляет.

— Рядом с Безюке, кажется. Знаешь, здоровый блондин со шрамом на подбородке?

— Он не в одном дортуаре с Канто живет, этот тип?

— Действительно, это его сосед по боксу. Ты куда, Белоснежка?

Быстрым движением я надеваю комнатный халат.

— Некогда объяснять, но я тебе напишу,— обещаю я.

Блондин Безюке читает трактат Кусман-Сальсо о педерастии у планктона. Он очень прилежный и успевает на отлично. Он лучший по обрезкам ногтей, лучший по подкрашенным чекам, лучший по инсектицидам, лучший по сейфам, второй по реанимации, второй по слухам в толпе, второй по ультиматумам, третий по обыску, третий по сборищам, третий по репрессиям при раздаче

листовок. Он получил первый приз по чрезвычайному положению, приз по силовым кордонам, приз по опечатыванию и похвальный лист по обыску на дому — это, чтобы обрисовать вам поточнее его исключительную натуру. Я присаживаюсь у изголовья, не дуя в свисток в связи с тем, что ни он, ни я не принадлежим к М.П.С.<sup>1</sup>

— Извини меня за беспокойство, товарищ,— говорю я ему.— Представляешь, мы с Ракрё занимаемся частным расследованием по поводу тутошних событий.

Он осматривает меня поверх своих очков с золотой оправой.

— Это похвально,— допускает он.

— Кажется, ты сидел в автобусе рядом с Барданом, когда он вышел?

— Точно, а что?

— Он ничего не сказал на выходе?

— Нет, и я об этом показал следствию.

— А перед тем, как выйти? Не спеши и слушай меня внимательно. Когда кто-то из вас заметил опоздавшего, мотор работал, о кей?

— Мне помнится, что да,— говорит Безюке, хмурия брови.

— Что-то мне подсказывает, что реакция Бардана связана с появлением Канто в последний момент. Прошу тебя, подумай.

Я жду, глядя на него в упор. У него вытирается один глаз, а другой уменьшается в обратной пропорции.

— А ведь надо подумать,— шепчет Безюке.— Боже мой, действительно,— терзается он.

— Рожай,— агонизирую я.

---

<sup>1</sup> Благодаря этому каламбуру, читателю будет меньше казаться, что я в действительности принадлежу к литературным кругам.

— Кто-то крикнул: «Не уезжайте, еще один!» Мы все оглянулись. Я сказал: «Это Абель Канто, новенький.» И тогда Бардан прошептал: «Абель Канто из Бордо?» Я рассеянно ответил «да». Тем временем, Канто залез в автобус. Он тронулся. Неожиданно Бардан крикнул, чтобы остановились, и выскочил из него!

— Спасибо, приятель,— говорю я.— Это все, что я хотел знать.

Довольный, я возвращаюсь в свою комнату. Больше сомнений нет: покойный Бардан знал, что у Канто нехорошие намерения. Он его боялся... Он возвратился в Школу... И... И что? Что произошло в уединении пустого общежития?

Я этого еще не знаю, но надеюсь, что скоро мне это станет известно.

—:—

Ночью шел снег. По пробуждении я вижу поле, покрытое белым ковром, гордостью сочинений на первом году обучения по программе среднего образования. Закончив свой туалет и нацепив сбрую, я цепляю Толстяка и втихаря мы держим курс на Лион. Берю бранится. Его графиня только что сообщила, что не сможет прибыть в назначенный час, и это вносит осложнения в лекцию нашего дорогого преподавателя.

— Эти гримзы,— говорит он,— голубая у них кровь или сок репы, в вопросе расписания, один черт. Только к парикмахеру они приходят во-время, эти копуши! Недолго уже, чтобы эта Труссаль дю Труссо повесила мне чайник.

Он разматывается словно катушка спиннинга. Он за новую отмену привилегий. Он восстанавливает картину интимной ночи 4

августа\*. Он ее готовит для эшафота, эту графиню. Он хотел бы ее видеть стоящей в повозке, серую от страха, а по сторонам злые сан-кюлоты\*\* осыпают ее исступленной плебейской бранью на фоне гильотины.

Он желает ей отсечения головы совершенно определенного, с натуральными брызгами. И чтобы подняли ее обрубок на конце пики для беснующейся толпы.

Все-таки бывают часы, когда человек из народа начинает восемьдесят-девятить\*\*\*, чтобы успокоить свою отрыжку.

Я продираюсь в невралгических переплетениях Лиона, там, где светофор горит зеленым светом ровно столько, сколько нужно, чтобы чихнуть, такой поток в противоположном направлении. Сразу же Берю, бесстрашный кавалер светской беседы меняет тему. Высшая словесная эквилибристика не имеет тайн для Монументального.

Он предсказывает день, когда тачки «увязнутся» (по его выражению) как схватывающийся цемент. В настоящее время движение уже сохнет. Скоро будет монолитный блок. Машины будут похожи на селедку в банке, на паюсную икру. Они превратятся в клей. Окаменевшая улица будет уже не улицей, а чудовищным кладбищем автомобилей.

Ему уже известны такие уголки в Париже, где пешеходы практически не могут перейти. Полтора часа красного света на четыре опасных секунды зеленого! Полицейский, который управляет светофором, подводит итог в конце дня. Он говорит: «Сегодня мне удалось

---

\*4 авг. 1789 г. Постановление Конституционной Ассамблеи об отмене привилегий.

\*\* Букв. «Бесштаные» — восставшие простолюдины, которые носили штаны из грубой полосатой ткани в период Конвенции.

\*\*\*1789-1799 г.г. Фр. рев-я, положившая конец Старому Режиму.



перевести пятнадцать пешеходов за день, и у меня погиб только один и двенадцать получили увечья». Он горд. В комиссариатах рекорды падают каждый вечер. Да, он видит будущее в неоновых буквах, Берю. Он чувствует, что это не за горами, час освобождения, когда автомобили снова станут пешеходами в полной мере. Тротуар, который используют только перипатетицианки, как говорят те, кого слово «блядь» еще шокирует, снова станет королем. А еще надо признать, шлюхи тоже моторизуются. Съез на колесах, да он расцвел в наше время. Проституция в машинах, это находка нашего временного послевоенного затишья! Надо только перелезть в другую тачку. Идут на сигнал фар. Скоро они найдут систему, чтобы заниматься «этим» машина с машиной. Самолеты же заправляются на лету! Почему бы не найти способ обслужить клиента на ходу? По транзистору! Вызов по радио. «Я Жюли Рыжая, не хочешь ли со мной прокатиться, миленький?»... «Сколько?»... «Пятьдесят рваных, мой волчище; я тебе сделаю короткие волны в спинном мозгу, вибропреобразователь низкой частоты и ультразвук в балдабеши.»... «Ва-банк!»... «Вставляй свою перфокарту в гидростатический табулятор на приборной доске и отстукай пятьдесят галльских франков». Глинь-глинь-глон! «Мерси, мой лоскуток, теперь ты можешь устраиваться поудобнее! О землячок, я вижу на своем радаре, ты перебрал пивка. О! Я тебя предупреждаю, у меня на очереди Феррари. Если ты будешь тянуть резину, я подключаю САЛЮТ РЕБЯТА и хилую». Такой вот она станет, завтрашняя проституция, кланусь!

Мы прибываем в госпиталь, в отделение Анс Цефаля. Дежурная санитарка сообщает нам, что бедняга Матиас наконец пришел в

сознание. Он может говорить! Более того, он только этим и занимается! Мы рады-раदेशеньки, Берю и я. Ну наконец-то счастливый день! Дама в белом ведет нас в палату, погруженную в полумрак. Вот и рыжий, пылающий в своих бинтах. У него ясный взгляд, и он нас узнает сразу.

— Как это любезно! — говорит он довольно уверенным голосом, несмотря на пониженный тембр.

Мы располагаемся по обе стороны от него.

— Как ты себя чувствуешь, парень?

— Немного заглушен, но операция удалась на чудо. Мне сделали мурлотомию, это очень редкий случай.

Наконец-то он счастлив. Он получил, что искал: редкая операция, которую он теперь будет комментировать до конца дней своих, вдоль, поперек и по диагонали.

Он нам рассказывает, что его шарико-роликовый центр был забодяжен, но благодаря поливалентному придатку фингалита, ему все-таки зашпрунтцевали левый эмолиент. Один шанс из тысячи, чтобы выжить! И он, Матиас, выжил. Еще с месяц он проведет в госпитале, еще один на оклемание, а потом у него останется маленькая серебряная пластинка на кумполе, но он может причесываться а ля Битлз и ничего не будет видно. Мы делаем ему комплимент. В этот миг дверь открывается, и на пороге появляются доктор Клистер и мадам. На всякий случай они оделись в черное. У этих людей траур всегда под рукой. При малейшем сомнении они ныряют в креп. Они цветно-капустятся при виде Причудливого и меня. Их противные рожи не одобряют по-страшному.

— Как! — скрипит папа серафизма, — наш несчастный зять не успел прийти в соз-

нение, как вы на него уже набрасываетесь словно два коршуна!

Его краля открывает сумочку, цепляет зеркальце и жестоко вперивается в него, чтобы начать поносить нас на свежую голову. Как и два дня назад, она принимается рассказывать нам, кто мы такие, начиная с самого любезного: два непутевых, два невиданных прохвоста, два садиста, два...

— Мамаша, — шепчет раненый, — позвольте, я вам кое-что скажу, вам и папаше?

Щекастая умолкает с некоторым удивлением:

— Говорите, зять! — разрешает она в связи с тем, что он тяжело ранен.

Клистер и она наклоняются к одру страданий Матиаса, все внимание. Сквозь свои повязки он тоже смотрит на них, рыженький.

— Вчера, — говорит он, — я чувствовал сильную слабость, что располагало к глубоким размышлениям. Я подумал о своей совести...

— Все-таки! — флюгерит старая.

— ...и сделал довольно полный обзор, — продолжает Матиас.

— Смогли ли вы сделать достойный вывод, мой мальчик? — нравоучительствует табиб с бородкой.

— Да, — говорит наш коллега, — да, дорогой папаша, я сделал вывод и более того, я выработал себе правило поведения на будущее!

— Бог велик! — говорит папесса. — Что же это за вывод? Каково это правило поведения?

Матиас показывает мне на стакан Эвианской воды, который стоит у изголовья. Я его ему протягиваю, и он выпивает глоток, что вызывает гримасу у Берюрье.

Смочив язык, он продолжает:

— Мой вывод, маманя, это то, что вы два ужасных создания, старый и вы!

— Он бредит! — задыхается она.

Матиас усмехается:

— Нет, мамаша. У меня голова в полном порядке, хотя и замотана в бинты. Вы две отвратительных паршивых вороны, два зеленых фурункула, две мрази, короче говоря. Как только я смогу подняться, я скажу Анжелике, чтобы она собрала чемоданы, и мы вернемся в Париж с нашим ребенком. Я не хочу, чтобы он стал маленьким маньяком при общении с вами. Внук папы это не социальное положение!

Бледный как его стихарь для богослужения, Клистер заявляет:

— Я сейчас позвоню, чтобы ему сделали инъекцию фосфорного дуругона, он явно не в себе.

Он уже приближается к груше, но Берю преграждает ему путь.

— Послушайте, старикан, — говорит он примирительным тоном. — Это видно так же хорошо, как и этот госпиталь, что Матиас не несет бред. Вот раньше он катил на ободах! Вы его задурили, что называется! Теперь произошла редакция, и он прозрел. Будет лучше, если б вы сдриснули!

Мегера протискивается к изголовью своего зятя.

— И вы считаете, что Анжелика пойдет за вами, несчастный?

— Это моя жена, — с достоинством отвечает Матиас. — Если она меня любит, она меня слушает; если нет, пусть катится ко всем чертям, и вы можете забрать ее вместе с короедом в придачу! А теперь вон, падаляходячая! Мне нужно поговорить с этими господами!

Вы бы видели это зрелище, милые! Этот *Ту мен шоу!* Они топают ногами как две марионетки на ниточках. От всего этого щеки у тещи сбиваются в хлопья. А у старого бородка играет в сен-сирского курсанта, прямая, вытянувшаяся, так вот сразу, словно перья артишока!

Они отшлифовывают ужасные штучки! Они восстают с шумом пилы для резки мрамора. Они угрожают. Они говорят, что Бронская психбольница в двух шагах, и уважаемому доктору стоит написать одно слово, и его туда забастылят пожизненно, Матиаса. Овощерезка вместо шляпы и штаны а ля Дагбер'з Кинг, этим он и кончит в обитой клетушке. Оно немедля созовет серафистский консилиум, Его Святейшество Клистер I-ый! За вашу святость, дамы-господа! Все части света примут срочные меры: вымолят у неба омерзительное возмездие, которое он заслужил, Рыженький. Язык у него отсохнет за то, что позволил себе такие слова. На что он им отвечает, что кулаки у него не отсохнут, и он из их рож сделает отбивные, если они будут слишком много смердить.

Я звоню, чтобы вызвать дежурную! Я говорю, что у Клистеров истерика и нужно их увести. Мое звание комиссара берет верх над званием табиба. Видя возбуждение четы и слыша, как они бранятся, санитарки вызывают здоровенных санитаров, тех, что унесут вас одной рукой как целлулоидную куклу. В конце концов их блаженства уводят в столь неблаженном состоянии. Наконец тишина восстанавливается, и Матиас хохочет.

— Как же все-таки хорошо! — говорит он. — Какой же я был лапшой с яйцами, чтобы терпеть этих двух психов!

— Баста! Это, был твой период слабоумия, — успокаивает Берю. — Твои мозги ука-

чало любовью, но теперь, раз уж ты среагировал, ты спасен, парень. Ты спасен!

Мы пылко жмем его мужественную руку. Да здоровствует Человек с большой буквы и с мужскими делами!

— А теперь, — решаю я, — перейдем к серьезным вещам: говори!

Он подмигивает мне.

— Я ждал вашего появления, господин комиссар.

Он вытягивает руки на простыне.

— Той ночью от вас я пошел к себе домой. Как только я закрыл дверь подъезда и стал искать рукой выключатель, кто-то приставил к моей спине дуло пистолета и женский голос с иностранным акцентом прошептал: «Спокойно, один жест, и я вас убью, оружие с глушителем». Так что я не шевелился. Мы проторчали некоторое время в темноте. Мой агрессор хотел убедиться в том, что вы уехали, я так думаю. А потом я услышал шум автомобиля. У меня появилась какая-то надежда, но я ошибся, это был сообщник. Держа меня на прицеле, женщина открыла дверь. Мужчина с завитыми волосами находился снаружи. Он тоже направил в меня пистолет. Он заставил меня подняться в автомобиль и сел со мной рядом на заднем сиденье, тогда как женщина, шикарная блондинка, устроилась за рулем...

Он умолкает, запыхавшись.

— Немного отдохнешь? — предлагаю я.

Но Матиас считает нужным закончить свой рассказ. Он знает, насколько это важно. Он хороший легавый.

Я снова подаю ему стакан. Он пьет. Берю предлагает сходить купить немного бургундского, уверяя, что это придаст силы. Я разубеждаю его, и Матиас продолжает несколько отрывистым голосом.

— Они отвели меня в какой-то мрачный дом в районе Сен-Клэр...

— Я знаю,— говорю я,— это мы тебя освободили.

— Я узнал ваш голос, когда вы предлагали моему сторожу сдаться,— подтверждает раненый.

— Что произошло после того, как ты оказался на месте?

Рыжий набирает полную грудь воздуха.

— Один тип вас поджидал, должно быть, вы его видели?

— Он его не только видел,— ухмыляется любезный,— он его шлепнул!

Матиас качает головой.

— Он это заслужил! Какой мерзавец! Они меня привязали цепью и стали пытаться, чтобы заставить говорить.

— Что они хотели знать?

— Кто вы и что вам известно.

— Мы? — удивляется Толстый.

— Для начала,— шепчет Матиас,— я сказал, что знал вас в Париже. Но им этого было мало. Они утверждали, что Берюрье не настоящий преподаватель, а вы не настоящий негр, м'сье комиссар!

— Не настоящий преподаватель,— бормочет Толстяк, подавленный горем,— козлы!

— На них кто-то работает,— уверяет Жаровня.

— Один из курсантов,— осведомляю я его,— некий Абель Канто!

Он раскрывает восхищенные глаза.

— Действительно, я слышал, как они называли это имя.

Матиас показывает свою упакованную левую руку.

— Они у меня вырвали ногти на этой руке,— говорит он.— Это ужасно, если б вы знали, что я пережил!

Бедный зайчик! Я не заметил этих следов садизма, меня совершенно эагипнотизировал пистолетный выстрел в кочан.

— Они хотели от меня добиться, что нам известно, продолжает он.

— И что же ты им сказал?

— Правду: то есть, что мы ничего не знали. Что у нас только сомнения в отношении двух самоубийств, и что мы хотели понять, почему они дважды пытались убить меня.

— Наше появление в Школе их встревожило, и они решили похитить тебя и заставить говорить, чтобы узнать, к чему мы пришли, и лишь затем убрать тебя. Они тебе поверили?

— Видя страдания, которые они мне причиняли и которые ничего не меняли в моих показаниях, они в конце концов признали очевидность.

— Прекрасно! Значит, теперь они уверены в том, что мы копошимся в полном неведении?

— Именно.

— А что, не так? — ворчит Неумолимый.

— Так, — соглашаюсь я.

Я снова наклоняюсь к Матиасу.

— Что-нибудь еще для меня?

— Еще как! Между собой они говорили по-испански, но я прекрасно понимаю этот язык. За несколько минут до вашего появления в вилле они говорили, что за ними следят и порекомендовали моему сторожу ликвидировать меня в случае осложнения.

У Матиаса стеснено дыхание. Он глотает еще немного воды, что приводит Берю в крайнее отвращение.

— Женщина сказала своему мужу: «Мы должны предупредить Канто, чтобы он туда не возвращался, это опасно для него. Во вся-



ком случае, его присутствие больше не нужно, поскольку все уже на месте!»

Матиас хватает мое запястье своей здоровой рукой.

— Вы меня внимательно слушаете, м'сье Комиссар? Она сказала *«Поскольку все уже на месте»*.

Я поднимаюсь, голова гудит. У меня дрожь, я перенервничал. *Поскольку все уже на месте!* Выходит, ребяташки из таинственной банды выполнили свое задание. И выходит, что должно произойти нечто! И нечто серьезное, нечто ужасное, поскольку они, не колеблясь, убивают и похищают ради того, чтобы осуществить это нечто!

У мистера Берюрье, известного джентльмена, взгляд совпадает, ибо он адресует мне над пуховой Матиаса столь красноречивую гримасу, словно акт судебного исполнителя... Богатый на тонкие формулировки, как всегда способные искуснейшим образом резюмировать самые сложные и самые двусмысленные ситуации, он шепчет:

— Я так думаю, что по-страшному воняет жареным!

—:—

В полдень мы возвращаемся в Школу, и я мчусь в кабинет дира, который протягивает мне конверт со штемпелем почтового отделения Бордо (Жиронда).

— Мы только что получили это для вас, мой дорогой друг, — говорит он мне.

Это бордоская Сыскная служба прислала мне отчет. Документ сообщает, что я не ошибся. Кастеллини, Бардан и Канто в самом деле работали вместе три года в Либурне после серии политических покушений, из-за которых Бордо направил полицейские силы в го-

род винишка. Кастеллини и Канто входили в эти подкрепления, и у них было немало возможностей познакомиться с Барданом. Я протягиваю письмо директору, и он его читает с сосредоточенным видом.

«Дорогой Сан-Антонио,— говорит он мне любезно,— это открытие интересно, но куда оно нас ведет?»

— Вы мне разрешите позвонить, патрон?

— Извольте!

Я вызываю бордоскую сыскную службу. Пока эти мадмуазели фона и графа подключают штекеры, не прекращая рассказывать друг другу о прошедшей ночи, я уведомляю босса о разоблачениях Матиаса. Позади своих очков с оправой из рыжья он смотрит на меня несколько озабоченно.

Он тоже понимает, что мы накануне (или на кукане) серьезных событий. Тубофон звонит. Со мной говорит старший комиссар. К счастью, он в курсе дела.

— Не могли бы вы выслать мне срочно фотографию инспектора Абея Канто? — спрашиваю я.

Директор Школы делает мне знак и шепчет:

— У нас есть!

— Мне нужно другую! — отвечаю я.

Мой бордоский собеседник объявляет мне, что сделает необходимое. Получив удовлетворение, я кладу трубку.

Вопросительный взгляд патрона заставляет меня ввести его в курс дела.

— Мне пришла маленькая идея в отношении... самоубийств Кастеллини и Бардана, господин директор.

Но он не дает мне закончить.

— А мне,— вздыхает он,— похоже, пришла другая идея по поводу этой самой катастрофы, которую нам готовят...

— Не может быть!

Тут уж он мне интересен, и я даю ему приоритет.

Вот он встает, обходит свой стол и увлекает меня к оконному проему. Под нами внизу открывается вид на площадь. Стоя на табуретках, садовники вешают французские и рондурацкие флаги на припудренные снегом деревья (еще одно клише для школьников, а глядишь, и для журналистов).

— Завтра,— вздыхает босс,— мы принимаем высокого гостя, о котором вы знаете. Вам небезызвестно, что президент Рамирес, это человек, чья жизнь постоянно в опасности. К его ногам бросают больше бомб, чем лепестков роз! Представляете, если его ярые враги задумали покушение прямо здесь?

Я хватаю руку моего собеседника.

— Десять из десяти, патрон! Вы попали в яблочко! Долорозы из Центральной Америки. Все сходится!

Биг босс продолжает излагать свою теорию.

— Вы, должно быть, читали в прессе,— продолжает он,— о всех мерах, которые были приняты для приема президента Рондураса. Такое бывает редко, чтобы привлекли все средства безопасности. Предположим на одну секунду, что люди из оппозиции решили сделать ему дельце во время его поездки во Францию.

Я киваю.

— Я понимаю, к чему вы хотите придти, господин директор.

Руководитель В.Н.П.Ш. вытирает очки тонким платочком из серого шелка.

— Рассуждение противников Рамиры Рамиреса безукоризненно. Они считают, что единственное место, где жесткая охрана, объектом которой он является, ослабнет,

это фатальным образом здесь, поскольку он будет находиться посреди двух сотен комиссаров, и служба охраны будет считать, что он в безопасности среди нас, неизбежно... И действительно, это то, что должно произойти, и вряд ли за это их можно упрекнуть! Таким образом, революционеры подготовили свой удар здесь!

— Снимаю шляпу! — говорю я в искреннем восхищении. — Нужно в самом деле иметь дерзость, чтобы додуматься до такого.

— Поскольку все уже на месте... — декламирует патрон! Это кое о чем говорит.

— Йес, босс, очень говорит! Нам остается двадцать четыре часа, чтобы раскрыть, что здесь кроется! Не забывайте что у поименованного Канто была сантехника, и что я его застал ночью за демонтажем трубы в медпункте, вот что может быть ориентиром для поисков! Нужно прочесать Школу частым гребешком, прощупать стены, проверить трубопровод, осмотреть всю мебель... Еще ничего не потеряно, поскольку мы знаем, что что-то должно произойти.

— За одного битого двух небитых дают, — торгуюсь я.

У него бледная улыбка.

— Главное, это знать, хватит ли двух, комиссар...

## ГЛАВА XV

### *В КОТОРОЙ БЕРЮ ДЕЛАЕТ ОБЗОР СВЕТСКИХ ОБЫЧАЕВ*

Толстос прифрантился экстра-класс: голубой костюм внахлест, рубашенция более-менее белого цвета, бледно-серый галстук. Волосы набриолинены до крайности, на щеках тальк, рот уже алчет своей графини; чувствуется трепещущий самец в полном физическом вожделении. Он облился каким-то ужасным лосьоном и воняет как деревенская парикмахерская. Благородным жестом он снимает часы, кладет их перед собой и, после пристального взгляда на ползущие стрелки, дабы убедиться, что они движутся по кругу, объявляет:

— Джентельманы, графиня Труссаль дю Труссо, по вопросу насчет которой я вам объявлял честь ее визита, информировала меня, что она задерживается. Она объезжает свои поместья Луары, и ее поверенный, который явно нарывается на пистон, вынуждает продлить ее пребывание на несколько часов. С тем не менее, она прибудет к концу этой

лекции, которая, следовательно, будет идти дольше.

Берю всплывает на поверхность своей длинной фразы с трамплинами и делает полноценный вдох.

— В ожидании достойной персоны, — продолжает он, — займемся изучением манеры поведения в жизни, когда ты уже взрослый. Что нужно и что не нужно делать, говорить и не говорить у себя дома, на улице или в другом месте. Вы просекаете?

Наше немое согласие удовлетворяет его, и он приступает.

— Начало вежливости, это приветствие. Ваш кепарь у вас на куполе, и вот вы встречаете знакомую мадам. Даже если погода прохладная, нужно выдать высший привет посредством шляпенции. Мне известны только два исключения из этого правила: если у вас грипп и если в ваших клешнях полно свертков. Но в этих двух прилагаемых случаях не забывайте извиниться, иначе вы схиляете за кизячника. В первом случае вы сделаете так, сопя на полную, чтобы показать, что это не туфта: «Извините меня, что я не сымаю крышку, дорогая маам, но сегодня утром мой термометр с усиками выдавал тридцать-девять в тени!» Во втором случае вы разворачиваетесь к ней в профиль, вытягиваете мизинчик вашей правой руки, я повторяю (левой, это некорректно), и вы говорите: «Из-за моей поклажи я не мету перед вами пол своим белым плюмажем, моя прелесть, но я это делаю сердцем, а также всеми аксессуарными». Запишите! Это самые свежие формулы, которые я для вас придумал, — настаивает Толстос.

Мы действительно стараемся занести эти полезные фразы в наши записные дощечки на

случай, если обстоятельства сделают их необходимыми.

Берю продолжает, и по его веселому голосу мы догадываемся, что он пойдет далеко и будет говорить без обиняков:

— Жизненные неприятности, заметьте, идут всегда от нашего тела. Проблемы протекают от нашего долбаного скелета: болезнь, сон, жратва... Но есть такие мелочи очень даже ядовитые в своем роде. Мы их рассмотрим через лупу, ребята. И прикинем, как же все-таки их обставить.

Я возьму самое простое, — детализирует Монументальный, — чих. Если у вас есть время в запасе, пока он вам покалывает нюх перед тем, как взорваться, вы можете подготовить маневр, вытащить утирку и стать в стойку, чтобы принять его на вылете. Но иногда он спонтанирует. Он вам шарахает в рожу как красный шар от горящей сигареты. Чауммм! У вас ощущение, будто вы разлетелись вдребезги. Харя сразу красная и искры из глаз. Потом вы мучительно секете на последствия. У вас из рубильника свисают сопли, и ваши соседи все в эмблемах! Если такое случится, не теряйте спокойствия. И не извиняйтесь, ни в коем случае: иначе вам конец. Для начала вы вынимаете свой платок и вытираете рожу. Затем вы обращаетесь к публике: «Ничего себе, литавры! Друзья, я вижу тут на некоторых полно знаков препинания, не стоит предъявлять гражданский иск, я сейчас подмарафечу так, что заблестит как новое, если только вы не захотите их сохранить для корреспонденций!» Недурно, а? — ликует Его Величество.

Он гладит виски.

— Еще один сорт передряги: зевота. Допустим, вы на балу, и хозяйка приклеивается к фоно, чтобы терзать вас *Лунным салатом*

*Вертера.* Или какой-нибудь отставник вещает вам о своей прошлой отваге... Короче, ваши мозги отцепляются и соответственно, ваша челюсть тоже. Вы зевааете. Вначале вам удастся держать свой хлебальник герметичным, но нет ничего столь заразительного, как зев. Это распространяется, вы быстро превращаете салон в лягушачье болото!

Чем больше вы боретесь, тем больше у вас ноют глаза. Когда организм требует, нужно смириться. Вот рецепт, чтобы не показаться неуклюжим. Как только вы почувствуете, что вот-вот примете величественную осанку Бельфорского льва, начинайте выдавать восхищенную мимику, вроде как вы очарованы и больше не можете сдержать энтузиазма. Вы делаете «Ооо!», «Ааа!», разевая клюв как птенец при виде своей маман с трепещущим червячком. Вы гоните иступленный восторг, транс, короче! Потом вам только останется завершать каждый зев каким-нибудь словом, например: Здорово! Неслыханно! Сенсация! Господи! Мать твою так! Во бляха! и так далее. Ловко придумано, вы согласны? Так. Теперь я возвращаюсь к сморканию. В тот день я вас научил, как сморкаться с помощью пальцев. Это приемлемо под открытым небом или у друзей. Представьте, что вы застигнуты врасплох на приеме в Высшем, а? Строптивый насморк и нет платка, тут есть отчего запаниковать самому бесстрашному. Естественно, деморализованные попросят его у хозяйки. Ну что ж, они будут неправы, потому что это ни в коем случае не принято делать. Платок, это не жена: его не одалживают! Я, например, организую дело так. Я восклицаю, приближаясь к окну: «С ума сойти, какой у вас красивый сад, госпожа баронесса (если только дама — баронесса, само-собой разумеется). Я делаю вид, что выглядываю наружу и поэ-



зирую насчет очаровательной зелени, шаловливых пташек и тарифов садовников. Я говорю о деревьях: «Уж не гигантское ли дынное дерево я вижу там вдали?» Или: «Смотрите-ка, вы тоже любите выпендрокус диплодокус?», и как ни в чем ни бывало, не прекращая трепаться, я цепляю штору. А потом неожиданно шепчу: «Черт, мой шнурок!» Я наклоняюсь и, кашляя, чтобы заглушить звук, леплю излишек в штору.

Он освещает нас своей лучезарной улыбкой.

— Сморгаться в шторы, это общепринято, скажете вы! Согласен, но главное — манера. Какой-нибудь батон эвакуирует свои сталактиты где угодно. Форсунки надо продуть на уровне каймы, в этом месте незаметно. Корректность прежде всего! Тот же способ можно использовать и за столом. Во время еды вам может оказаться кстати салфетка. Вы рассказываете вашей соседке какой-нибудь анекдот. Хороший. Например, про льва. Я вам его подкину на случай, если вы будете застигнуты врасплох. «Значит, в салоне бывший майор колониальных времен рассказывает свои приключения: «Сижу, говорит, я в кустах. И вдруг лев, вот таких размеров выходит на тропу не столь оживленную. Я хватаю свой винчестер. Черта с два! Заело! А лев все ближе. Тадесь я вытаскиваю свой кольт. Полный атас: тоже заело. А лев еще ближе... «Ну! Что!» стонет публика. Колониалист прочищает глотку: Лев как рявкнет: «Ррраум!» — мычит<sup>1</sup> он ужасным голосом. И затем он молчит. Публика окаменела! «А дальше?» — осмеливается виконтесса. Дальше, — бормочет майор, — я обоср...! Салонеры оскорблены. Они покашливают, осуждают. Наконец, виконтесса

---

<sup>1</sup> «Мычание» льва! Вот вам еще одна берюрятина!

немного снисходителъствуетъ. «Любезнейшій,— говоритъ она,— учитывая обстоятельство, учитывая критическое положеніе, въ которомъ вы находились, это скорѣе нормально, что у васъ случилась столь прискорбная органическая реакція». Но майоръ трясетъ башкой. «Нѣтъ,— говоритъ онъ,— я сейчасъ наср... въ штаны, когда сдѣлалъ РРРАУМъ.»

Берю съ удовольствіемъ созерцаетъ общее веселье.

— Видите, это смешно,— говоритъ онъ,— такъ что вы должны смеяться сильнѣе всехъ, ну и вамъ приходится держать салфетку передъ мордой. И вотъ въ самый разгаръ смѣха! Прфлрфл! Вы сбрасываете вашъ товаръ. Вотъ только потомъ уже будьте внимательны, когда будете промокать усы послѣ соуса. Предположимъ, что вы имѣете дело съ занудами и вашъ анекдотъ про льва никого не рассмѣшил, вы сморкаетесь въ скатерть. Достаточно уронить свой ножъ. Вы извиняетесь передъ вашей соседкой. Довольно одной простой фразы: «Я такой проворный, какъ ж... съ ручкой.» Вы наклоняетесь, делаете видъ, что шарите въ поискахъ мессера, и блюмс, все свое счастье въ низъ скатерти!

Онъ изучаетъ свое руководство, которое, къ слову сказать, начинаетъ походить на измученную туалетную бумагу.

— Продолжимъ,— говоритъ Добросовѣстный.— Плеваніе! Такъ, ну плевать безъ платка, это неудобно. Если вы стоите въ салонѣ, вы можете ограничиться комнатными цветами, это просто. Если на ваше счастье есть фортепьяно съ крышкой, да еще крышка открыта, вы можете послать свой плевокъ въ струны, отъ этого педаль сцепленія не станетъ проскальзывать. Действуйте въ два приема. Сначала нужно собрать хозяйство во рту. Когда очищаешь фильтръ въ глоткѣ, это бываетъ шумно,

я знаю. Поэтому, вы встаете перед какой-нибудь картиной, гобеленом или статуей. И вы делаете: «Аххх, как красиво!» Вот во время этого «аххх» вы и централизуете отходы.

Затем вам остается только выждать благоприятный момент. Это просто. С отрыжкой почти аналогично. Не считая оправдательного звука, который вместо того, чтобы предшествовать, идет после. Отрыжка, это чистый вопрос рефлекса, ребята. В ту самую долю секунды, когда она у вас вылетает, нужно прицепить соответствующий слог. Существуют различные сорта отрыжки. Шумные, весьма звучные, которые срабатывают как взрыв. Это самые предательские. Они не прощают, если у вас нет рефлекса, о котором я толкую. Чтобы их пополнить, нужно иметь музыкальный слух и воображение как замок-молния. Но защита срабатывает, только если долго тренируешься. Поэтому упражняйтесь на свежую голову. Если вы отрыгнете так, что уже не воротись, если уже невозможно ее превратить во что-нибудь, тогда повторите ее посильнее и несколько раз, как будто вы лаєте. А потом вы объявляете соседям: «Вы слышите? Вот так лает койот во время течки. Они мне не давали спать, черти, когда я был в Техасе». В случае слабой отрыжки, которая из себя ничего не представляет, форматом со вздох, это пустячок. Вы легко выходите из положения, выпуская ее в такой фразе, например: «Пфф — видите ли...» или «Вы уже хавали в ресторане Гран Вефффур». В общем, слова на «ф» выручают из беды. Так что применяйте такие слова, как Мишель Строгофф, слива Роскофф, ффеодалные поместья или классный ффонографф.

Человек с великими гуманитарными рецептами понижает голос.

— Раз уж мы тут среди мужиков,— говорит он,— и надо бы сделать полный обзор, я не могу умолчать о ветрах, это было бы неприлично; они тоже принадлежат к маленьким несчастьям жизни. В каком-то смысле, вы видите, все-таки хорошо, что моя графиня задерживается, иначе как бы я разъяснял перед ней этот вопрос? Неудобство с ветрами состоит в том, что для борьбы с ними существует только один способ: сдавить дыни. Но не у каждого герметичные пышки, увы, увы, увы! С этим маленьким нахалом уже ни платочек, ни шторы, ни скатерть, ни салфетка не помогут. Единственная система, если он выскользнет из-под вашего контроля, это подыскать ему рифму. Если вы стоите, надо только скрипнуть своими сапогами, тогда у вас будет успех. Сидя это делается легче благодаря стулу, который вы объявляете скрипучим. Но даже если вы наделены способностями в вопросах шумового оформления и вам удастся искусственная подделка, это не объясняет запах. Ветры, это честно говоря, неуправляемое дитя всех наших неприятностей. Вам самим судить, начиная с какой дозы требуется объяснение.

Если имитация звука сделана правильно, и запахок в пределах скромного, вы шепчете на ухо людям, которые вас окружают: «Слушайте, что толку от того, что маркиза жует кофейные зерна, ее дыхалке от этого не легче, а?» или, если уж долбит свирепо, вы принимаете сочувственную мину и говорите: «Я отказывался верить, что герцогу Сирпом-Пожо поставили пластмассовый анус, похоже, это правда.»

Раньше неплохим трюком было дать поджопник комнатной собаке, но Общество защиты Животных тут навело порядок!

Здоровяк некоторое время пребывает в нерешительности с белыми глазами в связи с тем, что они вращаются в пустоте.

— Так что, вот вам маленькие телесные потрясения. Теперь приступим к обычаям. Так, займемся приемом гостей. Они бывают двух сортов: большие и малые. Я начинаю с малых, поскольку они бывают чаще. Друзья приглашают вас порубать. Вы с ними раскованны, и если к тому же это соседи, в таком случае вам нет нужды цеплять галстук, и вы можете оставаться в тапочках: при условии, что они вам уточнили раньше, что вы будете среди своих. Я помню, как однажды мы с Бертой были приглашены к Сроку. Они жили в двух кварталах от меня. Дело было летом, я говорю своей женушке: Не стоит франтиться милордом». И вот я отправляюсь в вельветовых штанах, в майке и шлепанцах. В особенности шлепанцы не выглядели свежими в связи с тем, что я их сварганил самолично из старой шины с белым боком. Мы заходим к бакалейщику и покупаем кило Маскары с фиолетовым сургучом, короче, чтобы не нарисоваться с пустыми граблями. Так значит, звоним к Сроку. Обычно отпирала его теща, косая старушенция в стиле чудовый траур. На этот раз мы оказываемся нос к носу в упор со смазливой горничной в черном платье и белом переднике. Мы с Бертой перекидываемся паническим взглядом в том смысле, что мы, может, дали промашку насчет этажа. Да нет, в вестибюле виднелась все та же бамбуковая вешалка Сроку.

Каметристка секет на нас и пытается захлопнуть дубовую, говоря, что ее госпожа уже забашляла последнему из культа после обеда, и что час голодранки уже прошел. Тут же мне кровь в рожу. Я отталкиваю хамку, пружу через вестибюль и в ярости нарисовываюсь в са-

лоне. Катастрофа! Они пригласили всю знатную шоблу: своего патрона, обувного туза, плюс дядюшку архиепископа и вдову полковника Гвардилегай, того, что завоевал кусок колонии в нижней правой Африке (хотя его и подарили недавно одному черному королю на день рождения, не колониалиста, а колонию). Мое появление в слегка дырявой майке и с шерстью, которая торчала сквозь сетку, произвело на них колоссальный эффект. Архиепископ по-быстрому скрещивается, чтобы сразу подготовиться на тот случай, если я кровожадный садист-человекоубийца. Патрон Жежена Сроку весь выпрямился, а его взгляд застыл на моих ходулях. Мои паршивые шлепанцы, выделанные из старой Клебер-Голубки, он никак не мог допустить. Они ему разрушали сетчатку, а ведь он был королем мокасинов, на которые был сверхспрос. Он бы стер мои дрыжки с лица земли; обуглил бы их кислородным резаком: сделал бы из меня безногого калеку на маленькой тележке с колесиками, как мешок с картошкой. Он не шутит с корочками, г-н Блинподош. Это он говорил, что человека делают коцы! Он считает, что индивид может носить выцветший костюмчик, грязную рубашку и помятый чепец, да, в крайнем случае, но он должен любой ценой ухаживать за своими башмаками. Шкеры, по его словам, говорят о личности чувака, который сидит внутри. Настоящий знаток элегантности носит индпошив, иначе дрыжки кровоточат. Он классифицирует все человечество по чувякам, папаша Блинподош. Сандалеты на древний манер с дырками и завязками (о, кстати, надо бы черкануть моей гримзе, которая худеет тут в Бридах) неизбежно выказывали учителей. Можно было бы поставить какого-нибудь типа за шторами так, чтобы высывались только

дрыжки, он мог определить его социальное происхождение. В черной замше, это какой-нибудь неизвестный актеришко; в желтой коже, остроносые — араб-сутенер; с квадратными носами — служащий метро; широкие, черные и с круглыми носами — кюре; желтые с подошвой-блин — маклер; разбитые мокасы — работяга, а кожаные тапочки с войлочной подкладкой — владелец питомника. Безошибочно, я повторяю. Зырк! Он дыбает вам на костыли и делает свой прогноз, м'сье Блинподош. Только вот я, со своими шлепанцами, скроенными из старого протектора, ускользал от его опознания. Он никак не мог меня постичь. Я представлял собой уникальный случай. В каком-то смысле, несмотря на глубокое отвращение, я его интересовал. Если бы я был желтым, он бы объявил меня партизаном из джунглей, вьетконцем... Срокую состроили такую рожу, словно при воздушной тревоге, видя меня в таком наряде. Им не хватало воздуха. У жены покойного полковника появились дополнительные морщины, столь глубоко было отвращение. Она напоминала старую тыкву, страдающую запором. «Что ж это такое?» — бормочет Срокую. Но меня, Берю, вы же знаете? Невозмутимо я отвечаю: «Погоди, Жежен, разве ты не говорил, что это будет ужин-маскарад?» Это ему загерметизировало течь. «Ты ошибаешься, Александр-Бенуа», — бормочет он. «Как это я ошибаюсь! — возникаю я. — Доказательство, вот этот шустрый малый нарядился в священника, а эта очаровательная дама (я показываю на вдову полковника) переоделась в прафуру! И я продолжаю костерить, что вызывает смех. В конце концов, они приняли фарс с моим нарядом и идею насчет ужина с хохмой. Торговец шкерами надел сутану архиепископа, архиепископ

нарядился в муэдзина (как он говорил) в пеньюаре и банном полотенце, а мамаша Гвардилегай и мы с Бертой изобразили учениц балетной школы. Конечно, у нее дрыжки были слегка завядшими, согласен, с дынями в виде пустых кисетов, и все же, если смотреть сзади сквозь маску сварщика, можно было позволить себе чуточку иллюзии. В общем, мы здорово повеселились. Но если бы не мое присутствие духа, прикиньте катастрофу! Нет, если вы идете в гости, всегда требуйте список приглашенных и номера участников забега, это вам поможет избежать оплошности.»

Он гладит волосы, которые начинают потрескивать по мере того, как бриолин сохнет.

— Для небольших приемов побрейтесь, даже если вы идете к близким. Там могут оказаться озорные дамочки, которых вы захотите чмокнуть за шторами, но ваша ловушка для макарон причинит беспокойство. Никогда не являйтесь с пустыми руками. Пригласив вас, вам хотели сделать любезность, так что будьте любезными с теми, кто вас ждет. Что притащить? Конечно, есть цветы. Неудобство в том, что они блекнут и то, что они несъедобны. Я вам дам список вещей, которые вы можете преподнести и которые всегда доставляют удовольствие: большую банку сардин, килограмм сахара, литр красного, плитку шоколада, пол-фунта кофе, последний номер *Пари-Матч*, пачку Житан, упаковку презервативов (если родители ими не пользуются, они всегда приносят развлечение детям), сыр-камамбер, колбасу, цветную фотографию Генерала или лотерейный билет. Если у вас нет времени на покупки, тащите остатки рагу или торта, но сделайте жест, ребята! Сделайте жест!

И еще: смотрите, чтобы быть ко времени. Когда вас приглашают, вам говорят, чтобы вы



причалили где-то к восьми часам; вот только если вы постараетесь быть пунктуальным (я говорю о Париже), вы застанете хозяйку в комбинации, или же она только чистит картошку для фритюра.

Так что, надо придти в девять часов, и вам выложат большую кучу признательности.

Так,— продолжает Неуязвимый,— вот вы и у кентов. Может получиться, что вы там найдете хмырей, чей портрет вам не нравится. Осадите по-быстрому свою антипатию, чтобы не испортить вечер. Это вам не мешает темнее-менее шепнуть в лопух вещему хозяину: «Как тебе пришло в голову пригласить этих макак? Они так симпатичны, как гравий на моей подошве. Смотри, чтобы они не оказались рядом со мной, иначе я не отвечаю за шальные пули». Отметьте, что часто после первого до-дна вы считаете, что они вас угнетают, но после второго до-дна, после аперитивчиков, вы замечаете, что они не такие говнюки, как вам показалось. И наконец, если вы не знаете об чем с ними толковать, чтобы разморозить вечер, вот список тем, которые вы можете рвануть не колеблясь. Вы удивитесь, какие в них кроются ресурсы.

Толстый полу-закрывает свои красивые сыроподобные глазки.

— Прежде всего,— продолжает он,— о погоде. Это может быть не серебро, но во всяком случае, для говорильни, это дороже золота. Вам достаточно обронить в полной тишине такую фразу: «На дворе июнь, а согласитесь, как будто осень», и увидите, как заработает машинка с хрюканьем. После погоды, большой ресурс, это когда звучит слово правительство, причем любой окраски. Вы качаете головой и говорите: «Они нам обещают понижение, а тем временем цены растут на все». Или еще: «Этими новыми налогами

они нас доведут до нищеты». Всегда говорите «они» или «эти», так вы никого не затрагиваете. Если вы будете называть фамилии, которые у всех в голове при слове «они», это сделает собрание хмурым. «Они» и «эти» позволяют поливать до краев, показывать себя заведенным на полную и совершенно без риска. Это как непроливающаяся банка с краской для пацанов.

Правительства можно сравнивать с землей каждый вечер, практически оставаясь анонимом. Если имеешь ум, чтобы не называть личности, можно себе позволить все. Я помню банкет, на котором присутствовал, и который возглавлял министр. Толковали о том, что скандальным образом не хватает автострад, и министр, хватив лишнего мюскаде с устрицами, брякает текстуально следующее: «*Что вы хотите, им на это наплевать*».

«Они», это никто и все, что хочешь. Это многоточие посреди фразы. Каждый туда вписывает в уме кликуху, которую считает нужной. Это самое практичное слово во французском языке.

Кроме погоды и правительства, еще у вас есть тачка. В случае общего напряжения, вам достаточно спросить у малого из ассамблеи, по-прежнему ли он ездит на своем *Мерседесе*, Д. С. или Симке 1300, чтобы тут же все оживилось как в Парке Принцев, когда Расенж пропустил пятнадцатый гол. Даже, если подумать, я считаю, что автомобильная тема еще удачнее, чем правительство. Тут, по крайней мере, можно называть имена и принимать чью-то сторону открыто. Можно устроить перепалку в том смысле, что характеристики R-8 более потрясающи, чем у *Морриса* или Версальского Лицея. Запомните хорошенько: тачка, это радикальное средство, если языкастые глохнут. Это впрыскивает горючее в

скучные собрания. Рычаг скоростей, все равно, что волшебная палочка.

Ну и наконец,— продолжает Мощный,— последняя из великих тем, это здоровье. Среди старых дам и особенно у русских. Я помню, однажды меня и Берту пригласили к Грегори Разибански, бывшему князю великого царя московской мэрии, бывшему шоферу Ж 7, которая к тому же уже изъята из обращения после того, как его сын стал сниматься в кино. У иванов доброе сердце, это их основное достоинство. У них, если один малый преуспевает, он не гребет только к своим членам. Нет, тут же начинается охота за неудачниками. Он покупает магазины с икрой у самых расторопных и кидает пособия на пропитание другим. Так что, в тот вечер мы хавали у Разибанских, и мы с Бертой были единственные франсюзы из всей компании. Все остальные были бывшие генералы, маркизы и полковники царской гвардии. И была семейная свара из-за того, что их польская домработница вылакала всю водку. Вместо того, чтобы заниматься домом, она храпела в подсобке для веников, наклюкавшись до упора. Этот неожиданный запой подпортил им прием. Им самим пришлось катать куриные котлетки, варить суп с капустой и томатным соусом и лепить пирожки с творогом. И селедку с яблоками тоже пришлось готовить своими ручками. Они дьявольски бранились. Гости, лишившись водки, как воды набрались. Еда была ужасная. Я понял, что с закусоном дело принимало дурной оборот, судя по тому, что наш хозяин возмутился тем, что полковник положил себе слишком много сардин. «Николя! — скрипел он,— вы бы подумали об обществе». Это доказывает, что в глубине души он был не таким уж противником Советов, князь Разибански. Короче, все

смотрели друг на друга, как будто хотели всадить вилку в живот. И тут вдруг Берта страдальчески выкрикивает «ай». У нее случился приступ с печенью в этот день, и горючий спирт, который мы лакали вместо водки, вызвал у нее печеночные колики. Тут уж все устали на нее. Княгиня Разибански спрашивает ее примерно так: «Что это такое с вами, трррэ шэррр ами? Разве что я забыла косточку в селедке?»

Тогда Берта объясняет, что ее гастрический сок подействовал на поджелудковую камнедробилкой, так что ее потроха свернулись как от желчи. Сама того не зная, она этим спасла вечеринку, моя трррэ шэррр женушка. Если б вы видели и слышали, как руски наперебой стали хвастать своими болезнями! Рисовали графики, чтобы подтвердить свои аварии в механизмах. Они друг другу совали адреса врачей, обменивались лекарствами. Каждый хотел угостить другого своими гранулами! Они все начали вытаскивать из карманов какие-то таинственные медикаменты. Маленькие красные или зеленые пилюли, таблетки с прорезью посередине, порошки, жидкости, какую-то клейкую массу. Раздавалось дребезжание пузырьков. Некоторые отсчитывали капли по-русски в стаканы соседей. Другие засовывали порошок указательным пальцем, чтобы сопроводить его до самой глотки на случай, если он вдруг ошибется дорогой по простоте душевной и нечаянно попадет в канаву на возврат. Стол был похож на аптеку. В два счета ее накормили лекарствами. Она не могла отказать, моя Толстуха. Ей так любезно предлагали. Ее заставили глотать какие-то ужасные пастилки и таблетки шириной с мои пуговицы от плаща; ей развели отвратительные порошки, которые пенились и пахли каким-то непонятным г..., ей закапали капли в

уши, другие в ноздри! Старый копунктурщик засадил ей иглы в окорока, мол это универсальная панарея, его иголки. Он рассказывал на франко-русском, как входил в связь с нервными центрами мадам благодаря этой оснастке. Они ее так накормили лекарствами, столько наложили мазей, что всю неделю она кругом распухала, Берти. Она была красная как лангуста и блевала не переставая. Я уже думал, что овдовел. Да, здоровье, это великая тема...

Он смотрит на часы, косит на дверь и вздыхает. Затем стоически прогоняет переживания, чтобы вновь стать известным педагогом.

— Мы подошли к часу застолья. Вы усаживаетесь там, где вам скажут, не возникая. Если какая-нибудь дама из присутствующих делает вам бархатный взгляд, не кричите ей во всю глотку: «Я сожалею, что нас не посадили рядом, я бы предпочел вас этой рохудле, что мне досталась!» Ибо это может обидеть последнюю, а также хозяйку дома. Если же наоборот ваша соседка вам нравится, не переходите на ее колени, пока не подадут рыбу, потому что во время закусок, это еще слишком рано, то есть может шокировать.

Он громко сморкается в дыру своего платка, приводит пальцы в ажур и объявляет:

— Поведение за столом. Во-первых, никогда не впадайте в отчаяние. Допустим, вам кидают устрицы для начала. Если вы не можете с ними справиться вилкой, оперируйте ножом. Так, не нужно их заглатывать вместе с упаковкой. Вы берете устрицу между лезвием вашего ножа и большим пальцем: что касается ее сока, сливайте его в стакан для воды, что позволит вам выпить его на свежую голову, когда вы прикончите своих устриц. Я открываю скобку, чтобы дать вам небольшой

хитрый рецепт на случай, если вы их обожаете. Чтобы вытащить у соседки, нужно вызвать у нее отвращение со спокойным выражением лица. Например, шепните ей: «Еще одна сбежала из туберкулезной больницы, не ешьте ее». У дамы гримаса, тогда вы хватаете ее моллюска, вроде для проверки на свежесть. Потом вы корчите рожу, объявляя, что она правильно сделала, что не захавала ее, иначе, прямиком к крапивной лихорадке. Если же наоборот, вы их не любите, вместо того, чтобы отозваться о них невежливо, вы ее кладете себе в рот и потом делаете вид, что сморкаетесь, и ловко вправляете ее в вашу утирку. Эта система позволяет вам, помимо прочего, притащить ваши двенадцать устриц домой и угостить своего старого папашу, который от них без ума. Ясно?

Среди коварных штучек есть еще спаржа. Манерные вырезают зеленый конец и выбрасывают остальное. Я громко заявляю, что это кощунство. В хорошо очищенной и хорошо проваренной спарже все отменно! Все! Так что, ешьте ее руками. Если остается соус, и вы от него балдеете, не обмакивайте в него свой хлеб. Мой учебник гласит, что это невоспитанно. По моему мнению, самое лучшее, это выпить его прямо из тарелки. Но сначала вы поднимаете флаг: «Любезнейшая, скажите хозяйке, что соус это такое объедение, что я сделаю как у себя дома.» И гоп!

По сему поводу, хотя в этой дурацкой энциклопедии утверждают обратное, завяжите вашу салфетку вокруг шеи во избежание скандала, иначе все примет ваш галстук! Погодите, я что-то еще хотел вам сказать... Ах да: ножки стола! Прежде чем сесть, секите хорошенько, куда вы попали в этом смысле. Не нужно их бояться, ибо они служат предлогом, чтобы пощупать коленки дамы сбоку. Или

ножка стола вам попадает между дрыжек, и это дает вам серьезный резон, чтобы раздвинуть ноги, или же она попадает между костылями соседки, и это вынуждает ее раздвинуть свои. Если что-то и надо избегать, это чтобы ножка стола не оказалась между вами двумя, потому и необходимо сориентироваться прежде, чем сесть, чтобы переставить незаметно приборы, если этого требует география.

Подают рыбу. Для *щипитильных* имеются специальные приборы по такому случаю. Не делайте промашки, ешьте вилок, а не лопаткой вопреки тому, что можно подумать. Я однажды слышал, как один сноб сказал: рыбу нельзя есть без прибора. Я пробовал: можно! Но осторожней с костями, особенно, если это щука.

Я бы не хотел то и дело говорить о себе, но я вам расскажу, как однажды вечером, за столом во время банкета с дамами у меня застряла кость форели в глотке. Я почувствовал, как она меня пунктурирует, сволочь. Быстренько кидаюсь к моему стопарю с мюскаде. Заглатываю, но в этом потоке кость свибрировала, и у меня произошла страшная спазма. Как тут не вмазать в стол гигантской ракетой! Мы начали с яиц в винном соусе с гренками, это было некстати. Гости вокруг меня вытирали рожи и костюмы, декольте, волосы, все! У них вдруг сразу в тарелках появилась добавка, я помню в особенности, как раз напротив меня был председатель П. Сдоболь, вот он и пострадал больше всех в компании. Его ленточка к ордену Почетного легиона приняла на себя дьявольский удар! Мои брызги его сразу разжаловали, он вдруг сразу остался только с сельскохозяйственными наградами. И к тому же я его ослепил. Это было нетрудно в связи с тем, что один глаз у него уже был стеклянный, у любез-

нейшего. Он греб по столу в поисках помощи. К несчастью, я ему вмазал зерном перца в здоровый шнифт... Шаря, он опрокинул две бутылки Сент-Эмильона, которые притащили для мяса. Но настоящий тарарам был еще впереди. Чтобы удержать бутылки, он опрокинул блюдо с форелью, которая томила на плитке для подогрева. Одна старуха, столь неосмотрительно декольтированная для своего возраста, получила расплавленное масло на пышную грудь и начала визжать. Тем временем в отчаянии председатель П.Сдоболь запалил костюм от огня плитки. Он поджаривался наипротивнейшим образом. Его потушили ведрами со льдом для мюскаде. Слишком усердно. Каждому хотелось его спасти. Четыре ведра воды на столе, это вызвало ураган, понимаете? Все смыло, тарелки плыли по течению словно каноя, бутылки опрокидывались как в боулинге. Женщины чувствовали разгром в юбках и блузках. Им на колени падали жирные тарелки. Они плескались в жидкости, подняли крик! Мужчины попытались удержать прилив. Они бросились в конец стола, чтобы приподнять скатерть. В страшной толкотне Сезар Жирбид, торговец требухой, рухнул на стол, ножка которого скovyрнулась, и произошла полная суматоха. Потеряв равновесие, они сыграли в цепочку из домино, эти месье спасуны. Восемь человек возились в разбитой посуде и рыбьих костях.

Пол был усеян головами форели, которые смотрели на весь этот гай-гуй остекленевшими глазами. Все это доказывает, какие могут быть последствия от неловкого обращения с костями. Так что, осторожней! Удалять их перед едой пальцами, так будет лучше.



Берю сглатывает труднопроходимую слюну. Невеселые мысли блокируют ему слюнные железы. Он снова косит в сторону безнадежно закрытой двери и решается продолжить.

— Допустим, что ваша соседка по столу вам нравится. Так рассказывайте ей смешные анекдоты. Если она начнет смеяться, все захотят знать почему, и вас попросят продолжать погромче. Вот хороший случай выставить себя чемпионом. Вы начинаете с приличного анекдотика: Постольку,— продолжает Его Величество,— поскольку вы становитесь Леопольдом по развлечениям, ваша спутница стола вас страстно желает. Коленвал у вас идет вразнос. И все же подождите десерт прежде, чем добрать до подвязок. Не из-за нее, а из-за ее паршивого супруга, который на вас косит со своего места. Во время десерта, поскольку он уже вмазал, его контроль ослабевает неизбежно. В этот момент ваша рука отправляется в экспедицию. Вы устраиваетесь наискосок, в нелюбезной манере, будто вы безучастны к соседке и повернулись к ней спиной. И на этом вперед: сначала вы вызываете дрожь кончиками пальцев по филейной части через платье. Из двух одно, или у нее самоконтроль, или у нее его нет. Если да, она продолжает трепаться с Пьером-Полем-Жаком не моргнув глазом. В таком случае, вы можете приподнять ее платье, держа его между большим и указательным пальцами для большей сердечности. Если у нее его нет, и она начинает ерзать и кудахтать, это значит, она боится щекотки, и я вам советую срочно прекратить все работы, чтобы избежать инцидентов.

Во время хавки нужно остерегаться блюд с норовом, которые прыгают из вашей тарел-

ки прямо на ширинку сидящего напротив, как только вы пытаетесь насадить на вилку. Самые коварные, это: неошкуренные ракообразные, мелкий картофель, поджаренный в масле, оливки, луковицы, то есть все, что круглое и жесткое! У вас сразу получается игра в гольф в миниатюре.

По вопросу напитков. Нужно всегда оставлять немного винишка на дне, из вежливости. Вот только если вы у скупердяев, они этим пользуются, чтобы сушить вам глотку. Не колеблясь, призовите их милым образом к порядку. Нужно обратиться к главе стола. Скажите ему, поднимая стакан: «Эй, Рири, не найдется ли у тебя запасного баллончика для моего уатермана\* с глоткой?» или лучше: «О, Нестор! Ты знаешь, распечатанное вино, это как девушка: очень быстро портится. Не закончить ли нам этот флакон?»

Если до флакона можно дотянуться, вы даже не напрягайтесь насчет того, чтобы спросить. Вы цепляете его, говоря как бы в сторону: «О! Да моя милая соседка обезвоживается, если так будет продолжаться, придется попросить назад вилочки для устриц, чтобы отодрать язык от неба». И естественно, вы наполняете свой стакан одновременно с ее.

Если к несчастью, вы опрокинете ваш полный стопарь на скатерть, не стоит отправлять туда же и солонку. Если скатерть клеенчатая, вы вежливо извиняетесь, и после того, как расчистите площадку, с силой всасываете разлитое винцо. Если скатерть из ткани, собрать труднее, и конечно же, будут потери. Но вы можете промокнуть его хлебным мякишем. Хлеб, смоченный вином, это прекрасно.

---

\*Ватерман, фирменное наименование авторучек.

Толстяк чистит дуло старой спичкой, с вожделением обсасывает ее и, заглянув в свою неопишуемую энциклопедию, продолжает:

— Бывает, что в тарелке обнаруживается кое-что непредвиденное, как то: волосы, улитка, земляной червяк, бабочка, кусочек бинта и т. д. Самая грустная необходимость требует, чтобы вы не обратили внимания на этих подпольщиков. Делайте как я: съешьте их не моргнув. Все-таки неприятно, когда какой-нибудь чмырь трясет длинным волосом и мычит со своего стула: «Эй, Фифин, я вам пришлю флакон Сильвикрина, это помогает от того, чем вы страдаете!» Или, если это земляной червяк: «Эй, ребятишки, я дико извиняюсь, но я ловлю только на блесну!» Я помню, однажды ночью мы хавали на террасе отеля вместе с жильцами. Очень достойные люди: он играл на пистоне, а дама была массажисткой в банях на Монмартре. Ее специальностью было полное намыливание.

Нам подают раковый суп. Как раз в тот момент, как я собираюсь приступить к нему, какая-то кретинка-бабочка шлепается мне в тарелку. Тут же я сам чуть не стал раком! Тем более, что это была не какая-нибудь своеправная однодневка (этих можно рубать не замечая), нет, это была настоящая скотина, шириной с ладонь, с волосами больше, чем на подбородке моей кузины Гертруды. Никто, кроме меня, не видел этого свободного падения в мою баланду. Я подумал, что если мадам Гольом заметит эту маленькую авиакатастрофу, у нее может испортиться аппетит; чувствовалось, что она была очень деликатной. Тогда я пожертвовал собой. Ложку ракового супа на красивые припудренные крылья, как в Гурмане Д.С.5 с тем, чтобы размягчить их, и потом я ее загружаю в пасть. Хрум-хрум! У меня было впечатление, что я

грыз сырой пельмень. Можно думать что угодно, но бабочки ничем не хуже, чем что-либо другое! Лишь бы они были такой же породы, как и моя. Через некоторое время я раскопал цветные иллюстрации в Ляруссе, там она называлась большим ночным павлином. Если вам представится возможность, попробуйте, будете знать.

В главе о неожиданностях я должен вам рассказать об одном моем злослучии, когда мы еще только дебютировали. Первый большой ужин, который мы с Бертой организовали, это было для того, чтобы пригласить моего комиссара и его даму. В то время я еще был постовым. У комиссара Фавье был бзик на требуху с морковкой и луком по-кански. Как раз фирменное блюдо Берты, представьте, какая удача! Итак, моя толстуха готовит нам это дело. Садимся за стол после обычных аперитивов. И пока я откупориваю винище, Берта всем накладывает. Я разливаю и приступаю к фриштику. Тут же я с удивлением замечаю шмот требухи целым куском в своей тарелке. Я приподнимаю его из соуса, и что же я вижу? Один из моих шерстяных носков, которые я повесил сушить после службы на веревке над плитой. Он упал в котелок с требухой так, что Берта об этом даже не знала. Я беру себя под локоток для большой конференции наедине с самим собой. «Берю,— говорю я,— если комиссар Фавье заметит, что один из твоих носков варился в требухе, это будет препротивнейший скандал. Твоя карьера на кону, парень». Фавье — очень энергичный человек. Любезный, но неукротимый. После инцидента такого рода и на самом старте, мне оставалось бы только поискать работы в Лурде! Короче, я съел свой носок. Самое трудное заключалось в том, чтобы его разрезать.

«Не иначе, как тебе попался кусок с прожилками?» — сочувствовала Берта. Я ее успокаивал: «Нет, нет, нежный, как роса, моя курочка!» Я уже сгрыз стопу, как мне приходит мысль, что другой носок может быть тоже в котелке. Это меня парализовало: я чуть не умер, глядя, как они вновь принялись корпеть над блюдом. Я ждал, что они вытащат другой. Я больше не мог шнявкать. Если кто рассказывает о каком-либо ужасе в моем присутствии, я тут же начинаю думать об этом чертовом ужине. Фавье и его законная облизывали все свои пять пальцев, плюс большой! Мой досточтимый босс уверял, что никогда не едал такого чуда. «Не правда ли, Берюрье?» Он меня приглашал в свидетели. Я был в схватке с голенищем (ибо я носил, увы, длинные носки в те времена). Я жалко грыз свой клубок шерсти Пингвин, пока эти сволочи уминали блюдо. Меня ободряла мысль о том, что когда я закончу носок, то наконец смогу позволить себе настоящую порцию, чтобы протолкнуть остальное. Я нажимал, чтобы догнать их, чтобы положить себе раньше, чем они выскребут блюдо.

Они уже кончали по четвертому разу, людоеды, как вдруг М-м Фавье сжаливается надомной. «Мы все глотаем в то время, как Берюрье даже ни разу не повторил», — говорит она. Я готов был расцеловать ее. Она завладевает половником.

«Вы позволите, я вам добавлю, Берюрье?»

«С радостью и удовольствием, мадам!» — усердствую я.

Тогда она скребет на дне котла и плюх! Что же падает в тарелку? Второй носок! В конце концов, все же хорошо, что он достался мне! Опять же, ребята, кто не рубал двух шерстяных носков за один раз, не может себе представить, что это такое. Носки, которые

связала моя старушка, из грубой шерсти полной жировиков!...

Он содрогается, качает головой и заключает:

— После этого приключения я стал носить короткие носки.

—:—

Он встает, идет к двери, открывает, исследует пустынный коридор и возвращается к кафедре с поникшими ушами.

— Мою графиню, похоже, задерживают, — сетует он. — Жаль из-за вас, ребята. Она бы вам дала хороший урок, как держать себя. А впрочем...

Он листает свой разоренный труд.

— За столом иногда у вас бывает искушение положить съестного в карман в расчете на завтра. Не говорите, что такого не бывает, дело житейское. В таком случае будьте предусмотрительны и запаситесь полиэтиленовым пакетом.

Или делайте как я, засуньте куриную ножку или баранье ребро, которое вы решили отгрузить, в свой кисет. Так жир не испачкает вашей одежды и сделает душистым табак!

После жратвы гости, которых уводят хозяева, кидаются в салон насчет кишковорота и сигар. Вообще, мужики устраиваются по-двое, чтобы потолковать о работе, а бабы между собой, чтобы посекретничать о любовниках. Дятлы говорят про ляжки до жратвы, а телки после.

Уже за аперитивом они перешептываются о своих матрасных подвигах, любовнички. С ходу. «Ты знаешь, я снял шикарный подарочек для потрясающей дрючки, слышь, Альберт? Брюнетка, которая делает римскую све-

чу, как ни одна другая! И к тому же любит групповуху! Настоящая парижаночка». Или еще: «У тебя еще сохранилась хата в Нейи, Поль? Ты мне ее сдашь? У меня в данный момент одна честная гражданочка, которая при слове гостиница встает на дыбы, как кобыла перед оборотнем...» Все это перед хавкой. Тем временем дамы беседуют о тряпках. На Елисейских открылась такая «занятная» лавочка; костюм-двойка с рисунком из коллекции Фанни Зейгер, который они заметили, и им хотелось бы такой же, но голубой, а не розовый; такая простенькая шляпка, которая стоит целое состояние, новинки у Гермеса, под крокодила снизу доверху... Про клубничку ни слова. Осторожно, мужики еще слишком трезвые. Но как только вылезли из-за стола, вот они пускаются рассказывать друг другу о своих партейках «ноги вверх», херувимочки. И как он хорошо трясет сливы, Роберчик, как он экипирован для экстаза, сколько раз он может начать снова, пока не взмолишься. И как давно «все кончено» с Марио; это было приятно, если бы не осложнения из-за его неумейной страсти и постоянных звонков по телефону. Как только эльзасская терновочка проглочена, они расстилаются, эти дадамочки. Они приводят интим в ажур. После любовников, очередь за дантистом, педикюром или гинекологом. Самцы в это время дошли до репорта векселей, до инвестиций. Они захвачены уже не задницей, а недвижимостью. Мужчины вообще-то первостатейные распутники только на поверхности, их хватает ненадолго, ради того, чтобы покуражиться, убедить себя в том, что помочиться в раковину это признак абсолютной независимости. Тогда как мышки, это настоящие развратницы. Дырка в них сидит глубоко, клубничка хорошо скрыта. Баба это

существо, вокруг которого всегда вьются мужчины: тогда как в действительности, чувак редко бывает мужиком, окруженным женщинами! Настоящий бабник, хотите, я вам скажу? Так вот, его можно засечь в час сигар. Это тот, который вместо того, чтобы примкнуть к группе мужчин, остается среди женщин. Минута правды наступает, когда приходит час ликеров, ребята, запомните это! В то время, как эти простофили толкуют об увеличении капитала, размещении дивидендов и падающих акциях, хитрец занимается сестренками вместо того, чтобы предоставить это фирме Пешиней-Прожилъ, и он в выигрыше. Женщины это замечают. Более того: они отдают этому должное.

Прежде, чем закончить с обычными приемами, я вам дам еще два совета: если вы опрокинете свой стакан кальвадоса на канапе или прожжете подушку сигарой, не вскрикивайте словно ювелир. Подождите немного и затем переверните подушку, это также просто, как яйцо Жан-Кристофа Аверти\*. Это первый совет.

Второй намного важнее. Если вы приглашены один к паре ваших друзей, и муж уходит раньше вас, подождите четверть часа прежде, чем запрокинуть хозяйку, на случай, если он забыл взять ключи.

Его Величество облизывает фиолетовым языком свои иссушенные губы.

— А теперь перейдем к высоким приемам. Они не часты, но иногда случаются. Так. Предположим, что в один прекрасный день вы принимаете папского нунция, графа Парижского или принцессу Маргарет. Вы скажете другим приглашенным, чтоб приперлись не-

---

\* Берюрье конечно же имеет ввиду «колумбово яйцо» (которое удерживается в вертикальном положении благодаря небольшому надрезу в скорлупе).



много раньше. А потом, когда они уже скинули свои манто и шляпы, пропустили по глотку шампанского, вы спускаетесь с ними, чтобы ждать высокого гостя. Вы их ставите перед будкой дворничихи в два ряда, а сами ждете на тротуаре.

Как только тачка прикатила, вы бросаетесь к двери. Вы не открываете; шоферу за это платят, но вы протягиваете руку нунцию, графу или принцессе, — чтобы помочь им выпутаться. Если это нунций, предположим, вы слегка коленопреклоняете и говорите очень церемонно: «Мое почтение, нунций, идемте же, ножка уже в духовке». Смотрите, чтобы без оплошностей, без ляпсусов. Не спрашивайте у него, почему он приехал без жены, или как здоровье у его детей. Вы эскортируете его до самого дома. И там вы ему представляете других гостей, начиная с самых важных. Пример: «Граф д'Аккредитиф, барон дю Хамло, шевалье дю Стаграм и т. д.» А потом вы его определяете в лифт одного, чтобы не стеснять. Вы ему говорите: «Нажмите на кнопку шестьмого, мой нунций, и смотрите, чтоб не зацепило сутану, а то застрянете между этажей». Как только лифт сделал отрыв, вы вместе с другими галопом по лестнице. Трудность заключается в том, чтобы добраться раньше кабины, чтобы открыть дубовую.

Если приканает граф Парижский, не говорите ему «Здрасьте, м'сье граф», ибо он почти лжеграф в связи с тем, что он принц. Несмотря на ваши республиканские настроения, изогните хребет на манер ростомера и скажите: «Это-таки большая честь для меня принять Ваше Принципство в моей скромной трехкомнатной с ванной».

Затем, вы действуете, как и с нунцием.

Для принцессы Маргарет побольше нежности.

Вы ей целуете клешню, поскольку она замужем, и говорите: «Мое почтение, принцесса, очень мило, что вы приняли мое приглашение. Уже несколько лет я умираю от желания познакомиться с вами. Я все-таки решился, пока вы окончательно не состарились».

Вы представляетесь и затем входите с ней в лифт, чтобы маневрировать. Как только вы в кабине, нужно снять свой берет. Вы с ней толкуете пока она поднимается: «А как Мадам ваша сестра, все еще живет в Букин-джеме? Хорошо ли себя чувствуют ее детишки, в эту зиму не было ли кори в детской?»

Если это ужин, то, конечно же, маркированный гость занимает почетное место справа от хозяйки, если это мужчина, или справа от вас в случае, если это баба. Порекомендуйте своей законной, если она строптивая, чтобы не шокировалась, если гость намбер оан ей слегка пощупает ногу. Чтобы не отвесила ему пиндюлину, брюзга, под тем предлогом, что он старый развратник. Пусть она уразумет, что это честь, когда ей скоблит чашечки такая знаменитость. Ну а вам рядом с Маргарет (или королевой Жюльенас или принцессой Грасс) надо бы полегче с подколами. Без соленых анекдотов! Мадригал: «Прекрасная принцесса, как бы я желал, чтобы вы отполировали мне мое плебейство!» или: «При виде вас, это как будто волшебная сказка. Любуясь вами, просто невозможно представить, что вы ходите в сортир как все!» Не бойтесь сделать ей комплимент. С самого рождения ее окружают типы, которые блистят ее щеточкой, так что не бойтесь умаслить!

Берюрье умолкает, потягивается, зевает, смотрит на часы и встает. Он подходит к краю возвышения и улыбается нам.

— Я закругляюсь насчет приемов. Но нужно вам порекомендовать одну вещь, которая все же противопоказана в моем учебнике. Тут вот они говорят, что когда людей представляют, то не делают намеков на их профессию. Я не согласен. Однажды натурально, на дружеской встрече был один месье, о котором мне только сказали его имя, не уточняя, чем он занимался. Через некоторое время я начинаю костерить финансовых советников, говоря, что если бы они знали свою работу, они были бы не советниками, а миллиардерами. Никто даже рогом не шевельнул. Тогда я его беру в свидетели, этого самого, о котором вам говорил. «Позвольте мне воздержаться от ответа,— говорит он,— в связи с тем, что я финансовый советник. Избегайте таких подвохов. И поступайте лояльно. «Представляю вам месье Дурко, скульптора по губкам. А вот месье Трутру, у которого предприятие по чистке пешеходных дорожек». Или еще для дам: «Позвольте мне представить вам мадам Бельпоп, любовницу префекта. Месье Лекобель, штатный любовник президентши Подбросьмуа.» Таким образом, никаких бестактностей уже не будет. Или же их надо просто делать нарочно!

Как только Пышный выдал нам столь сильную концовку, в дубовую легонько стучат. Бугай принимает богатую пурпурную окраску, отливающую разными цветами.

— Это она! — бормочет он в опьянении,— я сейчас крикну «Войдите», и все хором, ребята, рванем погорячее: здравствуйте, госпожа графиня, о кей?

Наши двести голов, качнувшиеся одновременно, создают шелест улетающих голубей.

— Войдите! — кричит Их Благочестие.

И все вместе, в одном порыве, достойном Берюрье, мы ревом:

— Здравствуйте, госпожа графиня!

Дверь приоткрывается, и входит тщедушный, руинный, морщинистый Шлепнога.

Подневольный (на этот раз в почестях) входит неровной от оцепенения походкой, озирает горящие рожи, повернувшиеся к нему, словно подсолнухи к солнцу, и переправляет комок жевательного табака из правой щеки в левую, как будто он вдруг усомнился во вкусе.

Радость Берю оборачивается черной злостью.

— Послушайте, Шлепнога! — окликает он, — с каких это пор вы входите в зал во время лекции?

— У меня пакет для м'сье Нио-Санато, — блеет ископаемое.

— Это еще что за зверь? — горланит Их Округлость, который уже забыл мое подставное имя.

Я встаю.

— Это я, мсье!

На этом Ужасный оседает словно молочная пена, когда закрывают кран газовой плиты.

Я хватаю конверт, который мне протягивает Шлепнога. В нем содержится фотография мальчика лет тридцати с умными глазами. У него темные волосы, причесанные а ля Бельмондо, ямочка на подбородке и очки в роговой оправе. Бумажный язычок с машинописной надписью приклеен к фотографии. Я читаю: *«Инспектор Абель Канто»*.

У меня начинает дергаться большая скуловая мышца, сестрички. И есть отчего, ибо этот Абель Канто ничего не имеет общего с тем, кто был в школе и который исчез! Сразу все осветилось неоном в моем котелке.

Ваш любимый Сан-Антонио слегка балдеет, мои кисоньки, ибо его кровь уже почти

превратилась в тушь в то время, как Берю обогащал знания этих молодых людей. Он начеку, несмотря на скромность, дорогой комиссар. В данное время он затушевывается позади Толстяка, потому что полюс притяжения это Берю, но он при этом размышляет не меньше. И он о вас не забыл, поверьте.

Он вас немного томит специально. Макиавелли!\* Когда Сан-А отступает, желание растет! Верх вежливости, это уметь уступить свое место, даже в книге.

Я только что все просек: Абель Канто был зачислен в школу. Банда террористов его перехватила на дороге, и так появился Абель Канто с фальцетом.

Только два ученика из легавого пансиона знали правду: Кастеллини и Бардан. Они, должно быть, знали о первом и поспешили перекинуть его через перила *до прибытия Канто намбер ту*; но им было неизвестно, что второй ученик тоже знал об этом. Догадавшись о подлоге в автобусе, Бардан понял, что замышляется что-то серьезное. Может быть, даже он усмотрел связь между присвоением имени и «самоубийством» Кастеллини? Как бы то ни было, но, выйдя из автобуса, он допустил неосторожность, которая оказалась роковой. Какую? Это еще надо определить, во всяком случае, краешек завесы приподнялся, как говорят в романах, еще более плохих, чем мои<sup>1</sup>. Шлепнога уходит.

Берю зловеще ударяет кулаком по столу, чтобы восстановить тишину и завладеть моим вниманием.

— Граждане! — взывает Трибун, — пожар потушен, продолжаем! Я перейду теперь к теме поведения автомобилиста в связи с тем,

---

\* Никколо Макиавелли, итал. государственный деятель, писатель и философ (1469-1527).

<sup>1</sup> Я бы не хотел хвастаться, но такие имеются!

что как я вам уже сказал, тачка занимает преобладающее место в современной жизни.

Он гладит мочку большим и указательным и торжественно объявляет:

— Существует два сорта автомобилистов: те, что за рулем своей машины, и те, которые из нее вылезли. Первых называют сволочами-шоферюгами, а вторых чертовыми пешеходами.

Берю пресекает смех своим столь обычным, сколь общеизвестным авторитетом, и продолжает:

— Между пешеходом и автомобилистом разницы больше, чем между таксой и Эйфелевой башней. Пример: малый за рулем маневрирует, чтобы припарковаться. Если в поле его маневра окажется пешеход, тут же он ему кричит через окно:

«Может уберешь свои перья, раззява?»

«Я тебя на х... видал, и тебя и твою кучу грязи!»

Так. Вот автомобилист выключает зажигание и вылезает после того, как поставил пластинку с часовым механизмом, а вылезает он со стороны шоссе. Какая-то тачка его задевает. И вот он тявкает.

«Ну ты, козел! Нет, ну они считают, что им все позволено, этим шоферюгам!» Перевоплощение фундаментальное. Мгновенное! Едва ступив ногой на землю, автомобилист расстается со своей водительской психологией. Я позволил себе составить небольшой перечень того, что пешеход может высказать автомобилисту, и еще то, что автомобилист может выдать пешеходу; это для тех, кто за словом долго лазит по карманам.

Он вытаскивает клочок туалетной бумаги, что весьма красноречиво свидетельствует о месте его размышлений, расправляет его словно банковский билет, и читает.



Hubou

Лексикон автомобилиста:  
«Пошел к Богоматери!»





— Для пешеходов, двоеточие: «Убийцы! Эй ты, с танком! Ну ты, с кучей лома! Ты, дзинь-дзинь на роликах! Ты, с драндулетом! Ты, с дрезиной! Козел! Пидарас! Фашист! Вылезай из своей телеги, если ты мужчина! Да это же тачка моего садовника! Плевал я на твой миноносец! Подонок! Дерьмо! Ж...! Свинья! Головка от х...! Кусок балды! Головка в шляпе! Гребни подальше, пират! Иди умойся, мусорник! Ты, колбаса с яйцами! Пижон! Бандит! Банкир! Мурло! Свинья! Гестаповец! Гомосек! Тварь вонючая! Сволочь! Каналья! Ты что, учился вождению на сеялке?

Заучите их наизусть, — рекомендует Толстый, — уже это будет служить вам основой. Запомните, чем больше машина, тем больше вы можете орать. Если это американская тачка, обзовите шофера американцем, без колебаний, даже если у него номер Сены. Если за рулем женщина, не бойтесь крикнуть б...! Или проститутка, если она едет медленно и может услышать, так будет обиднее. Теперь перейдем к автомобилистам. Как только вы из пешехода превращаетесь в водителя, кричать надо следующее.

Он достает второй пергамент, такого же качества и такого же происхождения, что и первый, и читает своим хриплым голосом:

— Убери кости, малокровный! Отволоки свое мясо, я не хочу пачкать шины! У тебя что, свинцовые шкеры, или что? Ж... с ручкой! Подонок! Дерьмо! (тут есть что-то общее между теми и другими). Хмырь! Моллюск! Где переход, эй, чурка. Если ты спешишь, возьми катафалк! Ты что, за страховкой прешь? Кто тебя отвязал? Спасайся, эй, Байярд! Ты что, в деревне, а, кизячник! Смойся, козел, ты слишком жалкий, чтоб тебя давить! Шевели задницей, растопша! А как насчет сестренки! Ты, стадо гусей! Заткнись, раб! А хрен не

курятина? Да я тебя целую! И наконец, самое страшное: Пешеход!

Берю умолкает. Снова стучат. Он подносит руку к сердцу.

— На этот раз, она! — говорит он таким голосом, будто у него оргазм.— Давайте, все разом, а, как только я скажу, войдите: «Здравствуйте, госпожа графиня!»

Номер повторяется, и как и прежде, Шлепнога производит вступление. Он волочит свои башмаки перед налитыми кровью глазами Толстяка.

— Опять этот кусок геморроя вносит мастурбацию в мой урок,— грохочет Громоподобный.— Когда кончится этот микмак, Шлепкостыль? Вы что, в Галерее Ля Файетт, папаша?

Шлепнога держится с достоинством, хотя его и встречают каждый раз криком «Здравствуйте, госпожа графиня». Он подходит ко мне и шепчет в мои лопухи:

— Господин директор просит вас зайти к нему после лекции.

Я говорю «о'кей», и папаша эвакуируется под сарказмы Толстяка.

— Продолжим,— рубит последний.— Автомобилистов и пешеходов роднит не только ругань. Кампания *Франс-Суар* «Будем взаимно вежливы» принесла свои плоды. Люди теперь упражняются в любезностях. Да вот, на прошлой неделе в Париже я видел волнующую сцену. Старый месье с палочкой и в шубе с меховым воротником переходил на перекрестке. Какая-то машина подваливает и останавливается, чтобы не мешать ему. Старый господин любезно приподнимает шляпу и говорит: «Прошу вас». «Нет, нет,— отвечает водитель,— проходите, месье». «Никак нет,— расшаркивается тот,— у вас приоритет». «И речи быть не может, проходите!» «Ради бога,

вы передвигаетесь быстрее, чем я!» — парирует старикан. Тут один тип, который ждал на трехколеснике, кричит: «Эй, шевели ж..., дед!» Тогда старый бросается, автомобиль тоже, одновременно. И старик очутился в больнице с завядшим костылем. Сами видите, быть слишком вежливым небезопасно.

Насчет дозы. Если у вас приоритет, используйте его, не хилля под д'Артаньяна. А теперь я вас должен серьезно предостеречь против торговцев подержанными тачками. Это худшая порода. Доказательство, приключение, которое пережил мой друг Сим Касто.

Однажды он подгребает к хозяину автомастерской чтобы купить себе тачку. И вот хмырь начинает пудрить мозги.

«Возьмите эту, самую лучшую.»

«Я не хочу машину черного цвета,» — отвечает Сим Касто.

«Она не черная, а цвета баклажана, — протестует торговец. — Цвет элиты!»

«Слушайте, что-то мотор покашливает!»

«Здрасьте, пожалуйста! Не хотите ли вы сказать, что она туберкулезная? Только что утром отрегулировали клапана, заменили свечи и контакты прерывателя. Мне их отлаживает специалист из Монлери; если вы считаете, что вы лучше разбираетесь, так и скажите!»

— Шины лысые!

— Ну, это уже придирки, ей богу! Резина «Х», которая не прошла и восьми тысяч километров в носках!

«Я бы хотел 64-го года выпуска.»

«А это что, не 64? Смотрите техпаспорт: дата выпуска 63!»

«...?»

«Вы что, не знаете, что год выпуска тачки ставится за три месяца до Автосалона предыдущего года?»

«Слушайте, одно крыло было в ремонте, вот! Краска отличается!»

«Что вы гоните, папаша! Клянусь, вы меня провоцируете! Тут стоял внешний отражатель, его сняли, потому что он стоял не по правилам.»

«Выпущена в июне 63, и прошла всего восемь тысяч километров?»

«Нет, вы посмотрите на него, он недоволен тем, что невеста слишком красива! Я что, виноват, что ее хозяин был не коммивояжер, а водолаз, который пользовался ею только во время отпуска? Клянусь, вы просто деморализуете. Если б я вам еще и корову дал сверху, вы бы спросили, скоро ли она отелится. Оставьте ее, если не хотите покупать; вы не первый, кто упускает уникальный случай в своей жизни! Пожалуйста, можете отказаться от подарка, в следующий раз будем умнее!»

— Наконец,— режет Берюрье,— мой товарищ решается. Четыреста билетов! Он выписывает чек и возвращается домой, пока торговец оформляет техпаспорт. Что же он находит по возвращении на кухонном кафеле? Его женушка замертво. Задохнулась! Молоко закипело и залило огонь газовой плиты. На следующий день он отправляется к торговцу, чтобы сдать ему назад автомобиль в связи с тем, что у него уже не лежало сердце к опьяняющим прогулкам. Получилось вот что:

«В связи с такими обстоятельствами, я не могу оставить у себя машину»,— рыдает Касто.

Хозяин мастерской утирает слезу.

«По-человечески я вас понимаю,— говорит он.— Но дела есть дела! У меня накладные расходы.»

«Умоляю вас, заберите ее у меня!»

«Ладно, хорошо, я не людоед. Давайте взглянем на товар.»

Торговец начинает описывать круги вокруг телеги, копается внутри, как будто он ее видит впервые.

«Какой ужас, она цвета баклажана! Вы знаете, такое никто не берет. Этим красили лет десять тому назад... А потом, смотрите, вы слышите мотор, как он захлебывается. У него что, астма или эмфизема? Держу пари, что в мост подсыпали опилок, чтобы он не пел! А резина, да вы что! Рисунок не видно! Сколько там на счетчике? Восемь тысяч! Не нужно мне вешать, часики перевели, дедуля! Если вы пропешкодралите разницу в расстоянии, вы сотрете ходули до колен! 63? Да нет уж, 62, потому что июнь приходится на Автосалон предыдущего года! Не считая плюх, которые она получила! Слушайте, вот это крыло покрашено в ярко-красный цвет, вы уверены, что это не пожарная машина? Так, ну что же вам предложить за эту кучу жести?.. Скажем, сто восемьдесят тысяч, учитывая, что у вас несчастье!»

«Да как же так,— обмирает Сим Касто,— я заплатил за нее четыреста! И она не покидала мастерскую!»

«И что же, я могу чем-нибудь помочь, если вы король олухов?»

— Так что, будьте настороже,— призывает Берю.

Он собирается показать нам идеальный способ отмщения, как в дверь снова стучат. Тогда в возмущении он бросается, вопя полными бронхами:

— На этот раз, все! Вот я те врежу по ж..., мудель гороховый! Чтоб не путал мой класс с сортиром! Ты понял, рвань! — ревет он, открывая дверь.

Он умолкает, остолбенев.

Графиня Труссаль дю Труссо стоит на пороге, вся в украшениях с головы до ног.

## ГЛАВА XV бис<sup>1</sup>

### В КОТОРОЙ БЕРЮ И ЕГО ГРАФИНЯ ДЕЛАЮТ ОБЗОР СВЕТСКИХ ОБЫЧАЕВ, ПОКА ТОЛСТЯК НЕ ИСПЫТАЕТ МУЧИТЕЛЬНОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ

Самое малое, что можно сказать, это то, что она вложила кучу, вагон и маленькую тележку! Во всем своем блеске! Все диадемы! Это воплощение витрины Ван Клифа. Везде, где только можно: на шее, на лбу, на десяти пальцах, на буфете, на крышечках молочных бидонов, на запястьях, на предплечьях, на поясе, в ушах, в пакле. Она поблескивает, Мадам Труссаль дю Труссо. Она сверкает, она светится неоном, она сияет, она излучает, она искрится, она полыхает, она брызгает отблесками в своем панцире из рыжья, камушков и жемчуга. Это фейерверк. Весь свет она собирает на себя по капиллярам, прежде чем разлить его обогащенным, облагороженным, преображенным в огненную пыль.

---

<sup>1</sup> Почему Пятнадцатая бис?  
А почему бы и нет? (С.-А.)

Она пылает редкими камнями. Ее рубины флиртуют с изумрудами, опалы с сапфирами, и бриллианты со всем набором. От ее декольте исходит свет десятью миллионами отблесков. Словно сказочный фонтан. Световая реклама! От одной ко-ко-кольчужки мои ушки на макушке! Фея! Волшебница! Восток! Фатима! Лурд! Али Бабетта! С Рождеством! Дворец! Браво, м'сье Леманн! Какой магический финал! Ослепительно! Солнечный удар! Море роскоши! Ударная сила, рассыпавшаяся феерией!

Берюрье пошатывается в изумлении. Краснеет от восхищения. Пускает слюни экстаза.

— Моя графиня, о моя графиня! — рвнется он. — Какая честь! Какое счастье! Какая радость! И как говорил глава ливанского правительства по случаю пятнадцатой годовщины кино: какое наслаждение крутить Спящую Красавицу в Бейруте! Идемте же, я вас приму, я вас представлю, я вас поздравлю, я вам поцелую ручку.

Он наклоняется, пылкий, театральный, ликующий. Он налагает поцелуй столь мокрый, сколь ненасытный на руку дамы, полученную в свежем виде, поднимается с жадностью по предплечью. Он целует край ее рукава, попадает зубом в фестонное кружево. Его вставная челюсть снимается с обода словно шина, и висит на платье. Довольно странный трофей. Графиня издает «Что вы, что вы» полуосуждающе, полузабавляясь. Конечно, ее шокирует такое ликование, но это ей также льстит. Быть желанной под взглядами двухсот молодых людей в прекрасном рабочем состоянии, это ли не мечта каждой женщины?

Толстяк завладевает своей дробилкой и прилаживает ее. Затем увлекает графиню к кафедре.

— Любезнейшая графиня, — воркует Влюбленный, — позвольте мне представить вам моих учеников!

— Господи, но это же мужчины! — восклицает благородная персона. — Я представляла себе молодых людей, мой добрый Берюрье.

— Мужчины не мужчины, а этих учеников я ставлю в угол, если они этого заслужат! — сурово объявляет Берю.

Вы видите, как любовь преображает человека. Он готов свирепствовать, готов кусать, готов творить несправедливость, этот вроде бы доброй души человек!

Возвращаясь к приличиям, он декламирует в наш адрес:

— Ребята, я вам представляю известную графиню Труссаль дю Труссо, даму, чье зоологическое дерево не из бамбука, уверяю вас, но из сердцевины ореха, вырезанной целым куском! Ее предки восходят к Жоффруа\* де Бульон Куб, не так ли, графиня?

Он усаживает даму.

— Приятным ли было путешествие? — осведомляется он.

Она говорит «да», с большой простотой и сдержанностью.

— Если вы-таки не очень притомились, — усердствует Заботливый, — в связи с тем, что время идет, может перейдем сразу к серьезным вещам, жо кей?

Мадам Труссаль дю Труссо уверяет, что можно располагать ею.

— Прекрасно, — пускает слюни Удовлетворенный. — Начнем с целования клешни. Каждый ученик будет проходить перед вами, и вы ему скажете, правильно ли он лижет.

---

\* Жоффруа, имя, которое носили шесть графов Анжуйских.



Прекрасный организатор знаком приглашает первый ряд. Мы дефилируем, испытывая смутное ощущение, будто мы военнослужащие, которых ведут в провинциальный бордель.

— Следующий! — Жак-брелит он.

Каждый подходит, складываясь вдвое, хватая протянутую руку, оставляет на ней легкий поцелуй, предусмотренный в разделе 88в Готского Альманаха. Графиня великолепно исполняет свою роль. Она объясняет, как надо подхватывать ее руку снизу, и что чмоканье не должно сопровождаться мяуканьем, а также не следует нажимать зубами на кожу, ни поднимать ее руку, а наоборот приспустить к ней. А потом еще не бросать ее руку резко! Берю ликует. Он сияет от восхищения. Он испытывает что-то вроде чувства вины, это граничит с соглядатайством.

Как только церемония заканчивается, Берю потирает руки как тот, кто только что совершил выгодную сделку.

— Ну что, графиня, — прыскает он, — теперь вам не надо мыть вашу клешню целую неделю! Как вы находите моих сорванцов?

— Изумительно! Просто изумительно! — тремолит графиня. — Это настоящие джентльмены, и Франция может гордиться тем, что располагает столь хорошо воспитанной полицией.

Мы аплодируем ей в знак благодарности. Она добавляет, вне себя, что наша страна под влиянием нашего славного генерала выходит на достойное место в мире. Место, которое было потеряно после Людовика XIV. Она еще говорит, что приставка нашего главы еще больше значит для национального престижа, чем его звезды. До него мы погрязли в безалаберности, мы локти ставили на стол и чистили зубы ножом. Мы делали пипи перед

Елисейским Дворцом и забывали креститься, проходя мимо кладбища. Теперь все, наше сознание вспомнило о вежливости, и мы теперь делаем пипи только перед Бурбонским Дворцом. Хорошо она чирикает, графиня. Такая породистая скотинка, как она умеет, если так можно сказать, находить нужные слова. Она делает весьма подробный обзор. Она провозглашает элегантность в одежде. Она рекомендует нам носить смокинг всякий раз, как это возможно, и если понадобится, создавать для этого повод. Это так прекрасно, ужин при фраке. Взгляните на вечерние приемы в Оперá, когда президент дает его в честь освободившегося кокосового ореха, и как он кладет мелкие тарелки в большие, а маленьких балерин подает в экран. Все в потрясающих шмотках. А он, Гран Патрон, какой на нем фрак, не хуже кителя. Он вышагивает над всеми, все взгляды на него! Он все облекает в Форму своей лентой через плечо. Как по-королевски он снимает и надевает очки: вот я на тебя смотрю, а вот я на тебя не смотрю! Как высоко он держит подбородок, будто бросает вызов всему миру, будто сообщает ему, что он вот, здесь, и даже немножко там! Это вам напоминает великий век\*, так или нет? Это вам дает иное измерение, не в обиду им будь сказано и которую они заслужили, предыдущим жильцам Елисейского Дворца. Г-н Ориоль\*\* (тесть летчицы), который выглядел словно фабрикант консервов на свадьбе своей дочери, а покойный и случайный президент Коти\*\*\*, почетный до кончиков ногтей, который напоминал, нет, не президента Республики, председателя

---

\* Век Людовика XIV

\*\* Первый президент IV-ой Республики (бывш. министр финансов).

\*\*\* Президент Республики в 1954-1958 г.г.



Графиня Труссаль дю Труссо.



административного совета со своими любезными рукопожатиями и вставной челюстью, которая свистела как чайник.

Сидя на ступеньке сцены, опершись подбородком в колени, Берюрье слушает, как его красавица толкает речь. Она подготовила свой вопрос, благородная дама. Она чертовски пропитана этой темой. Она делает обзор всего. Всех исключительных обстоятельств обычного дня. В театре, например. Как нужно оставлять свое пальтишко в гардеробе, сколько дать билетерше! Манера держать кресло спутницы, когда она садится, искусство помочь ей снять свою норку, чтобы накинуть ей на плечи. Программка, которую нужно ей купить и подать круглым жестом. Что не следует делать во время спектакля: разговаривать, разворачивать конфеты, аплодировать слишком громко или снимать свои шкеры.

Берю поднимает палец.

— Вы абсолютно правы, графиня,— одобряет Почтенный.— Я помню, как однажды пошел на спектакль *У хозяйкиной мамы горит*. Я обновил свои корочки из телячьей кожи. Она была так выделена, что натерла мне мозоли. Я снял свои чувяки. А потом приканал один отставший с отставанием, как все отсталые. Он толкает мои коцы так, что я не обратил внимания. В конце спектакля я остался в носках. Коцыки исчезли! Я кидаюсь в интенсивные поиски: держи карман шире! Какая-то сволочь их у меня слямзила. Мне пришлось уйти в носках. Невезуха, они были дырявые и разного цвета. А потом мы пошли с друзьями перекусить в шикарной кафейне Сент-Уэн. Весь вечер в носках, это неудобно. Безмятежность уплывает.

Графиня заставляет его умолкнуть властным жестом. Ей нужно столько и столько сказать, дражайшей. Да вот, к примеру о том,

что касается корреспонденции. Никогда не начинать письмо с «Дорогая Мадам», это невежливо. Никогда не называть кого-либо дворянским титулом, кроме герцога. Таким образом, надо начинать письмо с «Мадам» для графини, и «Мадам герцогиня», если это герцогиня. Если вы пишете папе (вообще-то папе не очень пишут, ему скорее названивают, предпочтительно по утрам), вы начинаете со слов «Пресвятейший Отец».

— Вы видите, как это незаменимо, родиться в высшем свете? — восторгается Толстяк, поворачиваясь к нам. — Она все знает, чертовка!

— Мой друг! — протестует графиня.

Он прикрывает рот ладонью, как если бы он хотел удержать оставшуюся часть ереси, которая может вырваться. Проморгавшись, мать Труссаль дю Труссо продолжает среди мерцания.

По ее мнению, французу еще надлежит исправляться. Оттачивать себя. Избавляться от плохих привычек. Например, эта мания красть пепельницы в гостиницах, кафе и даже у друзей...

Новая реплика Берю.

— В связи с тем, что это рекламные штучки, — говорит он, — в этом нет ничего плохого, за исключением приятелей, конечно. Поскольку они сами их умыкнули, значит они им дороги, так что это было бы западло!

Снисходительная улыбка дамы. Она переходит к теме, которая ей особенно близка, теме неправильных выражений.

— Господа, — говорит она, окидывая нас волнующим, взволнованным и чуть похотливым взглядом, — в повседневной речи попадают некоторые плаки, которых уже не стараются избегать, настолько они стали привычными для наших ушей. Так, например,

никогда не следует говорить: «Я переговорил с таким-то»...

— Нет,— обрывает Толстяк,— надо говорить: «Я покалякал с таким-то».

Дама сжимает губы.

— Я поговорил с таким-то,— поправляет она.

И графиня продолжает:

— Никогда не говорите: «Я иду постригаться».

— Надо говорить: «Пойду обкарнаюсь»,— обрывает Берю.— Или еще проще: «Погнал в цирюльню».

— Не должно говорить,— продолжает она, подавляя раздражение: — «Чего эт ты делаешь?»

— А надо говорить «Чего мастыришь?»

— Нельзя говорить,— продолжает наша благородная гостья: — «Я еду на Лион».

— Тем более, что ты катишь на Пуатье,— иронизирует Изворотливый.

— Нельзя говорить: «Эта улица пешеходная»...

— Надо говорить: «Брод!»

— Не следует говорить: «Вы будете кушать?»...

— Достаточно крикнуть: «На едьбу!»,— громыхает Толстяк.

— Нельзя говорить: «Аэроплан».

— Надо говорить: «Боинг».

Графиня пожимает плечами.

— Не говорите также: «Я скучал за вами», а говорите: «Я скучал по вас»!

И тут Толстяк встает, взволнованный, застенчивый. Он приближается к даме, хватает ее отяжеленную украшениями руку и кладет ее на свою могучую грудь.

— Я простой Берюрье,— бормочет Их Нежность,— я позволил себе скучать за вами,

моя графиня. Вы слышите? За вами, даже большими буквами. Да, за ВАМИ!

Это публичное объяснение в любви вызывает у нас кудахтанье, но ему до нас и дела нет.

— Я скучал за вами каждый день, и особенно, каждую ночь, моя прекрасная графиня. Поэтому я не боюсь вам об этом сказать перед моими дорогими учениками (он повышает тон), и первый, кто моргнет, будет иметь дело со мной (тон смягчается), моя жизнь, моя честь и мое богатство у ваших ног.

Мы собираемся аплодировать, но дверь открывается и входит Дюбуа-Дюран, один из дневальных заведения. Опять ко мне. Он идет к моему столу.

— Господин директор хочет вас видеть сию минуту! — говорит он мне.

— Ну и что? — гавкает Толстяк со сцены, — уже не надо стучать, когдаходишь в класс?

— Извините, это срочно, — бормочет Дюбуа-Дюран.

Но тут его лицо меняется. Он только что заметил графиню Труссаль дю Труссо.

— Вот это номер, — разевает он рот.

— Ну, пошел, исчезни! — приказывает Толстяк.

Вместо того, чтобы подчиниться, смотритель направляется к парочке. Его глаза пузыряются, и нос дымит.

— Ты что здесь делаешь, курва! — кричит он графине.

Берю бросается к нему с поднятым кулаком, готовый к расправе.

— Я тебя научу уважать графиню Труссаль дю Труссо, предки которой творили крестовые походы в качестве полковников, а революцию в качестве обезглавленных!



— Это графиня? — потешается смотритель, — вы шутите, м'сье преподаватель. Это Мими-Толстозадая, которая содержала вертеп в Монбризоне, и как видно, у нее есть притоны в Сент-Этьене и Лионе! Еще та прафура. Однажды вечером мы сделали налет на одно из ее заведений, и эта ведьма сыпанула мне горсть молотого перца в глаза! Попробуй, скажи, что этого не было, ты, шалава! — бросает Дюбуа-Дюран почетной гостье.

Она бледнеет, лжеграфиня. Защемляет нос. И затем природа берет верх.

— Сам ты шалава, ублюдок! — возражает она кайфоломщику. — О ля ля, у мусоров всегда одно и тоже; галантность бульдога!

— Этого не может быть! Этого не может быть! — умирает Толстяк, сдавливая горло, чтобы остановить предсмертные стоны.

— Вы посмотрите на эту толстую тыкву, которая играет в *даму с камелиями*; — взрывается она, звеня бубенцами.

Она бичует Берю пальцем и голосом.

— М'сье Мешок-с-говном, который вообразил себе, что у него способности к хорошим манерам! Куча прогорклого сала, грязный, как мусорник после месячной забастовки! Весь Вермо 20-х годов в одном человеке. Ну не мурло, эта розовая деточка со своим шмотьем, от которого несет курятником, не говоря об авариях в сослагательном наклонении?

И он еще хочет научиться шаркать костылями и целовать клешни, монсеньор де Виносос! Ему только носа из картона не достает, чтобы хилить под клоуна! Когда он голяком, даже не разберешь, где у него рожа, а где ж..., херувим штопаный! Ну что, котик! Давай, зубри учебник и хорошие манеры, пока не подыщешь себе облицовку в стиле Людовика XIV!

Обхватив башку обеими руками, словно створками мидии, Берю частично скрывается от иронии своего класса. Чтобы не потерять лицо, он держит его своими белыми пальцами, полными трещин и шелухи.

Я больше не в состоянии перенести его смятения и втихаря смываюсь. Я бы вытряхнул графиню из ее трусов, но боюсь, что она меня узнает и публично ославит мою слишком известную личность.

## ГЛАВА XVI

### *В КОТОРОЙ ПРОЛИВАЕТСЯ СВЕТ*

Директор ходит по кабинету руки за спину, останавливаясь иногда перед одной из картин, которые его украшают, и пытаюсь успокоить нервы.

— Мой дорогой друг,— говорит он мне,— я не смог дожждаться конца лекции, чтобы поговорить с вами... Присядьте!

Мы садимся по разные стороны стола.

— Вы видели то, что касается Канто?

— Да,— говорю я.— В школу прибыл не настоящий Канто.

— Вчера,— сообщает Босс,— я направил фотографию моего бывшего подопечного в Центральное Справочное Бюро и в Службу Оpoznания на всякий случай.

— Браво, господин директор!

Он щелчком отвергает комплимент:

— Почти одновременно с фотографией настоящего Абея Канто я получил вот эти сведения.

Он протягивает мне каблограну. Я смотрю на нее одним глазом и читаю.

*Запрашиваемое лицо является неким Гансом Бюргером немецкого происхождения известным под именем Ганс Динамитчик тчк Разыскивается полицией пяти стран тчк*

Я отбрасываю бумагу.

— Нагловатый парень, коль появился среди ментов!

Но директор пожимает плечами.

— Пока что я располагаю логическим доказательством готовящегося покушения. Этот человек подложил бомбу, комиссар!

И как бы в злобещем упоении он шепчет, чеканя каждое слово:

— В этом учреждении бомба.

— Поиски ничего не дали?

— Ничего! Я прошел сам со своими основными сотрудниками по маршруту, которым собираюсь завтра вести президента.

Он снимает очки, дышит на стекла и тщательно вытирает их тонким шелковым платочком.

— Однако в хороший переплет мы попали, мой друг. Если покушение состоится, вы представляете, какой будет резонанс? У нашей славной Школы большой престиж за границей. Начальники полиций других стран приезжают с четырех частей света, чтобы побывать здесь<sup>1</sup> и вдохновиться нашей методикой.

— Господин директор,— решительно говорю я,— нужно аннулировать завтрашний визит.

Он пожимает плечами.

— Представьте, я уже пытался это сделать! Но слишком поздно. В министерстве

---

<sup>1</sup> Абсолютно точно.

И прежде всего, дабы меня не обвинили в потворстве В.Н.П.Ш., это действительно одно из лучших творений Франции.

внутренних дел дают на то, что президент Рамирес очень хотел побывать здесь. Сценарий визита должным образом составлен и расписан по минутам. Отложить невозможно, иначе это вызовет скандал другого порядка.

Он шлепает по столу ладонью.

— И потом, представьте, как вы скажете президенту: «Не входите, Ваше Превосходительство, там для вас приготовили бомбу»! Нет, нет, нужно выбраться из тупика любой ценой.

И тогда идея на букву И величиной с Вандомскую колонну шарахает меня по черепу. Я склоняюсь над столом и импульсивно хватаю руку моего визави.

— Господин директор, поскольку поиски ничего не дали, остается только одно средство!

Он быстро водружает свои очки, чтобы посмотреть на меня.

— Какое?

— Послушайте,— говорю я.— Я прокручиваю это дело в хронологическом порядке. Нас не очень интересовали даты, а зря, ибо они кое о чем говорят. Кастеллини сделал кульбит на лестнице за день до прибытия Канто (фальшивого).

— Действительно,— содрогается он.

— Просто потому, что нашим противникам было известно о том, что он знал настоящего Канто. Прежде, чем «построить» свое покушение, они провели расследование; никогда так тщательно, так методично не готовили удар. И все же, им не было известно, что еще один из ваших учеников также знал настоящего Канто.

— Бардан?

— Да, Бардан. Через два дня после прибытия «новенького» в лионском автобусе Бардан раскрывает подлог. У вас двести уче-

ников, и требуется определенное время, чтобы они успели познакомиться.

Сосед по скамейке Бардана говорит вслух: «О! Это же Абель Канто, новенький». Бардан настораживается. Абель Канто, такое имя легко запоминается, и его не часто встретишь! Он пытается уточнить. «Абель Канто из Бордо?» Ему отвечают утвердительно. Тогда он начинает соображать очень быстро. Бардан все же мент. Он видит себя в Либурне с настоящим Абелем Канто и... Кастеллини. Тем самым Кастеллини, чье самоубийство вызвало столько волнения. Кастеллини его приятель. И он предчувствует жестокую правду. Он догадывается, что Кастеллини убили за то, что он знал Канто. **ТОЛЬКО ЗА ЭТО!**

Но он тоже знал Канто. То, что ему открылось, чрезвычайно важно. Он бросается из автобуса и возвращается в Школу. Для чего? Для того, чтобы предупредить вас. Где вы находились, м'сье директор в тот день, когда погиб Бардан?

— У меня было совещание с коллегами из Парижа.

— То есть, поскольку он не мог быть принят немедленно, он пошел в свою комнату, чтобы дожидаться вас. И там его убили! Я допустил глупость, что подозревал Ганса Бюргера в причастности к этим убийствам. *Он единственный, кто не мог их совершить, потому что его здесь не было, когда погиб Кастеллини, и он находился в автобусе в тот момент, когда Бардана поразил яд.*

— Вывод,— перебивает директор,— убийца по-прежнему среди нас?

— Да. И вот это может все спасти.

— Как?

— Соучастник фальшивого Канто знал о том, что должно произойти.

— Возможно.

— Так вот, слушайте меня внимательно, господин директор. Завтра во время приема вы должны будете убедиться в том, что все проживающие в школе на месте, все преподаватели, ученики и персонал. И вы им скажете, чтобы они приняли участие в посещении учреждения с тем, чтобы оказать честь вашему гостю.

Биг босс поднимается.

— Браво! Понял! Великолепно! — говорит он. — Вы полагаете, что соучастник попытается скрыться, чтобы быть в стороне от покушения?

— Ну а что, поставьте себя на его место, логично? И в этот момент я его накрою. Я вас предупрежу, и вы отклоните кортеж под любым предлогом, если наш человечек продемонстрирует намерение соскочить с дистанции. В моем распоряжении будет несколько минут, чтобы принять роды у нашего злоумышленника. Положитесь на меня: с помощью моего отважного Берюрье я ручаюсь, что это удастся.

В этот волнующий миг раздается стук в директорскую дверь. Это Берю. Разложившийся, пристыженный, изнемогающий, удрученный до мозга костей. Берю при полном банкротстве, полном разгроме. Берю отрекающийся! Берю чахнувший! Берю распадающийся и, наконец, превращающийся в жидкость!

Директор ему улыбается.

— Что вам угодно, дорогой Берюрье?

Толстяк подходит, серый, дрожащий.

— Я насчет своей отставки, м'сье директор.

— Вашей отставки?

— Да, Сан-А вам рассказал?

— Нет, моя тыквочка, я ничего не рассказал, у нас есть другие заботы, помимо твоей лжеграфини.

И патрону:

— Небольшой инцидент внес замешательство в лекцию моего товарища. Он пригласил одну псевдо-графиню по части «практики», но упомянутая персона оказалась просто-напросто старой содержательницей буи-буи.

Директор сдерживает улыбку. Но Берю протестует.

— Ты знаешь, ведь она действительно графиня. Она мне объяснила успокоившись, что женила на себе старого разорившегося графа. И знаешь, кто это? Фелисьен, мумия, который служит ей камердинером! Она его отловила в Армии Спасения, где он подавал суп бичам, чтобы заработать на свой. Она вышла замуж за титул, одним словом. Она мне призналась, что разыграла меня в той связи, что я старший инспектор. Это могло бы ей послужить крышей, понимаешь?

Бедный дорогой Берюша, всегда готов восхищаться. Это жестокое разочарование порвало на клочки его душу и нанесло рану его чести!

— Как-никак в твоём почетном списке теперь есть графиня,— ободряю я его...

Но он не клюет на удочку.

— Графиня в кроличьей шкуре, которая зарабатывает на хлеб ляжками! Не катит, мерси! Хорошо еще, что она не наградила меня какой-нибудь вагнерической болезнью.

— Вы полагаете, что этот инцидент может быть основанием для вашей отставки? — спрашивает добродушный директор.

— Да,— решительно отвечает Берюрье.— Я больше не преподаватель хороших манер. Как я могу учить этих обезьян, если они меня называют Шевалье де Бардак?

Это действительно невозможно.



Мы соглашаемся, и патрон принимает отставку весьма уважаемого, но очень временного преподавателя изысканных манер.

—:—

Все утро следующего дня мы с Толстяком посвящаем тщательному прошупыванию помещений. Но как я ни выворачиваюсь, отыскать предполагаемую бомбу не удастся.

— Ты думаешь, он ее успел подложить? — наконец спрашивает Их Ушибленное Величество скорбным голосом выздоравливающего.

— Вспомни, что говорил Матиас в вилле, где он был пленником. «Во всяком случае, — сказала блондинка, — присутствие Канто больше не требуется, поскольку все уже на месте». Это же ясно, не так ли?

Он поддакивает.

Мы находимся в оружейном зале. Он садится на скамью.

— Слушай, Сан-А, я вот думаю...

— Тогда ты правильно сделал, что сел, нужно соизмерять усилия.

— О! Не издевайся, — ворчит Обещанный. — Вы говорите, бомба! Так... Но как она взорвется? Как они предусмотрели точную секунду, когда президент Рамира Рамирес окажется в одной или другой комнате?

Я подпрыгиваю. С ума сойти, как он четко мыслит, этот тип Берю. Такой не путается в разглагольствованиях, такой сразу выходит на здоровую логику.

— Но ведь ты прав, мое маленькое чудо, нужно, чтобы кто-то привел ее в действие в нужный момент! Ах! Ты просто Моцарт дедукции!

— Видишь ли,— вздыхает он,— я думаю, что в конечном счете я все-таки мент, а не преподаватель.

— Ты не так уж плохо фехтовал на своих лекциях, Козлик! Они запомнят эти пять дней приличий, ребята этого выпуска.

— Ты думаешь? — выражает надежду Воспламененный.

— Да,— говорю я,— всем сердцем и умом я признаю. Ты изложил хорошим языком и дал полезные советы, Толстяк. Потому что ты человек простой и чистый.

Для Берю это реанимация. Правда, которую он чувствует в моем голосе, для него все равно, что искусственное дыхание. Вот он и оклемался.

— Это правда,— говорит он,— я дал им самое основное, чтобы жить по-честному, не напрягая мозжечок. О! Я им еще столько должен был сказать, если б ты знал...

— Да вот,— вздыхает он,— жаль, что я им не рассказал о погребении. Но я им напишу из Парижа большое письмо, ты мне поможешь его составить?

— Да, Толстяк, помогу.

— Я им напишу, что смерть, это просто, и не надо вокруг нее делать кино. Когда моя мать умерла, я не носил траур. Все происходило внутри, сердце у меня было в черном. Шмотки слишком лицемерны! И потом, эта теперешняя мания запрещать цветы. Венки, ради бога, они вносят скорбь, но цветы, это так красиво... И потом знаешь, что меня шокирует, различия в гробах. То, что люди играют в богатство пока они живы, жо кей! Но с холодным мясом, вот они уже в одном ряду. Если бы я был в правительстве, я бы установил стандартный гроб. Одинаковый еловый пиджачок для всех. Прекрасная униформа для жмуров, Сан-А... Высшая минута, когда все

наконец становятся равными перед большой червивой ярмаркой. Как только ты по горизонтали, надо кончать с кривляниями; тогда, может быть, они не будут такими траурными, эти Процессии. Слышишь? Я вспоминаю юмористический рисунок Роже Сэма. Там был нарисован вдовец, который присутствовал на погребении своей жены, держа в руке транзистор, транслирующий Францию-Ирландию. Я ее себе так и представляю, правду... Да, так... Мертвые мертвым, а живые живым.

Он умолкает в задумчивости.

Я думаю о бомбе, которая здесь, рядом с нами, таинственной, поджидающей своего часа.

—:—

После обеда мы собираемся на площади в полном комплекте и в новых костюмах для встречи президента Рамиры Рамиреса. Присутствуют, как наказал ваш покорный слуга, учителя, ученики, сторожа, повара, уборщицы и даже садовники. Директор лично произвел тщательную проверку, отсутствующих нет, мой аджюдан!

В назначенный час, точность, это оказывается, вежливость не только королей, но и диктаторов, Его Превосходительство подвывает на бронированной машине под номером 24 бис, которую доставили кораблем несколько дней раньше. Это Крустад с обратным турбо-майонезом. Сорок цилиндров в ряд, шестнадцать V-образно и один из заштукованного иридия. Кузов покрыт листовым золотом. Чехлы из атласа, а колпаки колес скрывают маленькие электронные пулеметы, которые, если нужно, начнут шмалять при включении стеклоомывателя. Что касается двойного глушителя, то он двойной только внешне, ибо

одна из двух хромированных труб в действительности дальнобойная базука.

Двенадцать полицейских на мотоциклах открывают кортеж. Несколько машин, набитых официальными лицами, едут впереди президентской с флагом Рондураса<sup>1</sup>, развевающимся на радиоантенне. Тачки Т. В. и журналистов замыкают шествие.

Один офицер военного корпуса Рамиреса, полковник Бонглоталес выпуливается из президентской машины на ходу и отворяет дубовую своему по-повелителю.

Последний выходит из авто с медлительностью человека, бережно относящегося к своим делам (а он, конечно же, боится их помять). Он точно такой, каким нам сообщили фотографии: маленький, толстый, лысый, коричневый, с черными усами в виде гоночного руля, длинными изогнутыми ресницами и очень пристальными глазами-угольками, из-за чего один из его приближенных, который видел его дремлющим, прозвал его «маленьким кондором».

Вы бы видели директора по такому торжественному случаю! Снимаю шляпу! С какой непринужденностью он приближается, свидетельствует свое почтение президенту и произносит ему кратенькую милую речь в самых элегантных выражениях. Глядя на него, невозмутимого и улыбающегося, слушая высокую и чистую речь, невозможно представить себе бомбу, которая готова сделать бум в гардеробе (или в другом месте), и он об этом знает!

Президент слушает, делает поклон, долго жмет руку патрону в то время, как трещат

---

<sup>1</sup> Напоминаю, что он изображает пол-фунта кофе в белом ромбе, выделяющемся на красном круге посреди зеленого прямоугольника.

фотовспышки. И затем говорит теплым и звучным голосом что-то вроде:

— *Адада нада кофеварос пер бева до дристасьон. Арриба Франсия,* — что трогает сердца и вызывает слезы на глазах у самых бесчувственных.

Поскольку программа весьма плотная, мы начинаем визит сразу же. Берю идет в голове колонны, а я в хвосте (это вовсе не для того, чтобы вызвать у вас удивление, мои нежные лапочки). Мы некоторым образом выполняем роль собак, охраняющих это ценное стадо.

Вот мы и в кулуарах. Сопровождение становится очень плотным. Мы начинаем с нового здания. Сначала гимнастический зал, затем библиотека юридической литературы. Потом музей, зал Локара и зал Лакассаня. Президент Рамирес живо интересуется экспозицией работ заключенных. Скульптуры из хлебного мякиша особенно привлекают его внимание. Он провел много времени в тюрьме прежде, чем стать диктатором, и возможно, если ему удастся избежать покушений, он еще долго будет жить после.

Из музея мы переходим в столовую; но его тут ничего не колышет, одни столы да салфетки в шкафчиках. Он говорит «*Si, si*» раздраженным тоном, и мы его быстренько выгружаем в телезал...

Пока что все идет нормально. Поскольку нас слишком много, чтобы всем сразу проникнуть в помещение, большинство в коридоре, но они демонстрируют все внимание, проталкиваясь к проему, чтобы видеть и слышать президента.

В ту минуту, как мы входим в зал Т.В., кто-то потихоньку отходит в сторону. Этот кто-то перемещается в сторону туалета. Я тут же даю патрону сигнал тревоги, о котором мы договорились. Этот сигнал состоит в том, что

я машу маленьким рондурацким флажком над кортежем с криком «Да здравствует Президент».

Берюрье, который тоже видел, как этот персонаж выскользнул, идет следом за ним, а тем временем директор с присущей ему сообразительностью сворачивает кортеж, объявляя:

— Сначала, Ваше Превосходительство, я хотел бы показать вам кухню.

Успокоившись, я догоняю Берю на входе в сортир. Его здоровенная рука уже держит за горло личность, которая решила рвануть по касательной, и которая уже приняла темно-фиолетовый цвет. Упомянутой личностью является Шлепнога. Вы внимательно читаете? Шлепнога, ночной сторож — подневольный человечек. Смирный добрячок Шлепнога.

— Оставь его! — говорю я Толстяку.

Берю подчиняется. Дядя хватает ртом воздух, чтобы восстановить дыхание.

— Вы с ума сошли! — протестует он. — Что с вами, месье преподаватель?

Я ничего не отвечаю. Я осматриваю его, разглядываю его, вымеряю, прощупываю, вникаю, оцениваю, изучаю, опознаю, инвентаризирую, взвешиваю, ощупываю, воображаю, перебираю, разглаживаю, раскладываю, закладываю и принимаю к оплате.

Неужели этот старый расшатанный старикан убийца? Этот старый слюнявый человечек — соучастник рондурепских террористов?

Как это можно допустить?

— Что вы здесь собирались делать? — спрашиваю я.

— Пипи, — причитает он, — у меня простата!

Мы озираем друг друга, ятос и Толстос. У нас звенит в ушах от отчаяния. Наверное, мы

облажались, а тем временем кортеж продолжает шествие. Может быть, через одну тысячную четверти секунды все взлетит на воздух! Да, может быть...

— Присмотри за ним! — говорю я Толстому, — чтобы он и глазом не моргнул!

И шепчу ему в ухо:

— Только не причиняй ему никакой боли, все может развалиться!

На этом я сгибаю руки в локтях, беру ноги в руки, собираю все мужество в ладони, а оставшееся подбираю пинцетом, и скачу к ребятишкам.

Вернувшись к группе, я протискиваюсь к господину Ле Пюи, замдиру Заведения, такому живому и располагающему к себе здоровячку, у которого глаза говорят обо всем, что рот имеет мудрость умолчать.

— Быстро, — шепчу я, — дайте мне родословную Шлепногои...

Он не тратит время на лишние вопросы. Он знает, что пахнет жареным, уже горит, и мне можно доверять:

— Это старый моряк торгового флота, — говорит он. — Он избороздил едва ли не все моря, но уже десять лет он не плавает.

— Как у него с моралью?

Замдир делает гримасу.

— Он клюкает и неуживчив, когда выпьет. Мы его держим из милосердия и для очень второстепенных поручений.

— Я вас умоляю, — говорю я, — если кто-нибудь покинет кортеж по какой-бы то ни было причине, нейтрализуйте его. Я должен удалиться.

И дорогой неутомимый Сан-Антонио снова уходит.

Из туалета раздаются стоны. Я бросаюсь туда. И я нахожу Берю рдеющим, словно воспламенившаяся вязанка хвороста, рукава за-

сучены, галстук сбился. Шлепнога лежит у его ног на кафеле. У него здоровый фингал величиной с баклажан на черепе, надбровная дуга рассечена, и он массирует живот с таким видом, будто вопрошает, что там у него может быть такого, что мешает ему быть веселым.

— Ты знаешь,— шепчет Берю, открывая один кран, чтобы сделать омовение своим кулакам,— я только что принял решение, Сан-А.

И поскольку я смотрю на него с чудовищным любопытством, переливающимся из моих лампионов, он продолжает:

— Теперь, раз уж с этим делом кончено, перед тем, как вернуться в Париж, мы завернем в Брид-ле-Бэн, чтобы поприветствовать мою Берту. Когда позади много иллюзий и разных волнений, мужичку требуется побыть со своей законной, чтобы восстановить контакт с домашним теплом. Без моей слонихи время начинает тянуться. И потом я был так несправедлив к ней, что она, пожалуй, заслужила свою порцию нежности гран люкс.

Я его обрываю.

— Переставь местами, Толстяк. Прежде, чем сыграть мне отдых бойца, объясни самую малость, что тут произошло.

Он делает знак подойти к самой дальней кабинке. В унитазе видна небольшая коробочка, оцетинившаяся кнопками и снабженная крошечной антенной. Это похоже на транзистор, но это нечто другое.

— Когда ты ушел, мне пришло в голову обыскать этого обломка. У него была вот эта штучка. Когда он понял, что я его накрыл, он попытался меня прокомпостировать этим приспособлением...

Он вынимает из кармана весьма убедительный 9 мм.



— Только вот,— продолжает он,— ты же знаешь Берю...

Волнение перехватывает мне горло. Я беру его за шею и леплю ему солидный чмок на шершавую щеку.

— Я не только знаю, Толстяк, но я тебя признаю. Ты спас положение, мой старый полишинель, мой старый пожиратель камамберов, мой старый опорожнитель бутылок, со всеми потрохами, мой дорогой, мой верный песик!

## ЭПИЛОГ

(от святого Берю)

Мы катим в направлении Брид-ле-Бэн через зеленеющую Савойю, столь живописную и столь утоляющую жажду.

Толстяк оставил свой непригодный шарбан в Школе, смиренный и помятый сувенир по образу и подобию его великодушного дарителя.

Мы обменялись рукопожатиями с лионскими коллегами, и благодаря показаниям Шлепногои надеемся задержать фальшивого Абея Канто, и в особенности узнать, что же случилось с настоящим! Ибо бывший морской бродяга дал полные показания: банда рондурасских террористов в поисках союзника на месте действия связалась с ним, пообещав крупную сумму, если он согласится быть с ними заодно. И Шлепногоа согласился. Это он провел Долорозу в Школу, чтобы «самоубить» Кастеллини. Он также заметил Матиаса на лестнице, где сам стоял на стреме во время убийства. Он подумал, что известный учитель пулевых отверстий что-то заметил, и дал об этом знать своим «нанимателям», которые

попытались нейтрализовать рыжего. И в конечном счете, это их и погубило.

В тот день, когда Бардан в большом волнении от того, что ему открылось, пришел в Школу, чтобы поговорить с директором, он потрепался с мирным посыльным в ожидании приема. Судьба! Шлепногога понял, что все может лопнуть. Он струхнул и предложил бедняге Бардану «глоточек прохладительного», который сделал его просто холодным. Поскольку человек выполнял, кроме того, функции ночного сторожа, фальшивый Абель Канто смог пристроить в свое удовольствие адскую машинку! Он поначалу хотел установить ее в медпункте, потому что помещение было смежным, и у него не было другой возможности, чтобы поразить свою знатную мишень, но мы с Ракрё помешали ему, и он вынужден был перекинуться на телезал. В общем, бомба находилась в трубчатой ножке одного из телеприемников, и ее должен был привести в действие коротковолновый детонатор.

— О чем ты еще мозгуешь, — волнуется Его Величество.

Полицейское счастье несколько отвлекло его от тяжелого сентиментального разочарования.

— Я подытоживаю, Толстяк. Так надо делать всегда перед тем, как доверить дело пыли забвения.

— Мы его будем помнить, — допускает он.

— Да нет, Берю, наоборот, мы его быстро выкинем из нашей памяти.

— С графиней это будет не так-то просто! Как она меня все-таки унизила, стерва!

— Твоя графиня исчезнет из твоего прошлого, как и все остальное. Люди, вещи, когда с ними встречаешься, кажется, что ты с ними никогда не расставался, но как только ты их

покидаешь, все равно, что ты никогда их не знал...

Он пожимает плечами.

— Ты прав. Пожалуй, с этого дня я посвящу себя своей Берте. Я столько о ней говорил на лекциях, что только теперь понял, как она мне дорога!

—:—

В конце дня мы останавливаемся перед *отелем-пансионом Рубец и Махатма Ганди*, где проживает Б. Б.

Толстяк знаком с патроном, который предоставил ему солидную скидку, поскольку сезон закончился.

Взглянув на щиток с ключами, консьерж сообщает нам, что мадам Берюрье у себя в номере. Это наполняет Здоровяка удовольствием.

— Ты представляешь,— говорит он мне, гордо шагая по лестнице,— милочка могла бы и прогульнуться, так нет: она запирается в своих четырех стенах, чтобы лучше думать о своем Александре-Бенуа, прислушиваясь к своему похудению. Боже, как я мог делать подлжки такой супруге?

— Твое искупление началось, Толстяк,— утешаю я его.— У тебя еще все впереди, чтобы устроить ей при жизни рай в стиле текниколор\*. Мы останавливаемся перед дверью номер 22\*\* (положение: жены полицейского обязывает!). Тук-тук! — стучит указательным пальцем наш толстый Берю.

Нам в ответ слышится хохот. Хохот сальный, обильный, веселый, органический, кото-

---

\* Фирменное наименование цветного кино.

\*\* На жаргоне цифра 22 означает «шухер», «атас».



Берта Берюрье как она есть.



рый напоминает глу-глу опрокинутой бутылки. Берю смотрит на меня и улыбается.

— Она, наверное, читает свой Вермо, — говорит он.

Он открывает дверь.

На первый взгляд комната кажется пустой, но как только мы входим внутрь, странное зрелище предстает перед нашими глазами в ванной комнате. Берта Берюрье в комбинации сидит на коленях огромного мужика в трусах весом не меньше четырехсот фунтов. Никогда еще такой груды мяса не нагружалось на одно биде (ибо мастодонт сидит на биде). Никогда, никогда в жизни я не наблюдал такого скопления жира в столь ограниченном пространстве. Они выглядят нереально позади дымовой завесы, серой и пахучей. Ибо перед ними на кафельном полу ванной комнаты дюжина колбасок плавает в черном масле сковородки, которую водрузили на туристскую плиту.

— Берта! — орет Берюрье.

Она подпрыгивает, опрокидывая сковороду, сок которой попадает на дрыжки толстокожего. Последний издает мычание, от которого растрескивается эмаль ванны и из душа проливаются слезы. Чтобы охладить ожег, он ставит ногу в умывальник и открывает кран, но под его огромным весом раковина отделяется и падает ему на другой костыль. Рев возобновляется.

Тем временем Берта полностью приходит в себя.

— Какой сюрприз! — восклицает она. — Надо же, если б я только знала, ах вы тихушники.

Она подходит, жмет мне руку и целует своего опешившего мужичка.

— Представляю вам месье Альфонса, моего соседа по комнате, — говорит она.

Супертолстый склоняет свой мамонтовый бюст. У него двадцать три подбородка в виде уступов и щеки, ниспадающие на грудь.

— Мы с Альфонсом пытаемся убить время, — воркует славная пациентка Брида, — тут не очень весело. Мы тут, так сказать, одни.

У месье Альфонса тонкий голосок евнуха или маленькой сюсюкающей девочки. Он говорит, что не хочет нас беспокоить, подбирает свое шмотье размером с монгольфьер и, прихрамывая, репатрируется в свои владения.

Берюрье провожает его взглядом, покачивая головой, словно человек, который находится при смерти, и которому заявляют, что через неделю он будет заниматься парусно-моторным спортом.

— Ну дела! — вздыхает он.

Берта подпрыгивает.

— Слушай, какое хамство, ты что, хочешь сказать, что между мной и месье Альфонсом что-то было? Мы были в легкой одежде, потому что в гостинице слишком натоплено, и только!

— Я не об этом, — вздыхает Удрученный.

Он показывает на колбаски, которые покоятся в ванной комнате.

— Я оплатил тебе курс лечения, когда уже кончился сезон, Берти, и вместо диеты ты жрешь колбаски!

Берта огорчена. Милая душечка склоняет головку, которая становится багровой от чувства вины и поимки на месте преступления.

— Что ты хочешь, Сандри, не так-то просто худеть. Одна ложечка тертой морковки и яблоко, согласишься, что после такой еды ты не сможешь спать спокойно!

Берю ошарашен; он бормочет неверящим голосом:

— Одну ложечку тертой морковки и яблоко?



— Ну да, и ничего больше! И к тому же я соблюдаю специальную диету,— утверждает она.— Вот, смотри, это мой литр бридской воды на ночь!

Он осматривает ее с сомнением.

— Ты скорее пожирнела, Берта,— упрекает он спокойным голосом.

— Да нет,— лукавит она.

— Да,— безапелляционно утверждает Берю.— Сан-А может подтвердить! Ты тут прибавила тоннаж. Сдается мне, что эта жидкость просто туфта!

— Что ты! — протестует Б.Б.— Она чудодейственна!

Берю смотрит на весы. Влезает на них. Затем, протягивая руку, завладевает бутылкой с чудотворной жидкостью. Борясь с отращиванием, он опорожняет ее одним залпом. После чего ставит бутылку и смотрит на шкалу весов.

— Причина понятна,— говорит он,— вместо того, чтобы похудеть, я стал весить на один килограмм больше! Ты поедешь с нами, Берта! Готовь багаж!

Она понимает, что протестовать бесполезно, и покоряется. Тогда Берю собирает дюжину колбасок и снова кладет их в сковороду. Он садится на биде, ставит сковородку на хромированный табурет ванной комнаты и начинает жадно поглощать. Жир стекает ему на подбородок.

— Будешь? — спрашивает он меня.

— Нет, не хочу перебивать аппетит.

Он пожимает плечами.

— Тонкая натура, что ты будешь делать! Если я заморю червячка, это никогда не перебивает аппетит!

Покончив с первой, он вытирает рожу локтем и говорит не без вероломства своей достойной подруге:

— Не хочу тебя унижить, Берта, нет, не хочу, но они у тебя не такие вкусные, как раньше. Ты забыла, какие у нас были колбаски, а, дорогая?

Слезы текут на его добрые светящиеся щеки; может быть, потому, что колбаски слишком горячие?

Я присаживаюсь рядом с ним на краешек ванны. Я смотрю на него с восхищением, с нежностью. Я кладу руку на могучее плечо бравого обжоры.

— Я тебя обожаю, Толстяк. Ты настоящий мужчина...

— Ты думаешь? — давится он, приканчивая третью колбаску перед зачарованными глазами своей наказанной супруги.

— Да, у тебя нет чувства ненависти и страха, Берю. Ты сознаешь, что ты мужчина, и стараешься им быть всем своим сердцем и кровью. Ты смеешься и ешь, потому что это приятно, и от этого тоже исходит добро. И потом, ты не относишься к тем, кто считает своей компанией зеркало! Ах, Берю... Берю фор эва! И хрен на рыло! Берю, невероятно живой посреди некрополя! Берю, от которого разит чесноком и винищем, но изрекающий простые истины! О Берю, друг наш, оставайся с нами до конца света, ты тот, кто понимает жизнь, кто понимает любовь и еще больше: дружбу!

Он выдерживает мой лиризм, дуя на четвертую колбаску. Он смотрит на меня уклончивым и осторожным взглядом, ощупывая мою искренность колеблющимся зрачком. Наконец он поднимает колбаску жертвенным и покорным жестом.

— Что ты хочешь, — бормочет он, — такой уж я!

**КОНЕЦ**

## СОДЕРЖАНИЕ

|                                                                                                                                          |     |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Введение (без боли). .....                                                                                                               | 7   |
| Глава I. В которой Берюрье приоткрывает завесу над<br>мотивами, пробудившими в нем интерес к<br>изысканным манерам. ....                 | 13  |
| Глава II. В которой Берюрье вводит меня в храм<br>изысканных манер, и как он там себя ведет. ....                                        | 31  |
| Глава III. В которой повествуется об одном дружеском<br>визите с серьезными последствиями. ....                                          | 46  |
| Глава IV. В которой одно особое назначение приобщает<br>Берюрье к педагогике. ....                                                       | 59  |
| Глава V. В которой мы с Берюрье, каждый в<br>отдельности, кладем начало новой жизни ....                                                 | 71  |
| Глава VI. Первый урок Берюрье: Объявление о рождении.<br>Как выбрать имя. Извещение.<br>Выбор крестного и крестной. ....                 | 80  |
| Глава VII. В которой происходит нечто темное. ....                                                                                       | 109 |
| Глава VIII. Второй урок Берюрье: Как воспитывать<br>наших детей. Первое причастие. ....                                                  | 126 |
| Глава IX. В которой происходят не совсем<br>обычные вещи. ....                                                                           | 156 |
| Глава X. Третий урок Берюрье: Юношество —<br>обручение. ....                                                                             | 182 |
| Глава XI. В которой все осложняется еще больше. ....                                                                                     | 261 |
| Глава XII. В которой глава одиннадцатая продолжается. ....                                                                               | 295 |
| Глава XIII. В которой Берюрье ведет речь<br>о бракосочетании. ....                                                                       | 310 |
| Глава XIV. В которой дело продвигается. ....                                                                                             | 351 |
| Глава XV. В которой Берю делает обзор светских обычаев. ....                                                                             | 369 |
| Глава XV бис. В которой Берю и его графиня делают обзор<br>светских обычаев, пока Толстяк не испытает мучительное<br>разочарование. .... | 410 |
| Глава XVI. В которой проливается свет. ....                                                                                              | 423 |
| Эпилог (от святого Берю). ....                                                                                                           | 438 |

**САН-АНТОНИО**  
**Стендинг или правила приличия по Берюрье**

Клуб «Золотое перо»

Технический редактор  
**О. А. САФИУЛЛИН**

Подписано в печать 22.09.94. Формат 84 × 108/32. Бум. тип. № 1. Объем 14 п. л. Печать офсетная. Тираж 20000 экз. Заказ А-290. Фирма «Топикал» LTD. Москва, 1-я Прядильная ул., д. 9.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии Татарского газетно-журнального издательства. 420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

